

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

ISSN 2312-9751

Ежегодный международный научный журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

№ 7

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Москва 2021

Редакционный совет:

- глава редакционного совета – член-корр. РАО, д-р филол. наук, профессор Е. Л. Вартанова
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор Д. Бжозовска (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор Т. А. Воронцова (Челябинский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор С. Гайда (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор Я. Гоффманнова (Академия наук Чешской Республики);
д-р филол. наук, профессор М. В. Иванова
(Литературный институт имени А. М. Горького);
д-р филол. наук, профессор В. И. Ивченков (Белорусский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор В. И. Коньков
(Санкт-Петербургский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор Т. В. Кортава
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор Т. В. Кузнецова
(Национальный университет «Одесская юридическая академия», Украина);
д-р филол. наук, профессор Е. Малиновска (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор П. Мареш (Карлов университет в Праге, Чешская Республика);
д-р филол. наук, профессор П. Меич (Университет Мостар, Босния и Герцеговина);
д-р филол. наук, профессор О. Оргонева
(Университет имени Коменского в Братиславе, Словакия);
д-р филол. наук, профессор Л. Тантуровска
(Институт имени Крсте Мисиркова в Скопье, Македония);
д-р филол. наук, почетный профессор Б. Тошович (Университет Карла и Франца в Граце, Австрия).

Редакционная коллегия:

- д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина (главный редактор);
канд. филол. наук, доцент Н. Н. Василькова (заместитель главного редактора);
канд. филол. наук, доцент Н. В. Смирнова (шеф-редактор);
канд. филол. наук, доцент С. Ф. Барышева (ответственный секретарь);
канд. филол. наук, доцент И. А. Вещикова;
канд. филол. наук, доцент Н. Н. Вольская;
канд. филол. наук, доцент Л. Т. Касперова;
канд. филол. наук, доцент Л. Е. Малыгина;
канд. филол. наук, доцент А. В. Николаева;
канд. филол. наук, доцент Т. И. Сурикова;
Н. А. Примаченко;
Л. Я. Шнейберг;
М. А. Васильченко.

Контактная информация: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9

Электронный адрес редакции: apstil@yandex.ru

Все материалы рецензируются.

Журнал включен в базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и EBSCO.

© Актуальные проблемы стилистики. Все права защищены.

Editorial Council:

Vartanova E. L., Chair of Editorial Council,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor
(Lomonosov Moscow State University);

Brzozowska D., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Gajda S., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Hoffmannová J., Doctor of Philology, Professor (Academy of Sciences of the Czech Republic);
Ivanova M. V., Doctor of Philology, Professor (Maxim Gorky Literature Institute);
Ivchenkov V. I., Doctor of Philology, Professor (Belarusian State University);
Klushina N. I., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Konkov V. I., Doctor of Philology, Professor (St.-Petersburg State University);
Kortava T.V., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Kuznetsova T. V., Doctor of Philology, Professor
(National University "Odesa Law Academy", Ukraine);
Malinowska E., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Mareš P., Doctor of Philology, Professor (Charles University in Prague, Czech Republic);
Meić P., Doctor of Philology, Professor (University of Mostar, Bosnia and Herzegovina);
Orgoňová O., Doctor of Philology, Professor (Comenius University in Bratislava, Slovakia);
Tanturovska L., Doctor of Philology, Professor (Institute "Krstе Misirkov", Skopje, Macedonia);
Tošović B., Doctor of Philology, Professor Emeritus (University of Graz, Austria);
Vorontsova T. A., Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University).

Editorial Board:

Klushina N. I., Editor-in-Chief, Doctor of Philology, Professor;
Vasilkova N. N., Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Associate Professor;
Smirnova N. V., Managing Editor, Candidate of Philology, Associate Professor;
Barysheva S. F., Executive Secretary, Candidate of Philology, Associate Professor;
Veshchikova I. A., Candidate of Philology, Associate Professor;
Volskaya N. N., Candidate of Philology, Associate Professor;
Kasperova L. T., Candidate of Philology, Associate Professor;
Malygina L. E., Candidate of Philology, Associate Professor;
Nikolaeva A. V., Candidate of Philology, Associate Professor;
Surikova T. I., Candidate of Philology, Associate Professor;
Primachenko N. A.;
Shneiberg L. Y.;
Vasilchenko M. A.

Contact information: 9 Mokhovaya Street, 125009, Moscow

E-mail: apstil@yandex.ru

All articles are refereed.

The journal is included in the databases of the Russian Science Citation Index (RSCI) and EBSCO.

© Actual Problems of Stylistics. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	8
--------------------------------	---

СЛАВЯНСКАЯ СТИЛИСТИКА

<i>Гайда Станислав (Ополе, Польша)</i> . Современное польское языковое пространство	11
<i>Тошович Бранко (Грац, Австрия)</i> . Крипоэтика	19
<i>Тантуровска Лидија (Скопје, Македонија)</i> . Тајните јазици	29
<i>Ковалёва Н. А. (Москва, Россия)</i> . Эпистолярный дискурс XIX века: жанрово-коммуникативный аспект	35

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

<i>Гадомский Александр (Ополе, Польша)</i> . Теолингвистика в контексте современных языковедческих исследований	43
<i>Москвин В. П. (Волгоград, Россия)</i> . Художественный стиль	53
<i>Ширинкина М. А. (Пермь, Россия)</i> . К истории изучения официально-деловой речи: аспекты, проблемы, тенденции	63
<i>Вещикова И. А. (Москва, Россия)</i> . К обсуждению медиаверсий официально-деловых документов о русском языке	72

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Васильченко М. А. (Москва, Россия)</i> . Понятия жанра, регистра и стиля в англоязычной и русскоязычной лингвистической литературе	83
<i>Смирнова Н. В. (Москва, Россия)</i> . Концепции лингвокреативности в современном российском языкознании	89

СТИЛИСТИКА И РИТОРИКА

<i>Хазагеров Г. Г. (Ростов-на-Дону, Россия)</i> . Формирование повестки дня: к построению дискурсивной риторики и стилистики	117
<i>Василькова Н. Н. (Москва, Россия)</i> . Стилистические традиции академической школы в риториках и курсах словесности конца XVIII – начала XIX вв.	125

ИНТЕРНЕТ-СТИЛИСТИКА

<i>Быкова Е. В. (Санкт-Петербург, Россия)</i> . Трансформация коммуникативного статуса текста в цифровой медиасреде: от истории к stories, от имени собственного к медиатизированному имени	133
<i>Лопухов С. В. (Москва, Россия)</i> . Прагмастилистические особенности интернет-мемов	140

МЕДИАСТИЛИСТИКА

<i>Сурикова Т. И. (Москва, Россия). Инфотейнмент как медиастратегия в лингвоэтических координатах современного медиадискурса</i>	155
<i>Касперова Л. Т. (Москва, Россия). Функции неологизмов в современной медиаречи</i>	166
<i>Файзуллина О. Р. (Казань, Россия). Особенности реализации авторских интенций в медиатекстах Х. Томпсона</i>	171
<i>Лопухина Н. С. (Москва, Россия). О речевом поведении журналистов и других публичных людей в телеэфире (нормативный, коммуникативный и этический аспекты)</i>	178

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

<i>Милашин Горан (Бања Лука, Република Српска / Босна и Херцеговина). Језичка слика свијета у дигитално доба</i>	187
<i>Северская О. И. (Москва, Россия). Ирония против коронапаники: иронический модус в коронавирусном словаре и дискурсе</i>	196
<i>Кочай Мир Сахиб Джан (Кабул, Афганистан). Пословицы и поговорки в афганском языке пушту и в русском языке</i>	203

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТИЛИСТИКЕ

<i>Синельникова Л. Н. (Ялта, Крым). Проект «Современный научный дискурс. Новые вызовы и (или) старые проблемы»</i>	213
<i>Ковалёв В. И. (Луганск). Какой учебник по стилистике интернет-коммуникации нужен современному языковладельцу?</i>	217
<i>Клушина Н. И. (Москва, Россия). Об учебнике «Лингвистические основы деловой коммуникации» Т. И. Суриковой и В. И. Конькова</i>	228

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

<i>Богунцика Алена, Кожарнович Марина, Бенева Юлиана (Братислава, Словакия). Международная научная конференция «Стиль – коммуникация – культура», посвященная 100-летию со дня рождения профессора Й. Мистрика</i>	233
<i>Ицкович Т. В. (Екатеринбург, Россия), Пишчина Веслав (Краков, Польша). Теологическая филология: итоги работы Международной научной конференции «Язык и религия»</i>	238
<i>Тошович Бранко (Грац, Австрия). «Рассказ Иво Андрича»: 13-й Международный научный симпозиум</i>	243
<i>Васильченко М. А. (Москва, Россия). Трансформация научного стиля: итоги работы Всероссийской научной конференции с международным участием «Язык современной науки»</i>	249

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

<i>Касперова Л. Т. (Москва, Россия). Отчет о деятельности Стилистической комиссии за 2021 год</i>	253
<i>Сведения об авторах</i>	259

CONTENTS

On the part of the Editorial Board	8
--	---

SLAVIC STYLISTICS

<i>Gajda Stanisław (Opole, Poland)</i> . Modern Polish language space	11
<i>Tanturovska Lidija (Skopje, Macedonia)</i> . About secret languages	19
<i>Tosovic Branko (Graz, Austria)</i> . Crypoetics	29
<i>Kovalyova N. A. (Moscow, Russia)</i> . Epistolary discourse of the 19th century: genre-communicative aspect	35

FUNCTIONAL STYLISTICS

<i>Gadomski Aleksander (Opole, Poland)</i> . Theolinguistics in the context of modern linguistic studies	43
<i>Moskvin V. P. (Volgograd, Russia)</i> . The artistic style	53
<i>Shirinkina M. A. (Perm, Russia)</i> . To the history of the study of official business speech: aspects, problems, trends	63
<i>Veshchikova I. A. (Moscow, Russia)</i> . To discussion of media versions of official business documents about the Russian language	72

TERMINOLOGICAL STYLISTIC STUDIES

<i>Vasilchenko M. A. (Moscow, Russia)</i> . Notions of genre, register, and style in English and Russian linguistic literature	83
<i>Smirnova N. V. (Moscow, Russia)</i> . Concepts of linguocreativity in modern Russian linguistics	89

STYLISTICS AND RHETORICS

<i>Khazagerov G. G. (Rostov-on-Don, Russia)</i> . Agenda-setting: to the construction of discursive rhetoric and stylistics	117
<i>Vasilkova N. N. (Moscow, Russia)</i> . Stylistic traditions of the academic school in rhetoric and literature courses of the late XVIII – early XIX centuries	125

INTERNET STYLISTICS

<i>Bykova E. V. (Saint Petersburg, Russia)</i> . Transformation of the communicative status in the digital media: from story to stories, from a proper name to a mediatized name	133
<i>Lopukhov S. V. (Moscow, Russia)</i> . Pragma-stylistic features of Internet memes	140

MEDIA STYLISTICS

<i>Surikova T. I. (Moscow, Russia)</i> . Infotainment as a media strategy in the linguo-ethical coordinates of modern media discourse	155
--	-----

<i>Kasperova L. T. (Moscow, Russia). Functions of neologisms in modern media speech</i>	166
<i>Fayzullina O. R. (Kazan, Russia). Peculiarities of an author intentions' realization in H. Thompson's media texts</i>	171
<i>Lopukhina N. S. (Moscow, Russia). On the speech behavior of journalists & other public people on television (normative, communicative & ethical aspects)</i>	178

LEXICAL STYLISTICS

<i>Milašin Goran (Banja Luka, Republic of Srpska / Bosnia and Herzegovina). Linguistic picture of the world in the digital age</i>	187
<i>Severskaya O. I. (Moscow, Russia). Irony versus corona panic: ironic modus in coronavirus vocabulary and discourse</i>	196
<i>Kochai Mir Sahib Jan (Kabul, Afghanistan). Proverbs and sayings in the Afghan Pashto language and in Russian</i>	203

NEW RESEARCH IN STYLISTICS

<i>Sinelnikova L. N. (Yalta, Crimea). Project "Modern scientific discourse. New challenges and / or old problems"</i>	213
<i>Kovalyov V. I. (Lugansk). What textbook on the stylistics of Internet communication is needed a modern language owner?</i>	217
<i>Klushina N. I. (Moscow, Russia). About the textbook "Linguistic Foundations of Business Communication" by T. I. Surikova and V. I. Konkov</i>	228

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Bohunická Alena, Kazharnovich Maryna, Beňová Juliana (Bratislava, Slovakia). International scientific conference "Style – Communication – Culture", dedicated to the 100th anniversary of the birth of professor J. Mistrík</i>	233
<i>Itskovich T. V. (Ural Federal University, Russia), Przyczyna Wiesław (Krakow, Poland). Theological philology: results of the work of International scientific conference "Language and religion"</i>	238
<i>Tosovic Branko (Graz, Austria). "The Short Story of Ivo Andrich": The 13th International scientific symposium</i>	243
<i>Vasilchenko M. A. (Moscow, Russia). Transformation of scientific style: results of the All-russian scientific conference with international participation "The Language of Modern Science"</i>	249

STYLISTIC COMMISSION OF THE INTERNATIONAL COMMITTEE OF SLAVISTS

<i>Kasperova L. T. (Moscow, Russia). Stylistic Commission activity report, 2021</i>	253
Information about the authors	262

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Дорогие читатели!

В седьмой номер нашего Международного научного журнала вошли статьи ведущих ученых из разных стран, чьи исследования связаны с проблемным полем стилистики.

Номер открывает статья академика С. Гайдды, в которой ставятся вопросы, касающиеся языкового пространства, и предлагаются способы его описания в соответствии с различными осями, структурирующими данный феномен. Это принципиально новый подход в славянской стилистике, который имеет широкие перспективы.

В рубрике «Славянская стилистика» представлена новая концепция криопетики профессора Бранко Тошовича, намечающая новое направление исследований художественного творчества. Также даны наблюдения над секретными языками в македонском языковом пространстве (Л. Тантуровска) и над жанрово-коммуникативными особенностями эпистолярного стиля (Н. А. Ковалёва).

Раздел, посвященный функциональной стилистике, знакомит с наиболее полными на сегодняшний день концепциями теолингвистики (А. К. Гадомский) и художественного стиля (В. П. Москвин), а также продолжает дискуссию об официально-деловом стиле и его реализации в медиакоммуникации (М. А. Ширинкина, И. А. Вещикова).

В данном номере мы впервые вводим рубрику «Терминологические стилистические исследования», которая призвана освещать состояние терминологического аппарата современной стилистики. Статьи М. А. Васильченко и Н. В. Смирновой, размещенные в данной рубрике, знакомят с категорией лингвокреативности и ее ролью для гуманитаристики, а также с терминами *стиль*, *жанр*, *регистр* в сопоставительном аспекте.

В традиционной рубрике «Стилистика и риторика» в статье профессора Г. Г. Хазагерова дается оригинальный взгляд на риторический и стилистический потенциал повестки дня, что может стать основой дискурсивной стилистики и риторики. Статья Н. Н. Васильковой продолжает знакомить нас с историей русской риторической науки.

Раздел «Интернет-стилистика» знакомит с трансформацией жанров и медиатизацией имен в цифровой коммуникации (Е. В. Быкова) и с развитием наиболее популярного интернет-жанра – мема (С. В. Лопухов). А раздел «Медиастилистика» представляет новые изыскания в области инфотейнмента (Т. И. Сурикова), неологии (Л. Т. Касперова), интенциональности авторских медиатекстов (О. Р. Файзуллина), лингвоэтических и культурно-речевых проблем в современном медиадискурсе (Н. С. Лопухина).

Исследования, размещенные в рубрике «Лексическая стилистика», подтверждают мысль об открытости лексической системы для новаций, напрямую связанных с экстралингвистическими факторами. Этому посвящена статья ведущего научного сотрудника О. И. Северской. Сопоставление пословиц и поговорок русского народа и народов пушту (М.-С. Кочай) подтверждает идеи паремиологических параллелей в различных языках, что связано с общим опытом, накопленным в рамках разных культур. В разделе публикуется статья Г. Милашина о сербской языковой картине мира, отражающей лексические и другие языковые новации цифровой эпохи.

В рубрике «Новые исследования в стилистике» представлены рецензии на новые книги, вышедшие в последнее время (В. И. Ковалёв, Н. И. Клушина), а также дается информация о новых научных проектах (Л. Н. Синельникова).

В рубрике «Научные события» дается информация о проведенных Международных научных конференциях при участии Стилистической комиссии в Братиславе (А. Богуницка, М. Кожарнович, Ю. Бенева), в Екатеринбурге (Т. В. Ицкович), в Сокобане (Б. Тошович), в Перми (М. А. Васильченко). Завершает номер традиционный ежегодный отчет о работе Стилистической комиссии МКС (Л. Т. Касперова).

СЛАВЯНСКАЯ СТИЛИСТИКА

- ◆ Языковая реальность
- ◆ Осевая структура польского языкового пространства
- ◆ Криопоэтика
- ◆ Художественный холод
- ◆ Македонские секретные языки
- ◆ Эпистолярная коммуникация

Станислав Гайда:

«Проницаемая граница между языковой реальностью и внезаковой реальностью обеспечивает постоянное проникновение различных стимулов из внеязыковых областей, которые вносят динамику и изменяют конфигурацию пространства знаков. И наоборот, из коммуникативного пространства приходят влияния, которые стимулируют культурную и политическую активность и т. д.»

«В двадцатом веке, после Второй мировой войны, демократические изменения стали заметны, когда термин «литературный язык» был заменен термином «общий / польский язык», «язык, который используется и понимается (почти) всеми». Последние десятилетия – с вторжением в популярную культуру и новые медиа – привели к расслоению этого разнообразия».

Бранко Тошович:

«В художественных произведениях холод выступает как денотат, референт, экстенционал (природное явление), сигнификат (понятие о холоде), интенционал (содержание понятия холод), означающее (языковой знак), символ, аллегория, мотив, предмет метафоризации, объект эстетизации, фон для повествования, контекст для развертывания фабулы и сюжета».

«Важной частью крипоэтики являются параллели между литературными эпохами, периодами, направлениями, школами, в которых холод занимает различную позицию, а также между отдельными литераторами с их особым отношением к холоду».

Лидија Тантуровска:

«Според современите истражувања, денес „тајноста“ се заменува со „јавност“. Така, сè повеќе се има желба, на пример, на социјалните мрежи, да се сподели сè што се прави, од рутински работи во текот на денот, до настани што се чекаат во животот (дипломирање, венчавка, свадба итн.). Сето тоа оди со текст и со слика/фотографија, а под постот, одат коментари (помали и поголеми). Се добива претстава дека повеќе не постои приватност».

«Кога станува збор за јазик (говор) во една затворена заедница (група луѓе), треба да се нагласи дека денес, евенурално, можеме да зборуваме за „таен јазик“ во професијата, во фамилијата, односно за професионализми, за фамилијаризми итн. Пример за тоа е јазикот на информатичарите, на лекарите, на правниците, односно меѓу членовите на едно семејство и слично».

Наталья Анатольевна Ковалёва:

«Как представитель вторичного речевого жанра, частное письмо включает в себя и трансформирует простые первичные жанры, которые сложились в условиях письменного диалогического общения. При таком понимании вторичности жанра речь идёт об усложнении, определенном суммировании, переакцентуации простых жанров – извинения, просьбы, упрека, намёка, прощения и т. п. В частном письме отмечаются такие важнейшие свойства эпистолярного жанра, как ситуация и сфера общения, интенциональный фактор, специфическая форма речи, а также стратегия и тактика ведения коммуникации».

«Коррелятивность и взаимодействие жанров, синкретизм в структуре эпистолярия в конце XIX в. отражают высокоразвитую систему письменного общения и свидетельствуют о разнообразии жанровой палитры эпистолярного дискурса писателей XIX в.»

Станислав Гайда
(Опольский университет, Польша)

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛЬСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Неотъемлемым свойством языковой реальности является многоязыковая природа мира и многовариантность национального коммуникативного пространства. Что касается польского пространства, то можно выделить ряд осей, вокруг которых концентрируются процессы длительного действия. Автор рассматривает следующие пять осей: (1) идиолектная (отдельные языки), (2) определяемая дихотомией: разговорный язык – письменный язык (в настоящее время она принимает форму: разговорный язык – язык СМИ – письменный язык), (3) связанная с оппозицией: диалекты – литературный язык (сегодня в форме: диалекты – смешанные языки – общий язык), (4) функциональные вариации (их «канонический» ряд: разговорный язык – научный язык – журналистский язык – язык администрации – религиозный язык – художественный язык), и (5) один из трех стилей (высокий – средний – низкий).

Ключевые слова: языковая реальность, пространство / коммуникационная сеть, ось, вариативность языка, длительный процесс.

Stanislaw Gajda
(Opole University, Poland)

MODERN POLISH LANGUAGE SPACE

An inalienable property of the linguistic reality is the multi-language nature of the world and the multi-variation character of the ethnic-national communication space. As regards Polish space, one can distinguish a series of axes around which the processes of long lasting concentrate. The author discusses the following five axes: (1) idiolectal (individual languages), (2) one determined by the dichotomy: spoken language – written language (contemporarily it assumes the form: spoken language – media language – written language), (3) one connected with the opposition: dialects – literary language (today in the form: dialects – mixed languages – general language), (4) functional variations (their 'canonical' series: colloquial language – scientific language – journalistic language – language of the administration – religious language – artistic language), and (5) one of three styles (high – medium – low).

Key words: language reality, space/communication network, axis, variation of language, process of long lasting.

1. Языковая реальность и ее познание

Меня попросили представить языковое разнообразие современной Польши. Моя задача – наметить общенациональный фон для языковой ситуации в районе Остров-Мазовецка и для культурно-лингвистических исследований в области языковой реальности, проводимых здесь.

Вопрос о вариациях польского языка уже неоднократно решался ведущими польскими лингвистами. Я напому здесь только дискуссию на эту тему, инициированную в 1953 г. Зеноном Клеменсевичем и подытоженную Александром Вилконом в 1987 г. (Wilkoń 1987). Я не собираюсь, однако, в деталях представлять отдельные концепции различных исследователей. Я хочу предложить новый, свежий взгляд на этот вопрос.

Тому есть две причины. Во-первых, лингвистическая реальность в Польше за прошедшие тридцать с лишним лет (с 1987 г.) значительно изменилась, о чем мы можем сказать хотя бы на основе нашего разговорного языкового опыта. Это могут сделать особенно те, чья память и языковая рефлексия датируются задолго до переломных 90-х гг. Этот слом был обусловлен и трансформацией системы (особенно экономической и политической), и революцией в технологии общения (внедрением компьютера и интернета).

Во-вторых, наше познание языковой реальности не стоит на месте. Мы должны осознать неполноту, фрагментарность и гипотетический характер научного познания. Изменяющаяся и сложная реальность (5–6 тысяч существующих языков, каждый из которых имеет множество вариаций) не дается легко нашему пониманию. Исследования, проведенные несколько десятков лет назад, могут не соответствовать сегодняшнему миру, но они также не соответствуют новым стандартам исследований. Сначала ответим на вопрос: откуда взялось многоязычие (и многообразие) мира? Ведь кажется, что нам было бы легче жить и общаться, если бы у нас был один оптимальный и универсальный язык. Или, может быть, можно вернуться в мифическое состояние, которое было до Вавилонской башни? Однако такое принятие желаемого за действительное полностью

отличается от исторической реальности. Это иллюзия – полагать, что может существовать один идеальный язык и что нам нужен только один язык.

Что ж, язык служит нам не только для общения (передачи информации) и интеграции людей в сообщества (семейные, профессиональные, местные, этнические и национальные и т. д.), но и для познания мира. Этот экстралингвистический мир через познающие умы «входит» в язык (составляет значение языковых знаков), воссоздавая себя в форме образа мира, содержащегося в языке. С одной стороны, человеческое познание характеризуется единством, которое является результатом генетического наследия вида *homo sapiens*, а с другой – разнообразием, обусловленным историческими, социокультурными контекстами. Следовательно, ни один естественный язык не может охватить всю реальность. Эта неспособность делает необходимым существование других языков (и других людей и культур). Таким образом, сосуществование многих языков и множества их разновидностей является первичной ситуацией. Их необходимость и взаимная поддержка проистекают из неспособности каждого знать и выражать мир. Таким образом создается языковое пространство, которое характеризуется разнообразием и диалогическими (интерактивными) отношениями между языками и их разновидностями, а также между народами и культурами.

2. Структура языкового пространства

Сегодняшнее польское языковое пространство является результатом многих продолжающихся процессов долгосрочного развития, которые делают его более динамичным. Точки в этом пространстве, т. е. языки и разновидности, а также отношения между ними изменили свою форму. Есть ли под хаотической наблюдаемой поверхностью глубокая упорядоченная структура? Как это узнать? Сложная, изменчивая и трудно поддающаяся когнитивному восприятию языковая реальность, равно как и ее исходный образ, вторично организованы (сконструированы) исследователями? Сегодня мы знаем, что взгляд ученых в силу своей человеческой природы неизбежно деформирует объ-

ект описания, поэтому современная наука в своем идеале науки высоко оценила норму критики / скептицизма (рядом с такими ценностями, как истина, рациональность и объективность, и такими нормами, как универсализм, бескорыстие, общность знаний). У нас есть взгляды на польское языковое пространство, представленные в вышеупомянутых дебатах 1950–1980-х гг. прошлого века. Они не полностью утратили свою познавательную ценность. Это пространство было представлено достаточно статично и достаточно четко организовано с использованием наглядных и прозрачных схем и диаграмм. Однако надо помнить, что графики и диаграммы – это визуальные метафоры, которые неточно отражают мир. Поэтому мы можем использовать эти взгляды критически, ища новые решения. Один из возможных способов – использовать многоуровневую концепцию.

На самом низком уровне находятся языки отдельных конкретных лиц (идиолекты). Язык индивида – это сложное творение, в котором уникальный индивид скрещивается с коллективным лингвистическим языком, т. е. с приобретенными разновидностями на более высоких уровнях (например, родным диалектом, общим разговорным языком, некоторым профессиональным диалектом, а также этническим языком, отличным от польского). Выше представлены уровни коммуникативных пространств / языков различных типов языковых сообществ (от семейных, местных, профессиональных, социальных до этнонациональных). Таким образом, можно говорить о коммуникативном пространстве Острув-Мазовецком, в котором функционируют тысячи идиолектов (это не исключает поиск идиолекта типичного жителя) и встречаются различные коллективные разновидности, например, диалект с разновидностями общего языка. Уровни наднациональных коммуникационных пространств, например европейских, великих цивилизаций и культурных ареалов (таких как Восток или Запад), а также коммуникационное пространство всего нашего человеческого мира были бы расположены еще выше. Однако я хотел бы предложить еще один подход, иллюстрирующий интере-

сующее нас пространство метафорами: Сеть и Ось. В пространственной сети узлы соответствуют разновидностям, а связи между узлами – отношениям. Один узел может объединять много разных типов отношений. В сложной и динамичной сети можно выделить более мелкие организующие системы – оси. Ось обозначает прочные отношения, отличающиеся своей структурирующей ролью. Она даже может соединять множество разновидностей / узлов, вокруг которых кристаллизуются определенные явления и развиваются некоторые процессы. Сильным основополагающим мотивом оси являются двух- и более частные противопоставления. Таких осей в сети много. Они во многом различаются и входят в сложные взаимоотношения.

3. Главные оси в современном польском языковом пространстве

Основные оси в коммуникативном пространстве можно определить, ссылаясь на различные критерии, например, на их роль в истории польского языка, в связи с тенденциями развития и конкретными когнитивными или утилитарными целями. Здесь я постараюсь кратко представить четыре оси:

- идиолектная ось (единицы языка),
- ось, определяемая дихотомией: разговорный язык – письменный язык,
- ось, относящаяся к противопоставлению: диалект – литературный язык,
- ось трех стилей.

Однако я хотел бы указать на наличие других важных осей, таких как: польский язык – другие языки (в Польше и за рубежом), польский язык – польский язык за границей, ось функциональных разновидностей или ось человеко-машинного общения (робот, алгоритм).

3.1. Идиолектная ось

Я рассматриваю категорию индивидуального языка через лингвистическую призму Я / МЯ, т. е. языковую осведомленность индивида, его коммуникативную компетенцию. Наше индивидуальное сознание формируется в ходе личностного развития (психосоциального и культурного), соотнося его с

усвоенной языковой системой и усвоенными языковыми нормами сообщества (языковое МЫ), к которому мы принадлежим через наши контакты. Таким образом, наше индивидуальное языковое поведение определяется нашей личностью, культурой, ситуативными факторами (например, целью общения, адресатом) и степенью развития языковой осведомленности. Развитие психологии привело к разработке пятифакторной модели личности в конце прошлого века. Каждый из этих факторов может влиять на наше поведение (включая языковое поведение):

- невротизм (восприимчивость к отрицательным эмоциям) – высокая степень означает меньшую способность контролировать влечения и эмоциональную возбудимость, а низкая степень связана с эмоциональным самоконтролем;
- экстраверсия (склонность к социальным контактам) – высокая степень выражается в общительности и активности, а также оптимизме, низкая степень (интроверсия) проявляется в избегании контактов и предпочтении уединения;
- открытость опыту – высокая степень связана с любознательностью, творчеством и независимостью суждений, низкая связана с консерватизмом и условностью;
- доброжелательность (отношение к другим людям: чуткость / безразличие, доверие / недоверие, сотрудничество / конкуренция) – высокая степень проявляется в честности, мягкости, скромности, при этом в низкой степени раскрываются эгоцентризм и агрессивность;
- добросовестность (уровень мотивации, организованности и настойчивости в действиях) – высокий уровень означает сильную волю и долг, а также надежность, а низкий уровень проявляется в низкой скрупулезности, импульсивности в принятии решений и спонтанности в действиях (Zawadzki 2007: 70–79).

Личность каждого человека, включая его языковую личность, можно описать через призму этой модели. Предметом интере-

са исследователей являются, прежде всего, идиолекты выдающихся людей (писателей, политиков, режиссеров ученых). Трудно иметь дело с языками тридцати миллионов носителей польского языка. Психология сводит эту множественность к ограниченному числу психотипов личности. Соответственно, мы можем различать типы языковых личностей (идиолекты), связанные не только с ментальной личностью, но и с представлением определенных сообществ (например, локальных).

Не только психотип личности заранее определяет наше отношение к конкретной ситуации общения и наше индивидуальное поведение. Важную роль играет более или менее осознанная, последовательная и уточненная, рафинированная философия жизни. Это относительно постоянная когнитивная конструкция, наше мировоззрение, которое является глубинным смысловым компонентом языковой личности. В него входят самые разные элементы, в т. ч. системы ценностей, которые формируют эмоциональные отношения, моральные программы (представляющие собой дар человеку и приобретенные извне, сознательно или неосознанно, и относящиеся к благу отдельных лиц и социальных групп), политические и социальные идеологии (например, либерализм, консерватизм, коммунизм, фашизм, национализм), религиозные убеждения и др.

Как видим, наше языковое Я также скрывает языковое МЫ. Мы также должны понимать, что не только Я и МЫ говорим на этом языке, но и язык использует меня / нас. Однако решающую роль играет Я, потому что это выбор содержания, утверждения и способа его рассмотрения, цели и адресата утверждения, активизированной жизненной философии и, в конечном счете, также решение общаться (взаимодействовать) или отказаться от интеракции (молчание). Следовательно, мы должны позаботиться о саморазвитии нашей личности, о правильных пропорциях в ней чувственных, интеллектуальных и духовных элементов.

3.2. Ось: разговорный язык – письменный язык

Изначально на протяжении десятков тысяч лет люди использовали только раз-

говорный (устный) язык, находясь в тесном контакте друг с другом. Письмо зародилось тысячелетия назад, а алфавитное письмо, признанное лучшей формой, появилось в бассейне Средиземного моря за несколько веков до нашей эры. В Европе его знание было элитарным на протяжении более двух тысяч лет. Тем не менее оно оказало огромное влияние на развитие человеческой культуры. Это была так называемая первая революция в технологии человеческой коммуникации (Ong 1992).

Носители этнического польского языка, который постепенно выходил из общего языка славян в конце первого тысячелетия нашей эры, также в течение нескольких столетий общались устно. Поначалу письменность появилась только на иностранном языке, на латыни, что, несомненно, было стимулом к тому, чтобы польский язык стал письменным. Ему потребовались века, чтобы развиться как языку письменному. Распространение китайского изобретения – печати – в Европе вызвало вторую революцию в коммуникационных технологиях. Эта революция длилась намного короче, чем предыдущая, потому что продолжалась всего несколько столетий. Обе были революционными по своей природе из-за их глубоких и далеко идущих культурных эффектов, но отходили от наших представлений о революции как о внезапном и резком изменении за относительно короткий период времени (см. политические революции).

Таким образом, дихотомия: разговорный язык – письменный / «печатный» язык развивалась в течение длительного времени. Ее истоки восходят к тринадцатому веку, а полное социальное «закрепление» произошло только в середине двадцатого века, когда неграмотность была ликвидирована после Второй мировой войны. На протяжении сотен лет подавляющее большинство носителей польского языка использовали только устную разновидность, хотя письменная / «печатная» разновидность, связанная с высшей культурой, властью и культурными элитами, с самого начала пользовалась большим социальным престижем.

Изобретение телефона в девятнадцатом веке, за которым последовали фотография,

кино, радио, телевидение, компьютер и интернет, вызвало самую молодую, третью революцию в коммуникационных технологиях. Сегодня дихотомия трансформируется в триаду: разговорный язык – язык СМИ – письменный язык. Средняя часть перекрывает все коммуникационное пространство. Практически все разновидности переходят в медиакommunikацию, претерпевая медиатизацию и ослабляя свои традиционные позиции (Skowronek 2013). Специфика этого общения заключается в простоте и скорости создания малоустойчивых коммуникативных сообществ, основанных на эмоциях и элементах идентичности, а также в восприимчивости к убеждению и манипуляциям. Большие преимущества этой формы общения сопровождаются негативными явлениями, которые становятся все более и более заметными, угрожая людям и их культуре. Будущее покажет, смогут ли люди справиться с нежелательными последствиями Третьей революции.

3.3. Ось: диалект – литературный язык

С сегодняшней точки зрения можно сказать, что изначальным языком человека был диалект. Люди жили относительно небольшими группами, и в их общинах был свой язык. Первобытная экономика охотников и собирателей, а также зарождающееся сельское хозяйство заставляли людей перемещаться и устанавливать контакты – не всегда мирные – между группами. Люди начали осознавать существование языковых различий и необходимость как подчеркивать, так и преодолеть их. Когда с развитием оседлого сельского хозяйства стали возникать иерархические племенные и надплеменные структуры социальной организации (зачатки государств), потребность в наддиалектном койне, или общем языке, становится все более очевидной. Основой этого койне мог быть один из диалектов или смешанный язык, образованный путем скрещивания диалектов. Даже иностранный язык мог выполнить эту роль. Это койне отличалось от диалекта не только строго языковыми (структурными), но и функциональными особенностями – оно служило новым и более специализированным культурным по-

требностям, возникающим в новых условиях жизни человека.

Во второй половине первого тысячелетия славянские племена, используя диалекты, также жили на землях, известных с некоторого исторического времени. Их сходство позже стало основой для выделения групп диалектов, т. е. диалектов, используемых в определенных регионах страны, ср. диалекты: *śląski*, *wielkopolski*, *mazowiecki* и *małopolski*. Формирование государственности и культуuroобразующие процессы на рубеже первого и второго тысячелетий запустили процессы формирования койне – сначала в устной форме (позже названной культурным диалектом), а с XIII века – и в письменной. Польское койне, получившее название литературный язык (слово «литературный» здесь не означает «относящийся только к художественной литературе»), представляет собой сплав, состоящий из пересечения элементов из различных диалектов, особенно Великопольского, Малопольского и Мазовецкого. Оно пришло на смену латыни, отстаивавшей свои позиции до XVIII в. Таким образом, в конце средневековья ось диалект – литературный язык приобрела выкристаллизованную форму.

Исторические изменения на этой оси – типичный длительный процесс. Он был довольно плавным в течение значительных периодов времени, но были и фазы ускорения. Изменения коснулись как представителей оппозиции, так и отношений между ними. Литературный язык становился все более и более престижным в обществе, его функциональная эффективность росла (он обслуживал все более широкий спектр специализированных сфер общественной жизни, т. е. науку, политику, управление, искусство и религию), а число его пользователей увеличивалось. В двадцатом веке, после Второй мировой войны, демократические изменения стали заметны, когда термин «литературный язык» был заменен термином «общий / польский язык», «язык, который используется и понимается (почти) всеми». Последние десятилетия – с вторжением в популярную культуру и новые медиа – привели к расслоению этого разнообразия. Речь

может идти о вариантах: высший (более обработанный, тщательный и официальный), средний (нейтральный, тиражированный) и низший (иногда даже некачественный) (см. 3.4.).

Из взаимодействия литературного / общего языка с диалектами возникают так называемые смешанные языки. Это собирательное название охватывает разновидности, созданные в XIX и XX веках в результате пересечения диалектов с литературным / общим языком как в городе, так и в деревне. К ним относятся региональные разновидности смешанных языков, близкие к региональным разновидностям общего языка (распространенные и нестандартные). Таким образом, исходная диада: диалект – литературный / общий язык трансформируется в триаду: диалект – смешанные языки – общий язык. В двадцатом веке, с одной стороны, ослабевают первые два термина, а с другой – уменьшается социальная дистанция между ними и общим разнообразием.

Диалектный элемент исходной дихотомии претерпевал медленную естественную эволюцию до XIX в. Внешнее давление, вынуждающее к более радикальным изменениям, через ослабление фильтров достигло довольно замкнутых и территориально разнородных сельских сообществ. Нарушение нынешнего порядка было вызвано прежде всего освобождением крестьян от крепостного права и быстрым развитием капитализма в Польше. «Открытие» села, несмотря на консервативный и оборонительный характер народной культуры, должно было ослабить позиции диалекта. Социальное обесценивание говоров, усугубленное Просвещением, не могло быть компенсировано романтизмом и более поздней интеллектуализацией крестьянства.

Однако в XXI в. судьба говора, похоже, вовсе не предрешена. Фундаментальные закономерности коммуникативного пространства – неоднородность и диалогичность (интерактивность) – заставляют составляющие его разновидности изменять свое лицо и свои пути развития. Абсолютно стабильных разновидностей языка не бывает. Возможны их метаморфозы и их различные комбина-

ции. Проницаемая граница между языковой реальностью и внеязыковой реальностью обеспечивает постоянное проникновение различных стимулов из внеязыковых областей, которые вносят динамику и изменяют конфигурацию пространства знаков. И наоборот, из коммуникативного пространства приходят влияния, которые стимулируют культурную и политическую активность и т. д. На этом фоне мы можем рассматривать усилия по продвижению определенных говоров и диалектов в ранг региональных языков или отдельных языков (см. диалект Курпии, или силезский диалект). Важно, в какой степени диалект становится элементом идентичности членов данного сообщества. Ему не нужно давать статус официального и его не нужно нормализовать.

Поэтому следует с осторожностью говорить о смерти чего-либо в языковой реальности. Даже сохранившиеся фрагменты разрозненных говоров сохраняют память о целых, из которых они происходят, и могут способствовать возрождению этих целых.

3.4. Ось: высокий стиль – средний стиль – низкий стиль

Эта стилевая триада, известная как теория трех стилей, имеет древнее происхождение. За свою долгую историю она подвергалась различным изменениям как в плане выражения, так и в плане содержания. В греческой и римской риторике высокий стиль (позже также верхний, возвышенный, торжественный, роскошный) использовался для выражения мнений по важным общественно значимым вопросам и требовал использования эмоциональных и эстетически приемлемых средств, суггестивных и необычных образов, т. е. прежде всего сложных тропов и фигур, апострофов, риторических вопросов, архаизмов и неологизмов и т. д. Средний стиль (умеренный, нейтральный, прозрачный, академический) использовался при работе с обычными вещами, что было связано с использованием нейтральных выразительных средств. С другой стороны, низкий стиль (простой, распространенный, естественный, ясный,

дидактический) был связан с неважными вопросами, оценивался низко или негативно и выражался отрицательными эмоциями, привычными средствами, вульгаризмами и шутками. Таким образом, стили различались референциально, поддерживали разные темы, а принцип уместности (*decorum*) определял использование средств выражения и общения.

В XIX веке три стиля перестают существовать как выразительные вариации, составляющие единство темы (содержания), жанра и набора языковых средств. Однако сами термины «высокий стиль» и т. д. полностью не исчезают из научного и разговорного обращения. Они используются по отношению к высказываниям, стилизованным под высокий или низкий стиль, и к синкретическим текстам, а также по отношению к членам синонимичных рядов типа *spożywać – jeść – żreć* (вкусать – есть – жрать) (см. Словарные квалификаторы).

Культурные изменения, начавшиеся во второй половине двадцатого века и связанные с развитием массовой культуры и деградацией высокой (элитарной) культуры, которая усилилась в цифровую эпоху, вызывают все большую озабоченность состоянием и будущим человека и культуры, включая язык (его обнищание и деградацию). «Мы по-прежнему хотим высокого стиля и нуждаемся в его наличии» (Zagajewski 1999: 19).

4. Заключительное замечание

Что дальше? Коммуникативное пространство не будет стоять на месте. Подобно всему человеческому творчеству, языковое развитие может также пойти двумя путями: эволюционным, в рамках уже установленной «парадигмы», и по пути трудно предсказуемой революции, последствия которой невозможно четко определить заранее (см. взрыв СМИ и новые перспективы развития и применения искусственного интеллекта). Этическая ответственность требует от всех людей, в том числе носителей польского языка, сознательного, благоразумного участия в языковых делах (см. также: Gajda 2019 и 2021).

Литература

1. Gajda S. Polska polityka językowa 1918–2018 // R. Przybylska i in. (red.) Niepodległa wobec języka polskiego. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. – S. 13–27.
2. Gajda S. Lingwoekologia – ochrona języka przed człowiekiem i człowieka przed językiem // Poradnik Językowy. – 2021. – № 3. – S. 85–98.
3. Ong W. J. Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii. – Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1992 – 300 s.
4. Skowronek B. Mediolingwistyka. Wprowadzenie. – Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2013. – 286 s.
5. Wilkoń A. Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny. – Katowice: Uniwersytet Śląski, 1987. – 100 s.
6. Zagajewski A. Uwagi o wysokim stylu // Zeszyty Literackie. – 1999. – № 1. – S. 19.
7. Zawadzki B., Strelau, J., Szczepaniak P., Śliwińska M. Inwentarz Osobowości NEO-FFI Paula T. Costy Jr i Roberta R. McCrea. Adaptacja polska. – Warszawa: Pracownia Testów Psychologicznych, 2007. – 100 s.

Бранко Тошович
(Университет имени Карла и Франца в Граце, Австрия)

КРИПОЭТИКА

Крипоэтика является частью общей поэтики и литературоведческой климатологии (климатологического литературоведения), а занимается художественным осмыслением, отображением, выражением и структурированием холода как важнейшего мотива и одной из составляющих литературных произведений. Основными единицами крипоэтики являются криолемы, кринумы и криотемы. Обоснование крипоэтики и теории художественного холода базируется на анализе произведений лауреатов нобелевской премии Иво Андрича (1982-1975), И. А. Бродского (1940-1996), И. А. Бунина (1870-1953), Б. Л. Пастернака (1890-1960), А. И. Солженицына (1918-2008) и М. А. Шолохова (1905-1984).

Ключевые слова: поэтика, крипоэтика, поэтика холода, холод, художественный холод, криолема, крионема, криотема.

Branko Tosovic
(University of Graz, Austria)

CRYPOETICS

Crypoetics, which is a part of general poetics and literary climatology, deals with the artistic comprehension, reflection, expression and structuring of the cold and the composition of the most important motifs. The elementary units of crypoetics are cryolemes, cryonemes and cryothemes. The substantiation of crypoetics and the theory of artistic cold is based on the works of Nobel Prize winners Ivo Andrić (1982-1975), I. A. Brodsky (1940-1996), I. A. Bunin (1870-1953), B. L. Pasternak (1890-1960), A. I. Solzhenitsyn (1918-2008) and M. A. Sholokhov (1905-1984).

Key words: poetics, crypoethics, coldpoetics, cold, artistic cold, cryoleme, cryoneme, cryotheme.

Понятие крипоэтика¹ мы ввели в научный обиход в процессе подготовки симпозиума в Москве в 2019 г. на тему «Холода и зимы Иво Андрича и русских лауреатов Нобелевской премии: нобелевские крипоэтики»² для обозначения художественного оформления, структурирования холода и всего того, что с ним связано и что является частью климатологической поэтики / поэтической климатологии. Наш интерес к поэтике холода, проявленный в рамках проекта Андрича,³ был главным толчком для рассмотрения и описания общетеоретического характера этой разновидности поэтики.⁴

В художественных произведениях холод выступает как денотат, референт, экстенсионал (природное явление), сигнификат (понятие о холоде), интенционал (содержание понятия холод), означающее (языковой знак), символ, аллегория, мотив, предмет метафоризации, объект эстетизации, фон для повествования, контекст для развертывания фабулы и сюжета. Важными аспектами крипоэтики являются художественная конструкция, реконструкция и деконструкция холода, взаимосвязь реального и воображаемого

¹ Среди нелитературных дисциплин, относящихся к изучению холода, заслуживает внимания геокриология или мерзловедение – раздел геологии и криологии (науки о природных объектах и процессах, происходящих в криосфере – одной из географических оболочек Земли, характеризующейся наличием или возможностью существования льда), изучающий криолитозону (верхний слой земной коры, отличающийся отрицательной температурой горных пород и почв и наличием или возможностью существования подземных льдов).

² Доклады, прочитанные на этом симпозиуме, опубликованы в сборнике *Kriipoetika Iva Andrića i ruskih nobelovaca* (Тошовић 2020a).

³ Andrić-Initiative: Иво Андрич в европейском контексте (Грац, 2007–...). URL: www-gewi.uni-graz.at/gralis/projektarium/Andric/index.html.

⁴ Некоторые аспекты крипоэтики рассмотрены в: Тошовић 2020b. В русских источниках мы не нашли ни одной работы, в заголовке которой используется термин *крипоэтика* (*поэтика холода*), но существуют выражения типа *поэтика зимы* (Юкина, Эпштейн 1979), *образ зимы* (Овешкова, Старкова 2012) и т. п.

холода, (дис)гармония / антагонизм холода в природе и в человеке, взаимодействие природного, духовного и перцептивного холода, поэтика холодных состояний, выражений и жестов (взглядов, рукопожатий, приветствий, восклицаний), холод частей тела (рук, глаз, губ, лица, щек, ладоней, пальцев, кожи), голоса, дыхания, «души», «сердца», сочетание и пересечение криольской гетеротопии, гетерофилии и гетерофобии. Существенной частью такой поэтики является криолизм персонажей (безразличие, незаинтересованность, отчужденность), психические (эмоциональные) переживания, эмфатическое восприятие и описание холода, душевный и соматический холод (зимняя усталость, дрожь, покалывание, озноб), ассоциативная связь между зимой и старостью. В поэтике внутренних состояний взаимодействуют (а) доброта, сдержанность, радость, счастье, спокойствие, надежда, оптимизм, гармония, восторг, восхищение, очарование, взвешенность, умеренность (плюс) и (б) безжалостность, гнев, изумление, удручающая меланхолия, гнев, угрюмость, досада, хмурость, беспокойство, бессонница, болезненная ностальгия, неудержимая страсть, остолбешение, остервенение, коварство, неповиновение, агрессивная решимость, отвлечение, страх, ужас, опасение, возбуждение, тревога, мрачное настроение и т. п. (минус).

Крипоэтика изучает / описывает художественное моделирование холода (1) во времени – холодные времена года (зима, переходное время года – ранняя весна и поздняя осень), холодные месяцы (календарная семантика и символика), дневной холод (рассвет, заря, сумерки), ночной холод (вечер, ночь), (2) в пространстве (открытом и закрытом), (3) природных объектов (камня, скалы, плиты), (4) артефактов (инструментов, оружия), (5) материалов (железа, стекла, металлов, в том числе и драгоценных – золота, серебра). Она раскрывает и интерпретирует художественное осмысление и представление борьбы с холодом с помощью одежды (ветровок, шуб, шапок, шинелей, плащей, перчаток, шарфов, теплого нижнего белья и т. д.), обуви (сапог, носок), покровов (подстилок, ковров, ковриков, асур), огня (печи, самовара), еды, напитков (чая, кофе,

спиртных напитков, продуктов, заготовленных на зиму). Предметом криопэтики является также художественное восприятие и выражение холода животных и растений (деревьев, цветов и т. п.).

В рамках криопэтики выделяются жанровый «холод», «холод» текстов («холодные» тексты, стихотворения, холод структурных частей и единиц – глав, абзацев, строк, строф, холод в названиях произведений; «холодные» составляющие прозаических и стихотворных текстов), анафорический / инхоативный холод (криолизм, открывающий текст) и эпифорический холод (криолизм, закрывающий текст), антропонимическое выражение холода, «холодный» стиль, сдержанность в изображении холода; холод представления жестоких сцен, преступлений и преступников, «холодная» (темная) сторона жизни, «холодные» цвета, стилиевые и стилистические средства выражения холода, метафоризация и компарация холода.

Парадигма криопэтики состоит из криотем (глобальных, рамочных, общих тем, таких как холод, зима), крионом (мотивов, как первый снег, метель, зимнее солнце, морозное утро, рождественский вечер) и криодем (лингвем – лексем, семантем, идиом, конструкций, выражающих действия, состояния, события, процессы, отношения, связанные с холодом).

Основными языковыми единицами, выражающими холод, являются криодемы, обслуживающие отдельно или совместно типы криолиза: экстракриодемы (указывают на холод во внешнем пространстве, в экстерье, напр.: *На улице похолодало.*); интракриодемы (передают холод внутреннего пространства, интерьера, скажем: *В квартире было холодно.*); интеркриодемы (обозначают холод во взаимоотношениях: человек ↔ человек, человек ↔ животное, человек ↔ растение, человек ↔ вещь: *Их отношения были прохладными.*); паракриодемы (указывают на душевный, психический, ментальный холод: *Он дрожал от внутреннего волнения.*); супракриодемы (используются для передачи соматического холода: *Больного лихорадило.*); суперкриодемы (служат для указания на холод конкретного индивидуума и / или конкретного микро- и макро-социума, ска-

жем, убийц). По отношению к назначению и функции существуют два типа криодем: имманентные (парадигматические), которые и вне контекста являются единицами, обозначающими холод,⁵ полуимманентные (выполняющие иногда функцию криодем) и контекстуальные (синтагматические), имеющие и другие значения, иногда более системные, чем криольские. Имманентными криодемами являются: *холод, стужа, зима, мороз, снег, метель, вьюга, пурга, (снежная) буря, иней, заморозки, лед, айсберг, глетчер, сосулька, сугроб, слякоть, изморозь, ветер* (холодный: *северный, Борей, норд-ост*) и др., месяцы: *ноябрь, декабрь, январь, февраль*, страны света: *север*. Их можно условно назвать чистыми (с точки зрения криолигвистики), остальные – нечистыми. К полуимманентным криодемам относятся глаголы типа *носить / нести* (заносить снегом), *сыпать, падать, идти, валить, хрустеть* (снег), *пронизывать* (ветер), названия полухолодных времен года: *осень, весна* и месяцев: *март, сентябрь, октябрь*. К ним примыкают названия того, что защищает от холода: (а) одежды и обуви – *шуба, шапка, шаль, сапоги, галоши, валенки, перчатки, рукавицы, телогрейка*, (б) пищи – *горячие блюда*, (в) напитков – *спиртные, чай*, (г) объектов проживания – *дом, изба*, (д) артефактов: *печь, свеча, огонь, пламя, самовар*, (е) средств передвижения – *лыжи, сани (троечные сани), тройка* и т.п. К контекстуальным относятся неэксплицитные криодемы типа *белизна, белым-бело* (для обозначения снега) и метафоры типа *хлопья* (снежинок), *белые мухи* (снежинки), *пчелы* (снежинки). Некоторые слова только в контексте проявляют свою криольскую семантику. Таким является *градус* и его детерминаторы, напр., *минус / овый, скрежет* (снега), *рыхлый* (снег), *трескучий* (мороз), *крепнуть* (мороз), *полярный* (*Полярный круг*), *Рождество, святки, сочельник, Новый год*. Криодемы могут быть узальными (системными) и окказиональными (несистемными, случайными, индивидуальными). Они бывают также композиционными (интегральными, фрагментарными, элементарными), жанровыми (прозаическими, стиховыми, драматически-

⁵ Их использование как некриодем имеет несистемный характер (ср.: *Сколько лет, сколько зим*).

ми), рестриктивными, документальными, интерактивными. Существуют ложные криолемы (псевдокриолемы) – слова, которые на первый взгляд относятся к холоду, а по сути дела обозначают нечто совсем другое. Таким является *зимология* – раздел микологии, посвященной изучению дрожжей; наука о химических брожениях органических веществ (греч. *simosis* ‘брожение’, *logos* ‘слово’). Сюда примыкают слова типа *синичка-зимуха* (ТД 522) и *груша-зимовка* (ТД 46). Слова, выражающие холод, редко закрепляются лишь за одним типом криолиза. Такими являются лексемы, связанные только или преимущественно с внешним холодом, холодом в природе (экстракриолизмом), которые не поддаются легко использованию в переносном значении и редко выражают внутренние переживания и эмоции (*метель, вьюга, пурга, снег, иней, сосульки, сугроб, изморозь* и др.). К универсальным криолемам, встречающимся во всех типах криолиза, относится в первую очередь **холод**, поэтому его можно считать центральной единицей криопэтики. Такую позицию *холода* укрепляет и его самая высокая частотность в криольских словообразовательных гнездах (см.: Засорина 1997).

Холод имеет относительный характер. Времена года, дни и ночи, утра и вечера, дожди и ветры могут быть как холодными, так и теплыми (напр., зима иногда бывает теплой, а лето холодным; солнце в сочетаниях типа *зимнее солнце* может терять свое исходное значение.). Единственными криольскими константами (разной интенсивности) являются мороз, снег, метель, вьюга, мокрый снег, лед, снежинки. С другой стороны, ярко выраженные калидемы.

Центральной категорией художественного осмысления, изображения и выражения холода является криолизм. Его образуют семь основных подкатегорий: 1. экстракриолизм (холод экстерьера, открытого пространства, природы, пейзажа, ландшафта), 2. интракриолизм (холод интерьера, внутреннего пространства, помещений), 3. интеркриолизм (соотносительный холод: человек ↔ человек – конструктивный, деструктивный, гендерский и т. п.; человек ↔ животное, человек ↔ растение, человек ↔ вещь), 4. паракриолизм (ментальный, пси-

хический, когнитивный холод), 5. супракриолизм (соматический холод), 6. суперкриолизм (холод характеров, персонажей особенно экстраемальных, «самых холодных» – «криосуперменов» и «криосуперменов»), 7. автокриолизм (холод авторского повествования).

Схема 1

За каждой разновидностью криолиза стоит соответствующая единица: экстракрионема, интракрионема, интеркрионема, паракрионема, супракрионема, суперкрионема, автокрионема. Все они могут выражать холод как положительное, приятное явление (криопозитемы) и как отрицательное, плохое, отталкивающее явление (крионегатемы). Холод также может быть перцептивным, перлокутивным, выразительным, эксплицитным и имплицитным, закодированным и декодированным. В повествовании используются три противоположных приема: сплошная криолизация (полное моделирование холода), полукриолизация (частичное моделирование холода) и декриолизация (отсутствие холода в повествовании).

Для комплексного художественного осмысления холода необходимо его соотносить с состояниями/явлениями в природе, с которыми он вступает в совместимое и несовместимое взаимодействие – это в первую очередь тепло, свет, темнота и влажность. Подобно холоду, порождающему криолизм, они образуют соответствующие категории: тепло – калидемизм, свет – лудидизм, темнота – тенебризм, а влажность – умидитизм.

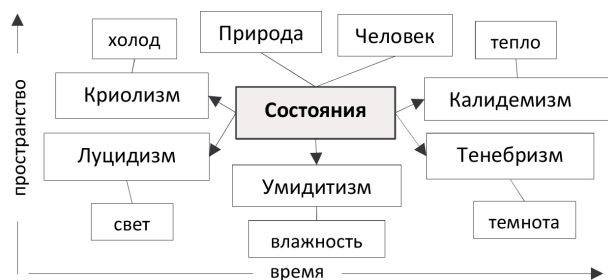

Схема 2

Основное художественное противопоставление составляют: криолема (холодное) – калидема (теплое) – луцидема (светлое) – тенебрема (темное) – умидитема (влажное, сырое) – (а) во внешнем и внутреннем пространстве (холодные, темные пейзажи – теплые, светлые пейзажи; холодные, темные стороны света – теплые, светлые стороны света: юг, солнце, море, берег, побережье – тень, тенистое место, теневая сторона, сырое, влажное – сухое, аридное (в) во времени (г) у персонажей, (д) в фабуле и сюжете, (а) в рамках оппозиций: доброе, хорошее, красивое, приятное, положительное – плохое, безобразное, уродливое, отрицательное. К калидемам (языковым единицам, выражающим тепло) относятся слова типа: *тепло, теплота, теплый, жара, жаркий, горячий, зной, знойный, юг, весна, оттепель / ростепель, отопление, топить, огонь, пламя, гореть, жарить, жечь, печь* и т. п.⁶ Луцидемами (языковыми единицами, выражающими свет) являются слова типа *свет, рассвет, заря, луч, солнце, солнечный, тень* и т. п. Тенебремы (языковые единицы, выражающие темноту) образуют слова типа *темнота, мрак, ночь, тень*. Они ближе к криолемам, чем к калидемам. Умидитемами являются слова типа *влажность, влажный, сырость, сырой*. Криолемы входят в различные корреляции с калидемами, луцидемами, тенебремами, умидитемами. Единич-

⁶ Напр., *леса, опаленные заморозками* (ТД 238), *опаленные ранним заморозком листья* (ТД 191–1921), *зажженные морозом осенние листья* (ТД 191–1921), *на палящем зимнем ветру* (ТД 464), *свет его белым холодным пламенем растекался по Дону* (ТД 851), *пушился иней* (ТД 78), *сиять под холодным солнцем* (ТД 877), *из жарка в ледок* (АГ 212).

цы, которые в одних случаях (контекстах) выражают холод, а в других тепло, мы называем криокалидемами (скажем *таять, оттепель*), холод и свет – криолуцидемами (типа *тень, теневая сторона – солнечная сторона*).

Важной частью криопэтики являются параллели между литературными эпохами, периодами, направлениями, школами, в которых холод занимает различную позицию, а также между отдельными литераторами с их особым отношением к холоду. Нобелевская криопэтика Иво Андрича, И. А. Бродского, И. А. Бунина, Б. Л. Пастернака, А. И. Солженицына, М. А. Шолохова и др. имеет ряд совпадений, сходств и различий. Мотивы холода чаще встречаются у русских писателей, что и понятно, учитывая более суровые жизненные условия России. По сравнению с российскими лауреатами Иво Андрич на самом «старте» находился в менее выгодном положении – с более мягким климатом пространства, в котором он жил и работал: русские зимы намного длиннее, тяжелее, суровее и, следовательно, более впечатляющие и для художественного оформления более привлекательные. Позицию сербского писателя в какой-то мере «усилила» Босния своими суровыми горными зимами. В некоторых случаях времена года для Андрича были не настоящими зимами/летами и не настоящими переходными периодами (весной/осенью), а чем-то новым, пятым временем года. В поэтике данных писателей преобладают два крайних времени года: лето (расширенное весной) с максимальной жарой и зимой (расширенной осенью) с экстремальным холодом. На криольское творчество упомянутых писателей значительное влияние оказали (1) юг (тепло, свет), больше у Андрича, и север (холод), больше у русских писателей, (2) специфика южнославянских и русских пространств / ландшафтов, (3) зима как яркое отражение русского национального характера (у южнославянских народов это проявляется намного меньше), (4) этическое-культурные особенности, связанные с холодом, (5) наличие традиции в изображении холода, (6) различия в поэтическом и прозаическом видении крионом и криотем. Андрич и русские прозаики сдер-

жанны / взвешенны в описании природы и, соответственно, холода. У каждого из них есть своя специфика. В поэтике Иво Андрича господствует образный холод, а в поэтике А. И. Солженицына – документальный криолизм. В стихах отчетливо преобладает субъективная криопоэтика, а в документальной прозе – объективная. Некоторые виды холода бывают только у определенных писателей, например, тюремный у И. Андрича и А. И. Солженицына. Для данного исследования важно взаимодействие лауреатов Нобелевских премий с такими писателями, как А. С. Пушкин в отражении мотива метели, Ф. М. Достоевский в пренебрежении пейзажа, М. Горький, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов... в изображении холодных персонажей. Если мы фокусируемся на повествовательном криолизме в квадрате Андрич – Бунин – Шолохов – Солженицын, можно сделать вывод о том, что Андрич ближе к Шолохову, чем Бунин, потому что писатель с Дона, как и сербский лауреат Нобелевской премии, более лаконичен в представлении криолизма, чем Бунин, который пышными криольскими картинками раскрашивает своих героев и часто вводит холод пейзажа как фон для холода персонажей. Шолохов сосредоточивается на исторических событиях, которые оказали большое влияние на то, чтобы пейзаж, даже криольский, был отодвинут на задний план, а судьбы людей, порой очень трагичные, вышли на первый план. В его рассказах холод пейзажа менее важен, чем холод людей, который часто отличается жестокими убийствами и ужасными преступлениями. В произведениях Солженицына мы находим то, что нетипично или незначительно в произведениях Андрича, Бунина и Шолохова – документальный криолизм. Особенно это выражено в рассказах, основанных на эпизодах из истории России, таких как (а) крестьянское восстание в Тамбове в 1920 и 1921 гг. (Эго, 1995; *На краях*, 1995) с включенными частями из воспоминаний маршала Жукова, (б) действия особого артиллерийского взвода звуковой разведки, в котором служил Солженицын (*Желябугские Выселки*, 199).

Одной из важнейших категорий криопоэтики является экстракриолизм (холод

во внешнем пространстве), который можно проиллюстрировать примерами из поэзии Иосифа Бродского. Этот поэт уделяет особое внимание пространству не столько в смысле его подробного описания, сколько в том, чтобы использовать его для отражения мировоззрения лирического субъекта, выражения его внутренних переживаний и настроений. Пространство редко эксплицируется в криольском контексте, скажем: *На четверть – сумеречный холод, | на треть – упрямство, на половину – циферблат | и весь – пространство <...>* (Бродский 2016а: 49). Поэт иногда сравнивает пространство с холодом (*пространство точно изморозь*, 2016б: 12) или образно связывает его с теплом (*тепло обжигает пространство*; Бродский 2016б: 57). Бродский был принудительно изгнан из своего родного жилого пространства (холодной России) и «отправлен» (в 1972 г., в возрасте 32 лет, после лишения гражданства) жить в более мягком климате на постоянной основе, по месту жительства (в Америке) или временно, во время путешествий (Средиземное море, Адриатическое море, Азия, Африка), которые повлияли на художественное осмысление и изображение мотива холода (повлияли смягчить и даже нейтрализовать внешний холод, но одновременно усилить внутренний холод, вызванный стрессом и жизненными переломами из-за изгнания из страны, в которой он родился). В силу обстоятельств пространством жизни и творчества поэта станет и останется пространство НеРоссии, жизнь Бродского закончится в НеРоссии (в Америке), а его останки будут захоронены в НеРоссии (в Италии, теплой Венеции). Но в НеРоссии у него не будет такой ностальгии по России (особенно криольской), как у Бунина (хотя Бродский знал, что на родину ему не вернуться). Несмотря на то что Бродский в одном стихотворении пишет, что он не способен жить в других широтах, что он *нанизан на холод* [типичный для русских], *как гусь на вертел* (Эклога 4-я [зимняя], 1977, Бродский 2016б: 137), он проживет в НеРоссии полные 24 года (1972–1996). После 1972 года мало что останется от холодной России, чтобы это перенести в стих.

Частью интеркриолизма является гендерный криолизм (изображение холодного и теплого взаимодействия между женщиной и мужчиной в браке, в любовных связях, в половых отношениях). Каждый писатель создает на этом уровне свой художественный почерк, особенно Борис Пастернак. Он часто вводит в свои стихи мотив женщины в окружении холода. При этом поэт использует несколько приемов. [I] Он женщину иногда помещает в экстракриолизм (в холод природы). (а) Поэт обращается к женщине в атмосфере холодных Альп и умоляет ее оставаться красивой, потому что только тогда ее *убийственная красота* становится намного сильнее [Из поэмы], 1916, Пастернак 2018: 51). (б) Женщина не метафоризируется, но она используется как фон для криолизации жизни: *Ведь жизнь, как кровь, до облака пунцового | Пожаром вьюги озаряясь, хлестала!* (Январь 1919 года, 1918–1919, Пастернак 2018: 135). (в). В противоположность северянке женщина с юга приносит тепло (Из поэмы, 1916, Пастернак 2018: 51). (г) Поэт вспоминает полет ночью из Бергена, Норвегия, к Северному полюсу, когда он, *валящим снегом с ног гагарносимый жаркий пух*, не стеснялся, *украдкой от арктических и неусыпных льдин*, говорить женщине: *спи, забудь: все вздор один* (Разрыв, 1919, Пастернак 2018: 129). [II] Женщина проявляет супракриолизм, причем не в контексте физического холода / холода в природе, а излучает внутренний, душевный криолизм. (а) Когда летняя буря прошла, поэт хочет, чтобы женщина приблизилась к его лицу, чтобы превратить его в огонь [Наша гроза]*, Пастернак 2018: 77). С помощью мощной метафоры криолизм трансформируется в частичный калидеизм: снег лежит и на ней, и на его губах, но тает только на его губах. Однако это не настоящий снег, а метафора снега – это снег жасмина, в то время как реальная ситуация – мечта. (б) В квартире царит холод, который усиливается при расставании с женщиной, ставшей частью жизни поэта (*Кругом семенящейся ватой...*, 1931, Пастернак 2018: 203). [III] Женщина вводится в сравнительный контекст: *пока рыхлый как лед, трещал и таял кресел шелк*, она вдруг стихла и сон, как отзвук колокола, смолк (Сон, 1913, Пастернак 2018: 8). [IV] Па-

стернак лаконично определяет женщину некреольскими стихами: *Быть женщиной – великий шаг, | Сводить с ума – геройство* (*Не плачь, не моришь опухших губ...*, 1947, Пастернак 2018: 288).

Помимо упомянутых семи основных типов криолизма (экстракриолизма, интракриолизма, интеркриолизма, супракриолизма, суперкриолизма, паракриолизма, автокриолизма) существуют на дескриптивно-оценочном уровне и другие, дополнительные разновидности, например, ностальгический, трагический, эйфорический, удручающий... криолизм. Они очень сильно проявляются в творчестве И. А. Бунина.

(А) В его произведениях появляется ностальгический криолизм. Отправляясь в постоянную ссылку в 1917 г., Бунин написал множество текстов, которые можно было отнести к такому виду криолизма. Он в изгнании (в основном на юге, на теплом острове Капри, меньше в Париже и в других местах) сочинил большое количество рассказов о холодных пейзажах России. Бунин писал криолитически маркированные тексты о России, которую ему пришлось покинуть. Картины зимней Москвы, северного Петрограда, русской деревни, затонувшей в снегу, и широких белых степей остались в нем настолько глубоко, что они часто всплывали из памяти в изгнании, посреди лета в жарком Средиземном море, на материковой части Франции и Италии, во время путешествий по Африке и пребывания на Ближнем Востоке. Так, в 1929 г. он написал рассказ *Пингвины*, в котором вспоминает счастливое время, проведенное на родине: он мысленно вернулся в Россию в то время и во все то, что было характерно для того времени, вернулся одной грустной холодной осенью, сидя в поезде, мчавшемся на юг.

(Б) В текстах Бунина можно распознать трагический криолизм (описания с холодными мотивами, которые часто заканчиваются смертью, убийством или самоубийством). Такой холод больше всего пронизывает рассказ *Игнат* (1912, Бунин 2018: 274–290). Этот текст передает один из самых сложных экстракриолизмов в анализируемых произведениях нобелевских лауреатов.

(В) Отчетливым криолизмом начинается и заканчивается рассказ *Ланти* (1924): рамкой является экстракриолизм, частью наррации – супракриолизм. Во внешнем холоде (пятый день бушевала непрозрачная вьюга) и в холоде внутреннего окружения (в холодном загородном доме) писатель концентрируется на соматическом калидезмизме и супракриолизме: в комнате лежал тяжело больной мальчик – у него была лихорадка, жгучая, как пламя. Явным криолизмом в криолизме «дышит» текст *Холодная осень* (1944), передающий трагедию жизни в холоде одного пространства (России) и жестокости одного времени (убийство в Сараево в июле 1914 г. и объявление Германией войны России в сентябре того же года), описанного в романе *Gospođica [Барышня]* (1945) Иво Андрича. В этом, пожалуй, самом лирическом рассказе Ивана Бунина изображается трагедия молодой женщины, потерявшей мужа в то время, когда она только что вступила в брак (из-за войны свадьба была перенесена на весну). Сильный всплеск эмоций порождает поэзия двойного характера: их вызывает (а) мотив осени, которая в то время была необычно ранней и холодной и (б) стихи А. А. Фета: *Какая холодная осень! | Надень свою шаль и капот...* (Бунин 2018: 947), которые следуют за ранее произнесенной фразой, выраженной с кажущимся спокойствием: *Удивительно ранняя и холодная осень!* (Бунин 2018: 947).

(Г) Эйфорический (завораживающий) криолизм (в виде увлечения зимой или холодом) наблюдается как у автора, так и у его персонажей. Криольская эйфория автора возникает, например, в зимнем лесу (*Ночлег*, 1903). В холодный вечер наступила такая тишина, что писателю захотелось закрыть глаза, подолгу постоять и полностью слиться с очаровательным окружением (Бунин 2018: 1064). Эйфория, вызванная свежестью весеннего вихря, снегом, льющимся в белесой тьме, сменяется теплом, исходящим из избы – Бунин плотно закрывает дверь, ароматное дыхание сырого дуба разносится по комнате, и челюсть печи фантастически освещает комнату (Бунин 2018: 1065). Зимнюю идиллию усиливают длинные оранжевые языки, выходящие из печи, широкая красочная игра

пламени с дикой красотой древней русской сказки, сладко дремлющий и мурлыкающий кот. Эйфорический криолизм иногда сочетается с ностальгическим криолизмом. В рассказе *В одной знакомой улице* (1944) автор идет по ночному Парижскому бульвару. В темноте густой свежей зелени и под сверкающими металлическими фонарями ему внезапно приходят в голову стихи: *В одной знакомой улице | Я помню старый дом | С высокой темной лестницей, | С завешенным окном...* Они возвращают его в Москву, на Пресню, на глухие заснеженные улицы, в деревянный дом, когда он был студентом (Бунин 2018: 925). *И мела метель, и ветер сдувал с деревянной крыши снег, дымом развевал его, и светилошь вверху, в мезонине, за красной ситцевой занавеской...* (Бунин 2018: 925). Он поднимается на террасу, покрытую снегом, и Она, услышав звонок, сбегает по лестнице. Затем оба побежали по ней, а ее шарф и белую блузку носили ветер и метель. Он начал целовать ее, обнимать и защищать от ветра, затем побежали по лестнице, на ледяном морозе и в темноте, в ее холодную комнату, мрачно освещенную керосиновой лампой (Бунин 2018: 925). Ее волосы были распущены, а лицо было прозрачным от холода. Два молодых тела горели, как в огне, когда он начал расстегивать ее блузку... А потом они пили чай с хлебом и сыром, говорили о будущем, чувствуя, как холод проникает под занавеску, а снег сыплет окна. И опять всплыли стихи из памяти: *В одной знакомой улице | Я помню старый дом.* Затем возникает воспоминание о том, как он проводил ее до Курского вокзала. Больше он ничего не помнил, потому что: *Больше ничего не было* (Бунин 2018: 926). Все это очень похоже на поэзию в прозе, пронизанную лирически окрашенным криолизмом.

(Д) Иногда у Бунина наблюдается мрачный, пессимистический, деструктивный криолизм. Так, рассказ *Обреченный дом* (1930) открывается фразой: *Один из тех зимних мокрых дней, ледяных и темных, когда кажется, что нет на свете города отвратительнее Москвы. И уже вечереет.* (Бунин 2018: 710). Стихотворение *Последняя весна* (1916) передает грусть зимнего вечера, когда

царили пустота и одиночество (Бунин 2018: 510).

Холод – важный мотив почти во всех художественных произведениях. Каждый вид искусства (прежде всего литература, живопись и музыка) имеет свои крипоэтические особенности. В кинематографии обращает внимание на себя то, что слово *холод* встречается в названиях разных фильмов.⁷ Существует большая галерея картин с мотивами холода, в первую очередь зимы, снега и метели. Криолемы особенно часто появляются в названиях картин пейзажистов.⁸ Зима иногда воспринимается как своеобразный художник (зима-художник).⁹ Мотиву холода посвящено значительное

количество музыкальных произведений.¹⁰ Особой популярностью пользуется мотив зимнего вечера. Одна из самых задушевных эстрадных песен в криольском жанре – это *Tombe la neige* [*Снег идет*] в исполнении Сальвадора Адама (музыка Поля Мориа). В названии нескольких произведений классической музыки содержится криолема: *Зима* (цикл *Времена года*) Антонио Вивальди, *Метель* Г. В. Свиридова и др. Некоторые стихи имеют музыкальную версию / обработку, скажем: А. С. Пушкин. *Зимний вечер*, Б. Пастернак. *Свеча горела...* Также можно выделить криомузыку, которую сочиняют природные «оркестры»: метель, порывы ветра, шум морских волн и т. д.¹¹ В мировой литературе существует множество криольских текстов.¹²

⁷ Ср.: *Холодно* – советская военная пьеса 1991 г. (режиссер Хусейн Эркенев); *Холод (Chill)* – американский фильм 2007 г. (режиссер Серж Родунски); *Холод* – российский короткометражный фильм, 2007 г. (режиссер Игорь Железняк); *Холодно (Kjøttår)* – норвежская короткометражная драма, 2011 г. (режиссер Лиза Мери Хамлем); *Холод (Прогуливающие по ветру)* – американский фильм, 2013 г. (режиссер Рассел Фрейденберг); *Холод (Sogik)* – турецкий фильм, 2013 г. (режиссер Угур Южель).

⁸ Такими являются: Ю. Ю. Клевер, Ф. Ю. Зимин, Е. В. Карлович, И. Э. Грабарь, Е. П. Панов, Р. Г. Романов, О. А. Павлухин и др. Произведения некоторых из них сопровождаются заголовками типа: *Зима в лесу, иней; Лес зимой, На севере диком...*; *Зимний сон (Зима)* А. М. Васнецова; *Зима и Оттепель* Ф. А. Васильева; *Взятие снежного городка* В. И. Сурикова; *Зимой в лесу* И. И. Левитана; *Солнечные пятна на инее* А. И. Куинджи; *Февральская лазурь* И. Э. Грабаря; *Масленица и Морозный день* Б. М. Кустодиева; *Утро в зимнем лесу* В. В. Юшкевича; *А вокруг белым-бело* А. Стрелькова; *Великий Устюг: Снегопад* А. А. Александровского; *Зимний вечер* К. А. Коровина; *Февраль в Переделкине* А. М. Шилова; *Зимний пейзаж* А. К. Саврасова; *Зимнее утро у самовара* В. Ф. Стожарова; *Первый снег* А. А. Пластова; *Зимний закат* М. Сатарова; *Зимняя фантазия* В. В. Воробьева; *Зима* И. И. Бродского; *Зимний пейзаж* С. Ф. Колесникова и др.

⁹ *Зима художником вдруг стала | И кисти белокрылой взмах...* | Одним мазком разрисовала | На улицах всё и домах... *Зима – талантливый художник! Картины пишет хоть куда...* | *Надев свой свадебный кокошник, | Разрисовала города* (Лашёнова-www).

¹⁰ Часто *зима* появляется в заголовках песен типа: *Белая вьюга – зима снегом запорошила!*; *Вечер холодной зимы; Встреча зимы; Вьюга-зима; Долгая зима; Зима, зима; Зимний сон; Зимняя любовь; Зимняя сказка; Зимушка; Зимушка-зима; Как я тебя ждала в тот хмурый зимний вечер; Подари мне зимний вечер; Приятного зимнего вечера; Русская зима.* Это относится и к криолеме *снег*: *А снег не знал и падал; Одна снежинка; Пал падал снег; Снежок стелется.* Остальные криолемы реже встречаются: *Вьюга; Опять метель; Синий иней* и т. п.

¹¹ Например, *Снежная буря & Ледяная холодная река* [Snowstorm & Icy Cold River], *Темная зимняя музыка – снежная земля* [Dark Winter Music – Snowland], *Красивая зимняя музыка* [Beautiful Winter Music], *Снежная буря* [Blizzard Snowstorm], *Звуки снежной бури* [Blizzard Storm Sounds], *Снежная буря в лесу* [Snowstorm in the Forest], *Звуки метели за окном и уютный камин.*

¹² Например, Вольфганг Шорлау: *Горячие холода* [Wolfgang Schorlau: Brennende Kälte]; Петер Штам: *Приблизительный пейзаж – тьма севернее Арктического круга* [Peter Stamm: Ungefähre Landschaft – die Dunkelheit nördlich des Polarkreises]; Норберт Гстрайн: *Зима на юге* [Norbert Gstrein: Die Winter im Süden]; Клаудия Галей: *Зима в Венеции* [Claudie Gallay: Seule Venise].

Литература

1. Бродский И. А. Новые стансы к Августе. Стихотворения. – СПб.: Издательская группа Лениздат – Книжная лаборатория, 2016а. – 160 с.
2. Бродский И. А. Урания. Стихотворения. – СПб.: Издательская группа Лениздат – Книжная лаборатория, 2016б. – 224 с.
3. Бунин И. А. Стихотворения. – М.: Профиздат, 2011. – 256 с.
4. Бунин И. А. Полное собрание рассказов в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2018. – 1117 с.
5. Засорина Л. Н. (ред.). Частотный словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1997. – 936 с.
6. Лащёнова-[www: Лащёнова](http://www.lashchenova.ru/), Аза-Арисяк. Зима-художник. URL: <http://alsant.ru/>.
7. Овешкова А. Н., Старкова Д. А. Образ зимы сквозь призму времени в современной русской поэзии (на материале произведений И. Кнабенгофа) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 25 (284). – Вып. 15. – С. 14–20.
8. Пастернак Б. Лирика. – М.: Эксмо, 2016. – 384 с.
9. Солженицын А. Абрикосовое варенье: Рассказы 90-х годов. – СПб.: Азбука – Азбука-Аттикус, 2018. – 368 с.
10. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII. – СПб.: Азбука – Азбука-Аттикус, 2018 (АГ). – 763 с. URL: http://royallib.com/book/ai_solgenitsin/arhipelag_gulag.html.
11. Шолохов М. Тихий Дон: роман. Кн. 1–2. – СПб.: Азбука – Азбука-Аттикус, 2019 (ТД). – 800 с. URL: https://royallib.com/book/sholohov_mihail/tihiy_don_shedevr_mirovoy_literaturi_v_odnom_tome.html].
12. Юкина Е., Эпштейн М. Поэтика зимы // Вопросы литературы. – 1979. – № 9. – С. 171–204.
13. Tošović Branko (Hg. / ur.). Kriopoetika Iva Andrića i ruskih nobelovaca / Die Kryopoetik von Ivo Andrić und russischen Nobelpreisträgern. – Graz / Grac – Beograd – Banjaluka: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz – Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske – Svet knjige – nmlibris, 2020a. – 786 s. [Andrić-Initiative 13]
14. Tošović Branko. Andrićeva kriopoetika. In: Tošović, Branko (Hg. / ur.). Kriopoetika Iva Andrića i ruskih nobelovaca / Die Kryopoetik von Ivo Andrić und russischen Nobelpreisträgern. – Graz – Beograd – Banjaluka: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz – Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske – Svet knjige – nmlibris, 2020b. – S. 17–106.

Лидија Тантуровска

(Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», Скопје, Македонија)

ТАЈНИТЕ ЈАЗИЦИ

Тајните јазичи претставуваат средство за комуницирање во определени групи (тајфи), кои се занимавале со определена дејност (знает) во определено (минато) време. Во објавените материјали и литература се среќаваат повеќе термини за именувањето на овие говори и тоа *пословечки*, *опачечки*, *ластовечки* итн. *говори*, односно *јазичи*. За нив има податоци (а подоцна и истражувања) уште во деветнаесеттиот век. Познато е дека голем број тајни јазичи се јавиле на Балканскиот Полуостров и особено на територијата на Македонија. Меѓу нивните запишувачи се јавува Марко Цепенков, кој ги публикувал заедно со другиот собирачки материјал. Со општествените промени се губат занаетите, а заедно со нив и тајните јазичи. Останува интересот за нивното анализирање и проучување, од јазичен аспект.

Клучеве слова: тајни јазичи (говори), пословечки јазичи (говори), Цепенков.

Лидија Тантуровска

(Институт македонскогo јазика имени Крсте Мисиркова в Скопје, Македонија)

О СЕКРЕТНЫХ ЯЗЫКАХ

Секретные языки представляют собой средство коммуникации в определенных группах (группировках), занимающихся определенной деятельностью (ремеслом) в определенном (прошлом) времени. В печатных источниках и литературе встречается несколько терминов для обозначения этих говоров, а именно: побуквенные, тайные или секретные (в мак. яз.: «*пословечки*», «*тајни*», «*ластовечки*») и т. д. говоры или языки. Первые данные о них (а после и исследования) появились ещё в девятнадцатом веке. Известно, что на Балканском полуострове, и особенно на территории Македонии, существовало большое количество секретных языков. Одним из собирателей данных об этих языках был Марко Цепенков, который опубликовал свои записи вместе с другими собранными материалами. Общественные изменения привели к утрате ремесел, а вместе с ними и к утрате секретных языков, но сохранился интерес к их анализу и изучению в языковом аспекте, а также в рамках стилистики.

Ключевые слова: тайные языки (говоры), секретные языки (говоры), Цепенков.

ABOUT SECRET LANGUAGES

Secret languages are means of communication in certain groups (gangs), which were engaged in relevant activities (crafts) in a specific (past) time. Materials and literature published provide numerous terms to specify those synonyms such as proverbial, secret, reversed, swallowed, and etc. speeches or languages. There are data about them (and researches further) even in the nineteenth century. It is known that numerous secret languages appeared on the Balkans, and in particular in the territory of Macedonia. Marko Cepenkov was among those who recorded and published them together with other collectible material. Crafts vanished due to the social changes along with the secret languages. The interest for their analysis and study from a linguistic point of view remains, even within stylistics.

Key words: secret languages (dialects), proverbial languages (dialect), Cepenkov.

Во објавените материјали и литература се среќаваат повеќе термини за именувањето на тајните говори и тоа: *пословечки, опачечки, ластовечки* итн. *говори*, односно *јазичи*. Тајните јазичи претставуваат средство за комуницирање во определени групи (тајфи), кои се занимавале со определена дејност (занает) во определено (минато) време. Многу од нас се сеќаваат на ваквите јазичи од детството. Во продолжение ќе дадеме еден пример:

Попо оповопој поповопод ќепепропозбопорипимепепепештопо запа тапајнипитепејапазиципи.

По направетната мала анкета меѓу младите, може да се каже дека ретко кој од денешните помлади генерации може да ја разбере реченицата што е напишана (изговорена), а која значи: *По овој повод ќе прозбориме нешто за тајните јазичи*.

Во овој пример го препознаваме *пословечкиот детски говор*, чија матрица се наоѓа во фолклорното богатство на еден народ, особено на македонскиот, чија територија се смета за „татковина“ на тајните говори. За пословечките говори, односно јазичи, се пишувало како од фолклористички, така и од лингвистички аспект.¹

Сепак, се согласуваме со научната теза дека од структурна гледна точка се работи за два различни начини на постигнување „тајност“ иако се употребуваат доста недоследно и дури како синоними во еден ист напис. Имено, во првиот случај (во примерот) „тајноста“ се постигнува по чисто механички пат (може со вметнување нови гласови и слогови во трите позиции на слогот или со преместување на редот на слоговите и сл.), при што доаѓа до менување само на надворешната страна на зборовите. Во вториот случај, во тајните говори (јазичи) доаѓа до изменување на еден дел од лексиката (од полнозначните зборови), при што се создаваат: неологизми, семантички измени, како и заемање на зборови од туѓо по-

¹ За оваа проблематика по повеќе прилози, во фолклористката, имаат пишувано: Поленаковиќ, Шишманов, Јагиќ и др., а во лингвистиката: Оливра Јашар-Настева, Благоја Корубин, Борис Марков, Ѓорѓи Поп-Атанасов и др. (в. Литература).

текло), кои се применуваат и во мајчиниот јазик.

Без да навлегуваме длабоко во историско-културните врвици на истражувањата, ќе споменеме дека уште во деветнаесеттиот век Јиречек (Jireček 1885) зборува за три места на Балканот во кои се среќаваат тајни „жаргони“ кај Јужните Словени (во западно-родопското село Брацигово; во Осат – Босна и во околината на Врање). Она што треба да се истакне, според истражувањата, е дека во минатото се izdelува една поголема област на Балканот, односно југозападниот него дел, каде што се концентрирани тајните јазичи, во која влегуваат: Епир, југоисточна Албанија и југозападна Македонија. Втора таква зона го зафаќа централниот дел од Полуостровот, со источна Босна, Косово и Јужна Србија. Се смета дека од овие две зони се шират понатаму тајните јазичи. Кога станува збор за нивниот број, се смета дека е импозантен, со оглед на тоа што се наоѓаат концентрирани на мала јазична територија.

Според досегашните истражувања, се наведува дека уште во својот „Тријазичник“ Ѓорѓи Пулевски (Пулевски 1875: 160–161) пишува за „ластовичкиот“ јазик што го употребувале Мијаците.² Кон ова ќе додадеме дека во 1892 г. редакцијата на *Сборникъ за народни умотворения и книжнина* (СБНУ VIII 1892: 284) ги поканува своите соработници за собирање материјали од тајните и од пословечките јазичи (говори), на чија покана се јавува собирачот на македонскиот фолклор, Марко Цепенков, за кого се мисли дека е иницијатор.³ Набргу се објавува богат материјал на страниците на СБНУ, кој, како што нагласува Јашар-Настева: „сиот се однесува на македонското јазично подрачје или пак за ТЈ (Л.Т.: тајните јазичи) пренесени од Македонија.“ Покана за проучување на тајните јазичи има и неколку децении подоцна (во 1928 година во *Гласник Скопског научног друштва*) од Т. Ѓорѓевиќ, со

² Сп.: „А мијајци се вељад и за това зашто имаед уште еден јазик од овја кои је одељен а тои им је ластовечки и тајни, медју себе кога им треба си зборувајед“.

³ Цепенков Марко К. „Условен ботушарски език“, СБНУ VIII 1892: 284–288. Се работи за еден дијалог меѓу двајца папуции од Прилеп.

образложение дека во Македонија има голем број тајни јазици. Понатаму, желбата за проучување, како и самото проучување на тајните јазици се јавува на бранови, па следен таков бран е меѓу двете светски војни (преку делата на: Тројановиќ, Филиповиќ, Русиќ, Шмаус, Димитријевиќ итн.), за потоа, по ослободувањето, со несмален интензитет да продолжи на страниците на списанието „Македонски јазик“⁴.

Причината за создавањето на тајните јазици е позната, а се заснова на економските услови во осумнаесеттиот и во деветнаесеттиот век кога голем број луѓе редовно оделе на повремени сезонска работа (на гурбет) во соседните балкански земји, во рамките на Отоманската Империја. Како што е познато, се одело во групи (тајфи), кои во голема мера претставувале организирана целина, чии врски на членовите станувале уште поцврсти со заедничкото живеење. Токму тоа: животот во ваквиот вид заедници, релативната изолираност од околниот свет, секојдневната борба за опстанок во непозната и туѓа средина, потребата да се заштитат личните и еснафските интереси, пред сè, од работодавецот, од домаќинот или од непожелните присутни, ги принудило луѓето од тајфата да побараат и да усовршат уште едно средство за одбрана и заштита, а тоа е токму јазикот, и тоа тајниот јазик, кој би се разликувал од останатите стандардни национални јазици во средината. Но, тајните јазици се јавуваат како секундарни зашто нивните корисници, надвор од работното место, си го практикуваат својот местен говор. Тајните јазици (говори), разбирливо, ги зборуваат мажите иако, има забележено, дека некои тајни јазици биле разбирани и од нивните жени, па и деца (Филиповиќ Мил. С. 1932: 208). Има податок дека познавачите на тајните јазици се неписмени. Но, за да се усвои систем на еден јазик (па и таен, секундарен), сметаме дека не може секој, односно дека тие луѓе сепак имаат природен усет за учење јазик.

Евидентирањето на тајните јазици го позајмивме од Јашар-Настева (Јашар-Настева: 560), која вели дека, според литературата, собран и објавен материјал има

⁴ <http://imj.ukim.edu.mk/CMS/Upload/BIBLIOGRAFIJA-MJ-I.pdf>, посетено во мај 2021.

од следниве дванаесет тајни јазици (според занаетите)⁵: *сидарски, папуциски, терзиски, терз.-алвациски, питачки, цигуларски (туџарски), дрндарски, калајџиски, ликарски, мутавџиски, копаничарски и ластовечки*.

Она што го истакнува Јашар-Настева е фактот дека во екот на нивното запишување, тајните јазици биле во процес на губење.

Како интересен факт треба да се даде дека кога станува збор за нивната употреба, има случаи еден ист таен јазик да биде „заеднички“ за две различни еснафски средини. За пример ќе го наведеме *сидарскиот* од Прилеп, со кој се служеле и: папуџии, бојаџии и терзии. Во оваа смисла е и информацијата што му ја дал Цепенков на Шишманов, а тоа е дека казанџиите од Прилеп немале свој таен јазик, туку се служеле со тајниот јазик на папуџиите (Гбјув 1900: 842).

Во десеттата книга од собраните дела на Марко К. Цепенков (Цепенков X, 1980: 191–238), посебен дел им е посветен на тајните и пословечките говори, каде што свое место заемаат насловите: 1. *Таен просјачки разговор (од Прилеп)*; 2. *Условен папуџиски јазик во Прилеп*; 3. *Таен разговор повеѓу двајца штитиски дулѓери Доне и Коце*; 4. *Таен или опачки јазик на софиските дулѓери*; 5. *Опачки јазик од Прилепско*; 6. *Имиња машки и женски преведени пословечки (од Прилепско)*; 7. *Песни направени по пословечки (од Прилепско)*; 8. *Од пословечките детски говори во Прилепско (8.1. Јазик на гра; 8.2. Птичешки јазик; 8.3. Штркалџки јазик; 8.4. Јазик на мање; 8.5. Петелов јазик; 8.6. Јазик на уша, уше; 8.7. Јазик на ноори; 8.8. Јазик на нандара; 8.9. Јазик на ликус; 8.10. Јазик на сион; 8.11. Јазик на ригу; 12. Јазик на фа, фе, фи и др.)*.

Од јазичен аспект овој материјал заслужува одделно внимание. Во оваа пригода ќе нафрлиме по некоја (јазична) особина за „да го отвориме прашањето“ за потребата од целосна анализа на материјалите од тајните и од пословечките говори, забележани од Мар-

⁵ Од прегледот што е даден може да се констатира дека името на занаетот се јавува како главен елемент при именувањето на тајните јазици, а за тоа, како што наведовме, говорителите на тајните јазици во Македонија (па поширокот и на Балканот), се луѓе од определен општествени слој и се занимаваат со иста професија.

ко Цепенков. Како честа појава се јавува замена на лексеми, како на пример: – Чуму ти е пан, Цветко, зер ти се липа пан? (Цепенков (1.) 1980: 191), каде што има замена на именката *леб* со именката *пан* и има замена на глаголот *јаде* со глаголот *липа*. За да ја доловиме различноста на јазиците, ќе наведеме дека во друг таен јазик именката *леб* е заменета со именката *калос*, како во примерот: – Арноко велиш, не е овој некој бачов, ами е левак, доста е што ни дава калос, бело и црвено (Цепенков (3.) 1980: 201), каде што бачов е Турчин, левак е рисјанин, калос е леб, бело е ракија и црвено е вино).

Менувањето на редот од слоговите е уште една појава во тајните јазици, поточно во опачкиот јазик од Прилепско, како во примерите: – *троу бродо* наместо *Добро утро*, или: – *бог зимоно* наместо *Помози бог* (Цепенков (5.) 1980: 212) итн.

Механичката измена на изразот ја среќаваме во делот: *Од детските пословечки говори во Прилепско*, каде што се дадени осумте прилози. Пример ќе земеме од јазикот на *гра*: *Маграјкагра кегре мегре догренегресигри* (Цепенков (8.1.) 1980: 216).

Како што споменавме, на страниците во првите броеви на списанието „Македонски јазик“, се пишува за пословечките говори. Меѓу анализите, се среќава и статијата *Поглед на слоговното делење во македонскиот јазик*, во која Благоја Корубин (Корубин 1955: 22) ја

покажува полезноста на овие говори при слоговното делење на зборовите во еден јазик, во конкретниов случај – во македонскиот, за што може да се размислува понатаму.

Занаетчиството постепено згаснува, а заедно со него и тајните јазици.

Според современите истражувања, денес „тајноста“ се заменува со „јавност“. Така, сè повеќе се има желба, на пример, на социјалните мрежи, да се сподели сè што се прави, од рутински работи во текот на денот, до настани што се чекаат во животот (дипломирање, венчавка, свадба итн.). Сето тоа оди со текст и со слика/фотографија, а под постот, одат коментари (помали и поголеми). Се добива претстава дека повеќе не постои приватност.

На крајот би додале дека кога станува збор за јазик (говор) во една затворена заедница (група луѓе), треба да се нагласи дека денес, евенурално, можеме да зборуваме за „таен јазик“ во професијата, во фамилијата, односно за професионализми, за фамилијаризми итн. Пример за тоа е јазикот на информатичарите, на лекарите, на правниците, односно меѓу членовите на едно семејство и слично. Според сето досега кажано, ќе подвлечеме дека тајните јазици (говори), како појава, остануваат во слоевито богатство на фолклорот, но истовремено претставуваат јазичен раритет, кој предизвикува интерес кај лингвистите.

Литература

1. Ѓџбјув Петко К. Принос към българските тайни езици // СБНУ XVI–XVII –1900. – С. 842–875.
2. Ѓорђевић Т. О тајним језицима // Гласник Скопског научног друштва III. – 1928. – С. 322–333.
3. Јашар-Настева О. Албански зборови во македонскише тајни јазици // Македонски јазик IV. – С. 60–65, 84–92, 132–140.
4. Поленаковиќ Х. Прилози кон македонските тајни јазици // Македонски јазик II. – С. 51–52; 49–56; 209–211.
5. Поленаковиќ Х. Нов прилог кон македонските тајни јазици // Македонски јазик III. – С. 57.
6. Пулевски Ѓорѓи. Речник од три језика С. Македонски, Арбански и Турски. – Београд, 1875. – 174 с.
7. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина XV, Министерство на народното просвещение. – София: Държавна печатница, 1898.

8. Цепенков Марко К. Македонски народни умотворби, кн. 10. – Скопје Македонска книга, 1980.
9. Jireček Konstantin. Conventionele Geheimsprache auf der Balkanhalbinsel // Archiv für slavische Philologie VIII. – 1885. – P. 99–103.
10. <http://imj.ukim.edu.mk/CMS/Upload/BIBLIOGRAFIJA-MJ-I.pdf>

Н. А. Ковалёва

(Российский новый университет, Москва)

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИСКУРС XIX ВЕКА: ЖАНРОВО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена эпистолярному дискурсу XIX века в жанрово-коммуникативном аспекте. На материале частных писем русских классиков XIX века показана межжанровая структурность частного письма, отражающая его речевую специфику. Являясь представителем вторичного речевого жанра, письмо включает в себя простые первичные жанры. Письма И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и А. П. Чехова свидетельствуют о синкретизме жанра, разнообразии жанровой палитры эпистолярного дискурса и характеризуются смешением стилей, литературных родов.

Ключевые слова: эпистолярный дискурс, эпистолярный жанр, синкретизм жанра, речевая специфика, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов.

Natalia A. Kovalyova

(Russian New University, Moscow)

EPISTOLARY DISCOURSE OF THE 19TH CENTURY: GENRE-COMMUNICATIVE ASPECT

The article is devoted to the epistolary discourse of the XIX century in the genre-communicative aspect. On the basis of private letters by Russian classical authors of the 19th century the authors demonstrate that across-a-genre characteristics of epistolary texts reflect specific characters of the speech situation. Being a representative of a secondary genre, epistolaries also include elementary speech genres. The letters of I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy and A. P. Chekhov testify to a syncretic genre, the diversity of the genre palette of epistolary discourse and are characterized by a mixture of styles and literary genera.

Key words: epistolary discourse, epistolaries, syncretism genre, speech specificity, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov.

В современной теории дискурса – одно из наиболее активно развивающихся направлений современного языкознания, объектом всестороннего изучения является не абстрактная языковая система, а живая речь в условиях реального общения. В ряду различных видов дискурса (научного, образовательного, массмедийного, PR-дискурса и т. п.) особое место занимает эпистолярный дискурс. Если под медиадискурсом понимается «совокупность текстов, созданных журналистами и транслируемых на массовую аудиторию через различные медийные каналы...» (Клушина 2014: 71), то эпистолярный дискурс понимается нами как система эпистолярных текстов – письменных текстов определенной жанрово-стилевой принадлежности в единстве их лингвистических и экстралингвистических параметров, за которыми стоит языковая личность автора. В литературе вопроса признаётся многомерность, многослойность эпистолярного дискурса.

Современное состояние исследования эпистолярного дискурса в области типологии частного письма определяется различными аспектами его изучения и не обладает единой типологической классификацией, что объясняется как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими обстоятельствами. Содержательное разнообразие писем, ролевой статус коммуникантов (адресант/автор – адресат/читатель письма), а также различные целеустановки, характеризующие эпистолярный, приводят к тому, что до настоящего времени не существует последовательной стратификации описания переписки – эпистолярного дискурса. Синхронное осмысление типологии письма, по нашему мнению, следует соотносить с разными сферами его описания. Вследствие этого можно выделить разные классификационные аспекты: жанрово-коммуникативный; семиотико-семантический (тематический); текстологический; стилистический и некоторые другие. Безусловно, все эти аспекты взаимосвязаны и взаимобусловлены, и их совокупное рассмотрение даёт возможность составить представление об архитектонике эпистолярного дискурса.

В фокусе исследований современных ученых находится проблема соотношения речевого жанра и дискурса, в одном из ракурсов которой «речевые жанры понимаются как составляющие дискурса» (Алефиренко 2009: 56). В статье обратимся к жанрово-коммуникативному аспекту, главным образом определяющему, на наш взгляд, архитектонику эпистолярного дискурса.

Как представитель вторичного речевого жанра, частное письмо включает в себя и трансформирует простые первичные жанры, которые сложились в условиях письменного диалогического общения. При таком понимании вторичности жанра речь идёт об усложнении, определенном суммировании, переакцентуации простых жанров – извинения, просьбы, упрека, намека, прощения и т. п. В частном письме отмечаются такие важнейшие свойства эпистолярного жанра, как ситуация и сфера общения, интенциональный фактор, специфическая форма речи, а также стратегия и тактика ведения коммуникации. По мнению А. В. Курьянович, «в определенных случаях, обусловленных авторской коммуникативной установкой, становится возможным «выход» эпистолярных текстов за пределы «родной» разговорной сферы общения, в результате чего возникают условия для создания текстовых феноменов синтетичной жанрово-стилевой ориентации, «смещения стилей» в рамках одного жанра» (Курьянович 2012: 171).

Частное письмо «живёт» первичными жанрами, представляющими текст от автора в разнообразной межжанровой вариантности. Содержание одного письма выражается в рамках различных речевых жанров. Межжанровая структурность частного письма отражает его речевую специфику: гибкость и динамичность языковых единиц определяют свободу стилистических вариаций и расширяют их семантические возможности в контексте эпистолярного дискурса.

Лексика приобретает новые смысловые возможности при контактировании с иным строем речевого мышления. Так, комическое связано с устойчивостью национальных представлений о шутовском, развлекательном, остроумном, заложенных в языковом сознании русского общества, точно так же,

как и «проявление взаимно доброжелательного отношения партнеров коммуникации мыслится как коммуникативно-этическая норма, реализация которой обеспечивает не только положительный эмоциональный фон общения, но и является условием качества общения» (Шалина 2018: 65). Существование в обыденном сознании таких психоментальных категорий, как шутка, острота и др. и их осмысление позволяют говорить о том, что эпистолярные тексты, обладающие этими категориями, в своей архитектонике имеют специфические признаки синкретизма жанра.

Эта малая литературная форма действует в относительно изолированном контексте и характеризуется: а) добродушно-насмешливым отношением к кому-либо, чему-либо; б) умением подмечать и представлять в комическом виде забавное и несуразное той или иной ситуации; в) художественностью изображения в виде эпиграммического – стихотворной остроты, шутливо-сатирического отношения к чему-либо, кому-либо, пародийности представления факта.

Межжанровость свойственна письмам И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. У писателей частное письмо обладает межжанровым характером в двух случаях: 1) если его фрагмент представляет собой будущий отрывок текста романа или рассказа; 2) если в его дружеском, интимном или салонном письме смешаны не только разные жанры, но и роды литературы.

Например, ранние письма И. С. Тургенева включают собственные лирические стихотворения:

Что, батюшка, ей-богу – престранная вещь: так привык слышать каждый день голос Шушу – что теперь и грустно... Ну, уж так и быть – не стану церемониться; чтобы дать Вам понятие о моих ощущениях в отношении к Шушу, вот Вам какие стишки я подмахнул:

*Что тебя я не люблю –
День и ночь себе твержу.
Что не любишь ты меня –
С тихой грустью вижу я.
Что же я ищущ с тоской,
Не любим ли кто тобой?
Отчего по целым дням
Предаюсь забытым снам?*

*Твой ли голос прозвонит –
Сердце вспыхнет и дрожит.
Ты близка ли – я томлюсь
И встречать тебя боюсь –
И боюсь и привлечен...
Неужели я влюблен?..*

И. Тургенев

(Н. В. Станкевичу от 8 мая 1840 г.).

И. С. Тургенев в жанре интимно-дружеского письма сохраняет традиции арзамасцев, сочетая два литературных рода – прозу и поэзию. Так, в письмо А. А. Бакунину от 30 апреля 1842 г. он включает свое лирическое посвящение жене А. А. Бакунина, Татьяне Александровне:

Написал я стихотворение «Зимняя прогулка» – посвящается Вам, Алексей... довольно длинное – я Вам его прочту в Москве: и другое, посвященное Татьяне Александровне... Это так начинается:

*Осенний вечер... Небо ясно;
А рожа вся обнажена –
Ищу глазами я напрасно:
Нигде забытого листа...
Нет – по песку аллеи широких
Все улеглись – и тихо спят,
Как в сердце грустном дней далеких
Безмолвно спит печальный ряд.*

И т. д.

Остальное я прочту, может быть, когда увижусь <...>

Ваш

Тургенев.

В более поздних письмах Тургенева нередко встречаются стихи Пушкина, Баратынского, Некрасова, Фета и др. поэтов с его комментариями.

Переписка И. С. Тургенева с П. В. Анненковым содержит нередко бурлескные фрагменты письма арзамасского⁶ типа:

⁶ Арзамасское письмо, являясь типичным представителем дружеского письма, воплотило в себе особенности национального менталитета, характер русской литературной игры, смешение литературных родов и видов, приводящих к яркой экспрессивности и эмоциональной напряженности, что определяло стилистический строй письма. Эти письма ходили внутри кружка «Арзамас», который был организован в Санкт-Петербурге в 1815 г. как реакция против «шишковской беседы».

Прежде всего, любезный Анненков, поздравляю Вас с окончанием многотрудного Вашего дела, то есть с окончанием начала этого дела. Дай бог в добрый час!.. На старости лет (мне четвертого дня стукнуло 36 лет) – я едва ли не влюбился. Я вижу отсюда, как у Вас круглятся глаза и губы, раскрывшись, испускают звук: кгха, кгха, кгха – что, по-Вашему, значит смеяться, но не могу скрыть, что поражен в самое сердце...

В голове копошится многое – но лень взяться за перо. А надо бы....

Небось вспомнил некоторые поздние наши прогулки из Миллионной в Морскую нынешней зимой, прогулки, оканчивающиеся обыкновенно всеожраением битка у Дюссо... (П. В. Анненкову от 1 ноября 1854 г.).

Образ автора в вышеприведенных письмах вариативен, но в них сохраняются арзамасская нормативность – готовность к любви и дружбе, любовь к литературе, пародийность и нередко вульгарность изложения.

Традиции арзамасцев характерны и для эпистолярного дискурса Л. Н. Толстого. Так, в одном из дружеских писем, прибегая к родо-видовому эпистолярному повествованию, писатель дает поэтический ответ на неизвестное стихотворное послание А. А. Фета:

*Как стыдно луку перед розой,
Хотя стыда причины нет,
Так стыдно нам ответить прозой
На вызов Ваш, любезный Фет.
Итак, пишу впервой стихами,
Но не без робости ответ.
Когда? Куда? решайте сами,
Но заезжайте к нам, о Фет!
Хотя весь дом наш в перекраске,
Народу столько, сколь в участке,
Которым управляет Фет;
Но в тесноте обиды нету,
Реченья русское гласит,
Итак, мы рады будем Фету,
И так жена сказать велит.
В урочный час будет карета
Стоять на станцыи Ясенки,
Я пощущу в вагонах Фета
И огляжу все уголки...
Так мало умных на сем свете,
А дураков так много тут,
Что, как подумаю о Фете,
От мысли слюнки потекут.*

*Сухим доволен буду летом,
Пусть погибают рожь, ячмень,
Коль побеседовать мне с Фетом
Удастся вволю целый день.
Заботливы мы слишком оба,
Пушкай в грядущем много бед,
Довлеет дневи его злоба,
Так лучше жить, любезный Фет...
Без шуток, пишите поскорей, чтоб
знать, когда выслать. Жена родит на днях.
Но если бы я по случаю ее родов не мог
принять вас, я во всяком случае вышлю вам
весть на станцию. Ужасно хочется вас видеть.*

Ваш Толстой

(Л. Н. Толстой А. А. Фету, 8-10 июня 1872 г.).

Что касается эпистолярного дискурса А. П. Чехова, то его письма, особенно к своим близким, пронизаны юмором, иронией, неожиданным поворотом мысли и полны иллюзий авторского Я. Разнообразие жанров палитры чеховского эпистолярного дискурса, включающего смешение стилей, литературных родов, свидетельствует о необычном тематическом и композиционном устройстве и создает необычайный блеск чеховской эпистолярной совместимости.

Бурлеск арзамасского письма сохранился в общей пародийно-комической тональности чеховских посланий, но тонкость интеллектуального исполнения характеризует как самопознание культуры письменности конца XIX в., так и мастерство художника слова. Объединение письма как специфического прозаического жанра и драмы как рода литературы является специфической чертой чеховского эпистолярного дискурса. Сценичность как проявление собственно чеховской арзамасскости выражается в диалогичности, в рецензиях-пародиях на спектакли в саду «Эрмитаж», в привычке излагать свои мысли об искусстве языком драмы и даже с подробным описанием поведения актеров и зрителей зала.

Озорная записка, адресованная Л. Мизиновой в 1890 г., в год «отречения» от театра после провала чеховской пьесы «Леший» отражает тайную любовь писателя к драматургии. Эта записка – драматизированный эпистолярный: *Трофим! Если ты, сукин сын, не перестанешь ухаживать за Ликой...* Угрожая воображаемому сопернику, А. П. Чехов

подписывается: *Ликин любовник*, – и делает приписку:

Из пьесы:

1-ая дама. Это ваш сын?

2-ая дама. Нет, наоборот; это сын Аглаи

Ивановны.

1-ая дама. Виновата... Вы девушка?

2-ая дама. Нет, наоборот. Я замужем.

1-ая дама. Не хотите ли закусить?

2-ая дама. Нет, наоборот.

(Занавес).

Э. Полоцкая отмечает, что «нельзя не почувствовать «драматургический пульс» в самом его эпистолярном повествовании... Разнообразие писем, анализируемых в связи с драматическим талантом Чехова, имеет и другой смысл: на них лежит печать драматического рода литературы вообще и жанров чеховской драмы в частности: водевилей... так называемой психологической драмы с косвенным выражением мысли и чувства (двойной план действия, подтекст, лейтмотивы – одним словом, все, что создает настроение)» (Полоцкая 2000: 65). Таким образом, А. П. Чехов, соединяя эпистолярный и драматургию, создает контекст разговора, который ведется с реальным собеседником.

Эпистолярный дискурс Чехова обладает как межжанровой, так и внутрижанровой вариативностью сообщения. См. письмо к О. Л. Книппер от 17 февраля 1903 г.: *Дуся, зачем ты прислала мне почтовую повестку? Надо было просто написать или сказать почтальону мой адрес, вот и все. Оную повестку получи при сем и тотчас же прикажи опустить в почтовый ящик, не наклеивая никаких марок и не кладя в конверт. Поняла?*

Почему ты так радуешься, что тебе удастся роль добродетельной? Ведь добродетельных играют только бездарные и злые актрисы. Вот тебе, скушай комплимент. Уж лучшие тех ролей, что я написал для тебя («Чайка», например), у тебя едва ли найдется. Не говорю, что роль написана хорошо, но она играетя тобою великолепно. А позвать Коммиссаржевскую для «Чайки» – это было бы совсем недурно.

Я здоров. Больше ничего не имею сообщить о своей особе.

Ну, целую мою бабулю. Будь здорова, вспоминай иногда о муже.

Твой А.

Первый абзац письма, характеризующийся межжанровой вариативностью, включает противопоставление обыденной разговорности (интимно-бытовое обращение *Дуся*, *просто сказать или написать почтальону мой адрес* и т. д.) и официозной книжности (*оную повестку получи при сем, прикажи опустить и др.*) Стилизованное противопоставление *Дуся*, *просто написать и сказать*, *Поняла?* и архаическая лексика *оный*, *при сем* создает семантический контраст. Этим контрастом разрушаются законы стилистических норм, свойственных эпистолярным XIX в. Экспрессивно-эмотивная ласкательность, доброжелательность в зачине и резюме абзаца рассогласовываются с иронически-насмешливой торжественностью, официально-деловой аксиологией: *Оную повестку получи при сем...* Возникает стилистическая амбивалентность ('двойственность чувственного переживания'), именно она регистрирует шутовую пародийность чеховской манеры изложения события.

Внутриэпистолярная амбивалентность представлена также семантико-стилистическим контрастом синонимических номинаций – обращений в начале и конце письма: *Дуся – Бабуля*. Общая разговорная принадлежность указанных слов, а также ласкательность обращений – интегральные признаки, которые в тексте письма расходятся в семантически-аксиологических интерпретациях. *Дуся* – слово разговорно-бытовое, *бабуля* – также разговорно-бытовое, но слово *бабуля* обладает негативно-ласкательной аппрессивностью – легкой уничижительностью при указании возраста адресата. Антитетичность нарушает этикетную квалификацию тех лет: О. Л. Книппер в то время было 35 лет (О. Л. Книппер-Чехова – 09.09.1868 г. рождения).

Переосмысление жанра коммуникации и закрепление его в чеховском письме не только расшатывает его систематизацию, но и дает основания для определения границ жанра эпистолярного как речевого явления. Особенность эпистолярного дискурса, связанная с диалогизацией общения, расширяет понимание структуры общения и через нее оценку истинного значения авторской модальности.

Таким образом, специфика эпистолярного дискурса, отражающего эпистолярную коммуникативную деятельность, эпистолярную речь, погружённую в жизнь коммуникантов, ее смысловозначительные особенности, связанные с типами диалога, расширяет понимание жанровой структуры общения, реплику в диалоге и через нее оценку ис-

тинного значения диалогической модальности. Коррелятивность и взаимодействие жанров, синкретизм в структуре эпистолярия в конце XIX в. отражают высокоразвитую систему письменного общения и свидетельствуют о разнообразии жанровой палитры эпистолярного дискурса писателей XIX в.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Проблема соотношения речевого жанра и дискурса // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2009. – № 2. – С. 53–61.
2. Клушина Н. И. Медиастилистика // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 69–77.
3. Курьянович А. В. Литературный эпистолярный жанр как стилистический феномен (на материале писем М. В. Нестерова) // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 170–179.
4. Полоцкая Э. О поэтике Чехова. – М.: Наследие, 2000. – 238 с.
5. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1978.
6. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма в 13 т. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1953–1958.
7. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма в 12 т. – М.: Наука, 1983.
8. Шалина И. В. Доброжелательность как коммуникативная константа русской культуры // Cross-Cultural Studies Education and Science. Special issue. – Volume 3, Issue III. – September 2018. – P. 63–68.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

- ◆ Функциональный стиль
- ◆ Религиозный язык
- ◆ Художественная речь
- ◆ Официально-деловая речь
- ◆ Медиаверсия делового текста

Александр Гадомский:

«Мы считаем, что объектом исследования теолингвистики является религиозный язык в широком и узком понимании термина, поскольку он не менее многогранен, чем язык как объект исследования светского языкознания.

Предмет исследования теолингвистики составляют проявления религии, которые закрепились и отразились в языке».

«Теолингвистика, по нашему мнению, должна решать не только сугубо научные, но и дидактические, образовательные, социальные, культурные, этические и многие другие проблемы, должна способствовать формированию «картины мира» человека нового мира, новой эры – человека образованного, терпимого, толерантного, допускающего, что в системе научных взглядов могут иметь место не только материалистические теории».

Василий Павлович Москвин:

«Становление художественного стиля (ХС) в его современных очертаниях произошло в конце XVIII – первой трети XIX в. ввиду ряда объективных исторически обусловленных причин, в частности настоятельной необходимости дальнейшего развития системы номинативно-выразительных средств русского литературного языка (и тем самым преодоления некоторого отставания в этом плане от других европейских языков, прежде всего английского, немецкого и французского), что потребовало кардинальной переработки и существенного дополнения данной системы в рамках языковой реформы Н. М. Карамзина – создателя «нового слога», образцами которого стали «Письма русского путешественника» (1791–1792) и повесть «Бедная Лиза» (1792)».

Мария Андреевна Ширинкина:

«Становление коммуникативной лингвистики, распространение теории дискурса и лингвопрагматики влекут за собой активное применение в отечественной стилистике речедетельностного подхода. В связи с этим в конце XX – начале XXI столетия широкое распространение получают исследования не официально-делового функционального стиля и даже не делового языка, а различных дискурсивных практик, соотносимых с теми или иными институциями, а также областями и ситуациями делового общения.

На первый план в исследованиях деловой речи выдвигается деятельностный подход и соответствующий ему динамический аспект, предполагающий характеристику отдельных речевых шагов и целых моделей речевого поведения субъектов, стремящихся наилучшим образом реализовать коммуникативный замысел и тем самым достичь коммуникативной цели».

Ирина Андреевна Вещикова:

«Медиаверсии официально-деловых источников крайне разнообразны, отличаясь по своим целям и задачам, манере речи и достоверности, по стремлению оказать влияние на аудиторию, спектру используемых языковых ресурсов и уровню культуры речи автора материала».

«Думается, что плюсы и минусы медийной реализации конкретных документов зависят от разных факторов, среди которых выделим три: профессиональные знания в освещаемой официально-деловой сфере, уровень языковой и речевой компетенции и этико-эстетические ориентиры журналиста. Очевидно, что такого рода корпус тестов нуждается в тщательном изучении, чтобы иметь основания говорить о типичном / нетипичном для медиаверсий и одновременно понять высокий потенциал их воздействия на аудиторию».

Александр Гадомский
(Опольский университет, Польша)

ТЕОЛИНГВИСТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Религия как одна из форм общественного сознания является объектом заинтересованности различных наук, в числе которых может быть названо и языкознание, теология, география и экология религии, история и философия религии, психология религии. Направления, в которых ведутся эти исследования, достаточно разнообразны: язык богословских текстов, проблема перевода, стилистика, лексикология, лексикография, семантика, языковая коммуникация и многие другие. В настоящей статье речь идет о разделе языкознания – теолингвистике.

Ключевые слова: теолингвистика, определение, эволюция дефиниций, методологические вопросы, структура, статус дисциплины.

Aleksander Gadomski
(Opole University, Poland)

THEOLINGUISTICS IN THE CONTEXT OF MODERN LINGUISTIC STUDIES

Religion as one of the forms of social consciousness is the object of interest of various sciences, among which linguistics can be named. Theology, geography and ecology of religion, history and philosophy of religion, psychology of religion, the directions in which these studies are conducted are quite diverse: the language of theological texts, the problem of translation, stylistics, lexicology, lexicography, semantics, language communication and many others. In this article we are talking about the section of linguistics – theolinguistics.

Key words: theolinguistics, definition, evolution of definitions, methodological issues, structure, status of the discipline.

¹ Настоящая статья написана с использованием материалов доклада автора «Теоретические и методологические проблемы современной теолингвистики» на Международной научной конференции «Язык и религия», которая проходила 15–17 сентября 2021 года в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Введение

Если говорить о языкознании как о науке, то во многом оно своим рождением обязано Церкви, поскольку первые языковедческие труды создавались ее служителями с целью налаживания успешной коммуникации с верующими. Подтверждением сказанному может служить классический пример, представленный практически во всех учебниках по истории языкознания, авторы которых утверждают, что колыбелью языкознания следует считать Древнюю Индию, «ибо именно в этой стране с ее древней и оригинальной культурой и философией впервые проявился интерес к изучению языка. Возникновение интереса к исследованию языка было вызвано чисто практическими причинами. Дело в том, что язык древнеиндийских религиозных гимнов (Вед, среди них особенно важна Ригведа), составленных на классическом языке древнеиндийской письменности – санскрите, с течением времени стал отличаться от разговорных языков этой страны, именуемых пракритами.

Предполагают, что наиболее важные священные гимны возникли за 1500 лет до н. э. <...> Санскрит уже в V в. до н. э. перестал употребляться в повседневной жизни как средство общения, оставаясь в дальнейшем орудием интеллектуальной и религиозной жизни. Именно стремление к сохранению точности воспроизведения священных гимнов и вызвало появление языкознания у древних индийцев. Санскрит как литературный язык с особыми нормами нуждался в специальном изучении». Древнеиндийская школа языкознания сегодня считается колыбелью лингвистики (Кондрашов 1979: 7–10). Сказанное позволяет предположить, что языкознание, тесно связанное с теологией, изначально по сути своей, в соответствии с выполняемыми задачами, было теоязыкознанием. Со временем эта наука расширила сферы своего влияния и стала более светской.

Вопросы взаимодействия языка и религии никогда не теряли своей актуальности и в различные исторические эпохи решалась по-разному, прежде всего, потому, что язык и религия всегда зависели друг от друга и всегда проникали во все сферы челове-

ской жизни. В данном контексте следовало бы в очередной раз обратиться «к основным установкам антропологической программы представления языка и культуры В. фон Гумбольдта, согласно которой язык выступает как конститутивное свойство человека и необходимый момент его жизнедеятельности. Осуществление данной программы начинается с создания комплексных (синтетических) дисциплин по изучению языка в тесной связи с фундаментальными сторонами человеческого бытия – мирозерцанием, сознанием, культурой и духовной жизнью человека, рассматриваемыми в лингвистическом преломлении» (Постовалова 2019: 37). Причиной такого преломления стало проведение междисциплинарных исследований и, как следствие, появление таких разделов языкознания, как антропологическая лингвистика, психолингвистика, социолингвистика и ряда других.

В контексте описываемых тенденций в 80-х гг. XX столетия в очередной раз активизировались исследования языковедов, направленные на изучение взаимодействия языка и религии. При этом исследователями было замечено, что в системе научных дисциплин и их разделов практически не представлен раздел языкознания, который бы систематизировал наработки в данной области.

В дальнейшей части настоящей работы считаем необходимым уделить внимание проблеме выделения теолингвистики в раздел языкознания и ее месту в системе лингвистических дисциплин.

Проблема выделения теолингвистики в раздел языкознания

К первой волне собственно теолингвистических исследований могут быть отнесены работы, авторы которых заявили о теолингвистике и предприняли попытку объединить разрозненные языковедческие исследования по проблеме «язык и религия» в общую комплексную (синтетическую) дисциплину, тем самым открыть возможность для оформления и развития недостающего раздела языкознания (Гадомский 2005; Постовалова 2012, 2019; Crystal 1987, 1985, 2008; Gadomski, Łapicz 2008; Kucharska-Dreiß 2004;

Norpen 1980, 1981, 1995; Wagner 1999; Zmuda 2017 и др.). Этот этап, в принципе, пройден. Однако остаются ряд не до конца решенных теоретических и методологических вопросов.

1.1. Определение теолингвистики

Достаточно часто дефиниции терминов находятся в зависимости от многочисленных факторов: их содержание может определяться не только научным подходом или научной позицией исследователя (группы исследователей), материалом исследования, но и местом нахождения (страной проживания) его автора, а в случае с теолингвистикой – его отношением к религии (верующий или атеист), принадлежностью к конкретной религии (христианин, мусульманин и т. д.) и даже конфессии (православный, протестант, католик). Анализируемый термин, дефиниция которого постоянно изменяется и дополняется, не свободен от подобного рода влияний, что порождает споры между языковедами и богословами, верующими и атеистами, представителями различных лингвистических школ и направлений.

Обратимся к истории его появления и попытаемся в общих чертах описать эволюцию его дефиниции. В 60-х гг. XX в. попытки теологов описать в доступной форме все, что связано с Богом, привели к созданию «теографии». Автором этого термина принято считать англиканского богослова и исследователя «Нового Завета» Джона Артура Томаса Робинсона – автора книги «Honest to God» (Robinson 1963). В числе работ, посвященных теографии, которые заслуживают особого внимания, может быть названа и диссертация профессора факультета английской филологии Брюссельского свободного университета в Либре (Université Libre de Bruxelles) Ж.П. ван Ноппена «Spatial Theography: A Study in Linguistic Expression and Communication in Contemporary British Popular Theology (1960–1970)» (Norpen 1979–1980). Будучи языковедом, Ж. П. ван Ноппен выразил мнение, что подобно теологической науке географии должна быть и лингвистическая наука теолингвистика. В книге «Theolinguistics», изданной под его редакцией (Norpen 1981), практически впервые был употреблен термин «теолингвистика» в современном значении (Гадомский 2005; Kucharska-Dreiß 2004; Zmuda 2017).

Распространение термина «теолингвистика», несомненно, является заслугой Д. Кристала, который включил его в «The Cambridge Encyclopedia of Language», опубликованной к тому времени на английском (1987) и несколько позднее немецком языке (1995). В то время названный автор считал, что «теолингвистика – это дисциплина, исследующая язык библеистов (иеговистов), теологов и прочих специалистов, занимающихся теорией религии, и язык практикующих верующих» (Crystal 1987, 1995: 412).

Автором программной статьи на тему теолингвистики принято считать А. Вагнера, который высказал свое мнение о пользе взаимодействия теологии и лингвистики. А. Вагнер сравнивает термин «теолингвистика» с такими уже устоявшимися в языке терминами, как «социолингвистика» и «нейролингвистика», и отмечает их универсальный характер (Wagner 1999: 507–512).

Необходимо отметить, что поначалу Т. Вагнер, Д. Кристал, Дж.-П. ван Ноппен, формулируя определения теолингвистики, отталкивались от протестантизма. И объяснить это можно прежде всего местом их постоянного проживания, получения образования, средой, в которой они функционируют, религиозными убеждениями и многими другими факторами. Ж.-П. ван Ноппен учился и работал (ет) в Брюссельском свободном университете (Université Libre de Bruxelles), основание которого 20 ноября 1834 г. протестантами стало ответной реакцией на открытие 8 ноября 1834 г. Бельгийского католического университета и формой борьбы с засильем католического господства в системе образования. В 1970 г. Брюссельский свободный университет разделился на два университета: франкоязычный (Université Libre de Bruxelles) и нидерландскоязычный (Vrije Universiteit Brussel). Оба университета сегодня не относятся ни к одной из действующих в Бельгии сетей учебных учреждений: ни к государственной и ни к католической. А. Вагнер работает в департаменте протестантской теологии теологического факультета Бернского университета (Universität Bern).

Д. Кристал в одном из первых определенных также говорит о теолингвистике как о дисциплине, исследующей язык библеистов

(иеговистов). В других его работах дефиниция термина «теолингвистика» изменилась. В «A Dictionary of Linguistics and Phonetics» автор вышел за рамки конкретной конфессии: по его мнению, это термин, обозначающий науку, которая исследует взаимоотношения «язык – религиозная теория и практика», отношение, эксплицируемое в текстах церковных ритуалов, в языке Священного Писания, в текстах проповедей, в молитвах, в посланиях иерархов церкви и в индивидуальных высказываниях верующих» (Crystal 2003: 463). В шестом издании названной энциклопедии теолингвистика – это «термин, который использовался для изучения взаимосвязи между языком и религиозной мыслью и практикой, о чем свидетельствуют ритуалы, священные тексты, проповеди, доктринальные утверждения и частные утверждения веры. Своеобразие религиозного языка обычно проявляется в виде особого набора вариантов внутри языка, но также могут быть найдены специальные письменности и языки (как в случае с геэзом в Эфиопской церкви). Необходимо также уделять пристальное внимание филологическим исследованиям, учитывая, что большая часть религиозного языка берет свое начало из древних текстов и практик» (Crystal 2008: 484). В этих определениях автор уже не говорит о протестантизме и тем самым расширяет горизонты данной области исследований.

На недостающий раздел языкознания обратили внимание польские лингвисты, которые были хорошо знакомы с идеями Т. Вагнера, Д. Кристала, Дж.-П. ван Ноппена и уже имели солидные наработки в данной области. Да и сама ситуация в стране как нельзя лучше способствовала проведению такого рода исследований. Деятельность папы римского Иоанна Павла Второго на протяжении двадцати семи лет и события, происходившие в это время в Европе и, соответственно, в Польше, позволили науке и богословию настроиться на более продуктивный диалог. Введение термина «теолингвистика» в научный оборот польского языкознания принадлежит польской германистке Э. Кухарской-Драйсс, которая 19 апреля 2004 г. выступила на заседании Комиссии Религиозного Языка при Президиуме Поль-

ской Академии с докладом «Теолингвистика: попытка популяризации термина». В ее докладе речь больше шла о самом термине и истории его возникновения. Позднее текст выступления был оформлен в виде статьи (Kucharska-Dreiß 2004). В своих работах польские авторы, в отличие от авторов из Англии, Бельгии и Швейцарии, анализируют источники, связанные с различными религиями и конфессиями, но основной корпус польских теолингвистических исследований связан прежде всего с католицизмом.

Приблизительно к концу первого десятилетия XXI столетия в Белоруссии, России, Сербии, Словакии, Украине заговорили о славянской теолингвистике. В своих трудах ученые этих стран отталкиваются, как правило, от православия. В последние годы наряду с исследованиями, связанными с христианством, начали выходить в свет работы, авторам которых близок ислам.

Расширение географии теолингвистических исследований и их эволюция постоянно требуют внесения дополнений в уже известные определения теолингвистики. Поэтому нами неоднократно предпринимались попытки формулирования дефиниции данного термина. При этом мы сознательно старались не сосредотачиваться на конкретной религии (конфессии).

В одной из первых работ она выглядела следующим образом: «теолингвистика (от греч. *theos* – Бог и лат. *lingua* – язык) – это наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» (Гадомский 2004: 33–38).

Позднее были сделаны некоторые уточнения, внесены дополнения к ранее сказанному: «теолингвистика (от греч. *theos* – Бог и лат. *lingua* – язык) – это наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке; раздел языкознания, который занимается исследованием религиозного языка в узком и широком понимании этого термина» (Гадомский 2007: 287–293).

Обращение к истории языкознания, о чем шла речь в начале настоящей статьи, позволило нам расширить ранее предложенные определения:

«Теолингвистика (от греч. *Theos* – Бог и лат. *Lingua* – язык):

1) наука, которая возникла вследствие взаимодействия языка и религии, является первым этапом становления языкознания как науки о языке, призванного служить интересам религии;

2) раздел языкознания, который занимается изучением религиозного языка в узком и широком понимании этого термина и исследованием проявлений религии, которые закрепились и отразились в языке;

3) теолингвистика – это раздел науки светской, науки наднациональной, науки надрелигиозной (надконфессиональной), науки лингвистической (Gadomski, Łapicz 2008: 24, 51).

В приведенных выше определениях мы сознательно употребляем термины «наука» и «раздел языкознания», потому что, говоря о науке, мы имеем в виду прежде всего «теоязыкознание», о котором было сказано в начале статьи, а употребляя термин «раздел языкознания», подразумеваем современную теолингвистику, о которой заговорили в последней четверти XX столетия.

1.2. Разделы (направления) теолингвистики

Вопросы структурирования теолингвистики затрагивались еще в работах Ж.-П. ван Ноппена. Стремясь «навести порядок в терминологии, J.-P. van Norren не только отделил теолингвистику от географии, но и выделил внутри теолингвистики такой раздел, как «критическая теолингвистика» (Norren 1995: 693).

Следуя утверждению, что теолингвистика – «это раздел науки светской, науки наднациональной, науки надрелигиозной (надконфессиональной), науки лингвистической», мы считаем, что ее структура должна отталкиваться прежде всего от структуры языкознания. Анализ современных теолингвистических исследований позволяет утверждать, что, во-первых, теолингвистика может разделяться на общую и частную (христианская лингвистика, китабистика и др.). Общая теолингвистика должна заниматься общими вопросами, частная – исследовать проявления конкретной религии (христианства, ислама и

других религий) или частные проблемы религиозного языка. Во-вторых, теолингвистика может быть теоретической и прикладной. Теоретическая теолингвистика предполагает теоретическое изучение религиозного языка, обобщающее данные о нем; служит методологической основой для практической, прикладной теолингвистики. Прикладная теолингвистика специализируется на решении практических задач, связанных с изучением религиозного языка, а также на практическом использовании теолингвистических теорий в других областях знания. В-третьих, теолингвистика может быть синхронической и диахронической. Синхроническая теолингвистика должна изучать процессы, происходящие в религиозном языке на определенном историческом отрезке, абстрагировавшись во времени, диахроническая – изучением тех процессов и изменений, которые происходили в процессе исторического развития. В-четвертых, теолингвистика может быть сравнительной и сопоставительной. Сравнительная теолингвистика должна заниматься изучением родственных религиозных языков. Сопоставительная теолингвистика должна заниматься сопоставлением неродственных религиозных языков (Gadomski, Łapicz 2008: 24-25, 51).

В данном случае мы отталкивались прежде всего от общепринятой систематизации разделов, принятой в языкознании. Вполне допускаем, что при более пристальном рассмотрении могут быть выделены и другие разделы (направления) теолингвистики.

Дискутируя о месте, статусе теолингвистики, ученые заговорили также о «теолингвистическом направлении» в современном языкознании (Плисов 2019: 248–253). Считаем, что в данном случае правильнее было говорить не об одном направлении, а о нескольких, что непосредственно связано со структурой теолингвистики, которая, как правило, определяется целым рядом факторов: подходом или позицией исследователей, материалом, методами исследования и многими другими.

1.3. Проблемы, объект, предмет, цель, задачи и перспективы теолингвистики

К числу работ в этой области, заслуживающих особого внимания, относится ра-

бота В. И. Постоваловой «Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления», в которой отмечается, что «особую сложность задание предмета исследования в науке приобретает при конструировании дисциплин синтетического плана, где осуществляется объединение в едином мыслительном пространстве концептуальных представлений из разных дисциплин или даже сфер знания. В случае теолингвистики – теоретических представлений из собственно лингвистики и богословия (теологии). Проблема заключается в том, что здесь должно произойти такое соединение концептуальных представлений, при котором они должны предстать в едином теолингвистическом пространстве как гомогенные (однородные) образования, относящиеся к единому предмету изучения (Постовалова 2012: 7). Мнение по данному вопросу высказывает В. И. Степаненко (Степаненко 2012: 222), ссылаясь на А. Вагнера: «Что касается вопроса о предмете и задачах теолингвистики, то А. Вагнер задает определенные рамки, в которых предлагается решать поставленный вопрос. Автор статьи задает две перспективы функционирования новой дисциплины, а именно: лингвистическую и теологическую. В сфере языка в рамках теолингвистики А. Вагнер предлагает решение следующих проблем: проблема религиозного языка; религиозное языковое поведение – религиозные формы коммуникации; сферы употребления религиозного языка (Wagner 1999: 509). В сфере христианской теологии теолингвистика, по его мнению, была бы верной помощницей в решении задач, касающихся современной систематики или практикотеологических аспектов, а в историческом плане – в решении задач, имеющих дело с историческими и экзегетическими аспектами (Wagner 1999: 510).

Мы считаем, что объектом исследования теолингвистики является религиозный язык в широком и узком понимании термина, поскольку он не менее многогранен, чем язык как объект исследования светского языкознания.

Предмет исследования теолингвистики составляют проявления религии, которые закрепились и отразились в языке.

Целью теолингвистики является изучение названных проявлений.

Еще одной методологической проблемой является определение задач данного раздела языкознания. В ряде работ по теолингвистике основная задача данной дисциплины усматривается в осмыслении того, как язык функционирует в разных «религиозных контекстах» или «религиозных ситуациях» (Crystal 1987, 1995; Noppen 1981; Wagner 1999).

Считаем, что в числе задач теолингвистики могут быть названы следующие: выбор языкового материала из соответствующих источников, его систематизация, анализ, описание и использование полученных результатов в практических целях.

Теолингвистика, по нашему мнению, должна решать не только сугубо научные, но и дидактические, образовательные, социальные, культурные, этические и многие другие проблемы, должна способствовать формированию «картины мира» человека нового мира, новой эры – человека образованного, терпимого, толерантного, допускающего, что в системе научных взглядов могут иметь место не только материалистические теории (Gadomski, Łapicz 2008: 25, 53).

1.4. Теолингвистический подход, метод теолингвистического анализа

Будучи связанной с богословием (теологией) и языкознанием, теолингвистика использует методы исследования названных наук, однако при этом меняет подходы и разрабатывает собственные подходы и варианты анализа, которые в своих работах В. А. Маслова, Ю. Ю. Митроченкова, Н. Г. Николаева, С. И. Кузьмин, В. И. Постовалова называют теолингвистическим.

По мнению В. А. Масловой: «Современный язык обесценивается из-за узкопозитивистского воззрения на мир, утраты идеального библейского объема слов, потому что слово приобретает глубину или мельчает в зависимости от нашего понимания мира, явлений, вещей в нем. Через продолжительную литературную традицию оно может становиться экспрессивным, поражать богатейшими нюансами смысла, но при этом может потерять свою вселенскую, божественную высоту. Примером служат слова *душа*, *лю-*

бовь, спасение и др. Так *любовь* сводится к взаимоотношениям полов, *душа* – несуществующая субстанция, *спасение* – это прежде всего спасение жизни. В то время как многие слова имеют глубинный духовный смысл: *соревнование* – это не современное состязание, а совокупность духовных усилий, ревность ко Христу; *убогий* – это не ущербный, а от находящийся у Бога; *послушание* – это услышать слова Христа и исполнить их» (Маслова 2019: 183–184).

Поэтому основным подходом, используемым в теолингвистических исследованиях, должен быть теолингвистический подход, который, по мнению В. И. Постоваловой, «позволяет по-новому увидеть лингвистическую реальность и в открывшемся ракурсе открыть и охарактеризовать такие стороны языкотворческой деятельности, которые при других подходах ускользают от исследовательского внимания или же не получают в них адекватного теоретического осмысления. К ним относятся такие сокровенные моменты духовной реальности, как сотворение мира словом, райский язык, глоссолалия, литургическая практика Церкви и литургический язык, мистико-аскетическая практика умного делания (священнобезмолвие) и др.» (Постовалова 2016: 197–198).

Теолингвистический подход к исследуемому материалу повлек за собой использование ряда методов, в числе которых может быть назван и метод теолингвистического анализа. Вслед за Н. Г. Николаевой и С. И. Кузьминым под методом теолингвистического анализа мы понимаем «комплексный гуманитарный метод изучения «проявлений религии, которые закрепились и отразились в языке», по известному определению А. Гадомского, а также собственно языковых особенностей религиозного текста в целях постижения его сущностного смысла» (Николаева, Кузьмин 2010: 46).

В лингвистической литературе последних лет начинает заявлять о себе теолингвистический анализ – междисциплинарный подход, который «представляет собой комплекс определенных действий (например, выборка лексического материала, анализ лексики с точки зрения отражения в языковой и религиозной картинах мира, функ-

ционально-семантический описание семем, систематизация результатов анализа), совокупность которых позволяет проанализировать и описать соответствующую группу религионимов. Такой анализ был проведен на материале религионимов со значением ‘праздник’, ‘ритуал’, ‘обряд’, ‘таинство’» (Митроченкова 2014: 6).

Аналогичная работа проводится и на других уровнях языковой системы: фонологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Здесь следует сказать о докторской диссертации и других публикациях российской исследовательницы И. В. Бугаевой. В работах, посвященных исследованиям речи православных верующих, названный автор уделяет серьезное внимание каждому уровню языковой системы (Бугаева 2010).

Считаем, что, сам факт заявления о теолингвистическом анализе открывает перед исследователями серьезные научные перспективы, однако как теория, так и практика этого анализа требует доработки, поскольку, как совершенно справедливо замечает упоминаемая уже в данной работе В. И. Постовалова, «на дотеоретическом уровне формирования теолингвистики представления об этом «теолингвистическом» могут значительно различаться у лингвиста-лексикографа и священника-богослова вследствие их опытной погруженности в различные пласты теолингвистической реальности. Для лингвиста-лексикографа «теолингвистическое» будет относиться к области описания религиозной лексики и ассоциироваться с миром смыслов и значений. Для священника, живущего в мире литургического богослужения и опытно знающего духовную силу Имени Божия, «теолингвистическое» будет неким синонимом «синергийного», мистически тождественного Фаворскому свету» (Постовалова 2012).

2. Статус теолингвистики

Вопрос о статусе данной дисциплины является дискуссионным. Нам приходилось встречаться с различными точками зрения по данному вопросу.

Существует только одна «лингвистика», одно языкознание, а все прочие разделы

лингвистики (языкознания) психо-, социо-, в том числе и теолингвистика – это уже не языкознание.

Теолингвистика – это дисциплина в кругу таких разделов языкознания, как психо-, социолингвистика и др.

Являясь приверженцем второй точки зрения, мы считаем необходимым процитировать фрагмент двух энциклопедических статей: Ю. С. Степанова «Языкознание (лингвистика, языковедение)» и Д. Кристала «Лингвистика».

«Языкознание (лингвистика, языковедение). <...> Дисциплины о функционировании языка в обществе, или «внешняя лингвистика», включают диалектологию, лингвистическую географию, ареальную лингвистику, социолингвистику. На стыке языкознания и других наук возникли дисциплины, занимающиеся комплексными проблемами: психолингвистика, математическая лингвистика (которая рассматривается и как отрасль математики), компьютерная лингвистика, инженерная лингвистика (которые рассматриваются и как прикладные дисциплины). К прикладным лингвистическим дисциплинам относятся: экспериментальная фонетика, лексикография, лингвистическая статистика, палеография, история письменностей, лингвистическая дешифровка неизвестных письменностей (см. Дешифровка письменности) и другие направления прикладной лингвистики. Разделение бывает условным, так как указанные дисциплины тесно связаны между собой» (Степанов. URL).

«Лингвистика. <...> Совпадающие интересы лингвистики и других дисциплин привели к созданию новых разделов предмета как в чистом, так и в прикладном контексте, таких как антропологическая лингвистика, биолингвистика, клиническая лингвистика, компьютерная лингвистика, критическая лингвистика, лингвистика развития, эколингвистика, лингвистика образования, этнолингвистика, судебная лингвистика, географическая лингвистика, институциональная лингвистика, региональная лингвистика, математическая лингвистика, нейролингвистика, лингвистика мира, философская лингвистика, психолингвистика, количественная лингвистика, социолингвистика, статистическая лингвистика, теолинг-

вистика (см. отдельные статьи). <...>» (Crystal 2008: 283–285).

По мнению М. Р. Галиевой, одна группа ученых ведет исследования проблемы взаимодействия языка и религии в рамках традиционных лингвистических направлений, таких как функциональная стилистика, лексикология, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика и др. (Е. В. Бобyreва, И. В. Бугаева, В. И. Карасик, Л. П. Крысин, Н. М. Орлова, О. А. Прохвятилова и др.).

Другая группа, учитывая сложность, неоднозначность и многоаспектность данной проблемы, подчеркивает необходимость ее выделения в отдельное лингвистическое направление – теолингвистику, которая предполагает раскрытие взаимодействия и взаимообусловленности языка и религии во всех аспектах языка (А. К. Гадамский, В. И. Постовалова, J.-P. Noppen и др.) (Галиева 2019: 47). Думается, что данной точки зрения придерживаются авторы статей, монографий и текстов, опубликованных в ряде сборников научных статей, посвященных теолингвистике.

Заключение

В настоящее время термин «теолингвистика» функционирует в работах ученых Англии, Белоруссии, Бельгии, Германии, Польши, России, Сербии, Словакии, США, Узбекистана, Украины, Чехии. Наиболее полную информацию о современном состоянии теолингвистических исследований можно найти в опубликованных в последние годы коллективных и авторских монографиях (Гадамский 2017; Ицкович 2021; Хрестоматия теолингвистики 2019 и др.).

На сегодняшний день к числу наиболее новых публикаций на тему теолингвистики можно отнести монографию В. Хоббс «An introduction to religious language: exploring the-olinguistics in contemporary contexts» (Hobbs 2021). В аннотации к книге отмечается, что «религиозный язык окружает нас повсюду, он встроен в рекламу, политику и средства массовой информации. Эта книга знакомит читателей с теолингвистикой и изучением религиозного языка» (Description 2021).

Все сказанное свидетельствует о том, что теолингвистические исследования по-прежнему актуальны и не только в славяноязычных странах.

Литература

1. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 454 с.
2. Гадомский А. К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание // Ученые записки ТНУ. – 2007. – Т. 20 (59). – № 1. – С. 287–293.
3. Гадомский А. К. Теолингвистика: история вопроса // Учен. зап. ТНУ имени В. И. Вернадского. – 2005. – Т. 18 (57). – № 1. – С. 16–26.
4. Гадомский А. К. Теолингвистические исследования в славянском языкознании. – Симферополь: ООО «Форма», 2017. – 320 с.
5. Галиева М. Р. Эволюция теолингвистики как лингвистической дисциплины // Иностранные языки в Узбекистане. – 2019. – №1. – С. 46–54.
6. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля: монография. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 400 с.
7. Маслова В. А. Основы современной лингвистики. – Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2018. – 222 с.
8. Мітроченкова Ю. Ю. Ідеографічний опис релігійонімів зі значенням 'свято', 'ритуал', 'обряд', 'таїнство': автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Сімферополь, 2014. – 20 с.
9. Плисов Е. В. Рецензия на издание: Хрестоматия теолингвистики. Т. 2 / под ред. А. К. Гадомского, А. В. Ермошина, С. И. Кузьмина, Н. Г. Николаевой, С. И. Федотовой, В. Хлебды, О. В. Чевелы. – Ульяновск: Мастер Студия, 2019. – 472 с.
10. Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Magister Dixit. – 2012. – № 4 (12). – С. 56–103.
11. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 272 с.
12. Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки и направления // Хрестоматия теолингвистики. Т. 2 / под ред. А. К. Гадомского, А. В. Ермошина, С. И. Кузьмина, Н. Г. Николаевой, С. И. Федотовой, В. Хлебды, О. В. Чевелы. – Ульяновск: Мастер Студия, 2019. – С. 36–47.
13. Степаненко В. А. Теолингвистика? Да, теолингвистика! // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2. – С. 221–226.
14. Степанов Ю. С. Языкознание (лингвистика, языковедение) // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4924869>
15. Хрестоматия теолингвистики. Т. 2 / под ред. А. К. Гадомского, А. В. Ермошина, С. И. Кузьмина, Н. Г. Николаевой, С. И. Федотовой, В. Хлебды, О. В. Чевелы. – Ульяновск: Мастер Студия, 2019. – 472 с.
16. Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.) / отв. ред. Т. В. Ицкович. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2021. – 132 с.
17. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2008. – 556 p.
18. Crystal D. Dictionary of Linguistics and Phonetics. – Harmondsworth: Penguin Books, 2003. – 508 p.
19. Crystal D. Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache. Übersetzung und Bearbeitung der deutschen Ausgabe von Stefan Röhrich et al. Sonderausgabe des Parkland Verlages. Sonderausgabe. – Frankfurt a.M. – New York: Campus, 1995. – 478 s.
20. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. – Cambridge-New York-Melbourne: Cambridge University Press, 1987. – 478 p.
21. Gadowski A., Łapicz Cz., Teolingwistyka: historia, stan współczesny, perspektywy // Хрестоматия теолингвистики || Chrestomatia teolingwistyki / ред. Гадомский А. К., Липич Ч.). – Симферополь: Универсум, 2008. – С. 5–60.

22. Hobbs V. An introduction to religious language: exploring theolinguistics in contemporary contexts. – London; New York, NY: Bloomsbury Academic, 2021. – 215 p.
23. Hobbs V. Description. URL: <https://www.bloomsbury.com/us/introduction-to-religious-language-9781350095748/>.
24. Kucharska-Dreiß E. Teolingwistyka – próba popularyzacji terminu // *Język religijny dawniej i dziś* / Red. Mikołajczak S., Węclawski T. – Poznań: UAM, 2004. – S. 23–30.
25. Noppen J.-P. van (red.). *Theolinguistics* // *Studiereeks Tijdschrift VUB, Nieuwe Serie*. – Nr. 8. – Brussels: VUB, 1981. – Pp. 265–281.
26. Noppen J.-P. van. Methodist Discourse and Industrial Work Ethic. A Critical Theolinguistic Approach // *Belgisch tijdschrift voor filologie en geschiedenis* 73, 1995. – Afl. 3: «Moderne taalen letterkunde». – Pp. 693–714.
27. Noppen J.-P. van. *Spatial Theography: A Study in Linguistic Expression and Communication in Contemporary British Popular Theology (1960–1970)*: PhD. Diss. – Bruxelles: Université Libre de Bruxelles, 1979–1980. – 559 p.
28. Robinson J. A. T. *Honest to God*. – London: SCM Press, 1963. – 184 p.
29. Wagner A. Theolinguistik? – Theolinguistik! // *Internationale Tendenzen der Syntaktik, Semantik und Pragmatik* / Eds. Spillmann H. O., Warnke I. *Akten des 32: Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997* // *Linguistik international*. – Vol. 1. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999. – Pp. 507–512.
30. Zmuda E. Stare czy nowe podejście badawcze?: teolingwistyka – zarys teorii i perspektywy badań // *Poradnik językowy*. – Z. 8. – 2017. – S. 40–55.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ

Становление художественного стиля (ХС) в его современных очертаниях произошло на рубеже XVIII и XIX вв. как результат языковой реформы Н. М. Карамзина. Цельная картина ХС до сих пор не сложилась, несмотря на наличие более или менее обстоятельных описаний целого ряда частных феноменов. Для системного представления ХС наиболее целесообразен функциональный подход, предполагающий выявление: 1) базисных функций ХС; 2) средств их языковой реализации. Основной функцией ХС является изобразительная, ей подчинены: 1) художественные образы, которые создаются на основе дескриптивной лексики; 2) словесные образы, возникающие в результате переносного использования такой лексики и служащие усилению художественных образов. Художественное изображение объекта возможно не только прямо (через дескрипции), но и косвенно – через мимесис, чему служат: 1) звукопись, создающая звуковые образы; 2) фигурные тексты, создающие графические образы; 3) стилизация. План выражения художественной речи подчинен эстетической функции; данная функция проявляется, если адресант включает «установку на выражение» (Р. Якобсон), т. е. на форму речи. Эстетичность формы достигается с помощью тактик эвфонии, в частности: 1) соблюдения правил благозвучия; 2) применения звуковых повторов и ритма. С точки зрения функционального подхода под ХС следует понимать функциональный стиль, служащий словесному изображению действительности в эстетически значимой форме; данное определение отражает две системообразующие функции ХС: изобразительную и эстетическую. С обозначенных позиций в статье критически проанализированы основные концепции ХС, существующие в российской научной традиции.

Ключевые слова: функциональный стиль, художественная речь, изобразительность, образность, эвфония.

Vasily P. Moskvina

(Volgograd State Socio-Pedagogical University)

THE ARTISTIC STYLE

The formation of the artistic style (AS) in its modern outlines occurred at the turn of the XVIII and XIX centuries. as a result of N. M. Karamzin's language reform. A complete picture of AS has not yet developed, despite the presence of more or less detailed descriptions of a number of particular phenomena. For the system representation of AS, the most appropriate is functional approach which involves identifying of: 1) the basic functions of the AS; 2) the means of their language implementation. The main function of the AS is pictorial, it is subordinated to: 1) artistic images that are created on the basis of descriptive vocabulary; 2) verbal images that arise as a result of the figurative use of such vocabulary and serve to strengthen artistic images. The artistic representation of an object is possible not only directly (through descriptions), but also indirectly – through mimesis, which is served by: 1) sound-writing, which creates sound images; 2) visual poetry, which creates graphic images; 3) stylization. The plan of expression of artistic speech is subordinated to the aesthetic function; this function is manifested if the adresant places value on the form of speech. The aesthetics of the form is achieved by using, in particular, the following tactics: 1) compliance with the rules of euphony; 2) the use of sound repetitions and rhythm. From the point of view of the functional approach, AS should be understood as a functional style that serves the verbal representation of reality in an aesthetically significant form; this definition reflects two system-forming functions of AS: pictorial and aesthetic. From these positions, the article critically analyzes the main concepts of AS that exist in the Russian scientific tradition.

Key words: functional style, artistic speech, figurativeness, imagery, euphony.

Становление художественного стиля (ХС) в его современных очертаниях произошло в конце XVIII – первой трети XIX в. ввиду ряда объективных исторически обусловленных причин, в частности настоятельной необходимости дальнейшего развития системы номинативно-выразительных средств русского литературного языка (и тем самым преодоления некоторого отставания в этом плане от других европейских языков, прежде всего английского, немецкого и французского), что потребовало кардинальной переработки и существенного дополнения данной системы в рамках языковой реформы Н. М. Карамзина – создателя «нового слога», образцами которого стали «Письма русского путешественника» (1791–1792) и повесть «Бедная Лиза» (1792)¹.

Несмотря на длительную традицию изучения, цельная картина ХС до сих пор не сложилась. Актуальной остается оценка В. В. Виноградова, согласно которой в научных трудах, посвященных анализу ХС, «язык художественной литературы <...> разбит на грамматико-морфологические или на лексикологические осколки», а «явления лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса, произношения рассматриваются обособленно – без всяких связей друг с другом», поэтому закономерно «встает вопрос о системе поэтического языка – в ее противопоставленности системе языка практического» (Виноградов 1959: 9, 81 и 13). Тем не менее этап изучения отдельных деталей («осколков») ХС стилистика должна была пройти, поскольку любое обобщение предполагает

¹ По мнению А. Н. Васильевой, становление ХС в русском языке произошло в последней трети XVIII – первой трети XIX в., когда «литература стала явлением массовым» (Васильева 1983: 5), однако: 1) массовость литературы предполагает массовую грамотность, которая в этот период отсутствовала; 2) более или менее образованная часть общества предпочитала изъясняться и читать не по-русски, а по-французски, ср.: «Сын. Дай мне в себе волю. Я не намерен в России умереть. Я сыщу occasion favorable увезти тебя в Париж. Тамо остатки дней наших, les restes des nos jours, будем иметь утешение проводить с французами; тамо увидишь ты, что есть между прочими и такие люди, с которыми я могу иметь societe» (Д. И. Фонвизин. Бригадир, VI).

ет наличие точно определенных и обстоятельно описанных частных феноменов, применительно к ХС – прежде всего таких, как: 1) образ (в работах В. В. Виноградова, Н. Д. Арутюновой, А. И. Ефимова, А. И. Федорова, Д. Н. Шмелева и др.); 2) семантический перенос, в частности метафора (Н. Д. Арутюнова, Ю. И. Левин и др.) и метонимия (А. К. Бирих, Е. Л. Гинзбург и др.); 3) приемы и средства художественной выразительности, в частности: а) перифраза, б) эпитет, в) сравнение, г) стилизация и пародия, д) повторы в их уровневых, позиционных и иных разновидностях, etc. Решения требовала проблема описания и создания общей классификации: 1) стилистических фигур, которые систематизированы: а) на различных формальных основаниях² либо по критерию «отклонения от нормы»³ – в работах В. И. Королькова, Ю. М. Скребнева, И. Р. Гальперина, Э. М. Береговской, Т. Г. Хазагерова и Л. С. Шириной, А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной и др.; б) по отношению к качествам речи – в работах В. П. Москвина; 2) так наз. простых стилей (таких, как бурлескный, гротескный, макаронический, аллегорический и др.), основанных на применении одной или нескольких взаимодействующих фигур.

Для системного представления ХС наиболее целесообразен функциональный подход, принятый в концепциях В. В. Виноградова, Б. Н. Головина, М. Н. Кожинной и др., который предполагает выявление базисных функций ХС и средств их языковой реализации.

² Данный подход лег в основу множества схоластических классификаций фигур (Ю.-Ц. Скалигера, И. Сузенбротуса, П. Мозеллануса, Р. Шерри, Э. Буллинджера и др.), разработанных в эпохи Средневековья и Нового времени. В таких классификациях активно эксплуатировался критерий «добавления – убавления – перестановки – замещения» (см. разбор истории вопроса: Desbordes 1983).

³ Классификацию стилистических или риторических фигур, равно как теорию стилистики или риторики, нельзя построить лишь на «языковых отклонениях от нормы»; такая теория, по жёсткой, но точной оценке акад. Р. А. Будагова, будет «антифункциональна, а потому и ошибочна» (Будагов 1967: 127).

Основной функцией ХС следует считать изобразительную, связанную с образной интерпретацией действительности. Этой функции подчинены:

1. Художественные образы, которые создаются на основе лексики дескриптивной (изобразительной) семантики, связанной с обозначением цвета, запаха, вкуса, температуры, звука, формы, фактуры и др. сенсорно воспринимаемых характеристик предметов. Словесные описания (или, используя термин старинных поэтик, *дескрипции*, такие как *прагматография* 'описание события', *дендрография* 'описание дерева', *астротезия* 'описание звездного неба', *хорография* 'описание народа', etc.) принято сравнивать с *картинами*, писателя именуют *художником* слова; эта же метафора лежит в основе термина *художественный стиль*. Л. И. Тимофеев утверждает: «Ничего – кроме образа, то есть, точнее, системы образов, в литературном произведении нет». С этой точки зрения ХС представляет собой «прагматический язык в его особой функции – объективации образа» (Тимофеев 1931: 15 и 18), а значит, все средства такой объективации, применяемые в ХС помимо дескриптивной лексики, следует рассматривать лишь как вспомогательные. Как типовые для ХС необходимо оценить прежде всего те выразительные средства, которые связаны: а) с механизмом дескрипции: таковы, напр., эпитет и сравнение; б) с устройством художественного образа, ядро, или «фокус» (Храпченко 1986: 49–50) которого составляет наиболее броский признак предмета – деталь [франц. *detail* 'частность']. К числу деталей относят «подробности предметные в широком понимании: подробности быта, пейзажа, портрета, интерьера, частной ситуации...» (Путнин 1978: 267). Через деталь (частное) или детали (ряд частных) может проглядывать общее – напр., как в следующем тексте, смена эпох:

Ангел жизни быстротечной
тронет тумблер специальный –
на земле библиотечной
наступает День списанья.

Наступает час прополки
этих нив... Что чин и званья!
Как баян, снимают с полки
неподъёмные изданья.

Я скажу, наверно, с риском
на себя навлечь упрёки:
нет, не взрывом и не взвизгом
завершаются эпохи.

Но в глуши дворов товарных,
в пламени неумолимом
(под присмотром двух пожарных) –
слабым пеплом, лёгким дымом...

Невеликая морока!
И – увы! – давно знакома.
Хорошо горит эпоха¹
глянцевых фотоальбомов.

Молодой завгар губастый
книжку из огня достанет –
на него с обложки глянет
удалой дояр зубастый.

Так вершится без эмоций
эта гибель чьих-то акций,
эта перекройка лоций
и уценка репутаций.

И уже себе медали
из мундира на портрете,
роясь в тлеющем развале,
вырезают бритвой дети.

С. Новиков. Из цикла «Эпоха кончилась.
А утро не возшло»

Детали могут «воспроизводить действительность в некоем сокращённом, условном варианте» (Лихачёв 1968: 79); данная тактика известна как нарративный эллипсис: сперва планетарий сачок гербарий
потом крематорий и колумбарий

бабочки и цветы цветы
сначала я потом ты
О. Чухонцев, сперва планетарий...

Детали могут «давать ощущение вещи как видение, а не как узнавание» (Шкловский 1919: 105). Данная тактика известна как остр^Аннение [< *странный*] – фигура нарочито неясной речи, состоящая в том, что автор ясное и очевидное поясняет через неясное и неочевидное, т. е. «не называет вещи

её именем, а описывает её, как в первый раз виденную» (Шкловский 1919: 105):

Горящим лезвием зарницы
восток поджёт крыло вороны.
И весело запели птицы
в сетях немой и чёрной кроны.

Запутал ноги пешеходу
туман, нависший над травой...
И *кто-то* лез беззвучно в воду
огромной рыжей головой.

Ю. Галансков. Утро

Б. А. Ларин, характеризуя этот прием, пишет: «Поражают и запоминаются из книги как свежие лишь те слова, которые так искусно поставлены, что требуют усилия мысли, как знак незнакомого» (Ларин 1923: 61). Сложность такой «затруднённой формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия» (Шкловский 1919: 105) очевидна, однако она компенсируется возникновением новой, эвристически значимой точки зрения на объект. Могут быть выделены две техники остраннения: а) повествовательная, т. е. описание объекта или события с непривычной точки зрения, что может приводить к эффекту обманутого ожидания: *Громкий крик ужасный слышен И за ним об землю стук – Это я паденьем с крыши Заполняю свой досуг* (И. Валявский. Громкий крик ужасный слышен...)⁴; б) номинативная техника – через применение номинативных приёмов, способных обратить знакомый предмет в «незнакомый», напр. посредством замены привычного наименования предмета неологической перифразой: *И шумел со мною рядом Старый медный балагур* (С. Маршак. Вчера и сегодня); незамкнутой метафорой: *Тень креста завращалась, прозрачная, словно слюда, Стала храмом летающим белая тень вертолёта* (Е. Витковский. Тень креста завращалась...), ср. более узнаваемое *крест винта*.

⁴ Остранняющий взгляд на вещи может быть дан и «через восприятие животного – персонажа произведения»: собаки – в рассказе «Белый пудель» А. И. Куприна, лошади – в повести Л. Толстого «Холстомер», где «рассказ ведётся от лица лошади, и вещи остраннены не нашим, а лошадиным их восприятием» (Шкловский 1919: 106).

2. Словесные образы, возникающие в результате переносного использования дескриптивной лексики. Еще Аристотель (Aristoteles 1837: 146) указал на то, что изобразительной силой обладают два переноса: а) метафора, напр.: *Кресты на могилах – плюсы, // земли и неба сложенье* (В. Павлова. Чужие письма); б) метонимия: *От библиотечной лесенки витой // до соснового зноя лета // двадцать тысяч лье под водой. // Ах, если бы только это!* (Л. Лосев. Младшая школа). Используемые в декоративно-изобразительной функции, эти два переноса трактуются как тропы, в узком понимании данного термина, принятом в немецкой филологической традиции XIX в. и перенесенном на русскую почву А. А. Потебней⁵. Художественные образы усиливаются и инкрустируются словесными; по наличию / отсутствию словесных образов принято различать два номинативных стиля: а) металогический, основанный на обильном употреблении семантических переносов:

*Ковшом Медведицы отчерпнут,
Скатился с неба лунный серп.
Как яростный рог луны ущербной
И как велик её ущерб!
На медных досках тротуаров,
Шурша, разлётся лунный шёлк,
Пятнист от лунного отвара,
От лихорадки лунной – жёлт.*

*Мой шаг, тяжёлый, как раздумье
Безглазых лбов – безлобых лиц,
На площадях давил глазунью
Из луж и ламповых яиц.
Лети, луна! Плети свой кокон,
Седая вечность – шелкопряд.
Пока темны колодцы окон,
О нас нигде не говорят.*

Р. Мандельштам.

Ковшом Медведицы отчерпнут...

б) автологический, для которого характерно преимущественно прямое словоупотребление:

⁵ Понятие 'троп' не получило однозначного толкования в научной литературе (см. обзор: Москвин 2013); изначально же теория тропов была задумана как классификация переносов (ср. греч. *τρόπος* 'перенос, *verborum immutatio*, букв. 'поворот').

Больной неизлечимо
Завидует тому,
Кого провозят мимо
В районную тюрьму.

А тот глядит: больница.
Ему бы в тот покой
С таблетками, и шприцем,
И старшею сестрой.
А. Кушнер. Больной неизлечимо...

Для плана выражения ХС характерен иконизм [греч. *εἰκών* 'сходство, образ'] – строение формы речевой единицы, изоморфное референту, т. е. отражающее некоторые наиболее характерные сенсорно воспринимаемые его особенности. С целью придать речи иконизм применяется множество средств и приемов, в частности: а) скорнение: *Дичок привит, и вот – гибрид! Моягода, мояблоня!* (С. Кирсанов. Работа в саду), б) сверхсложное слово: *против кого ты прешь? // Против громады, Эрнст! // Против – // четырёхмиллионнопятьсотсорокасемьтысячвосемь // сотдвадцатитрёхквдратнокилометрового чудища* (А. Вознесенский. Реквием в двух шагах, с эпилогом); в) звукопись, т. е. повтор фонетического уровня, имитирующий определенное акустическое явление: *барабания в стёкла капли // всё ли так ли всё ли так ли* (Г. Илюхина. Зброшенная дача); г) средства графики, напр. графическая метафора – замена буквы сходным по форме символом или рисунком: «1300 // €вропейских бумажек» (А. Егоров. Где-то посередине); граффон [итал. *graffito* 'нацарапанный'] – орфографическая неправильность речи как изобразительный приём: *Здоб. Одойдем и боздоим. // Я звой благог оздавил дома. // Бозволь, возбользуюзь двоим. // Чихады на эдо. Эгце хомо. // Ну вот. Как сыро в январе...* (А. Леонтьев. На выставке Моне); чередование прописных и строчных букв: «летят уУуУуУуУуУтки» (Г. Лукомников. Из цикла «Забракованное»), графическая градация: *щенок гулял, // гулял, // ГУЛЯЛ // и вырос* (В. Левин. Обыкновенная история), дефисное членение слова:

Санкт-Петер-бург – трёхчастно слово...
В три рукава Нева течёт,
И плавно омывают воды

Три острова, как три чела...
И эта магия природы,
Пространства, самого числа...
Г. Гампер. Два имени тому...

Графическая форма следующего стихотворного текста символизирует раздвоение личности:
А жаль, что я с детства не вёл дневника –
Ведь вы ни за что не поймёте,
Как я потерял своего двойника,
Когда, на каком повороте.

У Чёрного Лога
Развилка была –

Налево	Направо
Дорога	
Его	Меня
Увела.	Увела.

Себя ощущает он	На улице древней
Всечеловеком	Ни сна, ни огня,
И твёрдо шагает он	Лишь память иль ставня
В гору за веком:	Стучится в окно.

По кварцам и сланцам –	Пусты подворотни,
Баварцем, исландцем,	Подъезды пусты,
По голым гранитам –	Бесплотны предметы,
Монголом, семитом,	Безмолвна листва.
По гнейсам и шпатам –	
Индейцем, хорватом...	За домом иль храмом
	Упала звезда,
Как вдруг,	Как шляпка, отломан-
Беспричинно –	Ная от гвоздя.
Не то, чтоб кручина,	
Но злость на разлуку,	И хочется руку
И хочется знать,	Себе же подать...

Когда же друг друга мы встретим опять?
Н. Моршен. Раздвойники (Двустих)

При расположении букв и строк в форме рисунка или узора, отвечающих содержанию речи, возникает графический образ. Звуковые образы производятся посредством применения: а) звукописи; б) ритмоподражания. Так, в следующем тексте чередование длинных и кратких колонов создает терминальную цезуру и тем самым изображает качку в вагоне метро:

Вот и кончается время, || великое время,
гибнет в агонии Троя, || могучая Троя.
Вот и кончаются мысли, || великие мысли.
Еду в вагоне метро я, || в загоне метро я.
Разум в огне, он в агоне, || огне и агоне,
бьются в агонии мысли, || вагонные мысли,
на смерть дробясь о табличку, || слова на табличке:
«...старших кассиров билетных, || кассиров
билетных».
Ужасом едким и жгучим, || едким и жгучим,
мыслью последней я мучим, || единствен-
ной мучим:
– Где же возьмут они столько, || найдут они
столько
«...старших кассиров билетных, || кассиров
билетных»?
Где эти все Хрисеиды, || где те Брисеиды,
эти Елены, Парисы, || красавцы Парисы?
Плачь же по Гектору, Троя, || рыдай по героям,
«...старшим кассирам билетным, || касси-
рам билетным».
«...бывшимкассирамбилетнымкассирамби-
летным».
...павшим билетным кассирам, || кассирам,
о, боги!

В. Строчков. Троя

Такими способами речь пытается «пре-
одолеть коренное свойство языкового зна-
ка и построить словесную художественную
модель, как в изобразительных искусствах,
по иконическому принципу» (Лотман 1970:
72). К иконическим (миметическим) сред-
ствам близка стилизация – изображение
определенной эпохи, местности, социаль-
ной, возрастной, профессиональной или на-
циональной группы людей через имитацию
фонетических, лексических, грамматических
и др. особенностей характерной для них
речи. Так, при изображении речи иностран-
ца имитируются типовые ошибки, акцент,
макароничность речи:

Вечерело. Сидел угрюмо
Головой подперев кулак –
От посуды отдыхал, от рюмок
И других матерьяльных благ.
Вдруг какой-то косматый дядя
Замаячил в моём окне.
«Миль пардон, – грит, – ква на ночь глядя»
И мигает мне сквозь пенсне.
Грит: «Мёсье! Бонсуар, – с окошка –

Жё мапель, конью мэтр Огюст.
Жё тья ву исфаять немношко
Гран скульптур о пьир прощъто бюст!»
Уронил я кулак к окуркам:
Всё ж не первый – восьмой этаж!
Здравствуй белочка, здравствуй дурка...
«Хенде хох, – говорю, – мираж!

Уходи, я муи бораччо,
Дринк, дрэнк, drank, убриаченн нах!
Сгинь, делирия, щас заплачу,
Нихт исфаивать ин дер нахт...»
Я трясусь, а он влез в фрамугу:
«Нё кран па, мон шер, жё сви жусь
Ан скульптЕр... Отшого напуган?
Комо рюстр! Комсе аля рюс...»
Завертелся проклятый карлсон
(Я в него изловчил ногой)
Взмыл куда-то в район Прованса,
Баллистическою дугой.
И всё тише, тише лихая
Промеж крыш французская брань...
«А скульптур-то была б неплохая» –
Думал, глядя стакана грань.

Евг. Бердичевский. Скульптур

Считается, что именно образность от-
личает художественную речь от нехудожес-
ственной – разговорной, научной и офици-
ально-деловой, отчасти сближая с публи-
цистической, ср.: «Художественная речь
выступает как форма выражения образного
содержания» (Виноградов 1958: 186).

План выражения художественной речи
подчинен эстетической функции, которая
может быть определена как связанная с вы-
ражением «эмоции восторга и любования»,
со способностью речи «привлекать нас своею
красотою» (Томашевский 1996: 64 и 100, ср.
Шкловский 1919: 102); данная функция про-
является, если адресант включает «установку
на выражение» (Якобсон 1921: 10), т. е. «начи-
нает обращать внимание на внешнюю **форму**
своей речи» (Шмелев 1977: 36)⁶; таким обра-
зом, в художественном произведении язык
выступает «как материал искусства» (Вино-
кур 1990: 129). Эстетичность формы художе-
ственного текста достигается в результате:
1) соблюдения правил благозвучия, исклю-

⁶ Есть и иные подходы к определению дан-
ной функции (см. обзор: Никитина 2008).

чающих звуковую тавтологию и скопления одинаковых или сходных звуков; 2) применения: а) звуковых повторов (аллитерации, ассонанса, парехезы, рифмы); б) различных типов ритма: колометрического, стопного и их комбинаций. Тактики (1) и (2) составляют предмет эвфонии. Использование ритма лежит в основе рифмованной и метрической прозы, а также стихотворной речи. Рифмованная проза подразделена на относительно краткие соизмеримые отрезки (колонны), каждый из которых отмечен концевой рифмой, метрическая – на стопы. Колонны (στίχοι) стихотворной речи отделены друг от друга облигаторной терминальной паузой, которая в письменной форме речи фиксируется так наз. колометрической записью (т. е. записью в столбик), введенной Аристофаном Александрийским во II в. до н. э. (Dionysius 1808: 312): необходимость перемещения взгляда от правого края стиха к левому следующего приводит к невозможности игнорирования терминальной паузы. Стих и проза считаются «двумя основными категориями художественной литературы» (Виноградов 1978: 229); строго говоря, стихотворная форма речи имеет межстилевой характер, однако наиболее ярко и разнообразно реализуется именно в ХС.

Таким образом, сущность ХС раскрывается как в содержании, так и в форме речи. С этой точки зрения трудно принять концепции, связанные с отнесением понятия ХС исключительно к речевой форме, напр.: «[...] стиль диктуется определенным содержанием, но сам он является качеством формы, законом ее строения» (Каган 1971/1964: 158; ср.: Поспелов 1970: 40).

В. В. Виноградов определяет ХС как «систему словесно-художественного выражения и изображения» (Виноградов 1978: 241), Ю. С. Степанов – как «язык эстетических ценностей» (Степанов 1997: 668; ср.: Кожина, Баженова 2003: 596). С точки зрения функционального подхода эти две дефиниции целесообразно объединить в одной и понимать под ХС функциональный стиль, служащий словесному изображению действительности в эстетически значимой форме. Данное определение отражает две системообразующие функции ХС: изобразительную и эстетическую.

Еще Л. В. Щерба отметил, что художественные тексты «рисуют все то разнообразие разговорных, социальных и отчасти и географических диалектов, которые объединяет данный <...> язык», а «через язык рисуется та социальная среда, к которой принадлежат действующие лица» (Щерба 1957: 119). Имитация просторечия предполагает использование в художественном тексте просторечных слов, форм и конструкций; при диалектной стилизации в художественную речь попадают диалектизмы, при исторической – лексические, грамматические и иные архаизмы, при профессиональной – терминологическая лексика, т. е. ХС использует ресурсы всего национального языка: 1) в нелитературные: просторечные, диалектные, жаргонные, фольклорные и др.; 2) и ностилевые. Первый факт ставит вопрос о соотношении ХС и литературного языка, второй – о таксономическом статусе художественной речи. Данные два вопроса не получили однозначного решения [ср., напр.: а) Левин 1955 и Ефимов 1957: 43–48; б) Горшков 2000: 236 и Кожина 1983: 78]:

1. Одни специалисты не считают художественную речь функциональным стилем, полагая, что «язык художественной литературы – явление принципиально иного порядка, чем языковой стиль», что он «принципиально **разностилен**», поскольку «воспроизводит <...> систему стилей **общенародного**⁷ языка» (Левин 1954: 79–80), что «признание за ней “статуса” функционально-речевого стиля не кажется терминологически оправданным» (Шмелев 1977: 38).

2. Другие признают художественную речь функциональным стилем, который включает внелитературные и иностилевые элементы, «но в своеобразных комбинациях и в функционально преобразованном виде» (Виноградов 1955: 85), т. е. для «изо-

⁷ Здесь видится логическая нестыковка: строго говоря, функциональные стили принадлежат исключительно литературному языку, общенародный же (национальный) язык распадается на две формы: литературную (именно она представлена стилями различных типов) и нелитературную, представленную жаргонами, просторечием, диалектами и народно-фольклорной речью. – В. М.

бразительных и характерологических целей» (Горшков 2000: 232); вовлекаемые же в сферу художественной речи нелитературные элементы постепенно осваиваются и кодифицируются, обогащая литературный язык. Этот (функциональный) подход представляется более убедительным. Прав Д. Н. Шмелев, утверждая: «Как вкрапления иноязычной речи в русский роман не делают этот роман нерусским, так и введение в тексты определенного функционального стиля иностилевых элементов не может изменить их общей стилистической значимости» (Шмелев 1977: 32)⁸.

Изобразительность и «установка на выражение» противопоставляют ХС всем иным функциональным стилям. Для ряда специалистов (И. В. Арнольд, В. Д. Бондалетов, А. И. Горшков, О. А. Крылова, В. Д. Левин, Л. А. Новиков, А. К. Панфилов, Ю. С. Степанов, Д. Н. Шмелев и др.) такая функциональная противопоставленность является аргументом для невключения языка художественной литературы в стилевую парадигму. Однако в рамках такой парадигмы не только художественный, но и каждый из других стилей функционально уникален: если ХС подчинен изобразительной и эстетической функциям, то официально-деловой стиль – регулятивной, разговорный – коммуникативной функции, публицистический – информативной и инфлюативной, научный – когнитивной и информативной.

Характерной чертой ХС, определяющей его своеобразие и отчасти сближающей с публицистическим, в частности ораторским стилем, является важная роль «субъективного момента в художественном творчестве» (Колшанский 1975: 203): особенностью Нового времени является тот факт, что «[б]аланс личного и безличного в литературном сознании решительно сдвигается в пользу первого...» (Аверинцев et al. 1994: 24); это проявляется (особенно ощутимо – в стихотворной речи) во все более активном отходе от принятых норм и канонов при индивидуально-авторском переосмыслении слов и трансформации их звуковой формы, принятии новых

ритмических решений (см., напр.: Николина 2009; Зубова 2010; Фатева 2019). В этом контексте следует рассматривать тесную связь ХС с подпитывающими его идиостильями, из которых литературный язык заимствует наиболее удачные новации: «Становясь достоянием значительной группы писателей, литературной школы, явления индивидуально-поэтического стиля тем самым механизуются, обнаруживая тенденцию к превращению в языковые шаблоны (клише)» (Виноградов 1980: 4). И ученый, и писатель познают мир, создают его семиотическую модель, поэтому говорят не только о научной, но и о художественной картине мира, однако если первая бесстрашна и объективна, то вторая носит эмоциональный и субъективный характер.

Таким образом, «каждый из языковых стилей образует какую-то особую систему» в пределах стилевой макросистемы языка (Головин 1978: 119). Данной точки зрения придерживаются В. В. Виноградов, Р. А. Будагов, А. Н. Васильева, И. Р. Гальперин, А. И. Ефимов, Н. И. Клушина, М. Н. Кожина, Г. Я. Солганик и др.

Некоторые ученые полагают, что «сама специфика художественной литературы как явления многосложного и многостильного не допускает объединяющего унифицированного понимания единого стиля художественной литературы» и что «по отношению к художественной литературе в целом ни понятие “система”, ни понятие “стиль” <...> неправомерны» (Бондалетов et al. 1989: 211, 216). Однако: 1) не менее «многосложен и многостилен» публицистический стиль, который демонстрирует «совмещение с чертами других стилей (научного, официально-делового, литературно-художественного, разговорного)» (Розенталь 1974: 42), т. е. «оказывается областью живых межстилевых взаимодействий, что приводит к усложнению его структуры» (Кожина 1983: 188); 2) понятие системы к ХС вполне применимо: так, можно говорить о системе образов ХС (художественных, словесных, звуковых, графических), о системе приемов ХС (различные виды стилизации, семантических переносов, ритма, звуковых и иных повторов и др.); иными словами, возможна интерпретация ХС не просто как системы, а как сложнейшей системы систем, интегрированной «исходной функциональной общностью» (Баранникова 1974: 64).

⁸ Судя по приведенным нами высказываниям Д. Н. Шмелева, логически едва ли совместимым, ученый колеблется между точками зрения (1) и (2).

Литература

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П. А. Гринцер. – М.: Наследие, 1994. – С. 3–38.
2. Баранникова Л. И. К вопросу о развитии функционально-стилевого многообразия языка (статья вторая) // Вопросы стилистики. – Вып. 7. – Саратов, 1974. – С. 60–73.
3. Бондалетов В. Д., Вартапетова С. С., Кушлина Э. Н., Леонова Н. А. Стилистика русского языка / под ред. Н. М. Шанского. – Л.: Просвещение, 1989. – 286 с.
4. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. – М.: Высшая школа, 1967. – 376 с.
5. Васильева А. Н. Художественная речь. – М.: Русский язык, 1983. – 256 с.
6. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
7. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. – М.: Высшая школа, 1978. – 367 с.
8. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
9. Виноградов В. В. Проблемы содержания и формы литературного произведения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 216 с.
10. Виноградов В. В. – Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87.
11. Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений [1945] // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1990. – С. 112–140.
12. Головин Б. Н. Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка // Вопросы стилистики. – Вып. 14. – Саратов, 1978. – С. 113–121.
13. Горшков А. И. Лекции по русской стилистике. – М. Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2000. – 272 с.
14. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 448 с.
15. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 378 с.
16. Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Диалектика искусства. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 766 с.
17. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
18. Кожина М. Н., Баженова Е. А. Художественный стиль речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 594–608.
19. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
20. Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи // Русская речь. – Ч. 1. – Пг., 1923. – С. 57–96.
21. Левин В. Д. Язык художественной литературы // Вопросы культуры речи. – Вып. 1. – М., 1955. – С. 67–99.
22. Левин В. Д. О некоторых вопросах стилистики // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 74–83.
23. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.
24. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М., Искусство, 1970. – 384 с.
25. Москвин В. П. О подходах к определению понятия 'троп' // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – Т. 72. – 2013. – № 2. – С. 20–31.
26. Никитина Н. В. Эстетическая функция художественного стиля // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 3. – С. 168–172.
27. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. – М.: Гнозис, 2009. – 335 с.

28. Поспелов Г. Н. Проблемы литературного стиля. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 328 с.
29. Путнин Ф. В. Деталь художественная // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 9. 1978. – Стб. 267–268.
30. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.
31. Степанов Ю. С. Язык художественной литературы // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997. – С. 666–669.
32. Тимофеев Л. И. Проблемы стиховедения. – М.: Федерация, 1931. – 227 с.
33. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект пресс, 2003. – 333 с.
34. Фатеева Н. А. Насколько «формальны» преобразования формы в современной русской поэзии // Изв. Урал. ун-та. Сер. 2. Гуманит. науки. – Т. 21. – 2019. – № 1 (184). – С. 115–133.
35. Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа. – М.: Художественная литература, 1986. – 441 с.
36. Шкловский В. Б. Искусство как приём // Поэтика. – Пг.: ОПОЯЗ, 1919. – С. 101–114.
37. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
38. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 с.
39. Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок 1-й. В.Хлебников. – Прага: Политика, 1921. – 68 с.
40. Aristotelis De rhetorica libri III // Aristotelis De rhetorica libri III. De rhetorica ad Alexandrum. De poetica / ex rec. I. Bekkeri. – Oxonii: E Typographeo Academico, 1837. – P. 1–167.
41. Desbordes F. Le schéma «addition, soustraction, mutation, métathèse» dans les textes anciens // Histoire. Epistémologie. Langage. – 1983. – Т. 5. – Fasc. 1. L'ellipse grammaticale. Etudes épistémologiques et historiques. – P. 23–30.
42. Dionysii Halicarnassensis De compositione verborum / ed. G. H. Schaefer. – Lipsiae: In libraria Weidmannia, 1808. – 515 s.

М. А. Ширинкина

(Пермский государственный национальный исследовательский университет)

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ: АСПЕКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ

Статья содержит обзор основных направлений исследования официально-деловой речи с 70-х гг. XX в. до наших дней. Структура статьи обусловлена аспектно-проблемным подходом. Автором ставятся следующие задачи: 1) выявить основные аспекты изучения деловой речи, 2) охарактеризовать проблематику соответствующих научных работ. Утверждается, что многочисленные научно-исследовательские стратегии взаимодополняют друг друга, а смежные и пограничные дисциплины обогащают методологический инструментарий лингвистики, направленный на изучение всего разнообразия форм деловой коммуникации.

Ключевые слова: функциональная стилистика, официально-деловой функциональный стиль, деловой текст, деловой дискурс, деловая речь, лингвистические исследования.

Maria A. Shirinkina
(Perm State University)

TO THE HISTORY OF THE STUDY OF OFFICIAL BUSINESS SPEECH: ASPECTS, PROBLEMS, TRENDS

The article contains an overview of the main directions of the study of official business speech from the 1970s to the present day. The structure of the article is conditioned by the aspect-problem approach. The author sets the following tasks: 1) to identify the main aspects of the study of business speech, 2) to characterize the problematics of relevant scientific works. It is argued that numerous research strategies complement each other, and that related and borderline disciplines enrich the methodological toolkit of linguistics aimed at studying the entire diversity of forms of business communication.

Key words: functional stylistics, business functional style, business text, business discourse, business speech, linguistic research.

Введение

Еще в 1835 г. в «Кратком руководстве к деловой и государственной словесности...» М. Л. Магницкий объяснял причины, побудившие его написать это руководство, следующим образом: «При чтении лучших в своем роде книг о Русской Словесности статья о деловом слоге всегда казалась мне недовольно в них раскрытою, и сие подало случай обдумать вообще материю о деловом и государственном языке пристальнее» (Магницкий 1835: 9). И далее, обращаясь к «молодым людям, вступающим в службу», характеризуя этот язык, подчеркивал особое «приличие» слога служебного, «простоту и добрый вкус языка делового, имеющего свои особенные правила и красоты» (Там же: 10).

Однако сложилось так, что в лингвистической, в том числе стилистической, литературе хрестоматийным, широко цитируемым стало опубликованное спустя целый век (в 1937 г.) высказывание Л. А. Булаховского: «Бедный лексически, однотипный по содержанию, лишенный, кроме моментов официального холопства, всякой другой эмоциональности, не пользующийся никакой репутацией изысканности и даже отдаленно не претендующий на нее, он, конечно, ничего внимания при разрешении задачи о слоге для изящной литературы к себе не привлек» (Булаховский 1937: 34). Действительно, довольно долгое время специальных исследований и работ о деловом языке практически не было, официально-деловой стиль оставался, по выражению Л. А. Булаховского, «нелюбимым ребенком русской стилистики» (цит. по: Дускаева, Протопопова 2011: 4).

Активное изучение деловой речи началось в 60–70-е гг. XX в. (обзоры представлены в работах: Губаева 1997; Дускаева, Протопопова 2003; Сологуб 2008)) в связи с зарождением и становлением обоснованной М. Н. Кожинной функционально-стилистической концепции. М. Н. Кожина разработала базовые принципы классификации типов речи и выделила с учетом этих принципов шесть функциональных макростилей (Кожина 1968: 174–178), одним из которых является предмет нашего рассуждения – официально-деловой функциональный стиль речи.

Изучению деловой речи были посвящены работы отдельных учеников и последователей М. Н. Кожинной – представителей Пермской школы функциональной стилистики (Кыркунова 1994, 2007; Ширинкина 2001, 2019; Дускаева 2009; Протопопова 2010 и др.). Деловая речь, деловые тексты и особенности деловой коммуникации исследовались во многих научных центрах России (Москве, Барнауле, Волгограде, Казани, Кемерове, Саратове, Челябинске и др.). Так, на рубеже XX–XXI веков стало возможным говорить о формирующемся самостоятельном направлении стилистики – стилистике официально-деловой речи (Дускаева, Протопопова 2011 и последующие издания) и отдельных междисциплинарных направлениях – документной лингвистике, юрислингвистике, судебном речеведении и под. (см. ниже).

Аспекты изучения и основные направления исследований деловой речи

Начало функционально-стилистическому изучению официально-деловой речи было положено в монографиях М. Н. Кожинной, которая выделила в качестве основания стилистической классификации речи связанные с сущностными свойствами языка стилиобразующие экстралингвистические факторы – форму общественного сознания и соответствующую сферу деятельности и общественных отношений (Кожина 1968: 155). М. Н. Кожина установила, что официально-деловой стиль формируется на базе правового сознания, главными специфическими свойствами делового стиля являются выражение воли, присущий речи характер долженствования и предписания, а также точность речи, не допускающая инотолкования, и указала на то, что совокупность этих черт «строго функционально обусловлена», а выражающие их языковые средства «выступают здесь в своей единственной и главной роли, то есть функционально в принципе отличаются от аналогичных средств иных стилей», «являются функционально мотивированными, „неизбежными“ в нем, целесообразными» (Кожина 1968: 204. Разрядка автора. – *М.Ш.*), наконец, обозначила проблему его неоднородности – выделения в нем «подстилей» и затем «жанров» и поставила вопрос о его исторической изменчиво-

сти наряду с другими речевыми разновидностями (Кожина 1968).

Затем в работе 1972 г. М. Н. Кожина с помощью стилостатистического метода, который, по ее словам, «является одним из наиболее эффективных методов исследования функциональных стилей», продемонстрировала «объективно существующие параметры» официально-делового стиля (в сопоставлении с научным и художественным) и обосновала связь этих параметров с конкретными внелингвистическими факторами (Кожина 1972: 348).

Поддерживая идею разграничения функциональных речевых разновидностей в соответствии со сферами общения, Д. Н. Шмелев особо подчеркнул «внутренне обусловленную приверженность официально-деловой речи к письменной фиксации» (Шмелев 1977: 33) и в ряду доминирующих лингвистических примет деловых текстов указал «неизменный, „застывший“ характер лексического состава и синтаксического оформления», шаблонность и архаичность присущих этим текстам языковых средств (Там же).

Таким образом, на первом этапе развития функциональной стилистики в работах М. Н. Кожиной, Д. Н. Шмелева и др. был утверждён статус официально-делового стиля как одной из основных функциональных разновидностей русского литературного языка, определены базовые экстралингвистические факторы и стилевое своеобразие деловой речи.

Позднее появляется ряд исследований, посвящённых отдельным лингвистическим особенностям деловой речи. В частности, Т. В. Губаева анализирует грамматико-стилистическое своеобразие процессуальных документов, выявляет коммуникативные возможности именных и глагольных форм в них, устанавливает значимую закономерность текстовой организации этих документов, заключающуюся «в регулярных чередованиях отношений абстрактного и конкретного, выражаемых экстралингвистически заданной текстовой семантикой и коннотациями грамматических значений» (Губаева 1984: 165). Т. М. Веселовская ставит задачу описания синтаксических характеристик

деловых текстов и на основе статистического анализа структурных типов предложений в них приходит к выводу о том, что доминантные позиции в синтаксисе ОДС занимают полипропозитивные простые предложения, отличающиеся способностью «вмещать» в себя содержание сложного предложения или нескольких простых и являющиеся знаками нескольких ситуаций (Веселовская 1990: 126). Н. Н. Ивакина изучает юридические клише и штампы в судебной речи, указывает отличительные признаки этих стереотипных речевых конструкций (Ивакина 1989); рассматривает термины оценочного характера в праве, описывает их морфологический состав, семантику и коммуникативные функции (Ивакина 1990).

Развитие лингвистики текста вносит в стилистику деловой речи новые идеи: единицей анализа деловых текстов становятся более крупные лингвистические явления – категориальные признаки текстов (Губаева 1987; Матвеева 1990; Ковшикова 1997; Буторина 2016).

Т. В. Матвеева впервые применяет к анализу текстов разной функционально-стилевой принадлежности, в том числе к официально-деловым речевым произведениям, категориально-текстовый подход – характеризует специфику выражения в них текстовых категорий темы, тональности, оценочности, композиции и др. и доказывает, что «каждая из них реализуется в определенной функционально-стилевой модификации, т.е. обладает особенностями строения, языковых средств выражения, текстовых функций, размещения на пространстве текста в зависимости от требований функционального стиля» (Матвеева 1990: 159). Позднее эта концепция применяется к отдельному сегменту деловой коммуникации – письменному дискурсу исполнительной власти (Ширинкина 2019).

Существенный аспект современных официально-деловых текстов – способы организации и языковой репрезентации в них «типизированных речевых структур» (функционально-смысловых типов речи) – раскрывается в диссертационном исследовании Л. Г. Кыркуновой, которая характеризует подтипы наиболее типичных для деловой коммуникации ФСТР предписания и кон-

статации и обосновывает вспомогательную роль повествования, описания и рассуждения в документных текстах (Кыркунова 2007).

Сложной теоретической проблемой стилистики деловой речи на рубеже XX–XXI веков становится «системное представление современного русского делового текста в функционально-генетическом аспекте» (Сологуб 2008: 5). Решение этой проблемы О. П. Сологуб видит в определении механизмов формирования официального характера современного официально-делового текста и построении функционально-генетической модели последнего (Сологуб 2008).

Заметим также, что лингвистическое своеобразие законодательных текстов многие годы привлекает внимание правоведов, которые описывают эти тексты прежде всего с точки зрения законодательной стилистики и юридической техники (Ушаков 1967; Пиголкин 1972; Язык закона 1990; Власенко 1997).

Изучение динамических изменений в языке и стиле документов обусловило формирование диахронического направления в стилистике деловой речи. В контексте этого направления охарактеризованы памятники деловой письменности и определена их роль в становлении русского литературного языка, описаны отдельные жанры и целые жанровые системы русских документов разных эпох, воссоздана история русского делового стиля и выявлены основные тенденции развития деловой речи (Виноградов 1982; Полякова 1983; Романенко 1983; Качалкин 1989; Никитин 2004; Трофимова 2002; Глухих 2008; Заварзина 2015).

Так, на основе анализа лексики пермских деловых письменных памятников в аспекте функциональной стилистики Е. Н. Полякова приходит к заключению о том, что деловой язык уже в XVII в. являлся самостоятельной функциональной разновидностью русского литературного языка, изменения в лексике деловых документов этого периода происходили в двух направлениях: «по линии демократизации и по линии сближения с церковно-книжным типом языка» и были обусловлены языковыми и экстралингвистическими причинами (Полякова 1983: 30).

Обзор лексико-фразеологических, морфологических и синтаксических примет до-

кументных текстов, а также сдвигов в жанровом составе деловой речи четырех десятилетий советского времени, представленный в работах Т. А. Логиновой, позволил сделать вывод об относительной устойчивости исторически сложившихся главных черт официально-делового стиля и связать модификации в языковом репертуаре документных текстов с социально-историческими причинами и требованиями времени (Логинова 1968, 1975).

Весьма ценным в исторических исследованиях, на наш взгляд, оказывается тот факт, что видоизменение деловых бумаг на шкале времени ученые объясняют многочисленными социальными новациями. Иными словами, постулат функциональной стилистики об экстралингвистической обусловленности речевых разновидностей подтверждается на хронологически разнообразном языковом материале.

Становление коммуникативной лингвистики, распространение теории дискурса и лингвопрагматики влекут за собой активное применение в отечественной стилистике речедеятельностного подхода. В связи с этим в конце XX – начале XXI столетия широкое распространение получают исследования не официально-делового функционального стиля и даже не делового языка, а различных дискурсивных практик, соотносимых с теми или иными институциями, а также областями и ситуациями делового общения.

На первый план в исследованиях деловой речи выдвигается деятельностный подход и соответствующий ему динамический аспект, предполагающий характеристику отдельных речевых шагов и целых моделей речевого поведения субъектов, стремящихся наилучшим образом реализовать коммуникативный замысел и тем самым достичь коммуникативной цели. Результатом таких исследований часто становятся правила, принципы, стратегии, постулаты речевого поведения адресанта в типичных ситуациях делового общения (Гурьева 2003; Лазарева 2003; Колтунова 2006; Немчинова 2010; Мкртычан 2012), методики коммуникативного аудита организаций (Шкатова 2016) и лингвокультурные словари корпораций (Харченко, Шкатова 2014).

Ориентация на дискурсивный анализ ситуаций делового общения привела к интеграции собственно ресурсного (поуровневого) описания и коммуникативно-прагматического – с детальной характеристикой участников общения и экстралингвистических условий их речевого взаимодействия. В связи с этим в фокусе внимания лингвистов оказываются разнообразные частные (не стилеобразующие) – дискурсивные – факторы, характеризуются всевозможные формы деловой коммуникации, обозначаемые термином *дискурс* (Краснянская 2008; Дубровская 2010; Палашевская 2012; Ширяева 2014; Стеблецова 2015; Евтушенко 2019; Зайцева 2011; Канащук 2012 и др.).

В научный обиход исследователей деловой речи вводятся такие понятия, как *речевое поведение, речевой портрет, коммуникативные стратегии и тактики, коммуникативное событие* (Панова 2005; Алексеева 2009; Кыркунова 2017).

В то же время развитие жанроведческого направления в лингвистике и понижение уровня стилистической абстракции в функциональной стилистике повлекли за собой перенос внимания исследователей с изучения макростилей к отдельным внутрестилевым и жанровым разновидностям делового общения (Губаева 1997; Анисимова 2000; Дускаева, Протопопова 2003; Дускаева 2016; Шарипова 2017 и др.). В ряде исследований описываются жанровые разновидности вторичных деловых текстов (Ширинкина 2001; Татарникова 2004; Голованова 2008).

В целом, типологический (в том числе жанроведческий) подход к ситуациям и формам делового общения позволяет уточнить представления о внутренней дифференциации официально-делового стиля, выявить в нем ядерные, пограничные и гибридные составляющие.

Социально-экономические изменения, распространение информационных технологий и интернета, цифровизация деловой – юридической, законодательной, судебной, правовой и др. видов – деятельности обусловили значительные изменения самой природы делового общения. Многие ситуации речевого взаимодействия переместились в виртуальное пространство – на сайты, в со-

циальные сети и мессенджеры, положив начало формированию так называемой устно-письменной формы общения с присущей ей демократизацией языка, а также уменьшением степени официализации.

Под влиянием указанных процессов трансформируется, с одной стороны, роль официально-делового языка в жизни общества, с другой – природа его взаимоотношений с другими речевыми разновидностями. С этими аспектами связана проблематика исследований последних лет: при изучении деловой речи авторы рассматривают особенности развития официально-делового стиля в условиях информационной эпохи (Жлушина, Селезнева 2016), выявляют зоны влияния официально-делового стиля и делового дискурса на коммуникацию, язык и языковое сознание (Сурикова 2019), говорят о низком рейтинге делового языка, проблемах освоения заимствований в этой области и взаимодействии делового языка и других стилей (Хазагеров 2020).

Идея взаимосвязи лингвистического и экстралингвистического приводит к интеграции методологических принципов смежных наук и появлению новых отраслей лингвистического знания: юрислингвистики и лингвоюристики (Голев 1999 и др.), судебного речеведения (Галяшина 2003), документной лингвистики (Кушнерук 2008), лингвистической экспертологии (Бринев 2010). В рамках этих направлений активизируются междисциплинарные исследования, направленные на решение целого круга специфических проблем, связанных «с филологическим обеспечением профессиональной юридической деятельности в различных ее проявлениях (законотворчество, законоприменение, судебное красноречие, судебная экспертиза)» (Бринев 2010: 3). Одной из таких проблем, к примеру, посвящена работа Т. В. Чернышовой, описывающей алгоритмы аналитической деятельности специалиста в ходе судебной лингвистической экспертизы по документационным и информационным спорам (Чернышова 2016). Язык оказывается в этом случае основным инструментом реализации коммуникативного замысла говорящего и гибко подстраивается под специфические условия общения в любой из указанных выше предметных областей.

Ни в коем случае не претендуя на полноту охвата, назовем, наконец, некоторые зарубежные исследования, посвященные различным аспектам изучения деловых текстов: в одних (из известных нам) работах обсуждается статус официально-делового стиля в славянских языках (Малиновская 2013; Тантуровска 2005), в других – описываются различные жанры и виды устной и письменной деловой речи (Malinowska 2001; Лесневска 2002; Linguistic Insights 2008, 2012; Grzelak 2010; Cornut, Giroux, Langley 2012; Piwowarczyk 2012; Патмайр 2013; Малиновская 2015; Mautner, Rainer 2016).

Роль делового языка в жизни социума и каждого отдельного человека неоспорима.

Инновационные – складывающиеся на наших глазах коммуникативные практики и форматы порождают многообразие форм и жанров (субжанров, поджанров и т. д.) делового общения, представляющих собой весьма значимые на современном этапе развития общества модели речевого поведения, которые требуют пристального внимания лингвистов и адекватного научного описания. На протяжении полувека лингвистика демонстрирует разнообразные исследовательские подходы и стратегии анализа деловой речи, при этом контекст смежных наук гармонично дополняет исследовательский потенциал лингвистики, ориентированный на изучение многочисленных форм современной деловой коммуникации.

Литература

1. Алексеева А. В. Коммуникативно-прагматическая специфика официально-деловых документов (на материале обращений граждан в административные органы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2009. – 23 с.
2. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи: Риторический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2000. – 46 с.
3. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Кемерово, 2010. – 42 с.
4. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к литературному русскому языку. – Харьков, Киев: Государственное учебно-педагогическое издательство «Радянська школа», 1937. – 324 с.
5. Буторина Е. П. Категория официальности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2016. – 50 с.
6. Веселовская Т. М. Особенности синтаксиса официально-деловой речи // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. – Пермь, 1990. – С. 119–128.
7. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
8. Власенко Н. А. Язык права. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997. – 173 с.
9. Галяшина Е. И. Методологические основы судебного речеведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 52 с.
10. Глухих Н. В. Деловой эпистолярный конец XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста: монография. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2008. – 169 с.
11. Голев Н. Д. От редактора: постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика. – 1999. – № 1. – С. 4–11.
12. Голованова О. И. Тюменские следственные дела 1782–1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008. – 23 с.
13. Губаева Т. В. Грамматико-стилистические особенности юридических текстов (процессуальные документы): дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1984. – 188 с.

14. Губаева Т. В. Семантико-стилистическая категория оценки в законодательном тексте // *Стилистика текста в коммуникативном аспекте*. – Пермь, 1987. – С. 97–102.
15. Губаева Т. В. Официально-деловая речь: стилистические исследования последних десятилетий // *Stylistyka*. Вып. VI: Русская стилистика. – Opole, 1997. – С. 173–184.
16. Гурьева З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории (на материале текстов на русском и английском языках): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2003. – 52 с.
17. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2010. – 41 с.
18. Дускаева Л. Р. Стилистические особенности актов прокурорского реагирования // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2009. – № 5. – С. 33–38.
19. Дускаева Л. Р. Прокурорский профессиональный стиль: стилевые черты и речевые жанры // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. – 2016. – Вып. 2 (34). – С. 50–58.
20. Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Жанры официально-деловой стиль // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 69–79.
21. Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Официально-деловой стиль // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 273–277.
22. Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Стилистика официально-деловой речи: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – М.: Академия, 2011. – 272 с.
23. Евтушенко О. А. Административный дискурс: типы, субъекты, динамика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Майкоп, 2019. – 39 с.
24. Заварзина Г. А. Русская лексика государственного управления: история формирования и современные процессы развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2015. – 42 с.
25. Зайцева И. Д. Дискурсивные признаки жанра постановления: на материале русских текстов правового дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011. 20 с.
26. Ивакина Н. Н. Юридические клише и штампы // *Функционирование языка в различных типах текста*. – Пермь, 1989. – С. 149–158.
27. Ивакина Н. Н. Оценочные структуры в тексте закона // *Типология текста в функционально-стилистическом аспекте*. – Пермь, 1990. – С. 128–133.
28. Канащук С. А. Инструктивный дискурс IT корпораций: социолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2012. – 24 с.
29. Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи в историко-лингвистическом и источниковедческом освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1989. – 50 с.
30. Клушина Н. И., Селезнева Л. В. Новые жанры PR-дискурса и их роль в развитии современного официально-делового стиля // *Вестник Северо-Восточного Федерального университета им. М. К. Аммосова*. – 2016. – № 5 (55). – С. 120–133.
31. Ковшикова Е.В. Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 20 с.
32. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1968. – 252 с.
33. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь, 1972. – 396 с.
34. Колтунова М. В. Конвенциональность как основа делового общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 46 с.
35. Краснянская Т. И. Интерпретация понятия «унижение чести, достоинства, деловой репутации» участниками судебного процесса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2008. – 23 с.

36. Кушнерук С. П. Теория современного документного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2008. – 43 с.
37. Кыркунова Л. Г. Смысловая структура официально-деловых текстов соотносительно с жанром (на материале актов) // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994. – С. 277–286.
38. Кыркунова Л. Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи: дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2007. – 181 с.
39. Кыркунова Л. Г. Штрихи к речевому портрету современного юриста // Социо- и психолингвистические исследования. – 2017. – № 5. С. 97–101.
40. Лазарева А. В. Коммуникативно-прагматические аспекты коммерческой корреспонденции как формы диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 26 с.
41. Логинова К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М., 1968. – С. 186–230.
42. Логинова К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 24 с.
43. Магницкий М. Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. – М.: Типография Лазаревых ин-та вост. яз., 1835. – 120 с.
44. Малиновская Е. Официально-деловой стиль – его статус, особенности и категории // Стилистика как речеведение: Сборник научных трудов славянских стилистов, посвященный памяти профессора М. Н. Кожинной / под ред. проф. Л. Р. Дускаевой. – М.: Флинта, 2013. – С. 235–243.
45. Малиновская Е. Особенности официально-делового стиля // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 58–64.
46. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
47. Мкртычан С. В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2012. – 47 с.
48. Немчинова Н. В. Когнитивно-дискурсивное исследование текста корпоративной поздравительной открытки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2010. – 23 с.
49. Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 52 с.
50. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2012. – 40 с.
51. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 36 с.
52. Пиголкин А. С. Основные особенности языка законодательства как особого стиля литературной речи // Уч. зап. ВНИИ сов. законодательства. – 1972. – Вып. 26. С. 3–31.
53. Полякова Е. Н. Лексика пермских памятников XVII — начала XVIII века (к проблеме делового языка как функциональной разновидности русского литературного языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1983. – 32 с.
54. Протопопова О. В. Взаимодействие официально-делового стиля с другими стилями: за и против // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией М. П. Котюровой. – Пермь, 2010. – С. 267–277.
55. Ратмайр Р. Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 456 с.
56. Романенко А. П. История русского делового стиля до XIX века. – Элиста: Калмыцкий государственный университет, 1983. – 59 с.
57. Сологуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. – Новосибирск, 2008. – 345 с.

58. Стеблецова А. О. Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования (на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2015. – 44 с.
59. Сурикова Т. И. «Сим удостоверяю, что предьявитель сего...»: о соотношении официально-делового стиля и делового дискурса и их влиянии на коммуникацию и язык // Актуальные проблемы стилистики. – 2019. – № 5. – С. 47–52.
60. Татарникова Н. В. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи (на примере допроса и протокола допроса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 24 с.
61. Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: на материале тюменской деловой письменности 1762–1769 гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2002. – 41 с.
62. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. – Пермь, 1967. – 206 с.
63. Хазагеров Г. Г. За вывеской официально-делового стиля: к проблеме окультуривания делового общения // Актуальные проблемы стилистики. – 2020. – № 6. – С. 67–75.
64. Чернышова Т. В. Прикладные аспекты изучения официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов // Филология и человек. – 2016. – № 2. – С. 177–191.
65. Шарипова Р. Р. Современный регламент: документные и речевые параметры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2017. – 24 с.
66. Ширинкина М. А. Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2001. – 19 с.
67. Ширинкина М. А. Категориально-текстовый подход к описанию письменного дискурса исполнительной власти // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 69–80.
68. Ширяева Т. А. Структурно-содержательная и функциональная парадигма современного делового дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2014. – 47 с.
69. Шкатова Л. А. Методика коммуникативного аудита организации // Челябинский гуманитарий. – 2016. – № 2 (35). – С. 40–45.
70. Харченко Е. В., Шкатова Л. А. Лингвокультурный словарь корпорации // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 29–31.
71. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: (к постановке проблемы). – М.: Наука, 1977. – 167 с.
72. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юридическая литература, 1990. – 192 с.
73. Лесневска Д. Търговска кореспонденция на руски и български език. Съпоставителен лингвостилистичен анализ. – София, 2002. – 133 с.
74. Malinowska E. Wypowiedzi administracyjne – struktura i pragmatyka. Opole, 2001. – 176 s.
75. Тантуровска Л. Законодавно-правниот функционален потстил низ примери од македонскиот јазик // Stylistyka XIV. – 2005. – С. 403–417.
76. Cornut F., Giroux H., Langley A. The Strategic Plan as a Genre // Discourse & Communication. – 2012. – Vol. 6 (1). – P. 21–54.
77. Grzelak J. Polski język prawa – w perspektywie glottodydaktycznej: praca doktorska. – Poznań, 2010. – 464 s.
78. Linguistic Insights: Studies in Language and Communication. Vol. 24. Researching Genre Variation in Business Letters. Ed. by P. Gillaerts. – M. Gotti. Bern, Peter Lang, 2008. – 417 p.
79. Linguistic Insights: Studies in Language and Communication. – Vol. 152. Researching Discourse in Business Genres: Cases and Corpora / P. Gillaerts, G. Jacobs, S. Dieltjens, E. de Groot (eds.). – Bern: Peter Lang, 2012. – 215 p.
80. Mautner G., Rainer F. Handbook of Business Communication: Linguistic Approaches. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. – 712 p.
81. Piwowarczyk I. Language of the law and its place among functional styles of contemporary Polish language [Język prawny i jego miejsce wśród stylów funkcjonalnych współczesnej polszczyzny] // Poradnik Językowy. – Issue 9, 2012. – P. 61–71.

И. А. Вещикова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

К ОБСУЖДЕНИЮ МЕДИАВЕРСИЙ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Отклик СМИ и в СМИ получают почти все нормативные правовые события. При этом они являются той единственной площадкой, где сосуществуют собственно деловые тексты, представленные законами, постановлениями и под., и дублирующие их журналистские материалы. Количество просмотров тех и других наглядно показывает, что рейтинг медиаверсий значительно выше рейтинга «первоисточников». Такое положение дел актуализирует обсуждение следующего круга вопросов: чем объясняется популярность журналистских материалов при освещении событий официально-делового характера? какие проблемы приходится решать при переформатировании собственно деловых текстов в «текст для СМИ»? в какой степени официальные материалы при их «дислокации» на платформе СМИ противостоят / поддаются влиянию принципов построения медиатекстов?

Ключевые слова: официально-деловая речь, СМИ, медиаверсия делового текста, стилистика строгих жанров, стилистика нестрогих (свободных) жанров.

Irina A. Veshchikova

(Lomonosov Moscow State University)

TO DISCUSSION OF MEDIA VERSIONS OF OFFICIAL BUSINESS DOCUMENTS ABOUT THE RUSSIAN LANGUAGE

Almost all regulatory legal events receive a response from and in the mass media. At the same time, they are the only platform where business texts, represented by laws, regulations, etc., and journalistic materials duplicating them, may coexist. The number of views of the first and second ones clearly shows that the rating of media versions is significantly higher than the rating of «primary sources». This state of affairs makes the discussion of the following range of issues relevant: What explains the popularity of journalistic materials when covering events of an official and business nature? What problems do you have to solve when reformatting business texts into a «text for the mass media»? To what extent do official materials, when they are located on the mass media platform, resist/fall under influence of the principles of constructing media texts?

Key words: official business speech, mass media, media version of a business text, style of strict genres, style of free genres.

Характеризуя общественную и культурно-коммуникативную роль деловой речи как разновидности современного русского литературного языка, теоретики языка замечают, что она «так или иначе касается каждого члена общества. Она сопровождает его в неизбежном повседневном общении с государством и общественными институтами» (Лаптева 2003: 163). В силу этого способы и формы ее бытования, а также векторы анализа и осмысления требуют к себе постоянного внимания. Есть и другие причины, актуализирующие ее изучение. Одна из них связана с динамичностью развития официально-деловой сферы, о чем свидетельствуют не только многочисленные учебно-научные издания, называющие в качестве новшеств расширение устной деловой речи, а также «появление совершенно новых видов документов» и «замену традиционных жанров современными (автобиография – резюме, информационное письмо – рекламное письмо, правила трудового распорядка – кодекс корпоративной этики)» (Основы русской деловой речи 2021: 45), но и газетные публикации, регулярно знакомящие читателя с инициативами и законопроектами, которые депутаты вносят в Госдуму, в том числе и «во время отпуска», давая журналистам повод для ироничных заголовков типа «Каникулярное законотворчество» (Макутина 2021: 3). Другая причина видится в пристальном внимании социума к информации официально-делового характера, важнейшим проводником которой становятся СМИ: они размещают различные нормативные правовые материалы (законы, указы, постановления и под.) и одновременно дублируют их, предлагая свои – журналистские – варианты документов (назовем их медиаверсии). Судя по количеству просмотров тех и других, рейтинг последних несопоставимо выше частотности прочтений первичных текстов. В связи с этим возникает ряд вопросов: чем медиаверсии привлекают внимание «зрителей» (слово придумал И. В. Кондаков)? с какими проблемами приходится сталкиваться при реформатировании собственно деловых текстов в «текст для СМИ»? каким может быть «стилистический ответ» (выражение В. Г. Костомарова) при переходе «официально-деловой → медийный».

О логике изучения деловой речи. Перед тем как обратиться к эмпирическому материалу, на примере которого в данный момент строятся наши наблюдения, кажется уместным вспомнить некоторые вехи и аспекты в описании официально-делового стиля. При его рассмотренииистики советской (домедиатизационной) эпохи обычно отмечали, что «с течением времени он, естественно, подвергается некоторым изменениям», но при этом среди книжных стилей языка «выделяется своей относительной устойчивостью и замкнутостью» и, «несмотря на различия в содержании и разнообразии жанров», «в целом характеризуется рядом общих черт», в числе которых: «экономное использование языковых средств», «широкое использование терминологии, номенклатурных наименований», «наличие особой лексики и фразеологии», «речевых клише, которые упрощают и ускоряют деловую коммуникацию», а также «почти полное отсутствие эмоционально-экспрессивных средств» и «слабая индивидуализация стиля» (Розенталь 1987: 39–41). Одновременно в работах того периода и о том периоде говорилось о феномене, названном К. И. Чуковским канцеляритом, что позволяло заострить внимание на коммуникативной ограниченности языковых ресурсов, закреплённых традицией за официально-деловым стилем. Продолжая изучение деловой речи в постсоветскую эпоху (эпоху медиационизма), теоретики литературного языка суммировали свои наблюдения несколько иначе. Например, они предложили разграничить два типа деловой речи, где первый совпадает с описываемым всеми учебниками официально-деловым стилем, а второй, который «сейчас лавинообразно растёт, и в нём формируются свои приемы, возникают талантливые находки», – рекламой (Лаптева 2003: 163). При этом ученые подчеркнули, что «сейчас мы живём в новом государстве, однако деловая речь первого типа по своим характеристикам не изменилась», а «основные свойства и языковые средства во множестве ее жанров устойчивы и консервативны» (Там же: 180 и 182). Ее по-прежнему отличает «предельная минимизация и – как следствие – однообразие языковых средств», близость

с научной речью «по многим общим и языковым параметрам», вследствие чего «одни исследователи относят юридическую речь к научной, другие – к деловой», а также «чрезмерная условность и нарочитое отстранение деловой речи от речи обычной, повседневной», которые «вызывали и вызывают шквал нападок в обществе – как прямых, так и в виде многочисленных пародий» (Лаптева 2003: 176, 167, 180). Вероятно, то обстоятельство, что в русской культурной традиции существует «резко отрицательное отношение к деловому стилю вообще, он оценивается как язык бюрократизма, штампов, невнимания к людям» (Алпатов 2018: 254), сыграло не последнюю роль в необходимости и востребованности медиаверсий официальных документов. Похоже, что критический взгляд на деловую речь получает все более широкое распространение, несмотря на предупреждение стилистов о том, что «оценивать выразительность языка законов, как и деловой речи в целом, следует не с общезыковых позиций, а с учетом специфики данного стиля. И нет никаких оснований снисходительно относиться к официально-деловому стилю, характеризуя его как канцелярский, неэстетичный, невыразительный, сухой и т. п.» (Солганик 2006: 47–48). Завершая беглый обзор, заметим, что вопрос о состоянии и тенденциях развития деловой речи не покидает стилистическую повестку дня с той, однако, оговоркой, что ее анализ как разновидности литературного языка уступает место осмыслению деловой коммуникации (Сурикова, Коньков 2021), вследствие чего авторы в своих описаниях выходят за рамки лингвостилистической проблематики.

Штрихи к портрету медиаверсии официально-деловых текстов. Как видно, описание собственно деловой речи можно найти в учебниках по стилистике, теории литературного языка или деловой коммуникации, тогда как вопрос о варианте употребления языка, выбираемого журналистами при представлении разного рода нормативно-правовых материалов, чаще всего даже не ставится. Среди единичных работ, затрагивающих вопрос о глубине влияния коммуникативной среды СМИ на разные по происхождению тексты, надо вспомнить статью

«Принципы описания актуальной медиаречи», автор которой утверждает: «Разумеется, функционирование в коммуникативной среде СМИ накладывает на них (стили – И. В.) общий специфический отпечаток... Однако черты сходства менее заметны и убедительны, чем черты отличия». И далее: «Мы наблюдаем в речевой практике СМИ такие разновидности русской речи, где доминируют признаки не публицистической речи, а других функциональных стилей» (Коньков 2016: 113). Не вступая в полемику с приведенным выводом, заметим, что знакомство с медиаверсиями документов о русском языке открывает несколько более сложную картину.

Говоря о мотивах выбора медиатекстов, респонденты, как правило, «жалуются» на нередко большой объем, сложность содержания или языка официально источников. Такой взгляд согласуется с результатами научных исследований, проведенных в Санкт-Петербургском государственном университете в 2015 г. («Исследование нормативных актов субъектов РФ: нарушение законодательства о русском языке») и в 2020 г. в Институте государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ («Оценка сложности языка законов»). Показательно, что сообщения о них попали на ленты многих информационных агентств, в печатные и электронные СМИ. Так, в «Известиях» вышел материал под заголовком «Смысл нормативных актов “как-то” понимают до 20 % граждан», автор которого утверждает, что «для понимания многих правовых актов, адресованных рядовым гражданам, требуются как минимум высшее образование и готовность к работе с научными текстами. Смысл нормативных актов “как-то” понимают от 3,5 до 20% граждан. А ведь текст, допустим, постановления регионального правительства должен быть ясен всем, чьи интересы затрагиваются документом» (Кропачев 2016). Большая статья появилась и в «Коммерсанте», где журналист довольно подробно рассказывает о том, как специалисты ВШЭ «рассчитали специальный индекс для оценки сложности прочтения российских законов» и пришли к заключению, что «российское законодательство усложняется год от года» и «гражданам без специального образования все сложнее в

нем разобраться» (Винокуров 2020). Таким образом, не без участия СМИ проблема понимания официально-деловых документов неспециалистами из круга тем узкоспециальных и сугубо научных перешла в разряд общественно значимых и тем самым заставила думать о том, как обеспечить понятность и доступность существенной для социума информации. Опуская обсуждаемые некоторыми исследователями вопросы совершенствования языка законов, обратимся к СМИ, которые едва ли не первыми приходят на помощь неспециалистам, обеспечивая доведение «до получателя (в идеале, до каждого человека) самых нужных для его деятельности смысловых частей других видов текстов» (Рождественский 1996: 239).

Систематизация материалов, посвященных документам о русском языке, показывает, что далеко не все из них получают особое журналистское внимание и медийное сопровождение. Красноречивым примером может служить принятый в 2005 г. ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», который не «заслужил» широкого обсуждения в СМИ (они ограничились сообщениями о принятии закона) и который при этом до сих пор не выходит из поля зрения профессионального сообщества – лингвистов и юристов. Причины такого положения дел раскрывает история вопроса. Можно напомнить, что первые отклики языковедов еще на проект закона были критичны и даже не всегда этически сдержанны: «Зачем создавать закон ради закона, не думая ни о последствиях, ни о реальной пользе для той области жизни, ради которой он написан? А так, по крылатому выражению Горация: “Parturiunt montes nascetur ridiculus mus”, или в буквальном переводе: «(Некий автор, творец) горы хочет родить, а родится (у него) смешной мышенок». Вот отсюда пошло и наше современное «гора родила мышь». Мелкий зверек-грызун в этой крылатой фразе – символ смехотворно маленького, ничтожного результата – по сравнению с величественной мощью горы. В нашем же случае это громада русского языка-великана – и куцый проект закона о нем, не выдерживающий мало-мальски серьезной профессиональной лингвистической критики» (Скворцов 2005). К сожалению,

активное и, как нам представляется, весьма результативное обсуждению нерешенных и упущенных в законе вопросов началось только после его вступления в силу: лингвисты сосредоточились на выяснении содержания и соотношения понятий «государственный язык», «современный русский литературный язык», «функционально-стилевые разновидности языка» и смежных с ними (Руднев, Садова 2017; Мякишева, Сиротинина 2019), правоведы поставили задачу «определить место понятия “государственный язык” в системе смежных категорий как лингвистического, так и правового характера» и таким путем обосновать, «что государственный язык – это правовая, а не лингвистическая и не лингвометодическая категория. Государственный – это правовой статус, придаваемый определенному языку в целях обеспечения единства государства (как политической нации), создания единого общественного коммуникативного и культурного пространства вместе с установлением формализованных правил... Это пространство не ограничивается только взаимодействием с государством, а охватывает гораздо больший круг языковых доменов» (Белов, Кропачев 2020: 4). Судя по всему, препятствием на пути к освещению содержания закона о государственном языке в СМИ послужили, по словам специалистов, «путаность и неопределенность» в интерпретации самой категории правового регулирования. Сказанное ведет к заключению, что хоть сколько-нибудь корректное прочтение того или иного закона не всегда возможно без участия экспертов. В этой ситуации следует вспомнить рекомендации ученых относительно принципов работы над научно-популярными текстами, которые целесообразно взять на вооружение при подготовке медиаверсий документов. Речь идет о том, что для достижения «двух самых главных качеств – научной достоверности и доступности изложения» полезным бывает взаимодействие журналиста и профильного специалиста (Крысин 2001: 59), поскольку работники СМИ не всегда могут владеть знаниями в объеме, необходимом для грамотного представления документа. И это проблема, над которой надо работать.

В других ситуациях журналисты, наоборот, оперативно реагируют на появившийся официальный документ и начинают его бурно обсуждать. Наглядным примером такого рода может служить подписанный в 2009 г. Приказ Министерства образования и науки РФ «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ». Наиболее резкие замечания, без сомнения, содержательно уязвимого Приказа вызвали два момента: 1) включенные в утвержденный список четыре словаря, вышедшие в издательстве АСТ-ПРЕСС в 2008 г. (Орфографический словарь русского языка / Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К.; Грамматический словарь русского языка: Словоизменение / Зализняк А. А.; Словарь ударений русского языка / Резниченко И. Л.; Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Телия В. Н.), 2) предлагаемые в них кодификационные оценки. В одной из публикаций сказано: «Согласно этим книгам, сказать “черное кофе” – не ошибка. Также можно, не боясь упреков в неграмотности, говорить договор и йогурт. По средам и средам – теперь равноценные (в словарях – равноправные – И. В.) варианты» (Барабаш 2009). Воинствующе осуждая новые, как почитали журналисты, рекомендации, никто из них не заглянул в авторитетные источники предшествующего периода, чтобы проследить, *кто, когда и как* описывал вызвавшие интерес слова и *какой* смысл имеют используемые в словарях пометы. Вероятно, приводимые ниже словарные статьи вызвали бы у авторов многочисленных материалов недоумение, но уберегли бы от не вполне корректных и профессионально несостоятельных комментариев:

кофе, *нескл.*, *м.* и (разг.) *ср.* (Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Госин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935-1940), где *разговорное* «означает: свойственно преимущественно разговорной речи; не нарушает норм литературного употребления, но, употреблен-

ное в книжном языке, придает данному контексту не книжный, разговорный характер; **кофе**, *нескл.* *м* и *допуст.* *с* (Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р.И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М., 1989), где пометой *допустимо* «оценивается менее желательный вариант нормы, который тем не менее находится в пределах правильного».

догово́р, -а, *мн.* догово́ры и (разг.) до́говор, -а, *мн.* догово́ра, *м.* (Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз.; 1981-1984); **догово́р**, -а, *мн.* догово́ры и *доп.* до́говор, -а, *мн.* догово́ра; **среда́**, -ы, *мн.* среда́м и сре́дам (Орфоэпический словарь... 1989).

Похоже, что в цитированной выше экспрессивно-эмоциональной статье обозревателя отдела культуры «Независимой газеты» задача просвещения читателя не ставилась, ибо профессионально выверенный комментарий к Приказу в ней просто отсутствует, будучи подменен предвзятым отношением к оценкам правильного и допустимого в литературном употреблении. Начиная с заголовка «“Черное кофе” – эмблема печали», автор настраивает аудиторию на негативное восприятие документа, навязывая свою точку зрения. На этом фоне не может не привлечь к себе внимание сама манера речи, которая, «сохраняя видимость многозначительной позиции, позволяет в иронически-агрессивном стиле осмеивать все и вся» (Солганик 2003: 266). О сомнительной эффективности такого речевого поведения писали ученые-стилисты, объясняя, что «манера эта нивелирует мысль и стиль, опошляет общение журналиста с аудиторией. Если все подвергается осмеянию, ценность информации стремится к нулю» (Там же). Кроме того, сопровождающий выбранную тональность свободный слог и стремление к живому облику речи повлекли за собой не безупречное в нормативном плане использование языковых ресурсов:

«Лингвисты поясняют: язык – живая система, мобильная и меняется гораздо быстрее, чем головы составителей учебников. Поэтому, дескать, не надо стреноживать это великое

средство человеческого общения, пусть себе развивается во все стороны, а мы будем лишь фиксировать изменения и уважительно им следовать. С перестройкой люди обрели дар речи. В том смысле, что стало можно много говорить и много писать. А у кого есть деньги или кто хорошо знает тех, у кого есть деньги, стали писать совсем много, изводя российские леса на графоманскую макулатуру. Слово из Везувия лава, поперла из недр освободившегося сознания речь – устная и письменная, и вот уже всякий, кто научился связывать слова в сложносочиненные предложения, оказался властителем умов...» (Барабаш 2009).

Изучение медиаверсий рассматриваемого документа показывает, что автор только одной статьи отметил то немаловажное обстоятельство, что в список Минобрнауки вошел словарь, предназначенный прежде всего «для специалистов-филологов, а также для преподавателей русского языка, в том числе как иностранного» (Зализняк 2007: 2). Правда, эта реплика не получила каких бы то ни было пояснений. При этом в статье «Словари-назначенцы», подготовленной литературным редактором одного из самых влиятельных еженедельных деловых аналитических изданий «Эксперт», намерение убедить читателя в несостоятельности нормативного документа в конечном итоге ослабило информативную ценность материала. Автор уклонился от обстоятельного анализа, который мог бы познакомить неспециалистов с особенностями литературной нормы, критериями оценки массово распространяющихся явлений и таким образом помочь нефилологу сориентироваться в текущей не только языковой, но и лексикографической ситуации. Предложенное в статье направление освещения серьезной темы побудило автора уйти от стилистики строгих жанров в сторону нестрогих со свойственной им широкой палитрой средств и возможностью свободного обращения с языком. Дополнительно заметим, что и этот журналистский материал, поставивший во главу угла вопрос о том, рекомендациям каких современных нормативных источников по русскому литературному языку можно доверять, оказался не свободен от речевых просчетов:

«Список этот вызывает множество вопросов. Почему он такой куцый? Где заявленные грамматики и справочники? Наличие слова “грамматический” в названии словаря Зализняка не делает его грамматикой, да и вообще трудно представить себе этот словарь в качестве общеупотребимой литературы – он скорее для специалистов. (Интересно, сотрудники Минобра в него заглядывали? И все поняли?) Где толковые словари, где справочники географических названий, словари иностранных слов? Что делать с пунктуацией – или запятую в “казнить нельзя помиловать” теперь можно не ставить, а читатель разберется по собственному усмотрению? ... Ведь коль скоро во всех спорных ситуациях аргументировать свою позицию... можно будет только ссылками на четыре “списочных” словаря... мнение всех прочих лингвистов автоматически становится “неофициальным”, а значит – второсортным... Установление норм и регламентов в языке – задача давно назревшая. Но если мы и правда хотим навести порядок в языковом хозяйстве, работа эта должна быть публичной, с четкими критериями; отбирать книги, которые на долгие годы станут эталоном, надо тщательно, не делая непродуманных шагов. Иначе мы и дальше будем сетовать на малограмотность соотечественников, а громкие лозунги о повышении статуса русского языка так и останутся лозунгами» (Сае 2009).

Надо подчеркнуть, что есть и другие материалы, авторы которых пошли принципиально иным путем, поставив задачу прояснить неясные вопросы (в их числе: как «пройти» в список Минобрнауки? кто проводит профессиональную экспертизу словарей?), обратившись к представителям министерства и издательства АСТ-ПРЕСС, исследователям-лингвистам и практикам – редакторам и корректорам. Так, авторы статьи «Кофе заварило кашу», размещенной на страницах «Газеты.ру», не только детально изложили полученные ответы, но и высказали свое мнение, согласно которому «решением проблемы могло бы стать создание постоянно обновляемого словаря в интернете, но его пока нет» (Никольская, Шмараева 2009). Тем самым цель – дать по возможности полную информацию о нормативном документе

и разносторонне взглянуть на него с помощью экспертов, была достигнута, а ведущая в данном случае интенция предопределила строй речи, коренным образом отличный от предыдущих двух текстов. Здесь актуализирован вариант употребления языка, типичный для строгих жанров, где обычно «преобладают книжно-письменные и общелитературные средства», а экспрессивно-выразительные отсутствуют или минимизированы (Лаптева 2003: 189). Как видно, все посвященные Приказу о словарях тексты, несмотря на их явный контраст, принадлежат медиаречи. В дополнение к сказанному кажется уместным сделать две ремарки. Одна касается того, что до появления Приказа Минобрнауки в 2009 г. журналисты не проявляли особого внимания к лексикографическим работам, а после непродолжительного обсуждения вновь потеряли к ним интерес. Вторая ремарка связана с тем, что теперь к теме «словарей-назначенцев» обращаются правоведа (лингвисты по-прежнему держатся в стороне), указывая, что «Минобрнауки России и по сей день, к сожалению, не утвердило ключевой – толковый – словарь. Поэтому во всех спорных случаях, в том числе при решении вопросов, затрагивающих права граждан, – в следственных органах, органах прокуратуры, судах каждый из нас имеет возможность апеллировать к нормам любимого толкового словаря из не одной сотни, выпущенной за последние десятилетия. А все они предлагают свои и порой совершенно разные толкования одного и того же слова. Сейчас мы достигли того момента, когда некоторые суды для уяснения смысла текстов стали использовать “Википедию”, ссылаясь на нее в своих решениях!» (Кропачев 2016). Надо признать, что идея составления перечня наиболее авторитетных нормативных источников не лишена смысла.

Осталось кратко остановиться на журналистских материалах, героем которых стало заседание президентского Совета по русскому языку. Если сопоставить хотя бы два посвященных ему материала, один из которых прозвучал на Первом канале в программе «Вечерние новости» (эфир от 05.11.2019, 18:05), другой – опубликован в газете «Коммерсантъ» (Колесников 2019), легко увидеть

их отличия по многим параметрам – от целеустановки и образа автора до языкового воплощения. При этом они гармонично сосуществуют в СМИ, взаимно дополняя друг друга. Например, в телеварианте доминирует информативная функция, а потому облик текст предсказуемо оформлен в соответствии с правилами строгих жанров, которым присуща языковая сдержанность и ограничения в выборе средств. Газетная же медиаверсия, где наряду с фиксацией хода происходящего находим интересный к нему комментарий, останавливает наше внимание не только на содержании текста, но и на языке и стиле автора. Можно сказать, что этот материал становится олицетворением нестрогих жанров, система языковых средств которых совмещает общелитературные, книжно-письменные, устно-разговорные и экспрессивно-выразительные элементы, причем удельный вес этих разрядов может заметно варьироваться. При этом у автора «яркая индивидуальная речь, узнаваемая читателем сразу» (Лаптева 2003: 186), а среди его приемов и привычек – заметки и замечания по поводу речевого поведения участников мероприятия. Подобный способ описания сугубо официального события оказывает сильное воздействие на аудиторию, побуждая ее «досмотреть» заседание до конца и заметить многие значимые нюансы, не всегда уловимые без подсказок:

– Никто не собирается ставить журналистов в какие-то как бы рамки, – обещал В.Т. Речь не идет о способе как бы давления...

Я сначала старался не замечать в его речи слово-паразит, но мне не удалось: он им слишком часто пользовался. <...>

– Директор государственного музея А. С. Пушкина Е.Б. насторожил меня фразой:

– Хочу поделить с вами о своих мыслях про Александра Сергеевича Пушкина...

Да, русский язык, казалось, физически страдал от нежного принуждения, исходящего от некоторых участников совещания.

– Поддерживая все инициативы, мое выступление посвящается... – поддержал Евгения Богатырева директор Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского университета Р.Ф. <...>

Остается сказать, что писатель И.В. под конец встречи просто-напросто выбил деньги

на проведение международной конференции по изучению творческого наследия Федора Достоевского (она казалась ежегодной, но потом президентский грант на ее проведение закончился, а продлить его оказалось некому).

И вот это был хороший результат.
Хоть что-то (Колесников 2019).

Таким образом, наш эмпирический материал показывает, что СМИ могут довольно легко подчинять себе нормативно-правовые источники при их «дислокации» в координатах массмедиа. Жизнь официально-деловых текстов в новых условиях обычно (хотя, вероятно, не «фатально-тотально») требует их переформатирования в соответствии с принципами построения медиаречи как разновидности литературного языка. При этом конкретный стилистический ответ при переходе «официально-деловой → медийный»

зависит от многих факторов, некоторые из которых удалось заметить при изучении журналистских текстов, которые рассматривают официальные мероприятия либо документы, посвященные русскому языку.

Заключение. Изложенное выше позволяет в качестве общего вывода сформулировать положение о том, что медиаверсии официально-деловых источников крайне неоднородны, отличаясь по целям и задачам, манере речи и достоверности, по стремлению оказать влияние на аудиторию, спектру используемых языковых ресурсов и уровню речевой культуры автора. Думается, что такого рода материалы нуждаются в тщательном изучении, результаты которого помогли бы объяснить высокий потенциал их воздействия на аудиторию практически вне зависимости от качества размещенного на платформе СМИ текста.

Литература

1. Алпатов В. М. В защиту канцелярита // Жанры речи. – 2018. – № 4 (20). – С. 254–260.
2. Барабаш Е. «Черное кофе» – эмблема печали // Независимая газета от 02.09.2009. URL: https://www.ng.ru/politics/2009-09-02/3_kartblansh.html.
3. Белов С. А., Кропачев Н. М. Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – № 17 (1). – С. 4–21.
4. Винокуров А. Слишком нормативный русский. В Высшей школе экономики оценили сложность российских законов // Коммерсантъ, № 48 от 18.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4291932>.
5. Колесников А. Законно русские. Как Владимир Путин за чистоту и частоту языка боролся // Коммерсантъ, № 203 от 06.11.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4149158>.
6. Коньков В. И. Принципы описания актуальной медиаречи // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 2. – С. 106–114.
7. Крысин Л. П. Популяризация лингвистических знаний в средствах массовой информации // Русский язык в эфире: проблемы и пути решения. Материалы круглого стола. 14 ноября 2000. – М.: МПТР России, 2001. – С. 57–61.
8. Кропачев Н. М. Смысл нормативных актов «как-то» понимают до 20 % граждан // Известия. 27 июня 2016, 08:30. URL: <https://iz.ru/news/619519>.
9. Лаптева О. А. Теория современного русского литературного языка. – М.: Высшая школа, 2003. – 351 с.
10. Макутина М. Каникулярное законодательство. Какие законопроекты депутаты вносят в Госдуму во время отпуска // Газета «Коммерсантъ», № 139/П от 09.08.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4936165>.
11. Мякшева О. В., Сиротинина О. Б. Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации // Русский язык в школе. – 2019. – № 80 (3). – С. 22–26.
12. Никольская П., Шмараева Е. Кофе заварил кашу // Газета.ru от 01.09.2009. URL: http://www.gazeta.ru/education/2009/09/01_a_3254730.shtm.l

13. Основы русской деловой речи / под ред. проф. В. В. Химика. – СПб.: Златоуст, 2012. – 448 с.
14. Рождественский Ю. В. Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.
15. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 399 с.
16. Сает Г. Словари-назначенцы // Эксперт. URL: <http://expert.ru/2009/08/20/slovar/>.
17. Руднев Д. В., Садова Т. С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») // Журнал российского права. – 2017. – № 2. – С. 56–66.
18. Скворцов Л. И. Язык мой. Что родила гора? Комментарий к закону о русском языке // URL:http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_537.
19. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 304 с.
20. Солганик Г. Я. О языке и стиле газет // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 261-268.
21. Сурикова Т. И., Коньков В. И. Лингвистические основы деловой коммуникации. – М.: ИНФРА, 2021. – 248 с.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- ◆ Терминосистема стилистики
- ◆ Стилъ
- ◆ Жанр
- ◆ Регистр
- ◆ Концепции лингвокреативности

Мария Александровна Васильченко:

«Доминирование английского языка как языка глобального общения оказывает влияние на научную сферу, в частности, на лингвистику. Научная литература, индексируемая в наукометрических базах данных, в большинстве случаев издается на английском языке, что потенциально может повысить цитируемость и узнаваемость научных работ. В связи с этим многие исследователи ориентируются на достижения англоязычных лингвистических школ, позиция которых по многим спорным вопросам становится наиболее широко представленной в новейшей лингвистической литературе».

«На наш взгляд, очевидно влияние работ М. М. Бахтина и его концепции речевых жанров как «относительно устойчивых типов высказываний», объединяющих «тематическое содержание», языковой стиль (а именно «отбор словарных, фразеологических и грамматических средств»), но главное – его композиционную организацию высказывания, на англоязычные работы».

«Русская стилистика представляется гораздо более глубоко разработанной дисциплиной, чем англоязычная. К такому выводу заставляет прийти тот факт, что в русскоязычной литературе уже решены многие важные проблемы, в том числе различие авторского стиля и стилистического образца, выражения индивидуального стиля в нехудожественном высказывании (тексте), соотношения понятий жанр и стиль».

Надежда Владимировна Смирнова:

«Интенсивное развитие лингвистической мысли отражается в динамике терминологии, в обновлении состава метаязыковых единиц. В современном российском языкознании наблюдается актуализация понятия лингвокреативности в целом ряде направлений лингвистических исследований, таких, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, креативная стилистика, лингвистика креатива».

«Актуализация понятия лингвокреативности обусловлена рядом причин: антропоцентрическим поворотом в лингвистике, достижениями когнитологии, результатами исследований поэтического языка с его установкой на творчество, расширением сферы творческой активности носителей языка до массового лингвокреатива».

«Homo creativus заявляет себя в качестве субъекта современной коммуникации, делая открытыми для лингвокреативной деятельности практически все сегменты коммуникативного пространства».

«Интеграция различных концепций лингвокреативности способствует их взаимному обогащению и обеспечивает понятию лингвокреативности статус одной из доминантных метаязыковых единиц».

УДК 81'38

М. А. Васильченко

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

ПОНЯТИЯ ЖАНРА, РЕГИСТРА И СТИЛЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается специфика трактовки понятий регистра, жанра и стиля в англоязычной лингвистической литературе. Английский язык занимает доминирующее положение не только в деловой сфере, но и в научной. Как следствие, исследователи-лингвисты ориентируются на научные традиции англоязычных школ. В связи с этим необходимо рассмотрение трактовки таких важных понятий, как регистр, жанр и стиль в англоязычной традиции.

Ключевые слова: регистр, жанр, стиль, лингвистика, терминология.

Maria A. Vasilchenko

(Lomonosov Moscow State University)

NOTIONS OF GENRE, REGISTER, AND STYLE IN ENGLISH AND RUSSIAN LINGUISTIC LITERATURE

The article examines the specifics of the treatment of the concepts of register, genre and style in the English-language linguistic literature. English dominates not only the business sphere, but also the scientific one. As a consequence, linguistic researchers are guided by the scholarly traditions of English-speaking schools. In this regard, it is necessary to consider the treatment of such important concepts as register, genre and style in the English-speaking tradition.

Key words: register, genre, style, linguistics, terminology.

Доминирование английского языка как языка глобального общения оказывает влияние на научную сферу, в частности, на лингвистику. Научная литература, индексируемая в наукометрических базах данных, в большинстве случаев издается на английском языке, что потенциально может повысить цитируемость и узнаваемость научных работ. В связи с этим многие исследователи ориентируются на достижения англоязычных лингвистических школ, позиция которых по многим спорным вопросам становится наиболее широко представленной в новейшей лингвистической литературе. В данной работе представлено сравнение интерпретаций таких важных для науки понятий, как жанр, регистр и стиль, в англо- и русскоязычных работах, что как даст понимание различных подходов, так и поможет выявить возможные вопросы для дальнейшего исследования и обсуждения.

Так, трактовка термина «жанр» имеет менее всего различий в англо- и в русскоязычных научных школах. В большой степени это объясняется влиянием работ М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, П. Серио и членов Пражского лингвистического кружка. Например, один из наиболее известных англоязычных авторов, рассматривавших структуру текста, М. А. К. Халлидей пишет о влиянии контекста и речевой ситуации на текст. По мнению Халлидея (Halliday 2019), изменения в социальной среде отражаются в тексте и одновременно осуществляются посредством текста, текст отражает и формирует культуру, представляя собой образец социального взаимодействия в конкретной ситуации (Halliday 2019: 199). При этом именно ситуации Халлидей отводит главенствующую роль в части влияния на текст. В понимании исследователя, речевая ситуация обусловлена: а) «полем» (field) или «социальным действием», имеющим узнаваемый смысл для социальной системы; б) «направлением» (tenor), относящимся к ролям участников коммуникации, их социальному статусу, личности и т. п.; в) «режимом» (mode), подразумевающим «некий статус текста в определенной ситуации», «функцию текста в зависимости от цели социального действия», включая канал передачи и риторическую организацию.

«Жанр» Халлидей описывает как аспект третьего параметра – режима, поясняя, что «жанры дискурса <...> – это специфические семиотические функции текста, которые имеют социальное значение в культуре». Таким образом, жанр в данном случае понимается как риторическая организация текста, зависящая от речевой ситуации и имеющая определенное социальное значение.

Развивая мысль Халлидея, К. Миллер (Miller 1984), выдвигает тезис о том, что жанр и есть социальное действие и представляет собой «типичное риторическое действие в повторяющихся ситуациях». Миллер понимает жанр как риторическую, в частности, композиционную и лексико-грамматическую оформленность речи, обусловленную социальным запросом (social exigence), то есть желанием говорящего получить определенный ответ на свои слова. Таким образом, как и у Халлидея, жанр в данном случае имеет социальную функцию в том смысле, что представляет собой своего рода «настройку» текста с целью предопределить реакцию собеседников: «жанры необходимы для выражения мысли понятным и узнаваемым в том или ином обществе способом» (Miller 1984: 159).

Размышляя о понятии жанра в этом русле, исследователи из Кембриджского университета Д. Бибер и С. Конрад (Biber & Conrad 2009: 21) трактуют термин «жанр» как риторическую и композиционную организацию текста, зависящую от условий речевой ситуации. Так, жанровые особенности, по сравнению со стилистическими и регистровыми, распространены по всему тексту и предназначены для создания его структуры. Например, такие устойчивые выражения, как: «Искренне Ваш», «Уважаемый сэр», «С наилучшими пожеланиями» и пр.

Крупный исследователь жанров, в частности, жанров научной речи и методики обучения «академическому английскому» Дж. Свейлс пишет о жанре, как о феномене, «объединяющем класс коммуникативных событий, участники которых преследуют общие коммуникативные цели» (Swales 1990: 58). Именно коммуникативную цель исследователь считает наиболее важным фактором, влияющим на структуру, стиль и со-

держание сообщения. Таким образом, жанр представляет собой образец оформления высказывания, распространенный в том или ином дискурсе.

Продолжая мысль К. Миллер, Э. Дэвитт (Devitt 1993: 578) указывает на то, что жанр – это не только способ «адаптации» к ситуации, способ донести свою мысль с учетом определенных условий, но и способ конструирования ситуации: «Жанр и ситуация настолько близко связаны, что их невозможно отделить друг от друга, однако жанр детерминирует ситуацию точно так же, как ситуация обуславливает жанр», жанр одновременно является способом и конструирования ситуации, и реакции на нее. Таким образом, жанр представляет собой именно действие, при этом намеренное действие, направленное на трансформацию текста в зависимости от условий речевой ситуации.

На наш взгляд, очевидно влияние работ М. М. Бахтина и его концепции речевых жанров как «относительно устойчивых типов высказываний», объединяющих «тематическое содержание», языковой стиль (а именно «отбор словарных, фразеологических и грамматических средств»), но главное – его композиционную организацию высказывания, на англоязычные работы. Подчеркнем, что именно труды выдающегося русского ученого сформировали представление о природе жанра как в России, так и в зарубежных странах.

О жанре как об образце организации текста пишет и академик Польской академии наук Станислав Гайда: «Жанр – это культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец организации текста. <...> этот термин также означает совокупность текстов, в которых определенный образец является актуализированным, реализованным» (Гайда 2003: 106)

Другим важным для области анализа текста понятием является «регистр». Данный термин рабочий для англоязычной и более редкий для русскоязычной лингвистики.

В англоязычной литературе понятие регистра связано прежде всего с отбором лексических и грамматических средств, обусловленных контекстом ситуации, задача

подобного отбора – сделать речь уместной и подходящей в определенных условиях. Так, Д. Бибер и С. Конрад подчеркивают, что в отличие от характерных черт жанра, которые распространены только в некоторых частях текста, признаки регистра охватывают текст целиком.

М. Мэнсер и С. Кертис (Manser & Curtis 2014: 200) трактуют регистр как «вариант или уровень использования языка, который определяются степенью формальности и выбором лексем, произношения и синтаксиса в соответствии с коммуникативной целью, социальным контекстом и положением пользователя». Можно найти много общего у подобной трактовки с дефиницией термина «функциональный стиль», разработанной В. В. Виноградовым, М. Н. Кожинной по результатам работы Пражского лингвистического кружка: «одно из свойств языковой ткани текста, обусловленное общей спецификой экстралингвистической основы текста (или совокупности текстов) и выражающееся во взаимосвязи языковых единиц текста общего функционального значения» (Кожина 1977: 35).

Интересно, что многие англоязычные авторы используют понятия «жанр» и «регистр» как синонимичные, споря о границах обоих понятий. К примеру, условия речевой ситуации, которые М. А. К. Халлидей связывает с регистром, а именно: поле (что происходит), направление (кто участвует) и модальность (какую роль играет язык) (Halliday 1978: 31–35), Э. Дэвитт намеренно называет жанром. Д. Бибер и С. Конрад обсуждают отличия регистра и жанра, указывая на близость этих понятий (Biber & Conrad 2009: 28).

По всей видимости, путаница возникает по той причине, что, игнорируя понятие стиля, англоязычные исследователи чрезмерно увлекаются анализом речевых ситуаций, все многообразие которых охватить невозможно. В то время как в российской лингвистике функционируют понятия жанра и функционального стиля, описывающие все многообразие текстов.

Между тем понятие регистра рассматривается в российских работах совсем иначе, чем в англоязычной. Так, Г. А. Золотова

(Золотова 2003: 402) использует термин «коммуникативные регистры», трактуя их как «коммуникативные типы», обладающие набором характеристик: а) «характер отображаемой в речи действительности»; б) «пространственно-временная дистанцированность позиции говорящего или персонажа-наблюдателя и – соответственно – способ восприятия, сенсорный или ментальный»; в) «коммуникативные интенции говорящего». Г. А. Золотова выделяет репродуктивный (изобразительный), информативный, генеративный, волюнтивный регистры, каждый из которых выполняет свою функцию: воспроизведение действительности при помощи языковых средств, сообщение о ее явлениях, ее осмысление, побуждение к действию. Таким образом, ключевым условием разделения регистров является пункт б): «пространственно-временная дистанцированность позиции говорящего или персонажа-наблюдателя и – соответственно – способ восприятия, сенсорный или ментальный». Что касается «отображаемой в речи действительности», то автор опирается на функционально-смысловые типы речи (ФСТР): описание и повествование (репродуктивно-описательный и информативно-описательный, а также репродуктивно-повествовательный и информативно-повествовательный регистры (Золотова 2003: 30). Важно, что ФСТР, традиционно входящие в русскую риторiku в том же составе, разрабатываются и в зарубежной лингвистике под названием пассажи – «фрагменты дискурса с *единым типом изложения*» (Кожина 2002: 598).

Рассматривая проблему восприятия рекламного сообщения его адресатом, Е. Г. Борисова (Борисова 2019: 62) использует понятие «регистр восприятия» («способ подачи информации в зависимости от оценки достоверности адресатом») и выделяет четыре таких регистра: информирующий, основная цель которого передать информацию, пафосный (эмоциональная подача), юмористический и стилизация (Там же: 154).

Мы приходим к выводу, что понятие «регистр» в российской науке используется кардинально отличным образом, чем это происходит в англоязычных исследованиях.

Рассуждение о термине «стиль» является наиболее проблематичным. Прежде всего необходимо отметить, что, в то время как русской стилистике удалось добиться значительных результатов, разрабатывая такие классические направления, как функциональная стилистика, идиостилика, и перспективные области медиастилистики и маркетинговой стилистики, в англоязычной науке к теме стиля относятся скорее с настроенностью.

Так, Бибер и Конрад (Biber & Conrad 2009) определяют стиль как отбор лексических и грамматических средств, определяемый не функциональными задачами и условиями речевой ситуации, а исключительно эстетическими предпочтениями автора. Таким образом, стиль, по мнению исследователей, является исключительной характеристикой художественной литературы, подразумевая язык автора, особую авторскую манеру изложения (например, стиль Шекспира или Джойса).

Один из наиболее значительных английских лингвистов Д. Кристал (Crystal & Davy 1969) в своих работах высказывает несогласие с подобной распространенной концепцией стиля. Признавая, что исключительно уместность и необходимость соответствия речи условиям речевой ситуации объясняют далеко не все. Термин «регистр» Кристал критикует как редуционистский, говоря о том, что в различных сферах употребления языка функционируют различные стили, то есть: «языковые привычки, выделяющиеся среди общей массы лингвистических средств английского языка, используемых в любой мыслимой ситуации; эти средства ограничены конкретным социальным контекстом». Система дискурсов, включающая такие области, как новости, религия, разговорно-бытовой и пр., очевидна схожа с системой функциональных стилей, предложенной М. Н. Кожинной.

Наибольшую трудность для западных исследователей представляет определение границ понятия «стиль». Так, П. Стоквелл (Stockwell 2005: 746), рассуждая о проблемах стилистики, подчеркивает, что стиль определяется многими факторами, включая личность и эстетические предпочтения автора,

коммуникативную задачу и условия речевой ситуации, что «раздвигает» границы стиля до национального языка. Как следствие, отличить «стиль» от «не-стиля» уже не представляется возможным.

В целом, англоязычные лингвисты рассматривают стиль как некую отличительную особенность языка создателей художественных текстов. Однако это не мешает функционированию в таких понятиях, как «академический стиль» и «академическое письмо». Академический стиль, по мнению многих современных авторов, становится все более индивидуалистическим, живым, уходя от традиционной абстрактности, что связано с необходимостью четкого, простого и ясного донесения научной информации адресату. Подчеркнем, что выделение отдельно академического стиля говорит о некотором родстве подходов к этой проблеме у англо- и русскоязычных исследователей.

Безусловно, вопрос о границах стиля и жанра остаются актуальными и для российской лингвистики. Однако если в российской, как и в славянской лингвистике в целом, решается сложнейшая задача разработки универсальной концепции стиля, то англоязычной еще предстоит решить ряд практических задач.

Прежде всего необходимо разграничить стили в частности и стили вообще. Так, альтернативой различным методикам анализа речевых ситуаций может быть система функциональных стилей, поскольку она учитывает и специфику различных дискурсов, о которых пишет Д. Кристал, и условия речевой ситуации, и коммуникативную задачу автора высказывания. В настоящее время теория функциональных стилей трансформируется и обновляется: например, понятие публицистического стиля сегодня почти полностью вытеснил термин «медиастиль». В частности, В. И. Коньков пишет о том, что тексты стиля медиа являются слишком «разноплановыми», чтобы изучать их с позиций функциональной стилистики, а публицистическая составляющая в них часто отсутствует, в связи с чем принципы стилистического анализа В. Г. Костомарова здесь более уместны: «отталкиваясь от конкретного стилистиче-

ского явления, мы пытаемся сформировать концепцию речевого поведения, в результате чего и возникает <...> стилевое явление» (Коньков 2009: 15). Н. И. Клушина (Клушина 2018) также предлагает альтернативный подход в рассмотрении текстов СМИ и выдвигает концепцию медиастиля как совокупности различных нарративов, развивающихся во времени, среди которых прослеживается базовый нарратив.

Подвергаются пересмотру задачи стилей. Тем не менее данная модель обладает большей объяснительной способностью и пользой для педагогики в области языка, чем понятие регистра. Можно возразить, что специфика английского языка такова, что перемещается он только между неформальным и формальным регистрами, при этом разительных отличий между формальным официально-деловым документом и научной статьей не будет. Однако функционирование в работах такого термина, как «академическое письмо», опровергает эту мысль.

Далее, примером стиля в частности является идиостиль. Так, В. П. Григорьев (Григорьев 1983: 3) подчеркивает, что «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной или неявной рефлексии над языком».

Таким образом, русская стилистика представляется гораздо более глубоко разработанной дисциплиной, чем англоязычная. К такому выводу заставляет прийти тот факт, что в русскоязычной литературе уже решены многие важные проблемы, в том числе различие авторского стиля и стилистического образца, выражения индивидуального стиля в нехудожественном высказывании (тексте), соотношения понятий жанр и стиль. В то время как англоязычная литература не располагает подобным категориальным аппаратом. В русской стилистике возникают новые значимые вопросы: например, о соотношении стилей языка и стилей речи (Хаззагеров 2016), взаимодействии нормы и стиля и многие другие.

Литература

1. Гайда С. Что есть стиль? // Стереотипность в творчестве и тексте: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2003. – С. 93–102.
2. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная прагматика русского языка. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
3. Клушина Н. И. Медиастилистика: монография. – М.: Флинта, 2018. – 184 с.
4. Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002. – 475 с.
5. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.
6. Коньков В. И. Стилистические явления в речевой практике СМИ // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 6. – С. 14–18.
7. Хазагеров Г. Г. Форма, норма, репутация и задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – №2. – С. 37–45.
8. Biber D. and Conrad S. Register, Genre and Style. – Cambridge, 2009. – 344 p.
9. Crystal D., Davy D. Investigating English Style. – London: Routledge, 1969. – 278 p.
10. Devitt A. J. Generalizing about genre: New conceptions and old concept // College composition and Communication. – 1993. – Vol. 44. – № 4. – С. 573-586.
11. Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning – London, 1978: Edward Arnold. – 256 p.
12. Halliday M. A. K. Text as Semantic Choice in Social Contexts // Grammars and Descriptions: (Study in Text Theory and Text Analysis), edited by Teun A. van Dijk and János S. Petöfi. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2019. – Pp. 176–225.
13. Manser M. H., Curtis S. The Facts on File Guide to Style. – Infobase Publishing, 2014. – 337 p.
14. Miller C. R. Genre as a social action // Quarterly journal of speech. – 1974. – С. 151–167.
15. Stockwell P. Stylistics: language and literature // Bas Arts and April McMahon (eds) The Handbook of English Linguistics. – Oxford: Blackwell, 2005. – Pp. 742–759.
16. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 274 p.

Н. В. Смирнова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

КОНЦЕПЦИИ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ⁹

Современный этап развития лингвистики отмечен выдвиганием лингвокреативности в состав ключевых метаязыковых единиц. Актуализация понятия лингвокреативности обусловлена рядом причин: антропоцентрическим поворотом в лингвистике, достижениями когнитологии, результатами исследований поэтического языка с его установкой на творчество, расширением сферы творческой активности носителей языка до массового лингвокреатива. В статье рассматриваются концепции лингвокреативности, сложившиеся в рамках таких направлений современного российского языкознания, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, креативная стилистика, лингвистика креатива.

Ключевые слова: лингвокреативность, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, креативная стилистика, лингвистика креатива.

Nadezhda V. Smirnova

(Lomonosov Moscow State University)

CONCEPTS OF LINGUOCREATIVITY IN MODERN RUSSIAN LINGUISTICS

The current stage in the development of linguistics is marked by the advancement of linguocreativity into the key metalanguage units. The actualization of the concept of linguocreativity is due to a number of reasons: the anthropocentric turn in linguistics, the achievements of cognitology, the results of studies of poetic language with its focus on creativity, the expansion of the sphere of creative activity of native speakers to mass linguistic creativity. The article examines the concepts of linguocreativity that have developed within the framework of such areas of modern Russian linguistics as cognitive linguistics, cultural linguistics, creative stylistics, and creative linguistics.

Key words: linguocreativity, cognitive linguistics, cultural linguistics, creative stylistics, linguistics of creativity.

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00077 А «Креативная функция языка в интернет-коммуникации».

Современная лингвистика характеризуется полипарадигмальностью и междисциплинарностью: «Специфику современной гносеологической ситуации в науке о языке составляет быстрая смена лингвистических парадигм и как следствие постоянно изменяющийся образ языка, сосуществование множества различных видений языка и предощущение появления множества потенциальных лингвистик. Для данного времени характерны активные интегративно-дифференциальные процессы внутри лингвистики и культуры в целом – построение, развертывание и проектирование новых дисциплин и направлений, а также интенсивные контакты лингвистики с другими областями знания и духовной жизни человека» (Постовалова 2017: 18–19). Интенсивное развитие лингвистической мысли отражается в динамике терминологии, в обновлении состава метаязыковых единиц. В современном российском языкознании наблюдается актуализация понятия лингвокреативности в целом ряде направлений лингвистических исследований, таких, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, креативная стилистика, лингвистика креатива. Как отмечают исследователи, «в последнее время креативность и лингвокреативность приобретает статус оперативного термина и становится ключевой метаязыковой единицей лингвистического анализа» (Фещенко 2012: 92), «термин «лингвокреативность», а также «креативность» и «креатив» стали входить в состав метаязыка многих лингвистических дисциплин» (Постовалова 2020: 133).

Выдвижение лингвокреативности в фокус исследовательского внимания обусловлено несколькими причинами. Во-первых, интерес к творческой реализации языковой личности связан с антропоцентрическим поворотом в лингвистике, с исследованием человеческого фактора в языке, проблематика которого «формулировалась как круг вопросов о том, как человек воздействует на используемый им язык, какова мера его возможного влияния на него, какие участки открыты для его лингвокреативной деятельности и вообще зависят от «человеческого фактора» (Кубрякова 1995: 215).

Во-вторых, развитию лингвокреативного подхода в языкознании способствовали до-

стижения когнитологии: «Расширение трактовки креативности / творчества произошло и в когнитивной лингвистике, которая не только перенесла это понятие в сферу языка, но и усилила ментальную составляющую в исследовании этого феномена» (Ирисханова 2009: 160). Б. А. Серебренников выделяет особый тип мышления – лингвокреативное, в процессах которого «большую роль играют различного рода ассоциации» (Серебренников 1983: 108). Специфика лингвокреативного мышления «состоит в том, что оно заново членит мир» (Серебренников 2010: 203). Согласно Т. А. Гридиной, «основными особенностями лингвокреативного мышления являются: 1) оперирование языковыми единицами по законам ассоциативных сближений; 2) реализация потенциала языка в области конструирования и варьирования языковых форм и значений с учетом правил аналогии и субстанционально обусловленного свойства асимметрии плана выражения и плана содержания знака; 3) проявление тенденции к нарушению языкового стандарта в коллективной и индивидуальной речевой деятельности» (Гридина 1996: 11–12). В рамках когнитологии креативность полагается «прототипическим признаком всех человеческих действий» (Позднякова 2006: 43).

Третьей причиной актуализации понятия лингвокреативности послужили исследования поэтического языка с его «принципиальной установкой на творчество» (Фещенко 2012: 86). Лингвокреативность – имманентное свойство поэтического языка, «благодаря лингвокреативности (креативной природе языка) язык является одновременно тем «материалом» и инструментом, из которого и посредством которого возможно создание потенциально неисчисляемых продуктов словесного искусства» (Зыкова 2017: 614). Поэтический дискурс «по отношению к обыденной речи изначально обладает девиантными свойствами, так как предполагает особые условия коммуникации (отсутствие реального адресата, автокоммуникативность, двойное членение речи, расщепленную или смещенную референцию из-за метафоричности или иносказательности высказываний и др.) и особые эстетические и эвристические установки» (Фатева 2016:

19). Девиации в поэтической речи становятся языковыми новациями, реализующими творческие возможности как субъекта речи, так и самого языка.

Еще одной причиной активного распространения понятия лингвокреативности является расширение сферы творческой активности носителей языка, которая «включает в себя и язык Интернета, и медийный и рекламный дискурсы, образуя так называемую область *everyday creativity*» (Фатева 2016: 15). Homo *creativus* заявляет себя в качестве субъекта современной коммуникации, делая открытыми для лингвокреативной деятельности практически все сегменты коммуникативного пространства. «Речетворчество широких масс, или, используя предложенный нами термин, «массовый лингвокреатив», является неотъемлемой чертой нового лингвистического пространства. Это пространство формирует креативная языковая личность, создавая разного рода тексты в Интернете (активные блогеры, создатели сайтов и др.) и овладевая широко востребованными сегодня профессиями (журналисты, копирайтеры, специалисты по связям с общественностью)» (Ремчукова 2016: 159). Повседневная креативность демонстрирует, что «способность к творческим модификациям изначально заложена в любом акте вербальной коммуникации – в акте устном и письменном, научном и обыденном, в имеющем отношение к поэтическому искусству и к повседневному общению» (Ирисханова 2009: 160).

Лингвокреативность рассматривается как одно из проявлений креативности – феномена, который «входит в сферу исследовательских интересов самых разных наук главным образом гуманитарного цикла (психологии, философии, филологии, социологии, культурологии, антропологии, педагогики, искусствоведения и др.)» (Зыкова 2016: 139). Как элемент терминосистемы гуманитарных наук *креативность* вступает в деривационные отношения с другими терминами, в частности с термином *лингвокреативность*: «Появление рассматриваемого термина в языкознании связано, прежде всего, с изучением креативных (или творческих) способностей (возможностей) человека как языковой личности, а также с изучением креатив-

ного (или творческого) потенциала языка. Эти два взаимосвязанных и взаимообусловленных ракурса исследования приводят к образованию такого терминологического деривата «креативности», как «лингвокреативность» (Там же: 139).

Понятие лингвокреативности вошло в научный обиход российского языкознания под влиянием англоязычных лингвистических исследований, в которых активно разрабатывается проблематика *linguistic creativity*. В отечественном научном дискурсе термин *лингвокреативность* употребляется наряду с синонимическими понятиями *языковая креативность*, *лингвистическая креативность*, *вербальная креативность*, *речевая креативность*. В научной литературе представлены различные дефиниции рассматриваемых терминов, например:

«Вербальная креативность – одна из составляющих понятия креативности языковой личности, выявляющая способность носителя языка к творческому использованию готовых языковых форм и значений и обновлению их репертуара в условиях осознанного отступления от канонических форм речи» (Гридина, Пипко 2012: 12);

«Вербальная креативность является компонентом структуры языковых и речевых способностей» (Шульга 2013: 13);

«...лингвистическая креативность представляет собой систему знаний о языке, благодаря которой носитель языка создает новые слова, трансформирует уже существующие языковые средства с целью расширения их семантики, привлечения внимания, достижения определенного эффекта» (Базилевич 2015: 21);

«Лингвистическая креативность, так или иначе, связана с проявлением когнитивных и творческих возможностей человека в использовании языка для своих прагматических целей и имеет дело, как правило, исключительно с языковыми феноменами и языковыми знаками. <...> лингвистическая креативность есть способность создания языковых феноменов из готового языкового материала (языковая игра, метафоричность, тропеичность, фразеологичность, паремиологические инновации, сленг, жаргон и т. п.)» (Рыльщикова 2016: 10);

«...лингвистическая креативность представляет собой языковую и дискурсивную рефлексию творческих возможностей человека, имеет категориальный статус и проявляет себя в дискурсивном пространстве в виде лингвокреатива – знаков и концептов, способствующих процессам креативного дискурсообразования и дискурсоразвертывания институциональной, персональной и потребностной сфер коммуникации» (Гермашева 2016: 170);

«Лингвокреативность представляет собой, в сущности, реализацию (и / или воплощение) креативных возможностей языковой системы на самых разных ее уровнях и в отношении самых разных аспектов ее функционирования. Иначе говоря, лингвокреативность может рассматриваться как самый сложный когнитивный процесс и также «механизм» создания («в рамках нормы» или (осознанно) ненормативных) фонетических и морфологических знаков, разного рода слов и фразеологизмов, синтаксических конструкций, текстов и дискурсов, стилистических приемов и проч.» (Зыкова 2017: 628–629);

«В проекции на язык креативность выступает как способность его носителей к обновлению и расширению номинативного и коммуникативного регистров речевой деятельности, являясь, в частности, формой реализации творческой уникальности говорящих» (Гридина 2018: 14);

«В широком смысле вербальная креативность – это словесное творчество личности, в более узком смысле – это комплекс творческих способностей, проявляющихся в создании нового оригинального речевого продукта в любой его вербальной форме (устной, письменной, прозаической, поэтической, монологической, диалогической и т. д.)» (Шило 2018: 102);

«...лингвокреативность можно интерпретировать как производство нового языкового «продукта», который оптимально подходит для решения наличной коммуникативной задачи, максимально полно выражая искомый смысл, раскрывает заложенный в языке потенциал и способствует его дальнейшему развитию, способен задавать новый формат вербализации определенных

явлений и может способствовать перестройке языковой системы» (Нагорная 2019: 10);

«В своем подходе мы отталкиваемся от понятия «языковой нормы» и принимаем в качестве целостного рабочего определения две взаимообусловленные трактовки лингвокреативности с учетом этого понятия. Во-первых, лингвокреативность рассматривается нами как «абсолютное», или универсальное явление, свойственное в равной мере всем существующим типам дискурса и имеющее универсальные параметры и формы их проявления, которые в любом дискурсе распознаются как универсально креативное (= ненормативное, нестандартное, оригинальное) использование языка. Во-вторых, лингвокреативность определяется как дискурсивно обусловленное явление, которое предполагает наличие определенной специфики «действия» универсальных параметров в каждом конкретном типе дискурса и особые формы проявления в нем креативного (= ненормативного, нестандартного, оригинального) использования языка» (Зыкова, Киосе 2020: 29);

«Под языковой креативностью понимается создание новых, уникальных языковых единиц и модификация отношений между ними с целью кардинальной трансформации языковой системы и формирования нового языка (ср. с «самоценным», «самовитым» словом и заумью в футуризме или созданием нового художественного языка в художественном и поэтическом типах дискурса); активизация межуровневого взаимодействия и контекстуально обусловленных функциональных переходов (межуровневая транспозиция и «межсемиотическая» транспозиция, по Р. Якобсону); доминирование эстетической функции, ориентированной на актуализацию означающего как направленности сообщения на собственную форму; семантическое приращение (разные виды полисемии, энантиосемия), сопровождающееся понижением релевантности текста и «деавтоматизацией» сознания адресата в процессе интерпретации; метаязыковая рефлексия продуцируемых инноваций» (Сokolova 2020: 124);

«Лингвокреативность мы понимаем как процесс построения языковой системы и ее

функционирование в речевом общении, а также как реализацию креативных возможностей системы на всех ее уровнях» (Степанова 2020: 143);

«...лингвокреативность интерпретируется как лингвистическая продуктивность человеческого сознания, как неординарность его языкового самовыражения, как «проявление тенденции к нарушению языкового стандарта в коллективной и индивидуальной речевой деятельности» (Абдуллаева 2021: 377).

Представленные дефиниции включают такие гиперонимы, как *способность, возможность, процесс, создание, явление*. Большинство исследователей трактует лингвокреативность как способность языковой личности к творческому использованию языковых ресурсов, как сам процесс создания новых оригинальных языковых феноменов. В то же время необходимо отметить, что лингвокреативность становится объектом лингвистического исследования только в том случае, если она получает вербальную репрезентацию. «В современной гуманитарной науке реализуются две возможности предметизации лингвистической креативности. Согласно первой из них, лингвокреативность предстает в собственно лингвистическом ракурсе как свойство самого языка – языковой системы, речи, дискурса и т. д. Согласно второй из них, лингвокреативность рассматривается в более широком – антропологическом – ракурсе как способность человека к языкотворческой деятельности» (Постовалова 2020: 135–136). Обзор отечественных исследований, касающихся лингвокреативной проблематики, свидетельствует о доминировании антропологического подхода к определению феномена лингвокреативности.

Ближайшее семантическое окружение лингвокреативности формируют такие понятия, как новизна, инновационность, оригинальность, неканоничность, уникальность, продуктивность, эвристичность, аномальность, а в качестве ее противоположностей выступают стандартность, стереотипность, репродуктивность, каноничность, обыденность, нормативность (Фещенко 2020: 153). Положение о том, что «понятие креатив-

ности в самом общем виде включает в себя прошлые, сопутствующие или последующие характеристики процесса, в результате которого человек или группа людей создает что-либо, не существовавшее прежде» (Трик 1981: 298), фиксирует непосредственную взаимосвязь креативного и нового. Понятие новизны составляет сущность креативности, определяемой как «постоянное напряжение между фиксированностью и новизной» (Демьянков 2009: 11). Креативность и инновационность рассматриваются либо как взаимосвязанные феномены, либо как часть и целое (Минюрова 2009: 75).

Важным понятием для определения природы лингвокреативности является девиантность, степень которой «привязана к шкале отступления от нормы и обычных представлений о правильности языкового выражения» (Фатеева 2016: 20). С девиантностью сопряжена проблема соотношения лингвокреативности и языковой нормы. Различные точки зрения на данную проблему можно «свести к двум наиболее распространенным в настоящее время подходам» (Зыкова 2017: 601). В рамках одного из этих подходов лингвокреативность и языковая норма анализируются в их взаимосвязи, при этом стихийная коллективная лингвокреативная деятельность рассматривается в качестве источника формирования языковых стандартов. Другой подход базируется на противопоставлении языковой нормы и лингвокреативности, в основе которого лежит понимание лингвокреативной деятельности как сознательного целенаправленного индивидуального (как правило) нарушения языкового канона для решения эстетических или прагматических задач. Перспективной представляется идея создания интегрированного подхода, который позволит исследовать феномены лингвокреативности и языковой нормы «в их диалектическом и взаимодействующем единстве» (Зыкова 2017: 605).

Предметом научной дискуссии является вопрос о соотношении понятий (лингво)креативности и (языко)творчества. За пределами научного дискурса лексемы *креативный* и *творческий* употребляются синонимично, однако дифференцируются стилистически: «при освоении русским языком анализируе-

мых заимствований слова *креативный*, *креатив* воспринимаются двояко: с одной стороны, как синонимы лексемам *творческий*, *творчество*, с другой стороны, как стилистически сниженные, сленговые варианты русских слов высокого стиля» (Вепрева 2009: 120). В научной литературе *креативность* и *творчество* рассматриваются с двух точек зрения:

1) как тождественные понятия: «Для некоторых гуманитарных подходов характерна тенденция к отождествлению креативности и творчества, приводящая часто к замещению категории творчества категорией креативности» (Постовалова 2020: 134). Так, Б. Ю. Норман, расширяя разработанный Р. О. Якобсоном «канонический» перечень языковых функций, вводит в научный обиход еще одну функцию, связанную с положением дел, «при котором языковые сущности оказываются первичными по отношению к сущностям внеязыковым, то есть к явлениям объективной действительности», и называет ее «креативной, или творческой» (Норман 1997: 166). Констатируя взаимозаменяемость понятий лингвокреативности и языкового творчества, исследователи тем не менее отмечают и возможность их дифференциации: «в строго терминологическом смысле следовало бы по отношению к языковой деятельности – с учетом разнообразия ее творческих проявлений, – применять термин «лингвокреативность». Однако лингвистическая традиция и поиск синонимической конструкции для замещения данного термина привели к необходимости в рамках нашего исследования употреблять понятия «лингвокреативность» и «языковое творчество» как взаимозаменяемые» (Халеева, Ирисханова 2011: 5–6); «на современном этапе развития лингвистики и лингвопоэтики эти понятия во многом совпадают за исключением того, что в понятии «языковая креативность» присутствует не только смысл процессуальности, но и смысл, связанный с нереализованным потенциалом языковой системы, с обновлением имеющегося арсенала языковых средств» (Фатеева 2016: 15); «синонимическое использование лексем *творчество* и *креатив* (*креативность*) открывает заманчивую возможность их терминологического разведения, при ко-

тором за понятием *творчество* могла бы быть оставлена область необычного, а за понятием *креатив* – сфера стандартного: автоматизированные операции (в том числе инерционные языковые трансформации), движущиеся в русле языковой данности» (Векшин 208: 50);

2) как нетождественные, но взаимосвязанные понятия. Различие понятий креативности и творчества проводится по разным основаниям. Критерием разграничения может служить коммуникативная направленность: «если творчество направлено на самовыражение субъекта, то креативность – на воздействие на массы» (Фещенко 2020: 155); прагматический компонент: «в отличие от бессознательности творческой активности, в креативности заложено понимание, что и зачем нужно создавать» (Фатеева 2016: 15); субъектно-личностная / социокультурная значимость: «Креативность связывается с образованием субъектно-личностной новизны и значимости, а творчество рассматривается как более общее понятие, отражающее и процессы взаимодействия новизны, порождаемой субъектом деятельности, с существующим социокультурным контекстом. Креативность рассматривается как построение новых возможностей для субъекта, а творчество – как создание новых возможностей для культуры, как культуросозидание, создание новых культурных форм, изменение системы культурных кодов» (Горбунова URL); категориальный статус: «Творчество понимается онтологически, креативность – социально-психологическая категория» (Азарова 2008: 160).

Концепты *креативность* и *творчество* разводятся не только синхронно, но и диахронно: «Во взаимодействии концептов *творчество* и *креатив* в начале XXI века выявляется определенная динамика: на первом этапе наблюдается постепенное вытеснение из разного типа дискурсов *творчества* и замена его *креативом*, а затем, наоборот, некоторая утрата *креативом* позиций, смещение его в область терминологии и частичное возвращение *творчества*. Социальная динамика употребления концептов *творчество* и *креатив* (*креативность*) в связи с кризисом, когда *креатив*, не подразумевающий систем-

ного мышления, исчезает из общественной риторики, показывает, что следует ожидать некоего возврата концепта и слова *творчество* в широкую дискурсивную практику» (Азарова 2016: 35). В плане развития терминосистемы показательна миграция терминов творчества в креативность (Азарова 2008: 162). В широком социокультурном контексте рубеж XX–XXI вв. провозглашается креативной эпохой: «Креативность стала ключевым фактором развития экономики и общества» (Флорида 2016: 30), наступление которой является следствием «трансформации творчества в креативность» (Зыкова 2017: 552),

Лингвокреативная деятельность проявляется в широком спектре речевых действий, «от спонтанной словотворческой креативности ребенка до преднамеренной языковой игры и других видов вербальной креативности в разнообразных дискурсивных практиках личности и социума, достигая своего апогея в художественном творчестве» (Устинова 2018: 214). Лингвокреативность реализуется в разных типах дискурсов и текстов внутри каждого дискурса «в виде градуальных отношений – от большей степени к меньшей» (Соколова 2020: 125), в связи чем можно говорить «об условной шкале лингвокреативности» (Халеева, Ирисханова 2011: 14). При этом «все случаи функционирования языковых выражений образуют некий креативный континуум: от минимальной степени креативности, близкой к нулю (например, прямое название предметов, обращение к людям по именам или клишированное приветствие), до авторских метафор, эпитетов и пр. в художественных произведениях» (Ирисханова 2009: 161). Максимальное проявление лингвокреативности характерно для поэтического дискурса. В то же время исследователи отмечают, что «говорящие никогда не доходят до крайности, т. е. до абсолютной новизны или до полного отсутствия креативности (ведь даже самое рутинное высказывание есть результат нетривиального выбора между альтернативными языковыми средствами и оценки множества параметров определенного акта семиозиса)» (Халеева, Ирисханова, Волоскович 2011: 55). Для оценки дискурса с точки зрения его положения на единой шкале

лингвокреативности может использоваться «комплексная процедура параметрического аннотирования и статистической обработки, завершающаяся реконструкцией векторной модели лингвокреативности дискурсов» (Киосе 2020: 113).

Классификация типов лингвокреативности проводится по разным параметрам. В основе наиболее распространенной типологии лежит принцип языкового воплощения креативности, в соответствии с которым выделяют просодическую креативность, лексическую креативность, фразеологическую креативность, словообразовательную креативность, синтаксическую креативность, стилистическую креативность, дискурсивную креативность и др. (Зыкова 2017: 629). Исследователи выделяют участки повышенного напряжения в языковой системе, в которых наиболее интенсивно «проявляется лингвокреативный потенциал человеческого мышления» (Ирисханова 2004: 46). Основным узлом реализации креативности в языке выступает лексика. В то же время несомненный интерес вызывает изучение грамматической креативности: «По отношению к грамматике еще в большей степени, чем по отношению к другим ярусам языка, важно такое понимание речетворчества, в котором проявляется и индивидуальность языковой личности, и процесс обнаружения потенциала языка, не реализованного не только в норме, но и в узусе» (Ремчукова 2005: 42–43).

В соответствии с функциональным критерием различают «лингвокреативность различных типов текста (дискурса) – художественной литературы, публицистики, бытовой речи и пр. По-разному проявляет себя способность говорящих к языковому творчеству в письменной и устной речи, в семиотически полимодальных и мономодальных текстах. Наконец, характер и способы осуществления творческих актов меняются в зависимости от типа и характера конкретных коммуникативных актов и событий» (Ирисханова 2009: 169).

Характер изначального стимула позволяет разграничить лингвокреативность содержания и лингвокреативность формы. В первом случае в роли стимула выступают

изменения в реальной действительности и / или в наших представлениях о ней. Во втором случае «отправной точкой для создания знака служит другая языковая форма: например, словообразование по аналогии с другим словом, пародия на стихотворение и др.» (Ирисханова 2009: 169).

В зависимости от универсальности / специфичности реализации лингвокреативности выделяются такие ее типы, как языковая и дискурсивная (О. В. Соколова), в иной терминологии – универсальная и дискурсивно обусловленная (И. В. Зыкова, М. И. Киосе). Лингвокреативность первого типа (языковая, универсальная) свойственна всем типам дискурса и имеет «универсальные параметры и формы их проявления» (Зыкова, Киосе 2020: 29). Лингвокреативность второго типа (дискурсивная, дискурсивно обусловленная) присуща конкретным типам дискурса и понимается как «обновление на уровне микроструктуры дискурса (в терминологии Т. ван Дейка) с помощью интенсификации тех или иных языковых приемов, априированных из дискурсов» (Соколова 2020: 124).

Тип субъекта лингвокреативной деятельности выступает критерием разграничения индивидуальной, коллективной и массовой лингвокреативности (Фещенко 2020: 167).

В качестве особого типа языкотворческой деятельности выделяется эвристическая лингвокреативность: «можно предложить понятие эвристической лингвокреативности как относящееся только к тем языковым практикам, которые нацелены на получение нового знания. По отношению к более общему понятию лингвокреативности оно было бы видовым, т. е. не исключало бы более общего смысла, но ограничивало бы его особым, инновационно-изобретательным вектором креативности в языке и дискурсе» (Фещенко 2020: 61). Эвристическая лингвокреативность реализуется в научном и художественном дискурсах.

Базовым конститутивным признаком научно-фантастического дискурса признается лингвосомиотическая креативность (А. В. Олянич, Л. М. Рыльщикова, К. В. Худяков), которая определяется как «способность творческой персоны (писателя и рассказчика) создавать языковые знаки фантастиче-

ской реальности (гиперреальности будущего), давать им функционально нагруженные определения и формировать для их актуализации особую коммуникативную среду (художественные произведения научно-фантастической тематики). Лингвосомиотическая креативность – это также и когнитивная категория, представляющая собой способность любого человека творчески и ментально освоить материальную действительность, при этом обнаружив в ней объекты и феномены, нуждающиеся в усовершенствовании, или прогнозировать создание новых объектов / феноменов, отвечающих растущим потребностям человека, чтобы затем семиотизировать воображенные объекты / феномены, воплотив их образы в вербальные и невербальные знаки» (Рыльщикова 2016: 10).

От рассмотрения общих вопросов, связанных с языкотворческой деятельностью, перейдем к обзору основных концепций лингвокреативности, сложившихся в рамках таких направлений современного русского языкознания, как **когнитивная лингвистика, лингвокультурология, креативная стилистика и лингвистика креатива.**

Когнитивная концепция лингвокреативности складывалась под влиянием идей Н. Хомского, рассматривавшего языковое творчество как отражение универсальных мыслительных процессов, а языковую способность – как «повседневный творческий процесс порождения языковых форм, которые производятся или интерпретируются впервые» (Ирисханова 2009: 159). Расширение трактовки лингвокреативности в когнитивной лингвистике велось по нескольким направлениям: изучались вопросы творческого конструирования мира с помощью языковых единиц; была выделена ориентирующая, мирозозидающая функция языка; метафора была провозглашена средством познания действительности и инструментом организации человеческого опыта; была описана роль механизма концептуальной интеграции в процессе порождения новых значений (Там же: 160).

В концепции О. К. Ирисхановой лингвокреативную деятельность определяют рассматриваемые в динамическом аспекте дихотомии:

1) индивидуальное и коллективное (социальное). Прослеживается переход от индивидуальной трактовки творчества к социальной, подтверждением чему служит теория интертекстуальности, в которой смыслопорождение предстает как процесс и результат взаимодействия интенций авторов и читателей, а подлинным субъектом творческой деятельности становится сам текст. Социальная природа языкотворчества постулируется и в теории речевых актов с ее понятием коллективной интенции как социальной когнитивной структуры, ориентированной на совместное конструирование значений;

2) поверхностное (формальное) и глубинное (когнитивное): «Переход от формальных к глубинным аспектам речетворчества обычно ассоциируют с так называемым «хомскианским поворотом». Н. Хомский в генеративной грамматике впервые говорит о возможности реконструировать творческие мыслительные процессы на основе наблюдаемого языкового материала» (Ирисханова 2004: 25). Разграничение языковой способности (знания говорящего о языке) и языкового поведения (использования языка в конкретной ситуации) базируется на фундаментальном противопоставлении языка и речи. В отечественной лингвистике, согласно О. К. Ирисхановой, отсутствует жесткое искусственное противопоставление языка и речи, что обеспечивает большую реалистичность концепции;

3) композиционное и интегративное. Переход от композиционности (понимания значения целого как суммы значений элементов) к интегративности (понимания значения как результата сложного взаимодействия разнообразных факторов: структурных, семантических, прагматических и др.) в построении нового значения не отменяет композиционность, но расширяет ее трактовку. В качестве когнитивного основания лингвокреативной деятельности человека полагается принцип концептуальной интеграции: «создание нового значения представляет собой не столько манипулирование заранее заданными ментальными репрезентациями,

сколько активный процесс установления разнообразных связей между ментальными пространствами, в которых происходит интеграция различных аспектов информации – как долговременной, так и актуальной» (Ирисханова 2004: 36–37). По мнению В. И. Заботкиной, когнитивный механизм концептуальной интеграции лежит в основе словослияния (блендинга) и метафорической деривации – способов создания лексических единиц, обладающих наибольшим креативным потенциалом (Заботкина 2019: 213).

В. И. Заботкина рассматривает лингвокреативность в триаде *язык – креативность – когниция*, анализируя данную триаду в двух аспектах: 1) «с точки зрения креативности языковой системы; 2) с точки зрения креативности языковой личности» (Заботкина 2019: 210). Представленные аспекты эксплицируют основополагающую дихотомию – «креативность в языке vs. креативность языковой личности» (Заботкина 2018: 22).

Исследования когнитивных механизмов, лежащих в основе лингвокреативной деятельности, проводятся как с точки зрения кодирования информации адресантом, так и с точки зрения декодирования ее адресатом (Шмелева 2020: 84). Языковая креативность адресанта обеспечивается действием механизмов девиации (отклонения) и аналогии. Выделяются три типа девиации: «прагматическая (нарушение отношения знак – пользователь); семантическая (нарушение отношения знак – референт); концептуальная (нарушение отношения между концептуальными структурами исходного и нового значений)» (Заботкина 2019: 210). Когнитивная операция аналогии связана с креативным потенциалом языковой личности: чем он больше, тем быстрее устанавливаются разного рода ассоциативные связи.

Со стороны адресата ведущим когнитивным механизмом лингвокреативности выступает инференция: «В процессе речи говорящий / пишущий как бы приглашает слушающего совершить операцию инференции и выявить тот новый нюанс смысла, который говорящий вложил в традиционное значение слова, употребив его в нетипичном контексте» (Заботкина 2019: 212). Инферен-

ция находится в гиперо-гипонимических отношениях с наследованием – когнитивной процедурой передачи «определенного объема концептуальной информации, заключенного в исходном значении слова, новому значению» (Там же). Е. С. Шмелева считает необходимым рассматривать когнитивный механизм инференции во взаимосвязи с феноменом когнитивного диссонанса, возникающего в случае затруднений или отсрочки интерпретации адресатом полученной информации (Шмелева 2020: 82).

Перспектива развития когнитивной теории лингвокреативности связана с интеграцией когнитивной лингвистики и лингво-семиотики для исследования связи «между способностью человека к лингвокреативности, семиотической сущностью языка и особенностями когниции» (Ирисханова 2009: 162). Структура семиозиса обуславливает природу и многообразие проявлений лингвокреативной деятельности и позволяет выделить зоны креативности: онтологическую (стимул языкотворческой деятельности – изменения в мире и социуме); эпистемологическую (стимулом языкотворчества становятся изменения картины мира в целом и ее фрагментов); формально-языковую (стимулом языкотворческой активности является тело знака). «По-видимому, состояние творческого возбуждения, подобно любым сигналам нейронов мозга, обладает свойством распространяющейся активации, поэтому все три зоны взаимосвязаны» (Ирисханова 2009: 166). В структуре лингвосемиозиса, по мнению О. К. Ирисхановой, отражены и основные противоречия, накладывающие когнитивные ограничения на языкотворчество. Это противоречие между объективностью изменений в реальной действительности и субъективностью их восприятия носителем языка; противоречие между индивидуальным характером лингвокреативного акта и его включенностью в социокультурную среду; противоречие между конвенциональностью языковых структур и постоянно меняющимися условиями производства речи. «В целом, существование нескольких зон лингвокреативности, в которых могут запускаться когнитивные механизмы языкового творчества, наличие комплекса противоре-

чий в акте семиозиса, которые обуславливают возможность постоянного пересмотра семиотических отношений и определяют направление нововведений, – все это позволяет рассматривать языковое творчество как континуум разнообразных нововведений» (Там же: 168).

Синтез когнитивного и семиотического подходов к лингвокреативной деятельности способен возвести термин *лингвокреативность* в ранг центральной метаязыковой единицы лингвистики.

Выход на уровень метаописания обусловлен метаязыковой рефлексией как формой самосознания науки (Постовалова 2017: 13). Становление **лингвокультурологии** в качестве особой интегративной дисциплины, исследующей взаимодействие языка и культуры, связано с построением метаязыковой системы, что вызвано потребностью «в инвентаризации состоящих на службе лингвокультурологии понятийно-терминологических средств, в систематизации и конвенционализации (или стандартизации) ее наличного понятийно-терминологического инструментария» (Зыкова 2017: 27). Поставив перед собой задачу выработать единый метаязык лингвокультурологического общения, И. В. Зыкова решает ее с помощью выделения базисных операциональных метаединиц – констант лингвокультурологической науки. Терминологический аппарат лингвокультурологии задается объектом ее исследования, представленным триадой *язык – культура – личность*. Ядро метаязыковой системы лингвокультурологии формируют семь констант: ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА, КОНЦЕПТОСФЕРА КУЛЬТУРЫ, (ЛИНГВО) КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ, КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ, КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ и ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ.

Как отмечает И. В. Зыкова, «в силу своей специфики и той особой и вместе с тем ведущей роли, которую понятие «лингвистическая креативность» выполняет в изучении центрального блока проблем, связанных с порождением двух глобальных знаковых систем – языка и культуры и их интеракции, ключевой фигурой в которой выступает личность, данное понятие не могло не войти в число базисных или константных единиц

метаязыка лингвокультурологии» (Зыкова 2017: 558–559). По мнению исследователей, «креативное измерение языка и культуры выдвигается в ведущую позицию лингвокультурологии» (Ничипорович 2008: 193).

Константа ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ определяется как «способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемая коллективной личностью (социумом, народом) и индивидуальной личностью (отдельным представителем социума, народа), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицируются» (Зыкова 2017: 638). Под глубинными основаниями понимаются культурно обусловленные основания разнородных языковых знаков, составляющих языковую систему.

Микросистема константы ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ включает несколько разнородных вариантных рядов: 1) ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ < КРЕАТИВНОСТЬ vs. ТВОРЧЕСТВО; 2) ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ vs. ЯЗЫКОВАЯ НОРМА, ЯЗЫКОВОЕ КЛИШЕ; 3) ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ vs. СЛОВЕСНОЕ (ВЕРБАЛЬНОЕ) ИСКУССТВО, ЯЗЫКОВАЯ ИГРА, ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (Зыкова 2017: 182).

Остановимся подробнее на соотношении понятия лингвокреативности с понятиями словесного искусства, языковой игры и языкового эксперимента. Словесное искусство, включающее устное народное творчество и письменные авторские произведения художественной литературы, предстает как высшее проявление лингвокреативности, как наилучшее использование креативных ресурсов языка. Лингвокреативность, в свою очередь, служит источником создания произведений словесного искусства: «Именно благодаря лингвокреативности (креативной природе языка) язык является одновременно тем «материалом» и инструментом, из которого и посредством которого возможно создание потенциально неисчисляемых про-

дуктов словесного искусства» (Зыкова 2017: 614).

Языковая игра рассматривается как комплексный феномен, представляющий собой одновременно и особое языковое поведение, и способ (или технику) реализации креативного потенциала языка, и конкретный продукт языкотворчества, при этом все ее проявления характеризуются высоким уровнем метаязыковой рефлексии, что сближает языковую игру и со словесным искусством, и с языковым экспериментом (Там же: 618).

Понятие языкового эксперимента связано как с научной, так и с практической сферой. Языковой (лингвистический) эксперимент в науке выступает в качестве метода изучения языковых фактов и верификации лингвистических теорий, обнаружения и актуализации языковых потенциалов. В практической сфере языковой эксперимент «становится одним из весьма важных художественных приемов или техник, направленных на достижение интеллектуального, эстетического и проч. Эффектов; а также на так называемую проверку опытным путем креативных возможностей и границ языка» (Зыкова 2017: 622).

Интегральным признаком феноменов лингвистической креативности, словесного искусства, языковой игры и языкового эксперимента является ориентированность на метаязыковую рефлексивность. Дифференциальным признаком рассматриваемых явлений служит их отношение к узусу, субъекту и языковой норме: лингвокреативность не имеет ограничений ни в одном из этих параметров; языковая игра также отличается широким узусом и не имеет субъектных ограничений, а ее отношение к норме двояко: она может строиться как на соблюдении, так и на нарушении нормы; языковой эксперимент, равно как и словесное искусство, характеризуется узким узусом и ограниченным субъектом, при этом лингвистический эксперимент в науке ориентирован на мониторинг нормы, в то время как языковой эксперимент в художественной литературе направлен на деструкцию нормы.

Словесное искусство, языковая игра и языковой эксперимент выступают в качестве способов и продуктов реализации лингво-

креативности, относятся к ней как понятия частного порядка к обобщающему понятию. Таким образом, «можно заключить, что исследуемые понятия совпадают в определенной части своего содержания, а потому могут взаимозаменять друг друга в отдельных случаях или соответствующих контекстах. При этом только для понятия «лингвокреативности» такого рода «взаимозамена» в отношении к каждому из трех других понятий имеет регулярную основу» (Зыкова 2017: 627).

В рамках лингвокультурологии проводится исследование фразеологической креативности (фразеокреативности), направленное на анализ концептуальных (глубинных) оснований фразеологических единиц. Цель анализа заключается в выявлении и описании «общих культурно детерминированных механизмов как системного продуцирования фразеологизмов по мере эволюционирования языка, так и их дискурс(ив)ного употребления, в ходе которого фразеологические знаки подвергаются разного рода преобразованиям, или модифицируются» (Зыкова 2017: 631). В результате анализа установлено, что концептуальными основаниями значений фразеологических оборотов являются макрометафорические концептуальные модели – сложные культурообусловленные концептуальные структуры. Их лингвокреативный потенциал обусловлен тремя особенностями: 1) сложным внутренним иерархическим устройством; 2) концептуальной полиметафоричностью и полиметонимичностью; 3) высокой степенью абстрактности. Макрометафорическая модель рассматривается как одна из движущих сил лингвокреативного процесса (Там же: 633).

Концепция лингвокреативности, сложившаяся в отечественной лингвокультурологии, позволяет утверждать, что «понятие «лингвокреативность» как таковое (во всем его видовом разнообразии) является необходимым, значимым и органичным элементом целостной метаязыковой системы лингвокультурологической науки» (Зыкова 2016: 150).

Если в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии лингвокреативность занимает одну из ведущих позиций в составе

их метаязыковых единиц, то для креативной лингвистики и лингвистики креатива понятие лингвокреативности является дисциплиноформирующим.

Разрабатывая основные положения **креативной стилистики**, Н. А. Купина опирается на идеи В. П. Григорьева, который считал необходимым расширить традиционную семиотическую триаду семантики, синтактики и прагматики четвертым измерением языка – эстетико-эвристическим, воплощающимся в полной мере в поэтическом языке как языке «с установкой на эстетически значимое творчество» (Григорьев 1979: 76–78). Широкая трактовка поэтического языка позволяет противопоставить его языку практическому на основании отсутствия / наличия автоматизма в процессах производства и восприятия речи: «Поэтический язык – это язык творца креативом, в то время как практический язык – это язык пользователя, автоматически употребляющего языковые стандарты» (Купина 2012: 25). Базовым понятием креативной стилистики является *креатема* – термин, введенный В. П. Григорьевым и «мотивированный именно творческим отношением к языку» (Григорьев 1979: 76). Под креатемами как основными единицами поэтического языка в его широком истолковании понимаются «преднамеренно отобранные или преобразованные средства, а также новообразования, нацеленные на создание эстетического впечатления» (Купина 2013: 314). Исследователи отмечают, что в трактовке Н. А. Купиной *креатема* предстает как единица, основное свойство которой – окказиональность, в то время как в интерпретации В. П. Григорьева *креатема*, *экспрессема* и *эвристиема* рассматриваются с точки зрения их парадигмальности (Фатеева 2016: 18).

Объект креативной стилистики – произведение речи в ее функциональных и жанровых разновидностях, хотя бы частично отмеченные авторской индивидуальностью. Предмет наблюдения – являющиеся результатом преднамеренного использования язык как системы возможностей языковые предпочтения, преобразования, новации. <...> Задача креативной стилистики – выявление креативной составляющей образа автора в текстах разных типов» (Купина 2016: 132).

Иначе задача дисциплины формулируется как «выявление эстетически значимых элементов в речевых произведениях разных стилей и жанров (Купина 2013: 214).

В основе креативной стилистики лежат принципы системности, историзма и функциональности. Системность предполагает рассмотрение отдельной креативной единицы и текстовых блоков, отмеченных креативностью, на фоне языковой системы. «Условием реализации принципа системности является синхронный уровневый анализ, позволяющий установить эстетически значимые сдвиги в произведениях речи, оценить авторские находки и неудачи, выявить повторимое (заданное языковой системой) и неповторимое (обусловленное креативной индивидуальностью автора), описать текст как особо организованную систему систем» (Купина 2013: 326).

Принцип историзма реализуется в сочетании синхронного анализа результатов лингвокреативной деятельности и диахронного сравнительного подхода. Синхронный анализ включает три временных измерения: 1) время создания текста; 2) отраженное в тексте время и 3) время восприятия речевого произведения.

Специфика функциональности креативной стилистики обусловлена своеобразием предмета исследования: если традиционная функциональная стилистика ориентирована на изучение общих параметров и норм стиля, то креативная стилистика – на исследование авторской речевой индивидуальности. «Оппозиция нормативности и креативности мотивирует трансформацию основных принципов функциональности – антропоцентризма, опоры на стилистический узус, координации общего и отдельного, коммуникативно-прагматической направленности речевого творчества» (Там же: 327).

Исследования идиостиля наиболее наглядно демонстрируют действие принципа антропоцентризма. Интерпретация авторского стиля нацелена на выделение индивидуальных речевых предпочтений (и отталкиваний), на выявление в тексте креатива и их комплексном анализе, на истолкование эстетической значимости преднамеренных речевых аномалий, на построение типоло-

гии идиостиля. Важной составляющей креативной стилистики является лингвостилистическая портретистика, в рамках которой «осуществляется описание речевого почерка «человека частного» и реконструкция собирательных (статусно-ролевых) портретов. Сохраняя антропоцентричность, лингвостилистическая портретистика сближается с психолингвистикой и социолингвистикой» (Там же: 337). Креативную стилистику рассматривают как направление, имеющее отношение к «актуальным в настоящее время исследованиям в области лингвоперсоналогии» (Вознесенская 2019: 19).

Опора на стилистический узус предполагает анализ креативной речевой деятельности в контексте сложившейся в определенное время практики использования маркированных языковых средств. Так, в текстах художественной литературы стилистический узус воспроизводится такими тремя основными способами, как реалистический, сатирический и натуралистический.

Координация общего и отдельного проявляется в выявлении авторской речевой индивидуальности на фоне языковой системы и целого спектра экстралингвистических факторов: эстетической конвенции, темы, жанра.

Коммуникативно-прагматическая направленность речевого творчества связана с интенциональностью как отдельных речевых актов, так и целых текстов, со стремлением адресанта воздействовать на адресата для достижения перлокутивного эффекта. Деятельностный подход к коммуникации сближает креативную стилистику и прагматическую лингвистику.

Из положения о том, что «типичные позиции адресанта (в нашем случае – субъекта креативной речевой деятельности) и адресата различны в разных сферах коммуникации» (Купина 2013: 371), вытекает различие в формах проявления лингвокреативности в разных сферах функционирования языка. Наиболее полно креативный потенциал языка реализуется в текстах художественной литературы; «в той или иной мере эстетическая функция может проявляться в других стилях – прежде всего в текстах разговорных, публицистических, религиозных» (Там

же: 409). При этом отмечается, что «креатема в текстах газетных, проповеднических, реже – в научных и официально-деловых – реализует эстетическое значение, оказывающееся второстепенным по отношению к типовой функции, которая объединяет произведения определенного функционального стиля» (Купина 2016: 134), «в произведениях официально-делового стиля речи креатема воспринимается как инородный элемент; в текстах воздействующих стилей креатема, обеспечивающая эстетическое впечатление, органична» (Там же: 135).

Воздействие производителя речи на адресата осуществляется с помощью креатем-регулятивов, обеспечивающих запланированные адресантом эмоционально-эстетические реакции и / или практические действия адресата. Регуляция восприятия осуществляется как отдельными креатемами, так и группами креатем, а также текстами-регулятивами, которые: «а) усиливают эстетическую функцию текстового целого; б) обуславливают или маскируют коммуникативно-прагматическую функцию; в) формируют дополнительную функцию (например, психотерапевтическую). Креатемы-регулятивы способствуют реализации коммуникативных намерений автора речи, установлению реального или внушаемого коммуникативного равенства адресанта и адресата, установлению фактического «верховенства» адресанта, замаскированного «верховенства» адресата» (Купина 2013: 385).

Г. А. Копнина и А. П. Сковородников предлагают ввести в научный оборот креативной стилистики уточняющий термин *лингвокреатема*, обозначающий языковые / речевые единицы, которые возникают в результате речетворческой деятельности и могут быть выражены словом, словосочетанием, предложением, сложным синтаксическим целым (Копнина, Сковородников 2014: 101). В зависимости от целей речевого творчества – эстетических или прагматических, практических (например, рекламных, коммерческих, имиджевых, идеологических) – учеными выделяются два типа креативной деятельности: эстетико-ориентированная и практико-ориентированная. Наряду с лингвокреатемой вводится термин *псевдолингво-*

креатема, понимаемый как стилистический прием, созданный путем отступления от языковых / речевых норм и не обладающий эстетической и / или прагматической значимостью. «Предложенный термин «псевдолингвокреатема», обозначая разновидность речевого недочета, экономит речевые усилия в обозначении соответствующих недочетов (ср.: неудачное построение стилистического приема / тропа или фигуры), а также, выступая антонимом термина «лингвокреатема» и обладая словообразовательным потенциалом, органично вписывается в терминологию стилистики креатива» (Там же: 102).

Продуктивным представляется поиск точек соприкосновения креативной стилистики и эколлингвистики: «проблематика речевого / языкового творчества является одним из существенных аспектов эколлингвистики, поскольку благополучие языка требует не только его защиты, но и его совершенствования» (Копнина, Сковородников 2014: 102). Взаимосвязь двух лингвистических дисциплин прослеживается в рассмотрении фактов языка и речи с точки зрения экстралингвистических факторов, этических и эстетических; в разработке таких критериев оценки лингвокреативной деятельности и ее результатов, как новизна, культурная ценность, неожиданность, оригинальность, полезность, целесообразность, выразительность, запоминаемость, благозвучие и др.; в изучении приемов, обеспечивающих запланированные адресантом эмоционально-эстетические и поведенческие реакции (ср.: креатемы-регулятивы), и способов речевого манипулирования с помощью прагматически ориентированных креатем.

Креативную стилистику рассматривают либо как самостоятельную дисциплину, либо как составную часть **лингвистики креатива** – научного направления, в становлении и развитии которого приняли активное участие ученые из Екатеринбурга во главе с Т. А. Гридиной. Лингвистика креатива, или креативная лингвистика, изучает «творческое использование языковых средств в различных дискурсивных практиках, а также пути и способы формирования лингвокреативного мышления» (Копнина 2014: 272), исследует «деканонизированное речевое по-

ведение языковой личности в свете дихотомии «системное – асистемное (аномальное)», уделяя особое внимание описанию стратегий речетворчества как многофакторных процедур моделирования и дешифровки нестандартного кода интерпретации знака» (Устинова 2018: 213). В рамках лингвистики креатива разрабатывается особый раздел – креативная грамматика, «в которой как единый комплекс могут быть представлены изобразительные и оценочные ресурсы морфологии, словообразования и синтаксиса в рамках продуктивных моделей языка. Такая грамматика является важной составляющей лингвистики креатива» (Ремчукова 2009: 246). Одной из основных задач, стоящих перед креативной грамматикой, является описание креативного потенциала грамматических категорий (Богатырева 2008: 3).

Включенное в состав названия дисциплины понятие *креатив* требует конкретизации, поскольку в лингвистике представлены различные толкования этого термина. В антропологической интерпретации *креатив* предстает в качестве «личностного начала в разного рода креативных или творческих процессах и личностного потенциала в креативной или творческой деятельности» (Зыкова 2017: 549) и рассматривается как синоним лексем *творец, креатор*. В типологии языковых личностей, основанной на соотношении нормы и креативности, выделяются лингвонормативы и лингвокреативы: если в структуре лингвонормативов преобладает регулятивный подход к использованию языковых средств и к коммуникации в целом, то в структуре лингвокреативов доминирует «творческий подход к употреблению языкового материала и коммуникации» (Седых 2005: 13).

В ином понимании креатив противопоставляется творчеству как феномен массовой коммуникации, ориентированный на прагматику адресата и ставящий своей целью создание успешного бренда, в то время как творчество связано с межличностной коммуникации и прагматикой субъекта (Фещенко 2008: 147). Оппозиция креатива и творчества включается в такой ряд дихотомий как массовое и индивидуальное, стандартное и необычное (Векшин 2018: 50),

тиражируемое и уникальное. Основной сферой функционирования креатива в таком понимании становится рекламный дискурс.

С другой стороны, креатив соотносится с креативностью: «под *креативностью* понимается сам процесс речетворчества, а под *креативом* – его результат» (Ремчукова 2016: 160). Т. А. Гридина считает данные понятия «содержательно соотносительными применительно к проявлению творческого потенциала личности (в том числе в сфере языкового творчества). Пространство языкового креатива обнаруживается в разных видах лингвокреативной деятельности носителей языка, проявляя инициативу языковой личности как в создании «прецедентов новизны» (например, в сфере художественного творчества), так и в способности к реализации креативной идеи в прагматических целях (см., например, применение креативных языковых «техник» в сфере рекламной коммуникации и т. п.). Это дает основания для выделения лингвистики креатива как области изучения разных форм проявления вербальной креативности» (Гридина 2013: 5–6). Таким образом, креатив охватывает все области проявления речетворческой деятельности носителей языка, и, как следствие, в исследованиях по лингвистике креатива «описываются «креативные языковые техники» в повседневной речи, художественном творчестве, рекламе, в СМИ и др. сферах функционирования языка» (Копнина 2014: 272).

Центральным понятием лингвистики креатива является *языковая игра*, в которой исследователи видят наиболее очевидное проявление лингвокреативности (Писанова 2011: 91). Лингвокреативность и языковая игра рассматриваются как соположенные, но не тождественные феномены: «Игровая составляющая не исчерпывает диапазона креативных практик личности в разных видах деятельности, в том числе и речевой. Вместе с тем креативность – обязательная составляющая языковой игры как особой формы адогматичного речевого поведения» (Гридина 2020: 14). Выделяются следующие отличительные особенности языковой игры: 1) наличие эстетической составляющей; 2) частая сопряженность с комическим эффектом;

3) обоснованность внутренними свойствами самого языка (Норман 2006: 7–10). Языковая игра определяется как форма «деканонизированного речевого поведения говорящих, реализующая прагматические задачи коммуникативного акта с установкой на творчество (творческое использование языковых ресурсов, новая речевая комбинация языковых средств» (Гридина 1996: 7). Эксплуатация асимметричного дуализма языкового знака и нарушение системных отношений между знаками признаются основными механизмами реализации языковой игры. Будучи формой лингвокреативного мышления, языковая игра «заключается в активизации креативных факторов речемыслительного процесса, требующих и от отправителя сообщения, и от интерпретатора способности к комбинированию элементов уже известного знания на ассоциативной основе в новые ассоциативные системы, которые отвечают условиям функционирования слова в игровом поле» (Там же: 193). Под игровым полем понимается нестандартный ассоциативный контекст интерпретации языкового знака. Основной функцией языковой игры Т. А. Гридина считает эвристическую, активизирующую способности субъекта речи к постановке и решению нестандартных лингвистических задач.

Единица лингвокреативности обозначается термином *игрема* или *игровая трансформация*: «Мы предпочитаем употреблять термины *игрема* и *игровая трансформация* как мотивационно прозрачные в плане их содержательной наполняемости и соотносительные именно с игровым креативным дискурсом (преднамеренной интенцией к использованию кода языковой игры). *Игровая трансформация* – наиболее универсальный термин для обозначения «продукта» языковой игры как семантической и/или формальной трансформации (обновления) некоего исходного языкового материала» (Гридина 2012б: 273).

Для именованного субъекта языковой игры используется латинское выражение *homo ludens*: «Под этим термином понимаем языковую личность, способную (проявляющую склонность) к использованию в своей речевой деятельности кодов (разных видов) языковой игры (с выделением игровой до-

минанты)» (Гридина 2013: 13). В трудах по лингвистике креатива представлена классификация *homo ludens*: «игрок-имитатор и игрок-стилизатор (способные проявлять себя в гротескной, гиперболизированной и при этом узнаваемой трансляции обыгрываемых черт чужой речи как индивидуумов, так и социальных групп, субкультур и даже литературных стилей); игрок-интерпретатор (придающий новый смысл или коннотации уже существующим вербальным знакам, способный к созданию оценочных импликаций, эффекта неоднозначности / смысловой многослойности слова, фразы, текста); игрок-генератор (создатель словотворческих, формообразовательных, фразеологических новаций; характерной чертой проявления креативности данного типа личности является оригинальность, деавтоматизирующая стереотипы речепорождения и речевосприятия)» (Гридина 2013: 16–17).

Многочисленные исследования реализации творческой деятельности субъекта в художественной речи демонстрируют тесную взаимосвязь лингвистики креатива и лингвопоэтики. «Лингвистика креатива рассматривает художественный текст как некое экспериментальное пространство, обнаруживающее писательские эвристики (особое чутье слова) и преднамеренное «обновление» формы и содержания вербальных знаков, создающее эстетически значимый эффект их интерпретации (собственно авторское миромоделирование)» (Гридина 2012б: 272).

В то же время лингвистика креатива обращена к тем текстам, в которых эстетическая функция уступает место прагматической. По отношению к ним используется термин «творческий текст»: «Под «творческим текстом» мы понимаем высказывание или несколько высказываний, представляющих собой минимальный контекст с точки зрения проявления речевого замысла, который включает в фокус говорящего привычные языковые механизмы (в нашем случае – грамматические), но в аспекте их нарушения, интеллектуальной или эмоциональной оценки, толкования или метафоризации. результатом этих «операций» становится языковая игра, языковая рефлексия, языковой

эксперимент, различные типы грамматической комбинаторики, метафора» (Ремчукова 2005: 44), а также «текст с креативным заданием»: «...в отличие от художественных, существуют и такие тексты, которые, будучи экспрессивными, в то же время не обладают образностью в широком смысле, не создают подлинных художественных образов; именно применительно к ним мы и предлагаем термин *тексты с креативным заданием*» (Крылова 2013: 23).

В исследовательском поле лингвистики креатива значительное место занимает рекламный дискурс: «Стереотипность и креативность – важные характеристики рекламного творчества, которые отнюдь не противопоставлены друг другу, поскольку в современном рекламном тексте представлены в равных пропорциях» (Ухова 2012: 163). При этом «понятие креативности в языке рекламы связано с использованием языковых единиц в определенных условиях односторонней коммуникации для успешной реализации языковой игры между автором рекламного текста и реципиентом» (Ильцова, Амири 2013: 37). Примером реализации лингвокреативной деятельности в рекламе может служить языковая игра с фразеологическими единицами, «апелляция к их семантике с целью формирования нового эмотивного опыта в потребительской среде, что является своего рода языковой стратегией в современной рекламе» (Амири 2019: 25). В речетворческом аспекте исследуется нейминг как «сфера рекламной коммуникации, которая позиционируется именно как «искусство создания имен» (Ремчукова 2016: 158).

Большое внимание уделяется анализу лингвокреативной составляющей медиатекстов, позволяющему обнаружить такие креативные тенденции развития современного медиадискурса, как полисеманτικότητα, интертекстуальность, дефразеологизация, потенциальное и окказиональное слово- и формообразование, графогибридизация (Ремчукова 2013: 86).

Для лингвистики креатива характерен интерес к детской речи, поскольку именно «здесь механизмы конструктивного (продуктивного) языкового мышления высту-

пают в «обнаженном» виде демонстрируя способность ребенка выводить некие алгоритмы пользования языком по принципу спонтанных и осознаваемых аналогий» (Гридина 2012а: 31). В детской речи наблюдается превалирование генеративной стратегии использования языка над репродуктивной. Интерес к детским речевым инновациям вписывается в общее направление языковедческой мысли, восходящее к идеям В. Гумбольдта о творческой природе языка (Цейтлин 2012: 49). Исследования детской речи позволяют установить связь между лингвокреативностью языковой личности и вариативностью речевого онтогенеза (Доброва 2012: 47).

В состав объектов лингвокреативных исследований входит и разговорная речь: «Под креативом разговорного дискурса справедливо понимают творческое начало, эвристичность, противостояние автоматизму, банальности, что свойственно далеко не только языку поэзии или, шире, художественному дискурсу, но в определенной мере свойственно и всем иным дискурсивным практикам, в том числе разговорной» (Харченко 2012: 147).

Интернет-пространство открывает широкие перспективы для изучения проявлений лингвокреативной деятельности, которая приобретает массовый характер. Всплеск речетворческой активности в интернете обусловлен целым рядом причин, как лингвистических, так и экстралингвистических: «Это и прагматически обусловленное стремление всех разновидностей массмедиа в полной мере использовать механизмы лингвокреативности для оптимизации речевого воздействия (сфера профессиональных компетенций), и та вербальная свобода, которая царит в интернете (она порождает как массовый, так и индивидуально-авторский «креатив»), и общий настрой русского человека, «наивного лингвиста», на языковое творчество, и целый ряд других причин, которые могут стать предметом отдельного социо- и психолингвистического исследования» (Ремчукова 2016: 159). Интернет-коммуникация рассматривается как «специфическая коммуникативная среда, которая способствует как существенному количественному скачку инновационных явлений языка, так и по-

вышению их качественного разнообразия» (Радбиль 2020: 299). В основе лингвокреативного потенциала интернет-среды лежат ее конституирующие признаки: «иллюзорность интернет-пространства, высокая скорость продвижения коммуникации, ее интерактивный характер и неограниченность в использовании языковых средств. Гибридный устно-письменный характер интернет-коммуникации способствует использованию многих приемов языковой игры» (Викторова 2018: 296). В интернет-пространстве формируются новые жанры, расширяющие возможности креативного использования языка и спектр приемов языковой игры, что может быть наглядно продемонстрировано на примере жанра демотиватора (Иссерс 2012: 118). По мнению исследователей, «инновации в русском языке интернета отражают общие для активных процессов в среде мировой интернет-коммуникации тенденции, которые связаны с активизацией игрового, лингвокреативного начала, с установкой на карнавализацию и несерьезное отношение к жизни, с некой эстетикой виртуализации реальности, а с другой – они демонстрируют существенный креативный и экспрессивный потенциал именно русского языка наших лет, являются залогом его дальнейшего обогащения и развития» (Радбиль 2020: 326).

О широте пространства языкового креатива свидетельствуют исследования таких его областей, как, например, русский рэп: «Рассмотрение феномена креативности с позиций лингвистики будет неполным без обращения к такой молодой культуре, какую представляет собой русский рэп, где креативность оказывается культуuroобразующим моментом» (Шмелева 2009: 176).

Изучение реализации лингвокреативности в различных дискурсивных практиках сопряжено с выявлением доминантных креативных стратегий и приемов: «Стратегии речевого поведения в целом можно рассматривать как лингвокреативную деятельность, так как они реализуются путем тактического выбора» (Иссерс 2009: 217). Одной из ведущих стратегий активизации лингвокреативности в дискурсе выступает стратегия деавтоматизации, включающая «набор коммуникативных тактик, которые выделяются

в соответствии с языковыми приемами, или маркерами лингвокреативности. В отношении дискурсов активного воздействия выделяются следующие тактики: деконвенционализация, компрессия, поликодовость, межъязыковое взаимодействие и межмодусная мобильность» (Соколова 2019: 242–243). Как креативная стратегия анализируется рефрейминг (рефреймирование) (Иссерс 2009: 218). Значительное внимание уделяется исследованию кодовых переключений как особой стратегии, обладающей значительным лингвокреативным потенциалом (Маркелова 2011: 364). Кодовые переключения «определяются как: основа моделирования идеологического смысла или образной системы произведения; факт творческого языкового взаимодействия; один из способов обнаружения рефлексии лингвокреативного мышления автора; инструмент словесной игры; креативная стратегия; творческий аспект двуязычия; средство или способ создания шуток и каламбуров» (Зыкова 2019: 217). В качестве креативной стратегии рассматривается авторский маскарад, предполагающий использование автором речевых масок для достижения разнообразных стилистических эффектов (Шмелева 2012: 239). Выделяются ведущие лингвокреативные приемы, выступающие маркерами лингвокреативности: каламбуры (Шмелева 2019: 259), «неологизмы и окказионализмы, аграмматизмы, дисграфия и другие нарушения языковой нормы, конструкции с многоточием, транспозиция глагольных форм, эллипсис, зачеркивание, поликодовые сообщения» (Соколова 2019: 243) и др.

Активная разработка теории и практики лингвокреативности ведется коллективами ученых в рамках научных проектов. Возглавляемая И. В. Зыковой группа исследователей, в которую вошли В. З. Демьянков, Е. В. Захаркив, М. И. Киосе, С. С. Кулиджанян, О. В. Соколова, А. А. Степанова, В. В. Фещенко, Е. С. Шмелева, реализует проект «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке» (2019–2021). Целью проекта является контрастивное параметрическое исследование креативного потенциала различных видов дискурса – медиадискурса (включая политический дискурс), дискурса

игрового кино, рекламного дискурса, интернет-дискурса, дискурса детской литературы, авангардного художественного дискурса, научно-фантастического дискурса, эпистолярного дискурса – в русском и английском языках, а также анализ механизмов воспроизводимости и стереотипизации. Уровни анализа задаются соответствующими параметрами: внешними (макродискурсивными), внутренними (микродискурсивными) и междискурсивными.

Разработанный алгоритм оценки степени лингвокреативности того или иного дискурса и языка в целом дает возможность разграничить креативные и некреативные языковые и дискурсивные феномены; построить шкалу дискурсов по степени их лингвокреативности; выявить креативные явления, которые характерны для разных языковых уровней и присущи в разной степени анализируемым типам дискурса.

Лингвокреативность рассматривается в широком социокультурном контексте как фактор воздействия (включая манипулирование) на индивидуальное и общественное сознание носителей русского и английского языков.

В Институте языкознания Российской академии наук участники проекта дважды провели научную конференцию «Дискурс и язык в эпоху “больших данных”: лингвокреативные пределы и возможности». На первой конференции (14–15 октября 2019 г.) «обсуждались проблемы лингвистической креативности в дискурсах разного типа, современная методология изучения языковых девиаций, философско-семиотические основания и когнитивные механизмы дискурсивной креативности, языковое творчество в диахроническом измерении, а также в поликодовом дискурсе и мультимодальной коммуникации, корпусный и компьютерный подходы к анализу динамики языковых новаций» (Маслова, Танхилевич 2021: 215).

На второй конференции (16–17 сентября 2021 г.) предметом научной дискуссии стали проблемы терминологического определения лингвокреативности и ее отношения к норме (Е. Г. Беляевская); креативная природа мультимодальной метафоры (Е. Е. Голубкова,

М. П. Таймур); креативность речи о возможном и о вероятном (В. З. Демьянков); лингвокреативный потенциал дискурсивных слов в современной поэзии (Е. В. Захаркив); лингвокреативное моделирование кинопроизведений (И. В. Зыкова); кросс-модальная иконичность (О. К. Ирисханова); манипулятивность и креативность в политическом дискурсе (Е. Л. Кабахидзе); конвенциональность и интенциональность лингвокреативности в дискурсе детской литературы (М. И. Киосе); креативная воспроизводимость фразеологических единиц и прецедентных феноменов (С. С. Кулиджанян); языковая и дискурсивная креативность в поэтическом и рекламном дискурсах (О. В. Соколова); лингвокреативность в эпистолярном дискурсе (А. А. Степанова); параметры языковых новаций в художественных и научных текстах эпохи русского авангарда (В. В. Фещенко); креативность медийного дискурса (Е. С. Шмелева) и др. (аннотации докладов конференции размещены на сайте ИЯ РАН. URL: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2021/2021_discourse_big_data_abstracts.pdf).

Научный коллектив, возглавляемый М. В. Ивановой, в составе Н. И. Клушиной, С. Ф. Барышевой, Л. Т. Касперовой, Н. В. Смирновой, осуществляет разработку проекта «Креативная функция языка в интернет-коммуникации» (2020–2022). Цель проекта – выявить и описать особенности интернет-коммуникации как коммуникации нового типа, в которой наиболее полно реализуется креативная функция языка. Лингвокреативный подход позволяет непротиворечиво описать функционирование языка в интернете и объяснить наблюдаемые и неоднозначно оцениваемые исследователями (как новации или как деструкции) процессы в языковой системе, происходящие под влиянием интернет-среды. В ходе исследования очерчено проблемное поле современной интернет-стилистики, основу которой составляет креативное использование языка в коммуникативном пространстве интернета (М. В. Иванова, Н. И. Клушина). «Мы наблюдаем, как интернет способствует формированию новых языковых явлений, которые апробируются, шлифуются,

отсеиваются или, наоборот, входят в узус. Интернет-коммуникация берет на себя основную роль по формированию новых языковых и жанрово-коммуникативных норм современного русского языка – ту роль, которую ранее выполнял язык художественной литературы. Креативная функция языка в интернете главной силой, воздействующей на динамику современной нормы языкового употребления» (Иванова, Клушина 2021: 60).

В рамках проекта изучаются креативные возможности интернет-коммуникации, обусловленные ее устно-письменным характером (С. Ф. Барышева). Установлено, что имитация устности в интернет-общении направлена не только на максимальное приближение коммуникации в интернете к разговорности в оффлайн-общении, но и на языковую игру, эмоциональность, обновление графического кода с помощью эмодзи (эмодзи в значении финальных знаков препинания – точки, восклицательного знака и др.). Отмечено, что «в «письморечи» интернета графически выражены преимущественно два просодических параметра: тембр и логическое ударение, с функцией соответственно выразить эмоциональное состояние человека и обозначать логический центр фразы» (Барышева 2021: 43). Выявлена такая особенность интернет-текстов, как контаминация способов передачи просодики прозаической речи и драматической: «Яркий пример – ремарки как черта драматического текста в повествовательной структуре интернет-текста (передают степень громкости и тембровой окраски голоса)» (Там же: 44).

Креативная функция языка исследуется и на материале неологизмов-заимствований (Л. Т. Касперова), демонстрирующих имманентную связь креативности и новизны. Проанализированы основные функции неологизмов в медиаречи: креативизация, интеллектуализация, воздействие, продвижение, а также особая функция интернет-коммуникации – компенсаторная как способ снятия стресса и выражения эмоций. В качестве основных способов создания коннотативного значения у нейтрального слова в интернет-коммуникации рассмотрены: «а)

контекстное окружение оценочного (воздействующего) характера (слова с денотативной или коннотативной позитивной / негативной оценкой, слова с косвенной оценкой; императивы; акциональные глаголы; включение в прецедентные тексты; метафорические контексты и пр.); б) невербальные средства воздействия (фотографии, аудио- и видеоролики), вызывающие положительный эмоциональный отклик аудитории; в) агрессивная частотность употребления лексической единицы в СМИ, рекламе, PR в определенном оценочном окружении» (Касперова 2021: 449).

В ходе реализации проекта было проведено исследование креативного потенциала и нарративной специфики мультимедийной истории как нового формата медиатекстов, представленного комбинацией различных способов кодирования информации: письменного текста, фотографий, видео, аудио, анимированной графики (Н. В. Смирнова). Отмечено, что «интерактивность мультимедийной истории предполагает активность адресата в процессе восприятия материала: отсутствие жестко структурированного повествования предоставляет адресату свободу выбора в продвижении через элементы мультимедийной истории. Креативный потенциал мультимедийной истории обусловлен интеграцией технологий и творчества, полифоничностью как на уровне формы, так и на уровне содержания» (Смирнова 2020: 281). Рассмотрены особенности мультимедийной презентации ведущих нарративных категорий и доминантные приемы иммерсивного повествования, включающие детальную реконструкцию сцен, структурирование хронологической последовательности событий и смену точек зрения, и реализующиеся за счет интеграции вербальных и невербальных элементов.

Интенсивное изучение лингвокреативности во всех ее проявлениях – одна из характерных черт исследовательского пространства современного русского языкознания. Интеграция различных концепций лингвокреативности способствует их взаимному обогащению и обеспечивает понятию лингвокреативности статус одной из доминантных метаязыковых единиц.

Литература

1. Абдуллаева Ч. Б. Лингвокреативность в контексте антропоцентризма // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7. – №3. – С. 375–379.
2. Азарова Н. М. Рождение и творчество // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: Материалы конференции. – М. – Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2008. – С. 148–163.
3. Азарова Н. М. Креативность как слово и как концепт // Критика и семиотика. – 2014. – № 2. – С. 21–30.
4. Азарова Н. М. Уйдите, нет, оставайтесь: динамика взаимодействия концептов «творчество» и «креативность» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 7. – С. 35–48.
5. Амири Л. П. Анализ лингвокреативной деятельности в рекламном дискурсе на примере окказиональных фразеологизмов // Настоящее и будущее стилистики: сб. научных статей Международной научной конференции (13-14 мая 2019 г.). – М.: ФЛИНТА, 2019. – С. 25–31.
6. Базилевич В. Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 8 (50): в 3 ч. – Ч. III. – С. 20–22.
7. Барышева С. Ф. Устно-письменная форма речи в интернет-коммуникации как проявление тенденции к разговорности и диалогичности // Мир лингвистики и коммуникации (электронный научный журнал). – 2021. – № 2. – С. 34–47.
8. Богатырева О. Л. Креативный потенциал категории рода в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 200 с.
9. Векшин Г. В. Фоносиллабема – элементарная операциональная единица творческой языковой способности (поэзия, детская речь, языковая игра) // Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. – С. 48–74.
10. Вепрева И. Т. Креатив *креатива*, или о функционировании лексемы *креатив* в современном русском языке // Лингвистика креатива –1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 112–123.
11. Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // Жанры речи. – 2018. – № 4 (20). – С. 294–303.
12. Вознесенская И. М. «Креативность» в языке и тексте (обзор) // Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности: материалы докладов и сообщений XXIV международной научно-методической конференции. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та технологии и дизайна, 2019. – С. 17–21.
13. Вторая международная научная конференция «Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: лингвокреативные пределы и возможности». 16–17 сентября 2021. URL: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2021/2021_discourse_big_data_abstracts.pdf.
14. Гермашева Т. М. Лингвокреативный дискурс: к постановке проблемы // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3–4 (24–25). – С. 166–172.
15. Горбунова Н. Г. Языкотворчество Джеймса Джойса: словообразовательный аспект (на примере романа «Улисс»). URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/yazikotvorchestvo-joysa-slovoobrazovatelnyy-aspekt.htm>.
16. Григорьев В. П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979. – 344 с.
17. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.

18. Гридина Т. А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012а. – С. 5–32.
19. Гридина Т. А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012б. – С. 272–288.
20. Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива – 1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 5–58.
21. Гридина Т. А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности // Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. – С. 11–39.
22. Гридина Т. А. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива – 5: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2020. – С. 14–60.
23. Гридина Т. А., Пипко Е. И. Экспериментальное исследование вербальной креативности: словотворчество и речепорождение // Филологический класс. – 2012. – №3 (29). – С. 12–18.
24. Демьянков В. З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством. Сборник докладов международного научного семинара / отв. ред. Н. А. Фатева. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. – С. 11–19.
25. Доброва Г. Р. Креативность языковой личности в аспекте вариативности речевого онтогенеза // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 33–48.
26. Заботкина В. И. Креативность в лексиконе; взаимодействие когниции и коммуникации // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Вып. 2. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – С. 22–25.
27. Заботкина В. И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII. Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 208–216.
28. Зыкова И. В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – С. 136–151.
29. Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: КОНСТАНТЫ и ВАРИАНТЫ. – М.: Гнозис, 2017. – 752 с.
30. Зыкова И. В. Code-switching как когнитивный прием реализации лингвокреативности в комедийном кинодискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII. Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 216–228.
31. Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 26–40.
32. Иванова М. В., Клушина Н. И. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 54–62.
33. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 296 с.
34. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 332 с.

35. Ирисханова О. К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С.158–171.
36. Иссерс О. С. Стратегия рефрейминга в аспекте лингвокреативной деятельности // Лингвистика креатива –1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд.– Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 216–229.
37. Иссерс О. С. Лингвокогнитивные игры в пространстве Интернета: от смешного до серьезного // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 101–120.
38. Касперова Л. Т. Коннотации новейших заимствований в интернет-пространстве // Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия. Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е. Л. Вартанова, Я. Н. Засурский. – М.: Фак. журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. – С. 448–449.
39. Киосе М. И. Параметрическая оценка лингвистической креативности текстов детской художественной литературы: возрастной критерий // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 228–239.
40. Киосе М. И. Векторные модели лингвокреативности как инструмент оценки вариативности дискурса // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С.113–129.
41. Копнина Г. А. Лингвистика креатива // Эффективное речевое общение (базовые компетенции).
42. Словарь-справочник / под редакцией А. П. Сковородникова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 272–273.
43. Копнина Г. А., Сковородников А. П. Стилистика креатива и эколлингвистика: точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38). – Ч. 1. – С. 101–104.
44. Крылова О. А. Образность и тексты с креативным заданием // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 2013. – №3. – С. 21–25.
45. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М.: Изд. центр РГГУ, 1995. – С. 144–238.
46. Купина Н. А. Креатемы в речи детей // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 22–27.
47. Купина Н. А. Креативная стилистика // Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. – М.: Юрайт, 2013. – С. 298–410.
48. Купина Н. А. Креативная стилистика и креативные речевые технологии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 7. – С.131–143.
49. Лингвистика креатива: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. –Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2009. – 368 с.
50. Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – 378 с.
51. Лингвистика креатива-1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд.– Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – 368 с.
52. Лингвистика креатива-3: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. – 343 с.
53. Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. – 367 с.
54. Лингвистика креатива – 5: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2020. – 392 с.

55. Маркелова Т. И. Лингвокреативный потенциал переключения языкового кода в дискурсе // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 364–380.
56. Маслова А. К., Танхилевич А. Б. Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Пределы и возможности лингвокреативности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2021. – № 2. – С. 215–219.
57. Минюрова С. А. Человек: креативный и / или инновационный? // Лингвистика креатива – 1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 59–77.
58. Нагорная А. В. Грани и границы лингвокреативности: языковые эксперименты Стивена Кинга. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 312 с.
59. Ничипорович Е. А. Индивидуальное языковое сознание и национальная лингвоконцептосфера: метафоры креативного взаимодействия // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: Материалы конференции. – М. – Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2008. – С. 192–201.
60. Норман Б. Ю. О креативной функции языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / под ред. И. Т. Вепревой. – Екатеринбург: «Арго», 1997. – С. 165–174.
61. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.
62. Олянич А. В., Рыльщикова Л. М., Худяков К. В. Лингвoseмиотическая креативность научно-фантастического дискурса: монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2016. – 187 с.
63. Писанова Т. В. Смещение жанров в постмодернистской литературе: «Игра в классики» как роман-игра в идентичность // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 91–161.
64. Позднякова Е. М. Креативность действия в зеркале лингвокреативной деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 3. – С. 43–49.
65. Постовалова В. И. Вступительное слово: О внутринаучной рефлексии в гуманитарном познании (Пролегомены к металингвокультурологии) // Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: КОНСТАНТЫ и ВАРИАНТЫ. – М.: Гнозис, 2017. – С. 8–25.
66. Постовалова В. И. Философия и богословие творчества как концептуальное основание лингвокреативности в современном гуманитарном познании // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С. 130–141.
67. Радбиль Т. Б. Новые явления в языковой среде русскоязычного интернета: к проблеме семантического и прагматического освоения языковых инноваций в свете «лингвистики креатива» // Лингвистика креатива – 5: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2020. – С. 298–326.
68. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 329 с.
69. Ремчукова Е. Н. Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. – Тарту, 2009. – С. 303–316.
70. Ремчукова Е. Н. Грамматические категории в зеркале креативности // Лингвистика креатива – 1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013а. – С. 245–268.
71. Ремчукова Е. Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013б. – №2. – С. 83–89.
72. Ремчукова Е. Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 7. – С. 157–167.

73. Рыльщикова Л. М. Лингвосомиотическая креативность научно-фантастического дискурса: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2016. – 26 с.
74. Седых А. П. Этнокультурные характеристики языковой личности: на материале французской языковой личности: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2005. – 43 с.
75. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М.: Наука, 1983. – 320 с.
76. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 248 с.
77. Смирнова Н. В. Креативный потенциал мультимедийной истории // Сборник материалов IX Международной научной конференции Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. Москва, РУДН, 24-25 сентября 2020 г. / под ред. Т. Б. Назарова. – Т. 1. – М.: РУДН, 2020. – С. 280–281.
78. Соколова О. В. Маркеры лингвокреативности в рекламном дискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 239–246.
79. Соколова О. В. Дискурс-«логофаг»: границы лингвокреативности и стереотипности в рекламе // Критика и семиотика. – 2020. – № 1. – С. 114–142.
80. Степанова А. А. Лингвокреативность фразеологических единиц в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С. 142–151.
81. Устинова Т. В. Лингвокреативность смыслового восприятия окказионализмов в поэтическом тексте // Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. – С. 213–228.
82. Ухова Л. В. Стереотипность и креативность как ценные характеристики рекламного текста // Стереотипность и творчество в тексте: коллективная монография. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2012. – Вып. 16. – С. 154–166.
83. Фатеева Н. А. Языковая креативность: подступы к теме // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 7. – С. 13–28.
84. Фещенко В. В. Семиотика творчества и лингвистика креативности // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 143–150.
85. Фещенко В. В. Язык как творчество и творчество в языке: к истории лингвистической идеи // Критика и семиотика. – Вып. 17. – 2012. – С. 84–94.
86. Фещенко В. В. К ограничению понятия «лингвокреативность» и разграничению сфер его применения // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С. 152–168.
87. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.
88. Халеева И. И., Ирисханова О. К. Исследование языкового творчества: проблемы и дискуссии // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 5–17.
89. Халеева И. И., Ирисханова О. К., Волоскович А. М. Общесемиотические основания лингвокреативности // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 18–56.
90. Харченко В. К. Креатив разговорного дискурса серьезного // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 147–164.
91. Цейтлин С. Н. Детские инновации: к истории изучения // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 49–62.

92. Шилов Т. Б. Система развития вербальной креативности у школьников. – СПб.: ЛОИРО, 2018. – 108 с.
93. Шмелева Е. С. Лингвокреативность в аспекте стилистики: роль каламбура в стилистических конвергенциях (на материале англоязычных медийных заголовков) // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 258–266.
94. Шмелева Е. С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале *The Economist*) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18. – №. 3. – С. 78–86.
95. Шмелева Т. В. Русский рэп как пространство языкового креатива // Лингвистика креатива – 1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 176–193.
96. Шмелева Т. В. Авторский маскарад // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 238–258.
97. Шульга О. К. Вербальная креативность как составляющая языковых и речевых способностей // Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков: Материалы Республиканского научно-практического семинара с международным участием «Инновационные технологии в современной парадигме языкового образования», Минск, БГУ, 26–27 окт. 2012 г. / отв. ред. О. И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 13–16.

СТИЛИСТИКА И РИТОРИКА

- ◆ Кросс-дискурсивные взаимодействия
- ◆ Повестка дня
- ◆ Топосы
- ◆ Тропы
- ◆ Языковой вкус
- ◆ Эстетический канон
- ◆ Традиции риторической школы

Георгий Георгиевич Хазагеров:

«Если сравнить манипулирование с помощью тропов с манипулированием с помощью формирования повестки дня, то второе следует признать и более элементарным, и более эффективным».

«Топосы и тропы – инструменты формирования повестки дня и модулирования ее с учетом повестки второго уровня. С другой стороны, устойчивая повестка сама формирует общие места. И здесь встает вопрос о междискурсивных связях, потому что те же кирпичики, нагулявшие социальный вес в одном дискурсе, могут использоваться в другом. Хорошо укоренившаяся повестка дня служит аккумулятором общих мест и тропов, работает на социальное одобрение тропов».

«Повестка дня – категория дискурсивная, а не стилевая. Отдельные дискурсы обладают устойчивыми повестками дня. Однако существует возможность междискурсивного взаимодействия, которая осуществляется в ходе обмена топосами».

«Построение общей модели формирования повестки дня – актуальная, но трудная задача. Для ее решения необходимо выделить генеральные повестки для наиболее значимых дискурсов и показать главные пути междискурсивных заимствований общих мест».

Наталья Николаевна Василькова:

«Процесс осмысления стилистической системы русского литературного языка был особенно напряженным в послеломоносовский период. Становление отечественных стилистических традиций, несмотря на борьбу противоречивых мнений, отражавших не только различия вкусов, но и, в первую очередь, сложные языковые тенденции, продолжалось, упрочивалось и углублялось в работах его преемников и, прежде всего, в риториках и курсах словесности представителей Императорской Российской академии».

«В понимание объекта исследований привносились моменты, связанные с опосредованным восприятием эстетических и лингвистических представлений своего времени, характерными чертами которого являлись каноны русского классицизма. Вместе с тем классицизм со свойственным ему подражанием античным образцам, соблюдением правил в воспроизведении и отборе художественных форм, тяготением к регламентации приемов творчества как художественный метод на русской почве сохранил и элементы барокко. Сдвиги эстетических норм в рамках новых складывающихся направлений – сентиментализма и романтизма – отразились в риториках и курсах словесности, появившихся на рубеже XVIII – XIX вв. и ставших основой для дальнейшего развития стилистических концепций в отечественной словесности».

ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ: К ПОСТРОЕНИЮ ДИСКУРСИВНОЙ РИТОРИКИ И СТИЛИСТИКИ

Статья посвящена актуальной проблеме – формированию повестки дня. Обычно повестка дня не рассматривается в рамках стилистики и даже риторики. Между тем как средство формирования общественного сознания и средство манипулирования общественным мнением формирование повестки дня превышает по эффективности тропы и другие стилистические средства. В качестве подхода к решению проблемы выбран риторический дискурс-анализ. Особое внимание оказывается кросс-дискурсивным взаимодействиям. Прослеживается связь между тропами и повесткой дня. В статье впервые поднимается вопрос о валидности тропа.

Ключевые слова: повестка дня, тропы, топосы, кросс-дискурсивные взаимодействия.

Georgii G. Khazagerov

(Southern Federal University, Rostov-on-Don)

AGENDA-SETTING: TO THE CONSTRUCTION OF DISCOURSIIVE RHETORIC AND STYLISTICS

The article is devoted to an urgent problem – the problem of agenda-setting. Usually the agenda is not considered in the course of stylistics and even rhetoric. Meanwhile, as a means of forming public opinion and a means of manipulating public opinion, the formation of the agenda exceeds the effectiveness of the tropes and other stylistic means. Rhetorical discourse analysis was chosen as an approach to solving the problem. Special attention is paid to cross-discourse interactions. The article traces the connection between the tropes and the agenda. For the first time, the question of the social validity of the tropes is raised.

Key words: agenda, tropes, topoi, cross-discursive interactions.

Введение

Статья посвящена актуальной проблеме риторики, стилистики и дискурсологии – формированию повестки дня. В статье предлагается новый подход к проблеме, основанный на риторическом дискурсивном анализе и учете кросс-дискурсивного взаимодействия. Результатом исследования должна стать динамическая модель повестки дня.

Манипулирование с повесткой дня, или, если угодно, формирование повестки дня давно было в центре внимания риторики. Уже Квинтилиан говорил о так называемой инсинуации (от латинского слова «пазуха»), когда нужные факты «достаются из-за пазухи», а ненужные, напротив, прячутся. Правда, это применялось лишь в одном случае, когда «недостойный муж требует недостойного», а оратор вынужден защищать его позицию (Гаспаров 2000: 441). В двадцатом веке, едва заговорили о манипулировании общественным сознанием, как стали говорить и о формировании повестки дня (*agenda-setting*) (Lippmann 1920). В пятидесятые годы авторы писали, что большую часть информации люди получают из прессы (Verelson 1954: 234), а пресса формирует повестку дня. В шестидесятые годы американский политолог Бернард Коэн писал, что пресса не может достичь успеха, диктуя, как мыслить, но она диктует, о чем мыслить (Cohen 1963: 13). Исследования повестки дня активно велись и в конце двадцатого века (McCombs, Shaw 1972; Rogers, Dearing 1988). Но особенно активно повестку дня стали изучать в веке двадцать первом (Дьякова 2002; Бочкарев, Осминина 2011; Митрохина 2012). Внимание исследователей фокусировалось на политической повестке дня, что затемняло связь политического дискурса с другими. При этом предпринимались попытки «освежить» методы исследования, например, использовать метод риторической деконструкции (Ибарра, Китсьюз 2007).

Наш подход, однако, продиктован не столько поступившими в наше распоряжение новыми теориями, сколько длительным наблюдением над русской риторикой (убеждающей речью) от времен судебной реформы 1864 г. до наших дней. Этот подход осно-

ван на учете кросс-дискурсивных влияний и внимании к традиционным категориям риторической инвенции – топосам, а также тропам, которые могут выступать как средства риторической инвенции. Соотношение тропа с повесткой дня и социальная валидность тропа – отдельная тема нашей статьи и важная составляющая модели повестки.

Тропы как элемент инвенции.

Социальная одобряемость тропа

Сегодня под влиянием когнитивной парадигмы в лингвистике господствует точка зрения на тропы как на основное средство манипулирования или по крайней мере формирования общественного сознания. Тропы, в частности метафоры, рассматриваются как средства, предопределяющие не только ход нашей мысли, но и наше поведение. На эту тему написано астрономическое количество работ, инициированных когнитивной лингвистикой, в особенности же знаменитой работой Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона (Lakoff 1980). Известную роль сыграл и общий интерес к «картинам мира», к неогумбольдтианству и неопотебнианству, увлекавший ученое сообщество в конце двадцатого века. Таково было формирование повестки в нашем собственном дискурсе – научном. За скобками этой повестки («за пазухой») оставался вопрос о социальном одобрении или неодобрении метафоры.

Понятно, что научная метафора, интерес к которой также вырос в двадцатом веке, не нуждается в социальном одобрении. Она является самоценной в том смысле, что она либо продуктивна, либо непродуктивна. Например, планетарная модель атома представлялась продуктивной. В таком случае ценен сам ход метафорической мысли, фактура метафоры. Иное дело – метафора, функционирующая в социуме и претендующая на общественное влияние. В этом последнем случае вопрос о валидности метафоры является критичным. Здесь на судьбу метафоры влияет не столько ее фактура, сколько характер протекания коммуникации.

Сложившаяся в научном дискурсе повестка имеет свои объективные и субъективные резоны. К объективным относится успешный опыт манипулирования в услови-

ях тоталитаризма двадцатого века, а к субъективным – извинительная приверженность красивым теориям о всевластии языка, лестным для филолога. Иметь дело с метафорами приятнее, чем с какой-то скучной повесткой дня, где для лингвиста, на первый взгляд, интересной работы не остается.

Но успешный опыт тоталитаризма тридцатых годов сопровождался крайне благоприятной конъюнктурой: насаждение «новояза» происходило в период массовой урбанизации и массовой безграмотности – ситуации, при которой вместе с грамотой успешно внедрялась политграмота. Отметим, что такая конъюнктура встречается не каждый день, а экстраполяция ситуации на другие времена и приравнение обычного политического журналиста к тирану, опирающемуся на аппарат насилия, чревато большими натяжками. Насилие рекламы (коммерческой или политической) и насилие гестапо имеют разный характер. Вопрос в санкциях, которыми подкреплено насилие над языком и мышлением.

Ситуация тоталитаризма поддержала у нас ложное впечатление, что дело не в этих санкциях, а в удачно придуманной метафоре, которая направляет затем наше сознание. Момент социальной одобренности метафоры и ее валидности остается за скобками (не входит в повестку когнитивной парадигмы). Меж тем борьба за валидность метафоры как раз и имеет отношение к agenda-setting и стоит любой диктатуре значительных усилий, а населению крови и нравственных потерь. Вряд ли метафора ежовых рукавиц известного наркома или уподобление евреев крысам настолько ослепительны, что сами по себе становятся нашим социальным гидом. Как только Сталин убрал Ежова, метафора «Ежов своими ежовыми рукавицами так сдавил эту гадину, что из нее потекла коричневая юшка» немедленно потеряла свою силу, и сложно было представить себе человека, который бы употребил ее в публичном пространстве. Власть языка имеет свои границы.

Хорошим индикатором той роли, которую играет социальное одобрение тропа, является перифраз. Можно выбрать пейоративный перифраз («бессмысленная бойня»),

а можно мелиоративный («священная битва»). Журналисты так и делают, и это помогает им консолидировать свою аудиторию, сигнализировать о том, какая оценка санкционирована обществом, или государством, или просто той иной социальной группой. Но как средство манипуляции сознанием перифраз слаб. Достаточно взять его в иронические кавычки, чтобы он начал выражать прямо противоположную мысль, а затем уже в завышенном виде служить средством консолидации иной социальной группы с противоположными взглядами. Любая оппозиция охотно играет перифразами власти. Все это остается за пределами принятой сегодняшним лингвистическим сообществом повестки.

Не так давно было выработано представление о повестке дня второго уровня. Последняя учит не только тому, о чем надо думать, но и как об этом думать (Шипунова 2019). Вот тут и приходят на помощь перифразы и другие тропы, когда тема не просто «вбрасывается», но изначально нужным образом модулируется. Так тропы вносят свой вклад в формирование повестки дня. Кто, однако, наделяет тропы волшебной силой: процессы, происходящие в обществе, или априорные когнитивные структуры в индивидуальном мозгу?

У всякого человека – не только у лингвиста! – есть способность к метаязыку. Она позволяет демонтировать любую метафору, деавтоматизировать процесс ее восприятия. Отметим, что навязчивое употребление тропа, без которого невозможна пропаганда, как раз и способствует процессу деавтоматизации. В этом смысле успех превращается в отложенное поражение. Это подкреплено множеством прецедентов. Нет нужды их перечислять. Выходит, метафора может иметь свой жизненный цикл.

Если сравнить манипулирование с помощью тропов с манипулированием с помощью формирования повестки дня, то второе следует признать и более элементарным, и более эффективным. Когда ребенок начинает капризничать, взрослый отвлекает его внимание на внешние предметы, причем это однотипно происходит в разных культурах. «Вон птичка полетела» и есть базовая модель

формирования повестки дня, вполне вероятно, что базовая модель манипулирования вообще. Сперва надо заставить думать об определенном предмете, а потом уже модулировать мысль с помощью «повестки второго уровня». Попробуйте не думать о белой обезьяне! Вы можете не считать себя «ведьмой», но не сможете игнорировать то, что на вас объявлена охота. Евреи Третьего Рейха не считали себя крысами, а старая русская интеллигенция не считала себя гадиной, которую следует сдавить ежовыми рукавицами. Метафоры не оказывали фатального действия на сознание тех и других, но массовое одобрение этих метафор было зловещим симптомом.

Перед февральской революцией общество постоянно возвращалась к мысли о революции. Это касалось и власти. Сравнивали эволюцию и революцию, осуждали назревавшую революцию или одобряли ее. Когда общественное внимание было привлечено «к проблеме пола» («птичка», отвлекающая от революционной повестки), сразу несколько авторов отреагировали на это именно как на отвлечение. Дискурсы обладают инерцией, можно сказать, концентрацией.

Средства массовой информации, в том числе, конечно, пресса имеют здесь изначальное преимущество. Сегодня в этой роли выступает телевизор и другие экраны. Экрану не нужна концептуализация с помощью метафор. Зритель просто переносится в ту действительность, которую заказчик считает актуальной. Сегодня даже повестка второго порядка может формироваться чисто визуальными средствами. «Жертва телевиденья» в одноименной балладе Высоцкого видит то, что ему показывают, то, что выхвачено из огромного потока событий. Поэтому у него ударники хлебопекарни сосуществуют с не совсем понятными Никсоном и Помпиду. Но он знает, «что ищут таланты», и, уже попав в сумасшедший дом, все заступает за Анжелу Дэвис. Мне случалось писать о перераспределении роли тропов в связи с визуализацией культуры (Хазагеров 2018; Хазагеров 2019).

Топосы и формирование повестки дня

Топосы – это кирпичики, из которых и строится повестка дня. Однако категорию

«топос» редко применяют к исследованию повестки, как, впрочем, и в других актуальных исследованиях. Причина простая – эта категория не прояснена теоретически (Leff 2006). Но при инструментальном подходе к топосу, а о таком подходе писал еще сам Мишель Лёф, многие трудности снимаются. Я понимаю под топосом аспект, в котором разворачивается речь (Хазагеров 2017). Это одновременно и когнитивный, и коммуникативный инструмент – подсказка, как можно обсуждать или обдумывать ту или иную тему. В частном случае это общее место, некая расхожая истина. Но топосом можно считать и логические ходы, такие как «род и вид», «причина и следствие». Это топосы в классическом смысле. В указанной работе я пытался дать браунинг топосов, и это действительно трудно и, возможно, спорно, но сейчас нас интересуют не виды топоса, а понимание того, что они служат элементарными единицами для описания повестки дня.

Наблюдая работу с фокус-группами в ФОМе и ИНМЭ, я неоднократно был свидетелем того, как работают топосы. Так, когда обсуждался вопрос свободы слова журналистов, мгновенно всплыли два топоса противоположного смысла: «нельзя, чтобы каждый говорил, что хочет», «нельзя людям затыкать рот». Оба высказывания могли принадлежать и одному респонденту. Такие топосы служат дорожками, по которым развивается тема. И дело здесь не столько в метафорах («затыкать рот»), сколько в социальном одобрении и привычке. Отсутствие же готовой «дорожки» вызывает затруднение. Так, вопрос о независимых источниках информации предполагал выяснить отношение к разным источникам, независимым друг от друга: считает ли респондент необходимым обращаться к разным источникам? Вместо этого диалог вращался вокруг общих мест «журналист куплен», «журналист пишет не то, что думает», т.е. независимость понималась в привычном смысле: независимость журналиста. И всякий раз респонденты старались дать ответ, одобряемый, по их мнению, модератором. Этот феномен, впрочем, давно известен практикующим социологам.

Топосы и тропы – инструменты формирования повестки дня и модулирования ее

с учетом повестки второго уровня. С другой стороны, устойчивая повестка сама формирует общие места. И здесь встает вопрос о междискурсивных связях, потому что те же кирпичики, нагулявшие социальный вес в одном дискурсе, могут использоваться в другом. Хорошо укоренившаяся повестка дня служит аккумулятором общих мест и тропов, работает на социальное одобрение тропов.

Повестка дня и кросс-дискурсивные связи

Рассмотрим очень яркий и притом исторический пример кросс-дискурсивного взаимодействия в русской культуре.

Во второй половине девятнадцатого века в связи с появлением суда присяжных возник совершенно новый и притом институциональный дискурс: получило развитие судебное красноречие, которое до этого, по единодушному признанию, пребывало в зачаточном состоянии. Внутри этого дискурса возникла острая потребность в топосах, притом не только собственно в общих местах, но и в соответствующих логических ходах. В последнем приходилось ориентироваться на французскую судебную риторику, а вот в первом многое, если не все было заимствовано из русской литературы.

Обратимся к топосу «Влияние среды». Это было тем общим местом, которое возникло вначале в литературе и литературной критике, а затем стало почти неизменным атрибутом судебных речей. Достаточно вспомнить о литературной полемике между Добролюбовым и Достоевским (1861), состоявшейся до судебной реформы 1864. Впоследствии на этот топос опирался в своих обвинительных речах знаменитый судебный оратор А. Ф. Кони, и не менее известный защитник Ф. Н. Плевако. Затем, когда сам суд присяжных, стал предметом изображения для художественной литературы, этот топос «вернулся» к писателям и даже поэтам.

В свою очередь русский судебный дискурс оказал значительное влияние на возникшее вместе с Думой парламентское красноречие. Особенно сильно это влияние ощущается у думских ораторов либерального толка. К такому выводу я пришел, анализируя стенограммы думских речей, и отразил

его в связи с темой предпосылок тоталитарной риторики (Хазагеров 2012). Заимствовались общие места судебного дискурса и сам стиль, дотошный доказательный с акцентом на топос «причина и следствие», но мало пригодный для призывов. В то же время думские ораторы левого толка в формировании повестки опирались на общее место «классовые интересы», которое они позаимствовали из марксистской литературы. К семнадцатому году в думе можно было наблюдать борьбу общих мест. Это дает богатый материал для изучения междискурсивных влияний.

Для историка литературного языка, не опиравшегося еще на категорию «дискурс», каким был академик В. В. Виноградов, речь шла об «углублении национально-демократических основ литературного языка», «господствующем положении публицистических стилей» и т. п. (Виноградов 1982). Отметим, что именно судебный дискурс послужил плавильным котлом и передаточным звеном между тремя языковыми стихиями (живой речью, художественной литературой и литературным языком): к живой речи приходилось обращаться по ходу рассмотрения дела, художественная литература обильно цитировалась и постоянно присутствовала за кадром, а литературным языком был сам язык юриспруденции.

Но для нас речь идет не о лексике и стилях, а о топосах, вместе с которыми изменяется повестка дня, а значит, происходит глубочайшие социальные процессы, меняется картина мира.

После революции носителем кросс-дискурсивных влияний выступила экспансия пропаганды в сферу научного и судебного красноречия. Это был очень серьезный и недостаточно изученный процесс, при котором приемы эпидейктического красноречия (в данном случае пропаганды) использовались в полемических жанрах, таких, как научная дискуссия. Результатом было манипулирование с научной повесткой в таких областях, как генетика, моделирование и даже языкознание.

Моделирования повестки дня

Для построения универсальной модели повестки, годной для всякого дискурса, мы

пока не располагаем ни материалом, ни теорией, но на примере одного дискурса мы можем выделить основные элементы модели и выработать программу дальнейших исследований.

Мы предполагаем, что каждый дискурс, во всяком случае институциональный дискурс, обладает собственной генеральной повесткой дня. Для судебного дискурса такая повестка была размечена еще античной риторикой и называется она теорией статусов. Эта теория достаточно внятно изложена в цитированной выше работе М. Л. Гаспарова.

Существуют четыре статуса: статус установления («за несомненную величину принимается закон, а за сомнительную поступок», т. е. имел ли место поступок), статус определения («за несомненную величину принимается поступок, а за сомнительную закон», т. е. подпадает ли имевший место поступок под действие закона), статус оценки («за несомненные величины принимаются и закон, и поступок, а за сомнительную – мотивы, двигавшие обвиняемым», т. е. есть ли оправдывающие поступок мотивы), статус отвода (здесь сомнению подвергается перенос обвинения на новую почву», т. е. сюда относится, например, отвод судьи, как сопричастного преступлению) (Гаспаров 2000: 430–433). Эти статусы составляют фрейм генеральной повестки дня судебного дискурса.

Обратимся к примеру. Готовя защитительную речь по делу Веры Засулич, адвокат, в данном случае П. А. Александров, строит локальную повестку, соответствующую данному казусу, с учетом того, на уровне какого статуса он будет выстраивать свою речь. В этом конкретном случае адвокат включил в повестку дня практически исключительно статус оценки. Донором для топосов, на которые он опирался, послужили не судебные максимы, хорошо нам известные латинские выражения, а русская литература с ее темой «маленького человека». Силы борьбы этого человека с властью неравны, и он, по Александрову – и большинство разделяло это общее место – имеет моральное право угрожать власти, как Евгений памятнику Петру в известной поэме. Согласно такой трактовке, на чем и настаивал защитник, Засулич в собственном смысле слова не покушалась

на Трепова, а просто «произвела выстрел», т. е. осуществила жест Евгения из «Медного всадника». Здесь адвокат немного вторгается в статус установления. Другие общие места, как, например, нестерпимое чувство попранной справедливости в душе развитой личности, также напоминают сюжеты русской литературы, начиная с «Дубровского». Психологическая проработка характера, изображение характера в динамике, изображение среды, жизнь, загубленная смолоду – все это оттуда же.

У нас нет возможностей вдаваться в подробности и показывать роль логических топосов в этой же речи, например, дистинкции-диафоры: «стреляла в губернатора» или «произвела выстрел». Но мы видим общую схему: генеральная повестка – выбор нужного слота – привлечение общих мест.

Как быть с другими дискурсами? Например, с научным дискурсом, типологически тяготеющим к судебному красноречию, если вспомнить трихотомию Аристотеля.

Мы знаем, что такое научный стиль, знаем, чем продиктованы его стилиевые черты. Но мы не представляем себе генеральной повестки научного дискурса, не имеем аналога статусов. Задача построить такую повестку не представляется неразрешимой, но этим пока никто не занимался. Тоже и с другими дискурсами. Совершенно не описана универсальная повестка тех дискурсов, которым соответствует совещательное красноречие, дискурсов, связанных с принятием решения.

Общая схема, однако, понятна: от генеральной повестки к конкретной с заимствованием топосов из других дискурсов.

Выводы и перспективы

Формирование повестки дня – мощный способ речевого воздействия, значительно превосходящий в этом отношении тропы и другие риторические средства. Тропы вторичны по отношению к повестке, они ответственны лишь за ее «модулирование». При этом следует учесть, что сами тропы должны обладать определенной социальной одобряемостью. Такую одобряемость они поучают непосредственно под давлением социума или в силу привычки, узуса. Послед-

нее обстоятельство наводит на мысль, что повестки, функционирующие в обществе в течение длительного времени, способствуют закреплению тропов, делают их валидными. Повестка как бы влечет за собой тропы и топосы, из которых она была сформирована, делает эти тропы и топосы общими местами в полном смысле слова.

Повестка дня – категория дискурсивная, а не стилевая. Отдельные дискурсы обладают устойчивыми повестками дня. Однако существует возможность междискурсивного взаимодействия, которая осуществляется в ходе обмена топосами.

В отдельных случаях кросс-дискурсивное взаимодействие обретает системный характер. Это напоминает системный характер семантических переносов, когда для определенной группы лексики существует определенная донорская зона для метафор. Ска-

жем, группа глаголов движения, которые в переносном значении характеризуют движение мысли. То же происходит и с общими местами, только тут совершается не семантический, а скорее прагматический перенос: инструменты, которыми пользовалась литературная критика, становятся инструментами для формирования повестки дня в судебной речи и т. п.

Построение общей модели формирования повестки дня – актуальная, но трудная задача. Для ее решения необходимо выделить генеральные повестки для наиболее значимых дискурсов и показать главные пути междискурсивных заимствований общих мест.

Отдельный вопрос, требующий тщательного изучения и сулящий интересные перспективы, – вопрос о социальной валидности тропов.

Литература

1. Бочкарев А. Е., Осминина М. А. «Повестка дня» как средство манипулирования общественным сознанием: президентские выборы в Кот-д’Ивуаре // Политическая лингвистика. – 2011. – №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/povestka-dnya-kak-sredstvo-manipulirovaniya-obshchestvennym-soznaniem-prezidentskie-vybory-v-kot-divuare>.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII - XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
3. Гаспаров М. Л. Античная риторика как система // Михаил Гаспаров об античной поэзии. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 424–472.
4. Дьякова Е. Г. (2002) Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – 2002. – №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kommunikatsiya-i-vlast-v-teorii-ustanovleniya-povestki-dnya>.
5. Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. – С. 55–114.
6. Митрохина Т. Н. Политическая повестка дня для России в официальном дискурсе власти // Власть. – 2012. – №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-povestka-dnya-dlya-rossii-v-ofitsialnom-diskurse-vlasti>.
7. Хазагеров Г. Г. Риторика тоталитаризма. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2012. – 276 с.
8. Хазагеров Г. Г. Топосы в контексте преподавания и практического применения // Вестник Хакасского государственного ун-та им. Н. Ф. Катанова. – 2017. – № 19. – С. 49–54.
9. Хазагеров Г. Г. Тяжелые времена для метафоры // Русистика и компаративистика. – Вып. XII. – М., 2018. – С. 179–190.
10. Хазагеров Г. Г. Метонимия в медиадискурсе // Настоящее и будущее стилистики. Сборник научных статей международной научной конференции, 13–14 мая 2019. М.: Флинта, 2019. – С. 777–785.

11. Шипунова Т. В. Риторика агентов социального контроля в отношении профилактики противоправного поведения молодежи // *The Journal of Social Policy Studies*. – 2019. – № 17(4). – С. 525–538. URL: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-525-538>.
12. Berelson Bernard R., Lazarsfeld Paul F., and McPhee William N. *Voting*. – Chicago: University of Chicago Press, 1954. – 395 p.
13. Cohen Bernard C. *The Press and Foreign Policy*. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 298 p.
14. Lakoff G. and Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
15. Leff M. Up from Theory: Or I Fought the Topoi and the Topoi Won // *Rhetoric Society Quarterly*. – 2006. – Vol. 36. – № 2. – Pp. 203–211.
16. Lippmann W. A Test of the News // *The New Republic*. – 1920. – Vol. 33(2)
17. McCombs M., Shaw D. The agenda-setting function of mass-media // *Public opinion quarterly*. – 1972. – V. 36. – № 3. – Pp. 176–187.
18. Rogers E. M., & Dearing, J. W., *Agenda-setting research: Where has it been? Where is it going?* // Anderson J.A. (Ed.). *Communication yearbook 11*. – Newbury Park, CA: Sage, 1988. – Pp. 555–594.

Н. Н. Василькова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В РИТОРИКАХ И КУРСАХ СЛОВЕСНОСТИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

Процесс осмысления стилистической системы русского литературного языка был особенно напряженным в послеломоносовский период. Становление отечественных стилистических традиций, отражавших не только различия вкусов, но и сложные языковые тенденции, продолжалось и углублялось в работах его преемников и, прежде всего, в риториках и курсах словесности представителей Императорской Российской академии. Реформы затрагивали многие аспекты функционирования языка: эстетические каноны, репертуар выразительных средств, соотношение и взаимодействие различных лексико-стилистических пластов литературного языка.

Ключевые слова: стилистика, риторика, языковой вкус, эстетический канон, традиции риторической школы, литературное направление, стилистические средства.

Natalia N. Vasilkova

(Lomonosov Moscow State University)

STYLISTIC TRADITIONS OF THE ACADEMIC SCHOOL IN RHETORIC AND LITERATURE COURSES OF THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES

The process of comprehending the stylistic system of the Russian literary language was especially intense in the post-Lomonosov period. The formation of domestic stylistic traditions, reflecting not only differences in tastes, but also complex linguistic tendencies, continued and deepened in the works of his successors and, above all, in the rhetoric and language courses of the representatives of the Imperial Russian Academy. The reforms affected many aspects of the functioning of the language: aesthetic canons, the repertoire of expressive means, the relationship and interaction of various lexical and stylistic layers of the literary language.

Key words: stylistics, rhetoric, linguistic taste, aesthetic canon, traditions of the rhetorical school, literary direction, stylistic means.

Процесс осмысления стилистической системы русского литературного языка был особенно напряженным в послеломоносовский период. Становление отечественных стилистических традиций, несмотря на борьбу противоречивых мнений, отражавших не только различия вкусов, но и, в первую очередь, сложные языковые тенденции, продолжалось, упрочивалось и углублялось в работах его преемников и, прежде всего, в риториках и курсах словесности представителей Императорской Российской академии.

Императорская Российская академия была основана в 1783 г. Екатериной II по проекту графини Е. Р. Дашковой, которая стала первым ее председателем. Академия представляла собой сообщество ученых, ставивших задачи очищения, нормализации и упорядочения родного языка. Из работ, созданных членами Российской академии в конце XVIII – начале XIX вв. обращают на себя внимание несколько риторик, в которых рассматривались и решались актуальные в тот период вопросы русской стилистики. Императорская Российская академия была законодательницей в филологии. Те проблемы, которые ставились перед отечественной наукой, те задачи, которые выдвигались как насущные и неотложные, составляли ведущее направление в отборе тем и содержания филологических трудов.

Из наиболее интересных и глубоких работ академической школы прежде всего следует отметить риторику Амвросия «Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося» (М., 1778, изд. 2-е в 1791 г.). Амвросий Серебряников (в миру Авраам Никитич Серебряников, по некоторым источникам Серебряков, даты жизни: 1745 – 1792 гг.) был екатеринославским архиепископом, современникам он был известен также как писатель и переводчик. Будучи членом Российской академии, А. Серебряников принимал активное участие в ее деятельности: работая над созданием этимологического словаря, он помогал составителям своими замечаниями и дополнениями, так как подробно знакомился с материалами словаря и участвовал в обсуждении этих материалов. (См.: Сухомлинов 1874: 197).

В предисловии к своей «Оратории» Амвросий писал «Усердствуя общему наук российских благу, представляю любопытным сынам своего отечества краткое сие руководство к оратории», понимая под ораторией «искусство преклонять словом других к своему намерению» (Амвросий 1791: 1).

Книгу Амвросия справедливо считают наиболее характерной риторикой Ломоносовской школы, потому что в целом ряде принципиальных теоретических положений автор опирался на сложившуюся традицию. Вместе с тем в «Оратории» обращают на себя внимание некоторые принципиально новые положения.

Так, оригинален Амвросий в разработке родов и жанров ораторских речей, интересна его классификация видов тем в оратории, что в тот период имело несомненный практический смысл. Новизна «Оратории» Амвросия заключалась в том, что в составе речей разных родов он выделял особые жанры: «речи и слова похвальные или поносительные, жалобные, обличительные, повинные, оправдательные, просительные, поздравительные с браком, днем рождения, чином, победою, вступлением, благодарительные, надгробные» (Амвросий 1791: 32). С нормативной точки зрения интересны рекомендации Амвросия по поводу «поносительных речей»: «В поносительных речах и словах уменьшаем все, что есть похвально, а уважаем порочное; однако здесь не разумею я тех ядовитых и недостойных честного оратора сочинений, в которых злость превозмогает истину, но кои пишутся с довольным рассудком, совестно и великодушно» (Амвросий 1791: 40).

Раздел «О украшении», традиционный по композиции и содержанию, содержит более разработанный раздел о качествах речи, о чистоте языка и стиля, по сравнению с тем же разделом в «Риторике» М. В. Ломоносова. В отличие от Ломоносова автор придавал большое значение проблеме нормативного употребления: «Чистота штиля, – считал Амвросий, – требует чистых речений и употребительных выражений. Чистыя речения суть те, которые всеми одобрены, вразумительны и употребляются в важных сочинениях лучших наших писателей. ... Но нет ничего противнее, как читать некоторые

с иностранных сочинений переводы, в которых собственным языком наречия, по незнанию переводчиков, в русский язык вносятся противу правил грамматических» (Амвросий 1791: 108–109).

С точки зрения эволюции взглядов на систему выразительных средств особенно существенно то, что в «Оратории» была предложена двойная классификация фигур – обобщающая и конкретизирующая. Так, в классификации первой ступени (обобщающей) все фигуры «речений» разделены на пять групп на основании определенного признака. Например, первую группу составляют эллиптические фигуры (с недостатком речений) – типа фигур удержания, бессоюзия, умолчания. Во второй группе – фигуры с «избытком речений»: многосоюзиe, избытование и т. д. Вторая же ступень классификации (конкретизирующая), куда автор включил фигуры предложений, повторяет классификацию фигур М. В. Ломоносова.

Достоинством предложенной типологии фигур является ярко выраженное стремление к объединению сходных конкретных фигур в одну стилистическую категорию по определенному критерию.

В тексте «Оратории» сочетается анализ русских сочинений XVIII в. (Амвросий особенно широко цитировал произведения М. В. Ломоносова и других русских авторов) с положениями, почерпнутыми из риторик и речей греко-римской классики.

В целом же при написании истории отечественной стилистики представления Амвросия о стилистических категориях не могут не учитываться. «Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося» в свое время было широко известно и популярно: многие фрагменты из этой книги использовались в риториках и курсах словесности, написанных позднее. В частности, взгляды Амвросия на существующие «штиль» речи, жанры ораторских произведений оказали определенное влияние на последующие труды российских академиков.

Научные труды в области грамматики и риторики особенно высоко ценились в Императорской Российской академии, поэтому

именно авторы риторик, грамматик и поэтик удостоивались звания действительного члена академии. Так, Амвросий был удостоен этого звания спустя несколько лет после написания своей «Оратории». Незадолго до избрания в академики написали свои труды А. С. Никольский и И. С. Рижский.

Александр Сергеевич Никольский (1755 – 1834) в 1802 г. был удостоен звания академика за труды по логике, риторике и «Российской словесности». В 1810 г. Никольский был избран почетным членом Общества любителей словесности, наук и художеств. К тому же он был известен современникам и как переводчик, особенно популярным был его перевод Квинтилиана «Двенадцать книг риторических наставлений» (СПб., 1834). Первая краткая риторика А. С. Никольского (1 издание) вышла в свет в Москве в 1790 г. под названием «Краткая логика и риторика для учащихся в Российских духовных училищах», затем она была переиздана в 1803 г. Третье издание этой риторики вышло в составе книги «Основания российской словесности» (СПб., 1807 г.).

«Основания российской словесности» включили основные сведения по грамматике и литературе, а также были богато иллюстрированы многими примерами из русской поэзии XVIII – нач. XIX вв. Этот «учебник для морских училищ», за который Никольский был награжден бриллиантовым перстнем, выдержал 6 изданий и переиздавался без каких-либо изменений. Однако уже на 7-е издание (СПб., 1830) в «Московском телеграфе» (1830. Ч. 36. № 21. С. 72–79) появилась первая резкая рецензия, в которой труд Никольского оценивался как безнадежно устаревший и ставился вопрос о его замене.

«Основания российской словесности» представляют собой классический вид учебного руководства с простой и ясной подачей материала: слева на полях записываются вопрос или тема излагаемого параграфа, а сам параграф выстроен по образцу старинных учебных книг с определениями и примерами. Эта книга представляет собой одну из первых попыток объединения в составе полного учебного курса трех основных разделов словесности – грамматики, риторики и поэтики. «Дабы все, относящееся к словесности,

преподаваемо было по одинаковой системе» (Никольский 1807: 3).

Две части учебника – «Грамматика» и «Риторика» – объединены понятием *словесность*. И это можно считать новаторским подходом, ведь именно в его работе словесность понимается не только как некий способ выражать мысли словами, но и называется совокупностью наук. Так, А. С. Никольский пишет, что словесность содержит в себе две науки: грамматику, обучающую правильно-му употреблению слов, и риторику, показывающую способ, как располагать и изъяснять мысли. В рамках риторики автор рассматривает также искусство поэзии, что было новшеством для того времени, так как до этого риторика и пиитика мыслились совершенно иначе: риторика как словесная дисциплина, а пиитика как часть искусства.

Существенно, что лингвистическая деятельность А. С. Никольского велась в рамках провозглашенного Российской академией направления по совершенствованию и упорядочению отечественной терминологической системы в области стилистики.

Если в «Оратории» Амвросия целый ряд номинаций снабжен иноязычными эквивалентами типа *единоначатие* (*anaphora*), *определение* (*definition*), то в «Основаниях российской словесности» автор использует только отечественные термины, избегая употребления греческих или латинских терминов. Однако преобразование системы образно-выразительных средств не сводилось к только внешнему совершенствованию терминологической системы. Еще более значительна работа А. С. Никольского в области упорядочения самой системы выразительных средств и ее классификации. Например, по сравнению с риторикой М. В. Ломоносова, обращает на себя внимание не только оригинальная форма подачи материала и подборка иллюстративного материала, но и значительно большее количество стилистических приемов и более обширный репертуар. Изменения вносились автором в соответствии с особенностями общей грамматической концепции академика А. С. Никольского. Развитие грамматических положений в риторике продолжалось, сопровождаясь и дополняясь собственно риторическими

сведениями и правилами. Если в грамматической части книги не рассматривались вопросы синтаксиса, то в риторической части учебника содержалось детально разработанное учение о синтаксическом периоде. Аналогичный «грамматический» подход можно увидеть и в разделе о фигурах. Так, для А. С. Никольского были важны в первую очередь грамматически выраженные особенности фигуры, которые выступали в качестве организующего принципа ее построения.

Дальнейшая эволюция теоретических взглядов на стилистическую систему литературного языка XVIII – нач. XIX вв. прослеживается в известной риторике акад. И. С. Рижского. Член Российской академии И. С. Рижский в 1796 г. выпустил в свет «Опыт риторики» (2-е издание – 1805 г., 3-е издание – 1809 г.). В 1822 – 1823 гг. в Харькове после смерти автора третье издание было без изменений переиздано и называлось следующим образом: «Опыт риторики, сочиненный и ныне вновь исправленный и пополненный Иваном Рижским». Именно это издание было самым популярным: по нему учились студенты трех университетов страны: Московского, Казанского и Харьковского (подробнее об этом см: Сухомлинов 1889). Академик В. В. Виноградов высоко оценил труд И. С. Рижского с исторической точки зрения. Как считал В. В. Виноградов, учение о красноречии в этом труде обобщалось до «значения нормативной системы литературной речи» (Виноградов 1980: 100).

«Риторика» И. С. Рижского состоит из четырех частей. Первая часть озаглавлена «О совершенствах слова, которые происходят от выражений, или об украшении» и посвящена вопросам, связанным с чистотой русского языка, с отношением к двуязычию и правилам смешения славянской и русской речи, учению о тропах и стилистических фигурах. Вторая часть называется «О совершенствах слова, которые происходят от мыслей, или об изобретении». В третьей части «О расположении и о различных родах прозаических сочинений» представлена теория жанров прозаической литературы XVIII в. Четвертая часть «О слоге, или о совершенствах слога» имеет обобщающий характер и по перечню обсуждаемых вопросов сближа-

ется с практической стилистикой. В «Опыте риторики» И. С. Рижского предпринята попытка применить функциональный подход в учении о слоге, о жанрах литературной и разговорной речи, в осмыслении грамматических и стилистических норм. С позиций функциональной стилистики развивается теория экспрессивных средств языка. Анализ текста риторики И. С. Рижского убеждает в том, что представления о красноречии сместились, по сравнению с риториками его предшественников, в сторону решения стилистических проблем и правильности речи.

Вместе с тем красноречие как предмет риторики рассматривалось И. С. Рижским в русле традиционных для его времени представлений, подчеркивалась преемственность взглядов на те или иные положения учения о красноречии. Разделы риторики о «местах риторических», о «витиеватых речах», об «острых», «отважных» и «тонких» мыслях излагаются со ссылками на риторiku М. В. Ломоносова. В Ломоносове автор ценит не только теоретика отечественной словесности, но и блистательного практика. Одно из несомненных достоинств «Опыта риторики» Рижского – ее великолепные литературные иллюстрации. В риторике находим фрагменты из многих литературных произведений XVIII в. Хераскова, Петрова, Сумарокова, Дмитриева, Державина, Карамзина и др. Любопытен, в частности, пример, заимствованный из речи акад. Дмитриевского о Сумарокове – речи, которая считалась одной из самых блистательных академических речей конца XVIII в.

«Ломоносов гремел, Сумароков пел,
Ломоносов удивлял,

Сумароков искал нравиться,
Ломоносов дивен в изображении чудес,
Сумароков дивен в изображении граций;
Ломоносов употреблял громогласные трубы,
Сумароков арфы и свирели»

(Рижский 1809: 59–60).

В своем выборе примеров из литературы И. С. Рижский обнаруживал типичный вкус эпохи классицизма. Однако нельзя не заметить, что именно в этой риторике использование всего многообразного репертуара иллюстраций показало связь времен, хотя и весьма своеобразно. И. С. Рижский

несомненно был ученым, стремившимся быть на уровне своего века – и по своим общетеоретическим взглядам, и по знанию современной ему мировой и отечественной литературы. В литературном сообществе последней трети XVIII в. были особенно популярны энциклопедисты и Вольтер, которые оказывали большое влияние на взгляды русских писателей и ученых этого времени. Рижский широко цитировал французских авторов, приводил образцы их писем и рассуждений. При этом сам, находясь под влиянием складывающихся новых языковых норм, написал риторiku в легком, разговорном стиле. Однако, как только дело доходило до теоретических положений, касающихся искусства публичной речи, он оказывался во власти уже отступавших норм речевого выражения. Он рекомендовал писать, руководствуясь правилами прежней риторики, слогом усложненных риторических периодов, «разумноженных» и разукрашенных по правилам вкуса старых риториков. Например, развивая теорию риторического периода, автор рекомендует одно предложение: «Соблезнование утешает несчастного» – передавать целой страницей («большим смыслом»). В сочинении речей такого рода Рижский, как вспоминают современники, стяжал себе огромную славу. Вместе с тем при всей своей приверженности традиционным взглядам ученых Российской академии, И. С. Рижский отдавал должное наиболее прогрессивным литературным тенденциям. Показателен тот факт, что на страницах своей риторики в качестве образца разговорного слога были приведены «Письма русского путешествия» Н. М. Карамзина.

Научное осмысление стилистической системы русского литературного языка, предложенное М. В. Ломоносовым, в последней трети XVIII – нач. XIX вв. упрочивалось, развивалось и углублялось в работах его преемников и, прежде всего, в риториках Российских академиков. В понимание объекта исследований привносились моменты, связанные с опосредованным восприятием эстетических и лингвостилистических представлений своего времени, характерными чертами которого являлись каноны русского классицизма. Вместе с тем классицизм со

свойственным ему подражанием античным образцам, соблюдением правил в воспроизведении и отборе художественных форм, тяготением к регламентации приемов творчества как художественный метод на русской почве сохранил и элементы барокко. Сдвиги эстетических норм в рамках новых склады-

вающихся направлений – сентиментализма и романтизма – отразились в риториках и курсах словесности, появившихся на рубеже XVIII – XIX вв. и ставших основой для дальнейшего развития стилистических концепций в отечественной словесности.

Литература

1. Амвросий (Серебрянников). Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. – М., 1778; изд. 2-е. – М., 1791. – 183 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика и риторика. – М.: Наука, 1980. – С. 98–176.
3. Никольский А. С. Основания Российской словесности. – СПб., 1807. – 179 с.
4. Рижский И. С. Опыт риторики, сочиненный и вновь исправленный и пополненный. – М.: В Университетской типографии, 1809. – 381 с.
5. Сухомлинов М. И. История российской академии. Вып. I. – СПб., 1874. – 427 с.

ИНТЕРНЕТ-СТИЛИСТИКА

- ◆ Коммуникативный статус
- ◆ Медиасреда
- ◆ Stories
- ◆ Медиатизированное имя
- ◆ Мем
- ◆ Прагматилистические эффекты

Елена Владимировна Быкова:

«Коммуникативный успех *stories* предопределен не мастерством рассказчика, его стилистической филигранностью и уникальностью, а технологическим мастерством собственника аккаунта в социальной сети – главного персонажа. Распространение *stories* теперь предрешено пониманием алгоритма работы социальных сетей и правильной настройкой целевой аудитории. Это картина быстрого мира».

«Имена собственные под влиянием медиатизации становятся прецедентными именами, поскольку они связаны с широко известным текстом или ситуацией, потому становятся символами – некими эталонными ступенями определенных личностных качеств субъекта, вокруг которого образуется коммуникативное сообщество амбассадоров и хейтеров».

«Цифровой медиастиль как «сплав» нарративов, разворачивающихся в текстовом пространстве медиадискурса, трансформирует коммуникативный статус имени собственного, которое становится триггером и, как магнит, притягивает или отталкивает аудиторию».

«Технологический аспект в цифровой среде неотделим от понятия медиастыля, в котором создание контента проводится по базовым фреймовым нарративам (пропозициям), в котором имя собственное вбирает факт (номинация субъекта), событие (что с ним произошло) и оценку события (модальная рамка высказывания), а стилистические средства выполняют инструментальную функцию привлечения внимания для роста интернет-трафика».

Семен Валерьевич Лопухов:

«В случае с визуально-текстовыми мемами репликация выражается в наложении новых надписей на инвариантное изображение, у визуальных мемов изменяется само изображение, но с сохранением определенной основы, аудиальные мемы появляются в разных контекстах».

«Кроме трех обязательных прагматилистических признаков мемов (прецедентности, смехового потенциала и эмоциональности) мы выделили два факультативных (диалогичность и конфликтность), которые присутствуют не во всех мемах, однако их наличие в том или ином образе также способствует возникновению мема».

«Понимая под прецедентом *взаимосвязанный ряд знаков, обладающий известностью в рамках какой-либо национальной культуры или культуры мировой*, нельзя не заметить, что мемы во многих случаях содержат отсылки к различным культурным произведениям, прецедентам. В то же время мем является прецедентом сам по себе, даже если он не обладает связью с другими прецедентными текстами».

Е. В. Быкова
(Санкт-Петербургский государственный университет)

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СТАТУСА ТЕКСТА В ЦИФРОВОЙ МЕДИАСРЕДЕ: ОТ ИСТОРИИ К STORIES, ОТ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО К МЕДИАТИЗИРОВАННОМУ ИМЕНИ¹

Статья посвящена анализу трансформации коммуникативного статуса текста в целом и категории имени собственного в медиатизированное имя со значением события в цифровой медиасреде. В статье автор показывает, как технологический аспект оказывает влияние на трансформацию жанра истории в формат stories в онлайн-среде, концептуально отражающей картину мира современного человека.

Ключевые слова: трансформация, коммуникативный статус, медиасреда, stories, медиатизированное имя.

Elena V. Bykova
(Saint Petersburg State University)

TRANSFORMATION OF THE COMMUNICATIVE STATUS IN THE DIGITAL MEDIA: FROM STORY TO STORIES, FROM A PROPER NAME TO A MEDIATIZED NAME

The purpose of the article is to analyze the communicative status of a proper name into a mediatized name in the digital media. In the article, the author shows how the technological aspect influences the transformation of the story genre into stories format.

Key words: transformation, communicative status, media environment, stories, mediatized name.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-011-00371 «Медиатизация локальных инцидентов как механизм мобилизации политического протеста в информационно-сетевом обществе».

Введение

Еще сравнительно недавно в центре классических стилистических исследований был непосредственно сам текст, анализ его речевых единиц, закономерностей организации в содержательно-смысловом, композиционно-структурном и жанровом единстве с учетом экстралингвистических факторов, а описание собственно технологического аспекта в его создании и распространении было второстепенным. Сегодня влияние цифровых технологий на текст и его стилистику становится определяющим. Хотя в цифровой среде интенции при порождении медиаконтента в целом остались прежними: это убеждение, информирование и развлечение (Клушина 2014: 69), новые технологии подачи контента и способы его распространения на различных интернет-платформах изменили иерархию обозначенных интенций и их пропорциональное соотношение. Поэтому базовую интенцию информирования, т. е. объективной подачи фактологической информации, вытеснило убеждение, а интенция развлечения теперь нередко служит коммуникативной упаковкой для увеличения количества подписчиков, согласно стилистическим предпочтениям медиапотребителя публикуемого контента. Иными словами, новые технологии детерминируют содержание в пользу удержания внимания пользователя как главного ресурса, за которое ведется борьба в медиаполе среди сетевых монополистов. Сетевые монополисты диктуют принципы организации и структурирования медиатекста, который встраивается в технологические алгоритмы поисковых систем для оптимального распространения и продвижения.

Наблюдаемые явления можно объяснить тем, что языковой вкус эпохи формируется уже не на газетной полосе, как было прежде (Костомаров 1999), а на дисплее гаджетов. Изменение качества носителя информации неизбежно влияет на форму представления информации на носителе: цифра потеснила бумагу, кино- и фотопленку. Цифровая революция внесла новые технологии для создания текста, его распространения и хранения, что нашло проявление на лексическом уровне в ежедневном общении. Новые техноло-

гии расширили и трансформировали картину мира человека цифровой эпохи. Обратим внимание, как расширили или сузили значения лексемы *документ, письмо, облако*; как нарастили семантику глаголы *вырезать, скопировать, вставить, скачать, отправить, написать, слететь*, вошли в речевой обиход неологизмы *скроллить, скайпить, мониторить, майнить* и т. п. Изменились текстовые носители или расширился их функционал: сегодня книги не только читают, но и слушают, по телефону не только разговаривают, но и переписываются, фотографируют, снимают видео, песни перешли в формат киносериалов, их не только слушают, но и смотрят как фильмы (Быкова 2017: 31–37). Прямой эфир на радио обретает характерные черты телевидения: слушатели видят качественную картинку, одновременно пишут в чат или звонят в эфир, задают вопросы ведущим. Произошла аппликация (наложение) амплификация (взаимообогащение) всех видов речевой деятельности в медиасреде и конвергенция форматов и жанров. Иными словами, телевидение, радио, пресса не исчезли, а изменили форму существования, передачи и хранения информации. Это имеет, на наш взгляд, философскую подоплеку, которую можно обозначить дихотомией мира буквы и мира цифры, медленного (буквенного) и мира быстрого (цифрового). Это отражение в медиатексте новой картины мира человека цифрового общества, поскольку «текст как продукт единого авторского сознания в каждой своей подсистеме содержит специфические следы общей концептуальной организации» (Бутакова 2001: 194). Текст сегодня оцифрован.

Медленный мир, аналоговый, можно сравнить с созданием рукописного текста: когда *форма плана* воплощалась на листе бумаги буква за буквой, за слогом слог, строка за строкой от поля до поля, растягивалось во времени, организовывала текст абзацными отступами, графическими выделениями названий глав, нумерацией страниц (Быкова, 2011). Сегодня же «модный ум есть ум, отрицающий время» и что этот новый режим времени связан с развитием коммуникационных технологий» (Кастельс 2000). Пространство в цифровую эпоху сжалось

(Harvey 2012), а время ускорило, мир стал «ускользающим», быстрым (Гидденс 2004). Коммуникативное сжатие пространства, развитие средств мобильной телефонии, электронной почты привело к оптимизации связности, сокращению временных затрат на производство и восприятие текста и трансформации ежедневных речевых практик в социальных сетях.

Рассмотрим этот феномен трансформации подробнее на примере *текстового жанра истории и категории персонажа* и покажем, каким образом цифровые технологии повлияли на их коммуникативный статус в новой медиасреде.

От истории к stories. Речевой жанр истории в традиционном понимании – это линейное повествование, в нем последовательно разворачивается сюжетная линия, которая презентует некий устойчивый порядок смысловых фрагментов речевой структуры: зачин, кульминацию, развязку, финал. *История* подразумевает личностную оценку рассказчиком того, о чем он повествует, содержит некое моральное резюме: дидактическое наставление, назидание, предупреждение или совет, который, при мастерстве рассказчика, слушатель запомнит и сделает выводы.

Релевантным прагматическим фактором истории является речевой профессионализм рассказчика, который обуславливает разворачивание сюжета: это речевые конструкции, демонстрирующие слушателям, что рассказчик владеет нарративной формой, он помогает слушателям следить за ходом повествования, сопереживать герою, запомнить и саму историю, и авторское моралите-резюме. Именно высокая речевая квалификация автора является основным инструментом достижения коммуникативной цели *истории*: *У Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво* (Л. Н. Толстой. После бала). Категории социального пространства и времени сопряжены в *истории* с субъективным временем и социальным временем рассказчика.

С одной стороны, человек в статусе рассказчика и/или повествователя живёт в своём субъективном времени и пространстве внутри *истории*, а с другой стороны, существует в пространстве социального времени объективного мира, субъектам которого рассказчик эту историю представляет.

История как речевой жанр могла стать литературным высокохудожественным произведением, эссе, продлевая свое существование в социальном времени и пространстве, переходя из бытовой сферы в сферу когнитивную в статусе архивных исторических документов, свидетелей определенной эпохи. Это картина медленного мира.

В конце двадцатого века на смену букве пришла цифра, появился новый формат коммуникации: *stories*, мини-видео в формате здесь и сейчас, которые быстро потеснили традиционные посты-истории на ленте новостей в социальных сетях и существенно повысили охват пользователей. Эффект *stories* блогеры объясняют эффектом неформального знакомства (в *stories* попадают и отправляются неудачные кадры, смешные штуки, глупые картинки, еда, селфи-видео с рассказами о происходящем вокруг). *Stories* – это не целостный рассказ с зачином, разворачиванием сюжета и концовкой, а фрагмент повседневной жизни с эффектом «прямого включения»: фотографии с подписью и / или спецэффектами, короткий видеосюжет, который появляется в новостной ленте у подписчиков в режиме реального пространства-времени длиной в 15-секунд с эмодзи, гифками, масками-фильтрами и через 24 часа бесследно исчезает. Коммуникативный успех *stories* предопределен не мастерством рассказчика, его стилистической филигранностью и уникальностью, а технологическим мастерством собственника аккаунта в социальной сети – главного персонажа. Распространение *stories* теперь предпрешено пониманием алгоритма работы социальных сетей и правильной настройкой целевой аудитории. Это картина быстрого мира.

От имени собственного к медиатизированному имени. Само понятие «медиатизация» в современном смысле этого слова было введено Дж. Томпсоном (Thompson 1995) для

обозначения влияния медиа на общественное сознание. Имя субъекта, возведенное в публичный статус, изменяет суть происходящего. Имена собственные под влиянием медиатизации становятся прецедентными именами, поскольку они связаны с широко известным текстом или ситуацией, потому становятся символами – некими эталонными сгустками определенных личностных качеств субъекта, вокруг которого образуется коммуникативное сообщество амбассадоров и хейтеров. Сейчас публикация поста в социальных сетях о том, кто на кого подписался или наоборот отписался от кого-то рассматривается как официальная декларация собственной мировоззренческой позиции, примыкание к тому или другому лагерю в информационном противостоянии.

В медленном мире общество было литературоцентричным, литературные произведения были центральным элементом культуры, основой формирования национальной, гражданской, ценностной, эстетической идентичности (Кондаков 2008). Тезаурусом прецедентных имен в XIX веке были персонажи классических литературных произведений, которые, являясь вымышленными героями, выражали новый модный типаж социального поведения и затем уже обретали в реальном мире своих подражателей. Если в строках А. С. Пушкина, посвященных Татьяне Лариной в романе «Евгений Онегин», слово «романы» заменить на «социальные сети», это бы вполне отражало языковой вкус современной эпохи: *Ей рано нравились романы, они ей заменяли все. Она влюблялася в обманы и Ричардсона и Руссо* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин). Герои со страниц литературных произведений входили в жизнь, их черты обретали современники. В этом аспекте весьма показательна будет цитата Льва Толстого о тургеневских девушках: *Тургенев сделал великое дело, тем, что написал удивительные портреты женщин. Может быть, таковых, как он писал, и не было, но, когда он писал их, они появились* (Л. Н. Толстой А. П. Чехову. Гаспра, 1901 г.).

Весьма точно влияние книжных персонажей на формирование картины мира человека, описал В. С. Высоцкий в «Балладе о борьбе»:

А в кипящих котлах прежних войн и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов,
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.
И злодея следам не давали остыть,
И прекраснейших дам обещали любить.
И друзей успокоив и ближних любя,
Мы на роли героев вводили себя.

В медленном литературоцентричном мире одно прецедентное имя не вытеснялось другим, новым актуальным персонажем литературного произведения, плеяда прецедентных имен пополнялась, связь с авторством текста и персонажем произведения сохранялась, что возводило прецедентные имена в сферу культуры.

Массовая грамотность и растущее влияние печатной прессы расширило арсенал прецедентных имен и определило их иерархию по ценностной шкале в соответствии с существующим политическим строем, устройством общества, социальной стратификацией. В XX веке, информационном, не столько литературоцентричном, сколько медиацентричном, интеграция массмедиа во все сферы жизни общества сформировала единую культурно-коммуникационную систему социума, в которой появились новые герои из сферы политики, экономики, образования, медицины, спорта, искусства, науки, так называемые лица с обложки / с первой полосы, их именами называли учреждения, пароходы, улицы и площади городов, и даже сами города. Персонажи из жизни пришли в текст.

В цифровом быстром мире медиатизация имени персонажа происходит стремительно, обновление повестки дня способствует вытеснению одного героя дня другим. Наблюдаемый процесс социальных изменений, в котором средства массовой информации влияют на различные общественные институты и интегрируются в них, а институты вовлекаются в диктуемую медиалогикой и подчиняются ей исследователи называют медиатизацией (Hjarvard 2008).

Рассмотрим в качестве примера тексты-наклейки для аватаров профилей в социальных сетях, которые пользователи прикрепляли в знак солидарности: *ЯМЫ_Иван_Голунов,*

ЯМЫ_Фургал, ЯМЫ_Сестры_Хачатрян, ЯМЫ_Шиес, ЯМЫ_Егор_Жуков, ЯМЫ_Дзюба и т. п. и т. д. Графическое, цветное (красно-черное) и дизайнерское решение этих словосочетаний стилистически одинаково, поскольку все эти имена собственные связаны с одинаковой прецедентной ситуацией, с одинаковым нарративом: жертва произвола или несправедливого, по мнению общественности, приговора суда, несправедное обвинение, судебное разбирательство, общественное обсуждение. Имя собственное вписано в узнаваемую прецедентную ситуацию, является ее маркером. Имена собственные, оформленные стилистически одинаково, формируют ряд пропозитивных конструкций (резонансных информационных поводов) и образуют связный медиадискурс. Имя становится обозначением события, которое включает в себя факт (информационный повод: что случилось), интерпретацию события (выражение поддержки субъекту), демонстрацию солидарности с теми, кто имеет схожую точку зрения.

Так, например, имя Греты Тунберг стало символом протестного экодвижения, о чем свидетельствует ее выдвижение на нобелевскую премию мира в 2021 г. в одном ряду с Алексеем Навальным (Independent 2021). Анализ топ-10 постов Г. Тунберг в Инстаграм показал, что имя собственное обретает черты прецедентности на пике медиатизации:

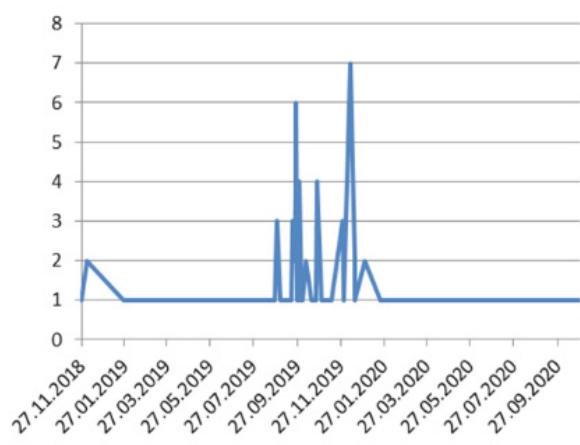

Рис. 1 Статистика количества постов и комментариев к постам Греты Тунберг в Instagram

Признаками прецедентности являются семиотические приращения к имени собственному, парафразы со значением сакрализации, представления в карикатурном виде, появляются вторичные номинации: *святая Грета* (Аргументы и факты, 30.09.2019), *фрекен Тунберг, экологическая Жанна д'Арк, мадемуазель Тунберг* (Деловая газета «Взгляд». 04.01.2020). В приведенных примерах мы видим, как имя Греты Тунберг наращивает свой прецедентный потенциал за счет другого прецедентного имени (Жанна д'Арк) или разрушает устойчивое словосочетание: номинацию известного литературного персонажа фрекен Бок, мадемуазель Нитуш. «Характер прецедентности закрепился благодаря народному творчеству, в котором наблюдается трансформация имен собственных как прецедента (Голокова 2018: 226).

Современное общество, как замечают философы и политологи, все больше поляризуется, биполярность нарастает, поэтому на пике медиатизации появляется анти-Грета, подобно антигерою в литературном произведении: *О Грете Тунберг говорит весь мир. Но почему никто не говорит об ещё одной девушке из Швеции по имени Изабелла Нильссон Ярванди? Ей, кстати, тоже 16 лет. Она выступает против глобализма, пропаганды ЛГБТ в школах, за защиту традиционных семейных ценностей и за борьбу с нелегальными мигрантами. Пожалуй, я выберу этого героя («Анти-Грета»: 16-летняя шведская активистка, выступающая против пропаганды ЛГБТ и мигрантов, стала героиней в рунете / 5 дек 2019); В Германии появилась новая «анти-Грета»: 19-летняя Наоми Зайбт из Мюнстера борется с экологическими активистами и призывает перестать бить тревогу из-за изменения климата (Газета.ru 26.02.2020).*

В быстром мире у медиатизированных имен короткий век. Поэтому для закрепления медийного эффекта имя Греты Тунберг поддерживается инструментами из арсенала медленного мира: *ее выступления, собранные в хронологическом порядке, стали основой книги «No One Is Too Small to Make a Difference», выпущенной издательством Penguin (США) (СамолётЪ. 13.11.2019); это не манифест нового экологического движения, не автобио-*

ография его лидера и не разоблачительное эссе – это собранные под одной обложкой 11 речей Греты, в хронологическом порядке иллюстрирующие превращение Греты Тунберг из школьницы с плакатом в главный символ экоктивизма, которую одни называют надеждой нового поколения, а другие сравнивают с Гитлером. В декабре 2019 г. американский стриминговый сервис Hulu анонсировал фильм «Грета», премьера которого должна состояться в этом году (Ведомости. 11.02.2020).

Медиатизированное имя Грета Тунберг дает номинацию новым объектам научного исследования: Шведской климатической активистке Грете Тунберг была оказана честь: ее именем назван новый вид жука. Недавно описанные *Nelloptodes gretae* принадлежат к группе самых маленьких из известных свободно живущих животных. Новый вид принадлежит к семейству жуков под названием *Ptiliidae*, – говорится в сообщении на сайте Лондонского музея естественной истории (Российская газета. 25.10.2019). Журнал Time назвал шведскую экоктивистку Грету Тунберг человеком 2019 года (BBC News. 11.12.2019); она номинируется на Нобелевскую премию мира в 2021 г. Медиатизированное имя переходит в мир литературного произведения, становится фактором культуры. Круг замыкается.

Выводы

Имя собственное в процессе медиатизации становится прецедентом и получает новый коммуникативный статус: медиатизированное имя, обусловленное привязкой к конкретным координатам социального пространства и времени, становится номинацией движения, начинает обладать влиянием, становится медиакратическим ресурсом новой этики. Из-за критики в адрес медиатизированных имен политические деятели сегодня расстаются со своими должностями, пользователи подвергаются буллингу в социальных сетях, банятся, исключаются из коммуникативных сообществ.

Быстрый мир испытывает острый дефицит героев, чьи имена и образы можно использовать для продвижения идей образцов для подражания.

Цифровой медиастиль как «сплав» нарративов, разворачивающихся в текстовом пространстве медиадискурса, трансформирует коммуникативный статус имени собственного, которое становится триггером и, как магнит, притягивает или отталкивает аудиторию, формируя так называемые коммуникационные «пузыри» сторонников и противников.

Коммуникативная среда интернета создает новые типы первичных речевых коллективов, которые являются речевыми генераторами. Их особенность: наличие гарантированного входа в коммуникативные коллективы виртуального пространства или гарантированного исключения за неразделение позиции.

Медиатизация имеет как положительные стороны, которые состоят в том, что новые медиа могут оказывать влияние на принятие управленческих решений, а с другой стороны, процесс медиатизации опасен тем, что раскрученные при помощи новых технологий имена (медиатические образы) подменяют реальную коммуникацию виртуальной.

Признаками медиатизированного имени являются семиотические приращения от сакрализации до представления в карикатурном виде, что способствует мобилизационному потенциалу аудитории по принципу свой/чужой. У медиатизированного имени появляются вторичные номинации, оно пишется со строчной буквы, появляется использование имени в форме множественного числа, появляются словообразовательные дериваты.

Медиатизированное имя, обусловленное привязкой к конкретным координатам социального пространства и времени, становится номинацией события и/или протестного движения. Технологию медиатизации тоже можно включить в понятие медиастыля (Клушина 2014), поскольку эта технология устойчива, она обладает прецедентностью, имеет узнаваемый характер и весьма ограниченный набор фреймовых сценариев и речевых средств, актуализирующих биполярность, обладает сходной доминирующей интенцией убеждения с целью мобилизации сторонников.

Технологический аспект в цифровой среде неотделим от понятия медиастыля,

в котором создание контента проводится по базовым фреймовым нарративам (пропозициям), в котором имя собственное вбирает факт (номинация субъекта), событие (что с ним произошло) и оценку события (модаль-

ная рамка высказывания), а стилистические средства выполняют инструментальную функцию привлечения внимания для роста интернет-трафика.

Литература

1. Быкова Е. В. Визуализация прецедентной ситуации в клипах С. Шнурова // Дизайн СМИ: Тренды XXI века. – 2019. – № 4. – С. 31–37.
2. Быкова Е. В. Речевая организация модульного текста. – СПб.: РГГМУ, 2011. – 220 с.
3. Бутакова Л. О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. – 283 с.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. URL: https://gendocs.ru/v27603/энтони_гидденс._ускользающий_мир._как_глобализация_меняет_нашу_жизнь.
5. Голокова М. С. Имена собственные как прецедентный феномен в массовой коммуникации // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. – 2018. – № 4. – С. 223–228.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. 2000. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/07.php.
8. Клушина Н. И. Медиастилистика // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 69–77.
9. Кондаков И. В. От литературоцентризма – к медиациентризму (Вектор образовательных технологий или веер открывающихся возможностей?) // Высшее образование для XXI века. V международная научная конференция: доклады и материалы / отв. ред. А. В. Костина. – М., 2008. – С. 72–85.
10. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. – М.: Златоуст, 1999. – 247 с.
11. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
12. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm>.
13. Batchelor T. Nobel Peace Prize: Trump, Navalny, Thunberg and WHO among candidates as nominations close. Independent. 31 January, 2021. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/politics/nobel-peace-prize-nominations-trump-b1795384.html>.
14. Gartner Gartner Hype Cycle. URL: <http://www.gartner.com/technology/research/methodologies/hype-cycle.jsp>.
15. Harvey D. Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. – New York: Verso. 2012. – 187p.
16. Thompson J. B. The Media and Modernity. A Social Theory of the Media. Cambridge, 1995. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/30/communication-and-social-context-thompson-1995/>.

ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Данная работа посвящена причинам возникновения мемов в виртуальном пространстве. Несмотря на актуальность исследования интернет-мемов, в научной литературе не предпринимались попытки выяснить и классифицировать факторы превращения образа в мем. В данной статье возникновение мемов объясняется с позиций прагмастилистики как междисциплинарной области языкознания, позволяющей решить поставленную исследовательскую проблему. Автор базируется на собственной оригинальной концепции, основанной на фундаментальных трудах, согласно которой причиной становления того или иного образа в качестве мема является набор таких прагмастилистических признаков, как прецедентность, смеховой потенциал, эмоциональность, диалогичность и конфликтность.

Ключевые слова: мем, прагмастистика, интернет-стистика, прецедент, смеховые эмоции, диалогичность.

Semen V. Lopukhov

(Lomonosov Moscow State University)

PRAGMA-STYLISTIC FEATURES OF INTERNET MEMES

This work is devoted to the causes of memes occurrence in the virtual space. Despite the relevance of the meme phenomenon research, in the scientific literature have been made no attempts to find out or to classify the factors of turning images into memes. In this article, the emergence of memes is explained from the standpoint of pragma-stylistics as the interdisciplinary area of the linguistics which allows to solve the problem of the research. The author is based on his own original concept, created on fundamental works. According to this concept the reason for the formation of any image as a meme is a set of such pragma-stylistic features as precedent, laughing potential, emotionality, dialogic and conflict.

Key words: meme, pragma-stylistics, internet-stylistics, precedent, laughing emotions, dialogic.

Интернет-мем, являясь самым популярным жанром в современном информационном пространстве, ставит перед лингвистикой вопрос о причинах трансформации тех или иных образов в мемы. Исходя из понимания мема как *запоминающегося и быстро распространяющегося в виртуальном пространстве образа* (Клушина, Николаева 2020: 129), мы полагаем необходимым уточнить дефиницию данного интернет-жанра, сделав акцент на его способности к репликации. Репликация – это размножение образа в новых вариантах при сохранении основной идеи.

Данное уточнение важно в связи с распространением трактовки мема как любого креолизованного текста, несущего смеховые эмоции в интернет-пространстве. Точка зрения, включающая в категорию мема любое вызывающее смеховые эмоции изображение с сопровождающим текстом, широко распространена как в быту, так и в академической среде (Smirnova, Denissova, Svitich et al. 2020: 156). Такую трактовку мема мы полагаем неточной. Вероятно, ее сторонники исходят из того, что основная доля мемов приходится на визуально-текстовые. Между тем мемам свойственно семиотическое разнообразие, существуют визуальные и аудиальные мемы (Клушина, Николаева 2020: 139), т. е. далеко не каждый мем – изображение с сопровождающим текстом. Что более принципиально, несущий смеховые эмоции креолизованный текст не является мемом, если он не подвергся репликации. Представление о том, что мем воспроизводится и размножается с незначительными изменениями (подобно гену в генетике), восходит к трудам Р. Докинза (1976) и Р. Броуди (2007) и остается актуальным для современного языкознания из-за существования образов, размножающихся в интернете посредством репликации. М. А. Кронгауз, один из первых отечественных исследователей мемов, также писал, что мемы тиражируются в новых вариантах (Кронгауз 2012).

Стоит пояснить различие между мемами и другими популярными в сети изображениями при помощи наглядного примера. На ил. 1 представлен вызывающий смеховые эмоции креолизованный текст, распро-

странившийся в социальной сети «ВКонтакте», но не ставший мемом, поскольку он не размножился в различных вариантах и версиях.

Иллюстрация 1

Когда уже месяц в Москве,
а русские до сих пор не запросили
мира

Распространяясь по сети, приведенный образ оставался в неизменном виде и не обретал новых форм. А креолизованный текст с ил. 2, напротив, является примером многократной репликации (на иллюстрации показано лишь четыре репликационных варианта) и представляет собой интернет-мем (в сети этот мем получил название «Негр-умник»).

Иллюстрация 2

В случае с визуально-текстовыми мемами репликация выражается в наложении новых надписей на инвариантное изображение, у визуальных мемов изменяется само изображение, но с сохранением определенной основы, аудиальные мемы появляются в разных контекстах. Уточнение дефиниции мема как образа, который распространяется в интернете именно посредством репликации, необходимо, поскольку лишь понимание этой жанровой особенности ставит перед исследователями вопрос, на который мы пытаемся ответить ниже.

Проблема исследования – причины становления образов как мемов. Предприняв попытку выявить данные причины, мы выделили три обязательных прагматистических признака мемов (прецедентность, смеховой потенциал, эмоциональность) и два факультативных (диалогичность и конфликтность). **Гипотеза** статьи состоит в том, что наличие названных признаков дает образу возможность стать мемом.

1. Прецедентность

Понятие прецедентности, введенное в научный филологический оборот Ю. Н. Карауловым, имеет особое значение для исследования мемов. Понимая под прецедентом *взаимосвязанный ряд знаков, обладающий известностью в рамках какой-либо национальной культуры или культуры мировой*, нельзя не заметить, что мемы во многих случаях содержат отсылки к различным культурным произведениям, прецедентам. В то же время мем является прецедентом сам по себе, даже если он не обладает связью с другими прецедентными текстами. Т. е. любой мем – прецедент, поскольку он знаменит хотя бы внутри одной культуры, благодаря своей способности вирусно распространяться и тиражироваться. Указывая на значительную роль прецедентов в существовании мемов, Н. И. Клушина и А. В. Николаева (2020) пишут о способности прецедентов как развлекать, так и успокаивать пользователя.

Поскольку прецеденты могут различаться по степени известности, в филологии уже предпринимались попытки классифицировать данный феномен. Так, Ю. Е. Прохоров (2004) выделял четыре уровня прецедент-

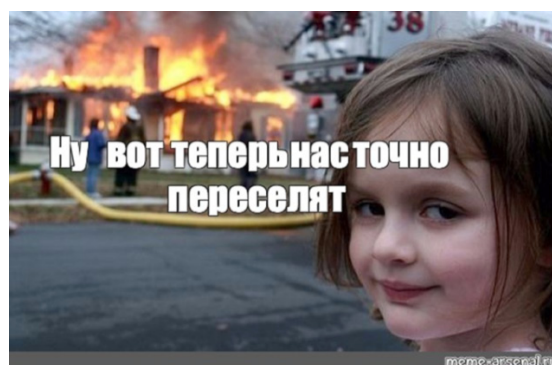
ности (автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный). Подобную трехуровневую классификацию предложила В. В. Красных (1998).

В контексте исследования мемов мы выделили четыре уровня прецедентности, на которых может находиться мем. Вероятность подвергнуться множественной репликации и вирусно распространиться (стать мемом) увеличивается для того или иного образа, прямо пропорционально росту уровней.

1) Первый уровень прецедентности

В основе образа, ставшего мемом, нет самостоятельного прецедента. Образ может быть почти неизвестным в рамках национальной культуры. Как пример, мем «Девочка и пожар» (ил.3)

Иллюстрация 3

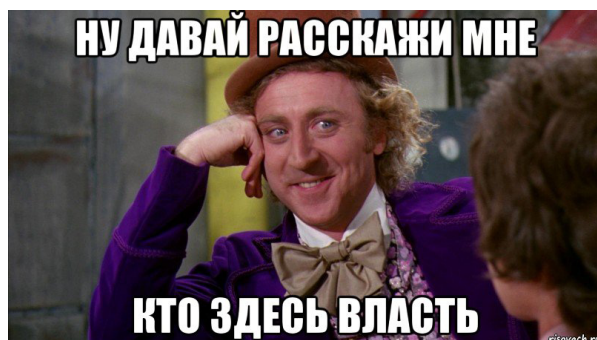
Визуальный инвариант этого мема – семейная фотография. Подчеркнем, что в случае с такими мемами (не основанными на прецедентах) мы все же говорим о прецедентности (в нашей классификации – это первый уровень), поскольку любой мем – прецедент. Т. е. данное фото, не являвшееся прецедентом само по себе, стало прецедентом как мем, когда подверглось репликации и распространилось в сети.

2) Второй уровень прецедентности

На этом уровне образ, ставший мемом, заимствован из культурного произведения, например, кинофильма, однако знакомого не очень широкой аудитории. Основная часть интернет-пользователей, как правило, знает мем, но не знакома с прецедентом. Тем не менее даже сравнительно небольшая известность произведения может послужить

толчком для возникновения мема. Типичный представитель подобного мема – «Ну давай, расскажи мне» (ил.4), основанный на кадре из малоизвестного фильма 1971 г. «Вилли Вонка и шоколадная фабрика», который почти незнаком широкой аудитории по сравнению с собственным ремейком 2005 г.

Иллюстрация 4

3) Третий уровень прецедентности

Мемы данного уровня прецедентности основаны на популярных культурных произведениях, что усиливает их способность реплицироваться и вирусно распространяться. Это, например, многочисленные мемы с кадрами из трилогии Питера Джексона «Властелин колец» по романам Дж. Р. Р. Толкина (ил. 5).

Иллюстрация 5

4) Четвертый уровень прецедентности

В этом случае итоговая прецедентность мема возникает из сочетания нескольких прецедентов (как правило, отдельных самостоятельных мемов). Отличным примером является мем «Девушки с машиной времени vs парни с машиной времени» (об этом кейсе подробно ниже). Присутствие в образе

нескольких прецедентов также увеличивает его возможность стать мемом.

II. Смеховой потенциал

Полагая смеховые эмоции одним из главных источников популярности мемов, мы ввели понятие «смеховой потенциал», обозначающее *способность мема вызывать смеховые эмоции*. Из различных объяснений природы смешного мы воспользовались «теорией отклонения от нормы», восходящей к Аристотелю: «Смешное – некоторая ошибка и безобразие...». О том, что причиной смеха во многих случаях является нарушение различных норм, писали В. Я. Пропп (1997), Б. Дземидок (1967), В. З. Санников (1999). Учитывая сложность формализации феномена смеха, нельзя считать данную теорию исчерпывающей, однако на ее основе мы предприняли попытку ранжирования смешного для исследования мемов, выделив четыре возможных уровня смехового потенциала.

Первый уровень

(нарушение языковой нормы)

Источником смеховых эмоций является нарушение языковой нормы. Пример: один из первых русскоязычных мемов «Йа креведко» (ил. 6).

Иллюстрация 6

Второй уровень

(нарушение поведенческой нормы)

Причиной смеха становится отклонение от различных социальных и поведенческих правил. Так, во многих мемах изображены выбивающиеся из общепринятых культурных стандартов поступки, перекошенные лица и гримасы (мем «Тони Старк закатывает глаза», ил. 7).

Иллюстрация 7

Третий уровень

(нарушение экзистенциальной нормы)

Источником смеховых эмоций является присутствие в меме чего-либо, не существующего в природе, например, антропоморфных животных (мем «Наташа и коты», ил. 8).

Иллюстрация 8

Четвертый уровень прецедентности

(нарушение нескольких различных норм)

На самом высоком уровне смехового потенциала нарушается несколько норм. Например, в меме «Превед, медвед!», где произносимая фраза является нарушением языковой нормы, а антропоморфный медведь – экзистенциальной (ил. 9).

Иллюстрация 9

III. Эмоциональность

Последним обязательным признаком мемов мы полагаем эмоциональность: содержание в меме возможных для прочтения интернет-пользователем эмоций, а также способность мема вызывать эмоции. Кроме того, что образы, ставшие мемами, непременно вызывают смех, во многих мемах интернет-пользователь может прочесть и другие эмоции через различные индикаторы, например, мимику персонажей.

Эмоции, как негативные, так и позитивные, могут выражаться с разной степенью видимости (Экман 2010) через жесты, а также мимически. Кроме того, эмоции могут быть выражены через языковые средства. В лингвистике категория вербализации эмоций получила название «эмотив» (Шаховский 2008).

Для решения исследовательской проблемы мы выделили четыре возможных уровня эмоциональности мемов.

Первый уровень

В меме никак не выражаются эмоции, у интернет-пользователя нет никакой возможности их прочесть, однако такой мем (как и любой), вызывает смеховые эмоции. Примером мема с первым уровнем эмоциональности является «Ждун» (ил. 10).

Иллюстрация 10

2) Второй уровень

Эмоции в меме выражены через языковые средства – эмоционально нагруженную лексику (эмотивы).

3) Третий уровень

Эмоции в меме выражены мимически либо посредством жестов.

4) Четвертый уровень

Эмоции выражены посредством мимики или жестов, но особенно ярко и аффективно.

Кроме трех обязательных прагматистических признаков мемов (прецедентности, смехового потенциала и эмоциональности) мы выделили два факультативных (диалогичность и конфликтность), которые присутствуют не во всех мемах, однако их наличие в том или ином образе также способствует возникновению мема.

IV. Диалогичность – это наличие в меме диалога. Во многих мемах диалог присутствует в самом узком понимании данного явления – обмена репликами, как, например, в меме «Таксист» (ил. 11).

Иллюстрация 11

Однако говорить о наличии диалога можно и при отсутствии традиционного чередования высказываний. Так, М. М. Бахтин понимал диалог как свидетельство любого социального действия и существования: «быть – значит общаться диалогически», а когда «кончается диалог, кончается все» (Бахтин 1929, цит. по 1963). Излагая свою концепцию

диалога в «Проблемах творчества Достоевского», Бахтин писал о внутреннем диалоге, свойственном героям русского писателя, и постоянной «обращенности» персонажей друг к другу (Там же). Исходя из широкого понимания диалога, предложенного Бахтиным, мы полагаем возможным говорить о диалогичности того или иного мема, если в нем присутствует скрытый диалог между персонажами либо диалог между персонажем и интернет-пользователем.

V. Конфликтность – присутствие в меме конфликта. Конфликт может быть как в самом классическом понимании (наличие двух сторон с несовместимыми интересами), так и в широком смысле – дихотомия, бинарная оппозиция, контраст. Конфликтность, как и диалогичность, мы не считаем возможным ранжировать, т. е. присутствие данных признаков в меме можно определить исключительно номинально.

На основе описанных признаков была создана исследовательская модель, наглядно представленная в таблице 1.

Таблица 1

Обязательные признаки			
Шкала	Прецедентность	Смеховой потенциал	Эмоциональность
Максимальное значение	4	4	4
Факультативные признаки			
Шкала	Диалогичность	Конфликтность	
Возможное значение	1	1	

Эмпирическое исследование

Эмпирическим материалом исследования выступили 20 мемов, отобранных методом фокус-группы из 23 человек. Респондентов (возраст участников 22–25 лет) попросили назвать три своих любимых мема. Из всех полученных мемов было отобрано 20 наиболее часто названных и популярных. Все мемы, попавшие в выборку, – визуально-текстовые по семиотическому признаку. Для проверки

гипотезы полученный материал был проанализирован через исследовательскую модель.

Работу модели мы продемонстрируем на примере трех мемов.

1) Мем «Неверный парень»

Иллюстрация 12

Данный мем, представляющий собой фотографию, на которую налагаются различные надписи, появился в 2017 г. и получил множество репликаций.

По принятой в исследовании классификации у «Неверного парня» первый уровень *прецедентности*. Визуальный инвариант мема не являлся прецедентом сам по себе, он был взят из фотобанка «Shutterstock» и был почти никому не известен, пока не стал мемом. Т. е. данный образ обрел черту прецедентности лишь после того, как стал мемом.

Смеховой потенциал мема второй (из четырех возможных), источником смеховых эмоций является нарушение поведенческой, социальной нормы: молодой человек, гуляющий с подругой, оглядывается на проходящую мимо девушку.

Эмоциональность мема находится на третьем уровне нашей исследовательской модели: здесь читаются эмоции через мимику персонажей, главным образом, возмущение девушки.

Диалогичность в меме «Неверный парень» присутствует, несмотря на отсутствие обмена репликами. Мы можем говорить о скрытом диалоге между персонажами мема: девушка обращается к молодому человеку.

Конфликтность в данном меме также присутствует: налицо личный конфликт между двумя персонажами.

Итог:

Прецедентность: 1 из 4

Смеховой потенциал: 2 из 4

Эмоциональность: 3 из 4

Диалогичность: 1

Конфликтность: 1

Общий балл: 8

2) Мем «А вот и Джонни»

Иллюстрация 13

Прецедентность на третьем уровне из четырех возможных. Визуальный инвариант мема – кадр из фильма культового режиссера Стэнли Кубрика «Сияние». Эта картина знакома довольно многим и для широкой аудитории в особом представлении не нуждается, как и американский актер Джек Николсон, чей персонаж ломится с топором в комнату своей супруги.

Смеховой потенциал данного мема второй (из четырех возможных), источником смеховых эмоций является нарушение поведенческой, социальной нормы.

Эмоциональность мема находится на высшем (четвертом) уровне по нашей классификации. Здесь налицо ярко и аффективно выраженные эмоции гнева и страха.

В меме «А вот и Джонни» присутствует *диалогичность*. В одних репликациях мема персонажи обмениваются репликами (ил.13), а в других, где реплики отсутствуют (ил.14), уместно говорить о диалоге из-за обращенности персонажей друг к другу.

Иллюстрация 14

Конфликтность – безусловный признак данного мема. Здесь отчетливо видно столкновение двух сторон, чьи интересы несоместимы.

Итог:

Прецедентность: 3 из 4

Смеховой потенциал: 2 из 4

Эмоциональность: 4 из 4

Диалогичность: 1

Конфликтность: 1

Общий балл: 11

3) Мем «Девушки с машиной времени vs парни с машиной времени»

Иллюстрация 15

Девушки с машиной времени:

Мальчики с машиной времени:

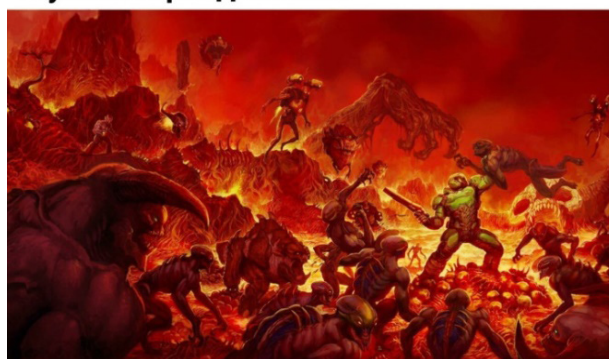
Уровень *прецедентности* данного мема самый высокий из возможных (четвертый). Мем «Девушки с машиной времени vs пар-

ни с машиной времени» вообще является отличным примером многослойной прецедентности некоторых мемов. Этот мем соединяет в себе пять прецедентов.

Первый прецедент – это мем «Девушки vs парни», обыгрывающий различие между мужскими и женскими ценностями, различие между поведением мужчин и женщин (обычно юноши в этом меме вытворяют нечто несуразное и ведут себя подетски). Мем появился в апреле 2019 г. Его первой репликацией считают вариант со сравнением женской и мужской раздевалок (ил. 16).

Иллюстрация 16

Женская раздевалка: боже, физра отстой, завтра всё болеть будет, я так устала, о, у тебя новый лифчик, кстати, расскажи про нового парня
Мужская раздевалка:

Данный мем был текстовым, а визуальная составляющая мема отличалась от одной репликации к другой, сохранялась лишь идея противопоставления женского и мужского. В августе 2020 г. появился новый мем, в котором использовалась та же идея, однако уже с конкретной визуальной формой, т. е. если мем «девушки vs парни» был текстовым, то новый стал смешанным (визуально-текстовым). Мем «Шварцнеггер с машиной времени» получил визуальный инвариант: кадр с Арнольдом Шварцнеггером из фильма «Геркулес в Нью-Йорке». В меме противопоставлялось поведение девушек и юношей в случае, если они бы получили машину времени (ил. 17).

Иллюстрация 17

Девушки с машиной времени:

Ура, я смогу переубедить себя
в прошлом не обрезать волосы

Парни с машиной времени:

Третьим прецедентом, который содержится в исследуемом меме «Девушки с машиной времени vs парни с машиной времени», стал мем «Doomer girl» (ил.18). Девушка-думер – это визуальный мем, появившийся в интернете в январе 2020 г., который символизирует современных девушек, страдающих от депрессии и алкоголизма. Он был создан как пара для другого старого мем-персонажа, «думера» – асоциального и депрессивного мужчины.

Иллюстрация 18

Может, сходим куда-нибудь?

Чуть позже, когда популярность мема «Девушка-думер» стала угасать, в оппози-

цию для персонажа этого мема создали персонаж «Девушка-трад» (традиционная девушка). «Девушка-трад» – это мем, в основе которого находится персонаж миловидной женщины консервативных ценностей. Визуально и по сюжетам различных репликаций мема девушка-трад противопоставляется девушке-думеру (ил. 19).

Иллюстрация 19

Привет, может сходим куда-нибудь?

Да, обязательно, прямо сейчас ты вместе со своей сигаретой пойдешь в место для курения, потому что тут некурящая зона и я не собираюсь дышать твоим дымом

Привет, может сходим в одно место, тут совсем недалеко

Давай

В дальнейшем мем «Девушка-трад» тоже войдет в состав мема «Девушки с машиной времени vs парни с машиной времени», т. е. станет четвертым прецедентом в основе этого мема.

Пятый прецедент, вошедший в исследуемый нами мем, – это еще один самостоятельный мем, а именно «Нордический геймер» (ил. 20). Он возник раньше «Девушки-думера» и «Девушки-трад», в сентябре 2019 г. Центральный персонаж мема являет собой хладнокровие и выдержку и лаконично отвечает «Да» на различные издевки.

Иллюстрация 20

В итоге из пяти отдельных мемов, т. е. на основе пяти прецедентов, возник мем «Девушки с машиной времени vs парни с машиной времени» (ил. 15, ил. 21), ставший очень популярным и получивший множество репликаций. Он сочетает мемы «Девушки vs парни», «Шварцнеггер с машиной времени» а также «Девушка-думер», «Девушка-трад» и «Нордический геймер». В плане прецедентности данный мем является уникальным по своей многослойности. По нашей исследовательской модели он находится на самом высоком уровне прецедентности, а именно четвертом, т. к. он основан на нескольких прецедентах.

Иллюстрация 21

ДЕВУШКИ С МАШИНОЙ ВРЕМЕНИ

Я ТВОЯ ВНУЧКА

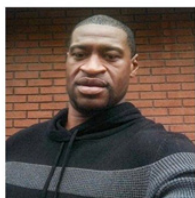

ПРАВДА?

ПАРНИ

ВОТ ДЕРЖИТЕ, НАСТОЯЩИЕ ДЕНЬГИ

эйоу спасибо

Смеховой потенциал этого мема самый высокий (четвертый уровень), поскольку в нем заложено нарушение экзистенциальной нормы (в меме предполагаются ситуации, когда персонажам досталась машина време-

ни), а также нормы поведенческой, т. е. интернет-потребитель получает здесь нарушение двух норм сразу, из-за чего у мема получается самый высокий смеховой потенциал. Нарушение поведенческой нормы здесь не видно явно, однако два персонажа, заимствованные из других мемов, олицетворяют контркультуру и индивидуальность.

Эмоциональность данного мема не самая значительная, а именно через эмотивную фразу одного из персонажей (Правда?) мы можем прочесть эмоцию удивления. Таким образом, эмоциональность мема «Девушки с машиной времени vs парни с машиной времени» находится на втором уровне.

Диалогичность мема налицо, в нем присутствуют два диалога в виде обмена репликами между различными собеседниками.

Конфликтность выражается в дихотомии «мужского» и «женского», в противопоставлении мужских и женских ценностей и моделей поведения.

Итог:

Прецедентность: 4 из 4

Смеховой потенциал: 4 из 4

Эмоциональность: 2 из 4

Диалогичность: 1

Конфликтность: 1

Общий балл: 12

Результаты исследования

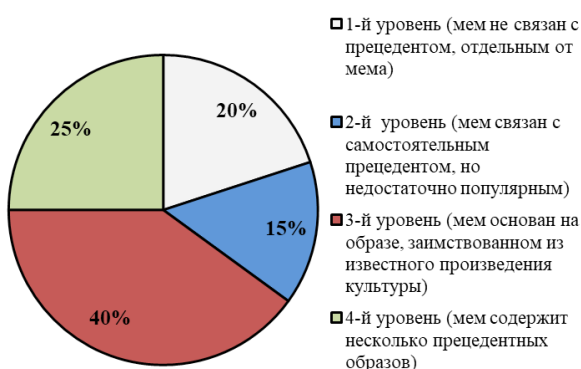
Прецедентность находится на первом уровне в 20 % случаев. Т. е. только 20 % мемов нашей выборки не отсылают пользователя к прецедентным произведениям культуры.

На втором уровне прецедентности находится 15 % мемов, здесь образы, ставшие мемами, заимствованы из самостоятельных прецедентов, но недостаточно известных и популярных. Например, мем «Негр-умник», основанный на кадре из сериала BBC «Hood Documentary».

На третьем уровне прецедентности, когда образ, ставший мемом, происходит из широко известного культурного произведения, находится 40% мемов нашей выборки (мемы с кадрами из фильмов Квентина Тарантино и других культовых произведений).

На четвертом уровне (в меме содержится несколько прецедентов, обычно самостоятельных мемов) находится 25 % материала выборки.

Диаграмма 1

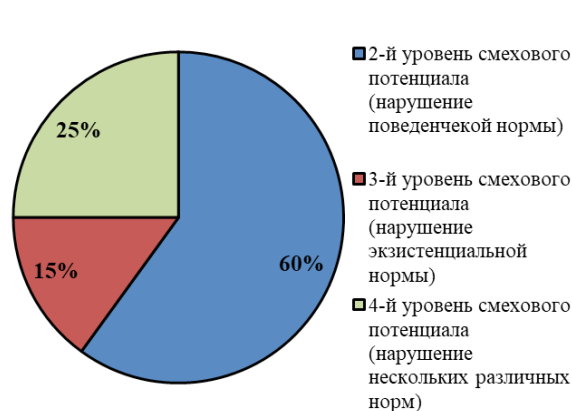
Очевидно, что чаще всего феномен прецедентности раскрывается в мемах через заимствование образов из известных произведений культуры, в первую очередь кино.

Смеховой потенциал, еще один важный и неотъемлемый признак мема, в 60 % случаев находится на втором уровне, т. е. источником смеховых эмоций образа является нарушение поведенческой либо социальной нормы: экстравагантный внешний вид, гримасы персонажей.

В 15 % мемов смеховой потенциал находится на третьем уровне: источником смеховых эмоций служит нарушение экзистенциальной нормы, в основном это антропоморфные животные.

В 25 % случаев смеховой потенциал находится на четвертом уровне: в образе нарушается несколько норм сразу. При этом почти во всех таких мемах (80% от их доли и 20 % от всей выборки) присутствует нарушение экзистенциальной нормы: антропоморфные животные, элементы фантастики. Языковая норма нарушается в 15 % случаев, однако в нашей выборке не оказалось мемов, где нарушалась бы только эта норма: языковая норма всегда нарушалась вместе с поведенческой либо экзистенциальной.

Диаграмма 2

Таким образом, источником смеховых эмоций в мемах чаще всего является нарушение поведенческой и экзистенциальной норм.

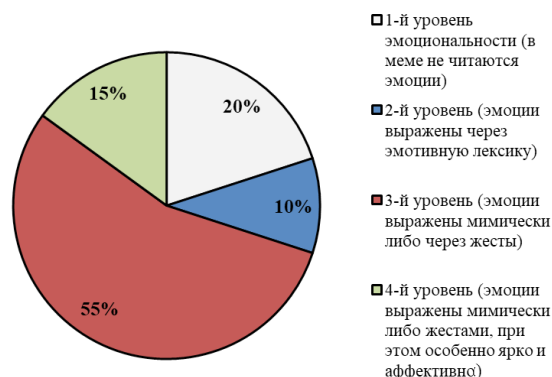
Эмоциональность – последний обязательный прагматилистический признак мема. В 20 % мемов он находится на первом уровне, т. е. в данных мемах не читаются эмоции, а их эмоциональность выражена лишь в том, что они вызывают смех.

В 10 % нашей выборки эмоциональность находится на втором уровне: в этих мемах эмоции читаются через эмотивную лексику.

55 % мемов находятся на третьем уровне эмоциональности: в них эмоции выражены и читаются потребителями мимически либо через жесты персонажей.

В 15 % эмоциональность находится на четвертом уровне, поскольку в этих мемах эмоции выражены очень ярко и аффективно.

Диаграмма 3

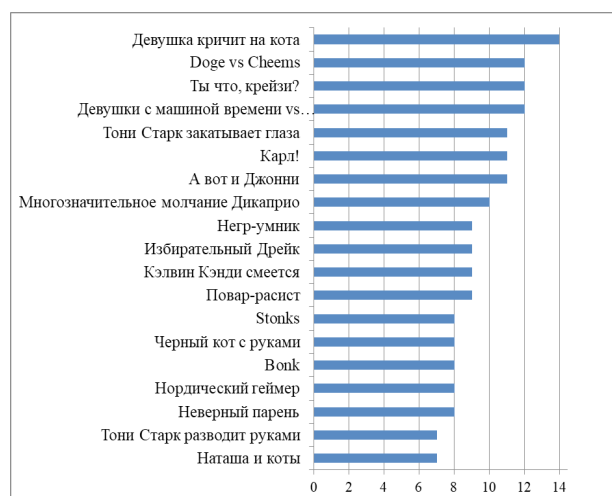

Диалогичность, один из факультативных признаков мема, присутствует в 70 % выборки. Таким образом, несмотря на то, что данный признак не является обязательным, он встречается в мемах довольно часто и, вероятно, тоже является одним из факторов становления образов в качестве мемов.

Конфликтность в том или ином виде присутствует в 90 % мемов выборки. Она также является факультативным признаком мема, но, очевидно, что мемам она свойственна почти всегда.

Из сложения значений по каждому признаку мы составляли общий балл каждого мема, наибольший возможный балл – 14. Ни один мем выборки не оказался с общим баллом меньше половины, только два мема имеют общий балл 7, у остальных он выше медианы (диаграмма 4).

Диаграмма 4

Исходя из результатов эмпирического исследования, мы полагаем предложенное в данной статье объяснение возникновения мемов оправданным. Может возникнуть во-

прос, позволяет ли представленная в работе исследовательская модель ранжировать мемы по степени популярности и эффективности. Это маловероятно по следующим причинам. Каждый мем возникает в определенном контексте и имеет свой уникальный оттенок в сознании интернет-потребителей. Например, мем «Наташа и коты» стал вирусно распространяться во время карантинных ограничений 2020 г., а мем «Лягушонок Пепе» обрел известность и политический смысл в предвыборную президентскую кампанию 2016 г. в США. Некоторые мемы получают огромную популярность на короткий срок, а потом быстро надоедают пользователю, другие же распространяются по сети постепенно, без скачков, но дольше сохраняют популярность. Наконец, посчитать конкретное количество репликаций любого мема (т. е. установить точный уровень его популярности) невозможно из-за того, что современное интернет-пространство сильно сегментировано, и любой мем, после возникновения в наиболее популярных группах нейтральной тематики, расходится по различным тематическим сообществам. Так, в социальной сети «ВКонтакте» есть крупные сообщества, посвященные исключительно мемам про политику, историю и т. д.

Однако мы полагаем, что данная работа позволяет ответить на главный вопрос исследования: выяснить и классифицировать причины становления образов в качестве мемов. Поскольку попытка решить такую исследовательскую проблему предпринята впервые, то проведенное исследование может способствовать дальнейшим теоретическим разработкам в данной области. Кроме того, созданная исследовательская модель может сделать возможным конструирование и запланированное создание мемов.

Литература

1. Аристотель. Поэтика / Пер. М. М. Позднева. – СПб.: Амфора, 2008. – 320 с.
2. Багаева Д. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В. И др. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–85.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 318 с.

4. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. – М.: Поколение, 2007. – 304 с.
5. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 504 с.
6. Вешнякова А. В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – №6-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-aspekt-internet-memov>
7. Дземидок Б. О комическом – М.: Прогресс, 1974. – 223 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
9. Клушина Н. И., Николаева А. В. Введение в интернет-стилистику: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 240 с.
10. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 350 с.
11. Кронгауз М. А. Мемы в Интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь. – 2012. – № 11. – С.127–132.
12. Кэмп-Фигура Д. (Интернет-)мем как новый медиажанр. Постановка вопроса // Медиалингвистика. – 2019. – 6 (1). – С. 103–121. URL: <https://medialing.ru/internet-mem-kak-novyy-mediazhanr-postanovka-voprosa/>
13. Матвеева Г. Г., Левец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 232 с.
14. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. – СПб.: Аллетейя, 1997. – 282 с.
15. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. – М.: Флинта. Наука, 2004. – 224 с.
16. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура воздействует на ваше сознание. – М.: Ультракультура, 2003. – 363 с.
17. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 542 с.
18. Ситова М. С. Трактовка комического в античных трудах // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – №4 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traktovka-komicheskogo-v-antichnyh-trudah>
19. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст. Опыт лингвокультурологического анализа. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
20. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 180–186.
21. Хисамова Г. Г. Функции диалога в художественном тексте // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – №1. – С. 34–42.
22. Цицерон Марк Туллий. Об ораторском искусстве. – М.: АСТ, 2019. – 512 с.
23. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 414 с.
24. Щурина Ю. В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации // Вестник Новгородского государственного университета. – 2012. – № 57. – С. 82–86.
25. Экман П. Психология. – СПб.: Питер, 2010. – 336 с.
26. Bar-Hillel I. Out of the pragmatic wastebasket // Linguistic Inquire. – 1971. – Vol. 2. – №3. – P. 401–407.
27. Dawkins R. The selfish gene. – Oxford: Oxford University Press, 1976. – 224 p.
28. Dennett D. C. Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of Life. – New York: Simon & Schuster, 1995. – 586 p.
29. Plotkin H. Darwin Machines and the Nature of Knowledge. – Cambridge: Harvard University Press, 1993. – 269 p.
30. Smirnova O. V., Denissova G. V., Svitich L. G., Lin C., Steblovskaia S. B., Antipova A. S. Psychological and Ethnocultural Sensitivities in the Perception of COVID-19 Memes by Young People in Russia and China // Psychology in Russia: State of the Art. – 2020. – 13(4). – P. 148–167.

МЕДИАСТИЛИСТИКА

- ◆ Инфотейнмент
как прагматическая стратегия
- ◆ Тактики инфотейнмента
- ◆ Медиатизация
- ◆ Функции неологизмов в медиаречи
- ◆ Авторская интенция
- ◆ Интенциональная стилистика
- ◆ Гонзо-журналистика
- ◆ Лингвоэтика
- ◆ Культурно-речевая проблематика

Татьяна Ивановна Сурикова:

«Широкий интерес к этической проблематике закономерен, поскольку этические императивы – универсалия любой коммуникации».

«Концепция инфотейнмента изначально предполагает завоевание, расширение и удержание аудитории как стратегическую задачу конкретного СМИ на информационном рынке в условиях жесткой конкуренции.

Реализуется она за счет придания каналу / изданию → программе / рубрике → тексту заданных семиотических и психологических свойств. Причем формы и средства инфотейнмента просчитываются на основе изучения особенностей аудитории при разработке концепции программы и, следовательно, все, что происходит на экране, в том числе и отступления от этического стандарта, санкционировано. Коммерческий интерес средства СМИ может противоречить общественному назначению и профессиональным этическим кодексам».

Лариса Тазретовна Касперова:

«Каждый журналист, создавая окказиональное слово, должен следовать трем принципам: 1) лексическому (значение нового слова понимается быстро и точно); 2) этическому (слово не является оскорбительным); 3) стилистическому (слово соответствует общей стилистике текста). Наиболее удачные авторские неологизмы журналистов достаточно быстро перестают быть авторскими и начинают широко употребляться в СМИ и обществе, другие остаются окказиональными».

«Неологизмы в современной медиакommunikации выполняют следующие функции: интеллектуализации, воздействия, креативизации, продвижения, а также особую функцию разговорной интернет-коммуникации – компенсаторную».

Ольга Робертовна Файзуллина:

«Первостепенная задача для Х. Томпсона – представить свою интерпретацию происходящего в крайне оригинальной стилистической манере, не считая критически важным следовать устоявшимся канонам. Автор создает гибридную форму в постмодернистской манере, когда повествование ведется от первого лица, а фокус повествования – на пишущем».

«Одной из основных авторских интенций журналиста является интенция информирования и тесно связанная с ней, на наш взгляд, интенция аналитики, которые призваны, по убеждению автора, транслировать правду. Сталкиваясь с проблемой сообщения правды в чистом виде, Х. Томпсон использует оппозицию «правда – ложь» или «дезинформация – настоящие новости» и ведет повествование на парадоксальной основе».

Наталья Сергеевна Лопухина:

«Говоря о культурных, духовных ценностях общества в целом, следует подчеркнуть, что грамотная речь, грамотное письмо также представляют собой ценность, так как это говорит о культуре нации вообще, о культуре отдельного человека в частности и особенно журналиста. О разрушительных тенденциях в области языка и речи не раз говорили и писали видные исследователи (см. работы Д. С. Лихачева, Л. И. Скворцова, Е. Н. Ширяева, Л. П. Крысина, Ю. Н. Караулова, Я. Л. Скворцова и многих других). В первую очередь культура речи требует безупречного владения литературной нормой».

ИНФОТЕЙНМЕНТ КАК МЕДИАСТРАТЕГИЯ В ЛИНГВОЭТИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА

Медиатексты в условиях медиатизации культуры и цифровизации СМИ – это следствие не поиска и анализа первичной информации, а обработки первичных текстов с этой информацией. Средством борьбы за аудиторию становится инфотейнмент – профессиональная концепция подготовки текста, начиная в разработки концепции самого медиа и заканчивая прагматическими свойствами конкретного текста. Коммерческая задача инфотейнмента – привлечение аудитории за счет аттрактивных свойств языка, который должен быть шокирующим, возбуждающим эмоции и любопытство. Инфотейнмент – явление многостороннее: скажем, в рамках его идеологии анализируют выразительные свойства медиатекста, и тогда результаты анализа мало отличаются от традиционных лингвостилистических, разница сводится к терминологии. Но прежде всего инфотейнмент – это медиаидеология в условиях цифрового медиадискурса, это коммерчески ориентированная речевая медиастратегия, порождающая коммерчески ориентированные прагматические и риторические тактики обработки материала. В этом ракурсе, как наиболее уязвимом, она рассматривается с точки зрения соответствия лингвоэтическим общекультурным и профессиональным ограничениям. В частности, тактика стимулирования эмоционального возбуждения реализуется за счет нарушения даже не профессиональных, а общекультурных принципов кооперации и вежливости и в политических ток-шоу, и тем более в развлекательных. В последних реализуется, кроме того, тактика возбуждения любопытства за счет выпячивания информации этически неоднозначной и нарушения профессиональных принципа объективного представления общественно важной информации. Особое внимание уделяется имплицитным нарушениям нормы при использовании свойств дискурса, языка и дискурсивного поведения.

Внимание к этически проблемным областям инфотейнмента объясняется не обвинительным уклоном исследования, а природой этической нормы: вне специальных коммуникативных задач (скажем, чтения курса профессиональной этики) она, будучи коммуникативной пресуппозицией, вербализуется слабо, в отличие от ее нарушений. В свою очередь, инфотейнмент многие из них и порождает.

Ключевые слова: инфотейнмент как прагматическая стратегия, медиатизация, тактики инфотейнмента, экспрессия, стандарт.

Tatiana I. Surikova
(Lomonosov Moscow State University)

INFOTAINMENT AS A MEDIA STRATEGY IN THE LINGUO-ETHICAL COORDINATES OF MODERN MEDIA DISCOURSE

Modern media texts is a consequence of the processing of primary texts with this information. The means of struggle for the audience is infotainment as a professional concept for preparing text, starting with the development of the concept of the media itself and ending with the pragmatic properties of a particular text. The commercial task of infotainment is to attract an audience due to the attractive properties of the language, which should be shocking, exciting emotions and curiosity. Infotainment is a multifaceted phenomenon. But first of all, infotainment is media ideology in the context of digital media discourse, it is a commercially oriented speech media strategy that generates commercially oriented pragmatic and rhetorical tactics of material processing. In this perspective, as the most vulnerable, it is considered from the point of view of compliance with linguistic general cultural and professional restrictions. In particular, the tactics of stimulating emotional arousal are realized due to the violation of not even professional, but general cultural principles of cooperation and politeness in political talk shows and, especially, in entertaining ones. In the latter, in addition, a tactic of arousing curiosity is realized by sticking out ethically ambiguous information and violating professional principles of objective presentation of socially important information. Particular attention is paid to implicit violations of the norm when using the properties of discourse, language and discursive behavior. The attention to ethically problematic areas of infotainment is explained not by the accusatory bias of research, but by the nature of the ethical norm: outside of special communicative tasks (say, teaching a course of professional ethics), it, being a communicative presupposition, is poorly verbalized, unlike its violations. In turn, infotainment generates many of them.

Key words: infotainment as a pragmatic strategy, mediatization, infotainment tactics, expression, standard.

Постановка проблемы

Лингвистические аспекты профессиональной этики как часть системы саморегулирования массмедиа актуальны всегда. Фиксируя представления о должном, они всегда будут основанием 1) для критики медиадискурса при сравнении эталона и практики; 2) для корректировки профессиональных кодексов в соответствии с медиареалиями; 3) для исследования мотивов и форм речевого поведения коммуникантов в зависимости от условий медиадискурса, в частности конкуренции на медиарынке и лингвоэтических ограничений. Последний аспект рассматривается в предлагаемой работе.

Ставится цель избежать обвинительного уклона, хотя фиксируются многие негативные явления дискурса СМИ. Но при сопоставлении практики с должным – нормами языковых профессиональных кодексов и общеобязательными правилами речевого поведения – фиксация на негативе естественна: нарушение нормы, в том числе лингвоэтической, привлекает внимание, поскольку это элемент экспрессии. Последняя понимается как отступление от нейтрального, нормативного фона – в данном случае предписаний лингвоэтики.

А норма – это должное, фон экспрессии, этически нейтральное речевое поведение. Это нулевой, определяемый историей, традициями, лингвокультурой уровень, который с прагматической стороны обеспечивает психологический комфорт коммуникации, стереотипность и, следовательно, предсказуемость процесса общения, а со стилистической – сводит его к стандарту. На его фоне проявляется экспрессия как конструктивный элемент языка СМИ, необходимый для привлечения внимания аудитории.

Широкий интерес к этической проблематике закономерен, поскольку этические императивы – универсалия любой коммуникации, тем более профессиональной массовой.

Методика исследования

Анализ и системное представление положений и выводов профессиональной деонтологии, медиастилистики, дискурсологии составляет научную основу предлагаемой работы. Это позволяет соотнести общие

и профессиональные этические требования – в этической терминологии должное – с практикой – в этической терминологии сущим, выявить коммуникативные формы игнорирования этических предписаний.

Как пресуппозиция принимается положение, что концепция программы, языковая манера и журналиста, и эксперта – это результат сознательного выбора в условиях современного медиадискурса. Его доминанты – 1) борьба за аудиторию и рейтинги, что потенцирует конфликт общественных и групповых интересов; 2) дозированное использование запретных приемов привлечения и удержания внимания аудитории, систематизированных ниже.

Предлагаемая ниже классификация – это обобщение частных речевых манер коммуникантов, каналов и программ. Как всякое обобщение, оно несколько упрощает и огрубляет картину действительности (программы и тексты, конечно, не одинаковы). Но выделение общих черт, пусть и проявленных в разной степени в конкретных передачах, делает картину медиадействительности, на наш взгляд, нагляднее.

Основной метод исследования – выделение значимых для целей исследования лингвоэтических черт медиадискурса, частотных приемов представления информации, их систематизация и соотнесение с целями и условиями коммуникации, обоснование причин и способов нарушения этических императивов.

Как основной объект наблюдения взяты новостные выпуски и политическая аналитика федеральных каналов «Россия 1», «1 Канал», «ТВЦ», «НТВ» – такие передачи, как «Время покажет», «60 минут», «Постскриптум», «Место встречи», «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Большая игра», «Право голоса», «Своя правда», «Кто против?», взятых в произвольной выборке с 2009 по 2020 гг.

В качестве дополнения берутся анонсы новостных, аналитических, и развлекательных программ за один день, включенные как реклама в политическую аналитику. Последнее дает синхронный срез медиадискурса.

Однако множество аналогичных примеров дает и более поздний медиадискурс,

и другие медиа, из которых взяты отдельные, наиболее показательные примеры. Это говорит об актуальности и иллюстраций, и их классификации.

Поскольку это кроссплатформенные медиа, база иллюстраций включает и/или традиционные эфирные выпуски, и/или их интернет-версии. Принималась во внимание речь самих журналистов, экспертов, аудитории в студии (последнее до пандемии коронавируса) и опубликованные в эфире интерактивные отклики зрителей. Все это в совокупности составляет медиатекст.

Программы могли со временем меняться (скажем, со второй половины 2020 г. передачи В. Соловьева стали менее агрессивными), некоторые закрывались, на их месте возникали другие. Но в данном случае это несущественно, поскольку обозначенные ниже черты оказались стабильны.

Результаты исследования

1. Инфотейнмент как прагматическая медиастратегия:

общая характеристика явления

Под прагматической вслед за О. С. Иссерс (Иссерс 1999: 104–109) подразумевается вспомогательная коммуникативная стратегия, цель которой – оптимальная организация речевого общения, создание эмоционального настроения, самопрезентация говорящего. В медиадискурсе эти задачи реализуются как привлечение, возбуждение и удержание внимания аудитории, повышение рейтинга как СМИ в целом: канала, программы, так и отдельного выпуска, передачи.

Лингвоэтические явления современного медиадискурса обусловлены тенденциями развития самих медиа. Прежде всего это медиатизация (Клушина 2014, Наседкина 2018) и цифровизация (Гнатышева, Соломатов 2010, Жилинская 2010) культуры, понимаемая как переход на цифровую основу, увеличение количества самих медиа и расширение сферы их влияния, экспансия во все сферы деятельности общества, образование кроссплатформенных СМИ и слияние их с интернетом.

В связи с этим сфера медийная, знаковая, виртуальная стала едва ли не важнее, чем реальная действительность. Сообщение о со-

бытии /явлении в СМИ стало равнозначным наличию его самого. Реальное событие приобретает соответствующий коммуникативный статус независимо от его общественной значимости тогда, когда находит отражение в массовой информации, т.е. когда оно становится медийным. Верна и другая связь: медийный фейк также приобретает статус реального события до тех пор, пока не будет разоблачен. Но к тому времени он свою задачу уже выполнит: след в сознании аудитории останется, а сам он будет забыт. Медийность, в свою очередь, прямо пропорциональна рейтингу сообщения СМИ, т.е. по существу охвату аудитории.

Средством борьбы за аудиторию становится не контент: его количество ограничено, а публикуемые тексты СМИ – чаще всего результат не поиска и обработки информации о действительности, а обработки первичных текстов о ней, иначе говоря, поиска по новостным сайтам. Средством борьбы за аудиторию становится манера подачи контента, так называемый инфотейнмент¹ (Карпенко и др. 2017) – совмещение информирования /пропаганды с развлечением.

Сразу оговоримся, что западная номинация инфотейнмент рассматривается как удачный зонтичный термин, объединивший и структурировавший наблюдения над языком СМИ не одного направления лингвистики, в частности, многое в нем совпадает с наблюдениями традиционной русской стилистической школы.

Так, основной принцип инфотейнмента – информирование через развлечение – можно с некоторыми оговорками приравнять к конструктивному принципу языка СМИ, предложенному В. Г. Костомаровым в начале 1970 гг., – принципу чередования экспрессии и стандарта. Языковой инвентарь тот же самый, разница в том, что, в каких условиях и зачем мы применяем.

Концепция инфотейнмента изначально предполагает завоевание, расширение и удержание аудитории как стратегическую задачу конкретного СМИ на информационном рынке в условиях жесткой конкуренции.

¹ Мы говорим только о технологиях инфотейнмента, нарушающих лингвоэтически е конвенции, и оставляем за скобками многогранность этой категории

Реализуется она за счет придания каналу / изданию → программе / рубрике → тексту заданных семиотических и психологических свойств. Причем формы и средства инфотейнмента просчитываются на основе изучения особенностей аудитории при разработке концепции программы и, следовательно, все, что происходит на экране, в том числе и отступления от этического стандарта, санкционировано. Коммерческий интерес средства СМИ может противоречить общественному назначению и профессиональным этическим кодексам.

2. Коммерческое редактирование с уклоном в желтизну как прагматическая стратегия инфотейнмента и ее тактики

Далее речь пойдет преимущественно об этически отрицательных языковых и, шире, семиотических сторонах инфотейнмента, но это вызвано не его негативной оценкой в целом, а задачей исследования – анализом отклонений и их причин от профессионального лингвоэтического стандарта.

2.1. Одна из тактик инфотейнмента – вызвать у аудитории состояние эмоционального возбуждения, сопереживания, соучастия. Один из проверенных способов обеспечить его – нарушение принципов кооперации П. Грайса и вежливости Дж. Лича², который можно рассматривать как риторическую тактику построения передачи, поскольку для огромной части аудитории это облегченный, приближенный к повседневности путь вовлечения в сюжет и усвоения информации по крайней мере во время эфира. Принципы П. Грайса и Дж. Лича даже не профессиональные – это общекультурные коммуникативные нормы, вербализованные и в наивной, и в научной картине мира, и в общепринятых правилах практической морали. В любой, а не только журналистский кодекс профессиональной этики они входят как коммуникативная пресуппозиция.

² Взята за основу концепция Грайса и Лича только потому, что она, в силу афористичности и четкости, приобрела наибольшее распространение.

Конкретные проявления частого сознательного игнорирования принципов кооперации и вежливости в том, что обсуждение проблем (преимущественно ситуации на Украине) на политических ток-шоу, таких как «Кто против?», «Место встречи», «60 минут», «Вечер с Владимиром Соловьевым», часто ведется на повышенных тонах, интонация выступающих бывает крайне агрессивна, а у ведущих часто и высокомерна, слушать друг друга дискуссионты не хотят, частотные реплики – *Я Вас/тебя не перебивал, Дайте мне / имярек сказать*. Во время обсуждения эксперты переходят на личности, игнорируют вопросы и говорят согласно собственной информационной повестке, навешивают друг другу ярлыки, оскорбляют оппонента (*бандеровский недобиток, тварь, я буду тыкать тебя как нашкодившего котенка* – «Вечер с Владимиром Соловьевым», 27.11.2019). Не доходят разве что до рукопашной. Зато в рукопашную часто идут участники развлекательных ток-шоу, анонсы которых включены в программы как реклама.

У ведущего политического ток-шоу «Кто против?», согласно концепции программы, есть право удалять слишком разбушевавшегося эксперта из студии. Ведущий об этом часто предупреждает в начале передачи и иногда пользуется такой возможностью, причем не в самой вежливой форме, например, так: *Знаете что, пойдите вон из студии!*

Вопрос: эксперты и ведущие не умеют себя вести в эфире? Вряд ли: это продуманная коммуникативная тактика и эксперты играют по заранее написанным правилам, а возможно, и сценариям. Часто, когда говорят сразу двое, переходя на брань и хамское ты, в параллельных кадрах показывают, как помощники в студии держат перед ними микрофоны, вместо того чтобы хотя бы один отключить. Это практикуется в прямом эфире, например, в ток-шоу «Время покажет».

На тех же каналах есть и другие передачи в том же формате, но рассчитанные на другую аудиторию: там ведут себя в рамках приличий. Интересно, как такие программы позиционируют создатели. Вот, к примеру, фрагмент анонса ток-шоу В. Никонова и Д. Саймса «Большая игра»: *Этот серьезный разговор для тех, кто хочет знать и*

понимать мировую политику — не просто жареные новости, а глубинный смысл, сама суть международных трендов (1tv.ru/shows/big-game).

Анонсируя концепцию новой программы, журналисты противопоставляют ее существующим: это не просто жареные новости, а глубинный смысл. Таким образом имплицитно они признают, что в предшествующих проектах «жарят новости», допуская как один из способов их кулинарную обработку на медийной сковороде – замену спокойно-рационального на возбужденно-скандальный эмоциональный регистр обсуждения.

Казалось бы, крик-шоу нейтрализуются с помощью ток-шоу. Но кричат и жарят новости каждый день по несколько часов, а спокойно анализируют раз в неделю, и в интернете преобладают упоминания о первых. Какая тактика в выигрыше – вопрос риторический.

2.2. Следующая прагматическая тактика инфотейнмента – вызвать любопытство, страх и удержать внимание аудитории. Есть несколько способов этого добиться. Первый – использовать естественное семиотическое свойство вербальной коммуникации в разной степени искривлять картину действительности за счет субъективности восприятия и первоочередной фиксации внимания на негативе и том, что не принято публично обсуждать; изменения модальной оценки явления (например, с помощью эвфемизации: АТО, т. е. антитеррористическая операция, – не то же самое, что карательная операция или гражданская война, хотя речь идет о трех наименованиях одного объекта – событий на Донбассе), замалчивания либо, наоборот, выпячивания явления.

С точки зрения возбуждения любопытства особый интерес вызывает выпячивание и его объекты, которые предстают в коммуникации в гипертрофированном виде и получают особо значимый коммуникативный статус, отнюдь не соответствующий общественной важности явления.

Гипертрофируются события скандальные; катастрофы, преступления, подробности личной жизни медийных персон и криминалитета. Например, в день похорон криминальных авторитетов Япончика и деда

Хасана, самоубийства опального олигарха Б. Березовского скандальной драки футболистов А. Кокорина и П. Мамаева возникло ощущение, что в стране не происходит больше ничего. В сентябре 2019 об эпатажной свадьбе оппозиционной журналистки К. А. Собчак во всех новостных выпусках в течение целого дня сообщали все федеральные каналы.

Эффект выпячивания достигается за счет многократного повторения сообщения, повышенной детализации (например, мало кто не вспомнил, что К. Собчак была ведущей скандального шоу «Дом-2») с уточнением в каждом выпуске подробностей и аспектов журналистского «расследования» темы, расстановки нужных акцентов с помощью оценочных коннотаций, эпатажного, цепляющего внимание языка и вынесения шокирующих подробностей в сильные, обладающие повышенной запоминаемостью позиции текста (анонсы, заголовки, зачины, концовки). В анонсах, как наиболее сильной позиции телетекста, фиксировали внимание на том, что в ЗАГС пара ехала на катафалке, а в самом сообщении приводилась подробность, что на нем была надпись *Пока смерть не разлучит нас*. Потом обсуждение темы с прирастанием новых подробностей на несколько месяцев переместилось в интернет-версии электронных СМИ.

На интернет-платформах соответствующих СМИ письменные сообщения структурировались по той же схеме – вынесение пикантных подробностей в сильные, запоминаемые позиции текста, например во врез (приведены его начало и конец): *Ксения Собчак подарила мужу на свадьбу эротический танец. Невеста под музыку разделась перед гостями.<...> Родители жениха на раздвигающую ноги невестку в белье смотрят отказались* (<https://www.ntv.ru/novosti/2233582/> – обращение 27.11.2019).

Подробности трагедий муссируются за счет чрезмерной детализации в режиме прямой трансляции: корреспонденты с места событий освещают все вплоть до того, как гробы с жертвами катастрофы грузят в самолет, хотя вряд ли такие подробности обладают ценностью общественной, но коммерческой – обладают.

Показывают и говорят, конечно, не все: в частности, не показывают, как террористы отрезают головы жертвам, хотя съемки такие в распоряжение журналистов поступают, но всё, что этому предшествует и за этим следует, транслируют, чего достаточно, чтобы держать аудиторию в напряжении, эксплуатируя фреймы насилия, смерти, страха.

Вне такой жесткой конкуренции журналисты вряд ли столько внимания уделили бы любому из названных выше сюжетов, но пожелание отнюдь не таблоидов – результат целенаправленного коммерческого редактирования. Коммерческий аспект и в разработке концепции издания / канала, и при подготовке к публикации конкретного текста – обязательная, а сейчас едва ли не главная их составляющая, поскольку современные медиа умножают не столько информацию о внеязыковой действительности, сколько тексты с одними и теми же сюжетами и темами, т.е. интерпретацию событий. Это особенность современного интернет-медиадискурса, и выигрывает тот, кто окажется первым и информационно более привлекательным.

Профессиональные этические кодексы запрещают вмешательство в личную жизнь, но, видимо, это не касается развлекательных программ, которые идут параллельно или между политическими шоу и информационными выпусками, том числе и в прайм-тайм. Скажем, 25.11.2019: на 1 канале предложено было посмотреть программы: «На самом деле: на детекторе неверный муж Лолиты», «Пусть говорят: кто обманул бриллиантовых наследников Зыкиной»; на «России 1»: «Андрей Малахов. Прямой эфир. Родители держали свою дочь в клетке: разоблачение», на НТВ: «ДНК: девочка с улицы ждет маму». По большинству других федеральных каналов в это же время шли сериалы, в меню которых практически обязательное насилие и/или слащавость, сусальность. И если Лолита, скорее всего, на публичный разбор своей личной жизни согласилась, то Л. Зыкина – вряд ли. И так изо дня в день.

Подобная вещательная повестка и манера подачи контента постоянно становится объектом критики со стороны самих журналистов, ее последствия становятся объектом социологических измерений, но у программ

время от времени меняются только названия.

3. Риторические тактики инфотейнмента

Теперь более подробно о том, каким языком тема излагается и создается экспрессия эмоциональности, эпатажа и/или страха. Можно выделить два типа тактик – эксплицитные и имплицитные.

3.1. Языковая игра

Первая типичная тактика представления социальных девиаций – языковая игра, социальная ирония, языковые ресурсы которой не ограничены, но обязательны отрицательно-оценочные этические коннотации.

Приведем несколько показательных примеров. Первый -- многочисленная серия социальных *оборотней в погонах* (меткое выражение Б. Грызлова – 2003 г.), / *в белых халатах /с указками /в пиджаках* (о дипломатах) и т. д. – метафора, сериализованная СМИ и активная в конце нулевых – начале 2010 гг., но не забытая до сих пор. Свежая вариация 2016 г. – *оборотни в пеленках* (иронически о няньках и репетиторах).

Номинантами конкурса «Слово года» в разные годы стали слова *пилинг*, *откатинг*, производные от *распила* и *отката* как видов чиновничьей коррупции, и слово *спёрлинг*, образованное по аналогии с названием вида спорта кёрлинг в связи с коррупционными скандалами при строительстве олимпийских объектов к Олимпиаде-2014.

Публичную драку футболистов А. Кокорина и П. Мамаева называли *мамаево кокорыще*, а их самих – *братья-разбойники*, используя в языковой игре возможности прецедентов.

Языковая игра – черта современного языкового поведения, она всегда экспрессивна, и уже поэтому становится инструментом инфотейнмента. Но не всегда она этически разрушительна. Разрушительность ей придает агрессивная метафора социального дна (*закажи начальника* – буквально закажи портрет начальника, *на иглу банковского обслуживания, в унитазе замочили ужей* – утопили безобидную змейку; примеры из нулевых гг. XXI в.: сейчас этот ресурс языковой игры иссякает). В этом случае криминальная, нар-

команская лексика выходит за пределы своей сферы, расширяет сочетаемость, санкционируя таким образом криминальный взгляд на жизнь: в слове отражен менталитет того, кто слово создал. Криминальная метафора и аудиторией осознается как этически запретное речевое действие: не зря же больше 20 лет В. В. Путину припоминают угрозу *замочить* террористов в сортире.

3.2. Социальный оксюморон

Вторую риторическую тактику представления социальных девиаций обозначим как **социальный оксюморон**. Суть его в том, что информация излагается преимущественно средствами нейтрального стилистического регистра с возможным элементами разговорности. Последние отражают общие тенденции развития стиля постсоветских медиа (Солганик 2011) и служит маркером принадлежности текста к медиадискурсу, но не содержат экспрессии как таковой – это нейтральный стилистический уровень медиаязыка.

Элементом экспрессии, а точнее, эпатажа и удержания внимания становится необычная сочетаемость – соединение в общем контексте лексических единиц из языка разных, несоединимых в норме сфер, это и есть социальный оксюморон: *Невеста под музыку разделась перед гостями*. Он и становится языковым выражением социальной девиации. Такие единицы встречаются по всему тексту, но концентрируются его сильных позициях: анонсах, заголовках, например: *Доцента университета выловили из реки с отрубленными руками любовницы* (https://russia.tv/article/show/article_id/72572 – обращение 27.11.2019). Упомянутый в примере доцент, историк с мировым именем, убивший свою аспирантку в ноябре 2019 г., получил следующие наименования: *ученый-убийца, доцент-расчленитель любовниц, историк-расчленитель; аспирант С. – будущий убийца и расчленитель*. Причем эти номинации сразу превратились в клише и, пока новость была в топе, стали более частотными, чем нейтральные указания на статус и фамилию. Таким образом до суда СМИ ученого переместили из фрейма «наука» во фрейм «преступность» и даже начали нагнетать ужас, дополняя сюжет подробностями: *Историк-расчленитель едва не отправил на тот свет с вою мать*

(<https://www.tvc.ru/news/show/id/172312> – обращение 27.11.2019); *Следствие изучит данные о возможных жертвах историка-убийцы* (<https://www.tvc.ru/news/show/id/172299> – обращение 27.11.2019).

При представлении референта в разных фреймах языкового сознания меняется и его интерпретация, по крайней мере первая, привлекающая внимание. Так, приведенные заголовки ориентируют на то, что перед нами серийный убийца, который готов был убить даже собственную мать, но случайно оставил в живых. А речь о другом: человек беспокоился, смогла ли его мать, которой должно быть за 80 лет, пережить известие о преступлении сына.

Интересно, что в том же ключе социального оксюморона представляются и природные катаклизмы: в частности, капризы погоды представляются в фрейме «преступление»: *снегопад-убийца / разрушитель, дождь-убийца / разрушитель, ветер-убийца / разрушитель, гололед-убийца / разрушитель, Штатах похозяничал снегопад-убийца* (НТВ), *Снег-разрушитель: московская непогода побила все рекорды* (МК), *Дожди-убийцы свирепствуют в Пекине* (НТВ)

3.3. Как еще делают «можно» из «нельзя»

В дискурсе СМИ есть семиотические условия, средства и формы речевого поведения, при которых то, что осознается как запретное, становится допустимым – отодвигается граница нормы в сторону ее смягчения.

С точки зрения инфотейнмента, эпатажа интерес представляет семиотическая роль ретранслятора (Шейгал 2000: 62), когда говорящий (в дискурсе СМИ это прежде всего журналист) цитирует чьи-либо слова. Действует правило: «Мы с вами знаем, что это неприлично / цинично / жестоко и т. п., но из песни слова не выкинешь». Оформился даже отдельный литературный жанр – цитаты великих, назначение которых – дискредитация говорящего, так что любое неудачное высказывание обречено на долгую жизнь.

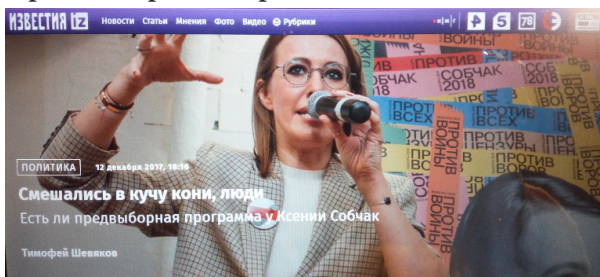
Например, ведущий в серьезной аналитической передаче цитирует с дублированием в титрах следующее популярное высказывание Н. С. Хрущева: *Мы никогда не примем Аденауэра как представителя Германии. Если снять с него штаны и посмотреть на его задницу,*

то можно убедиться, что Германия разделена. А если взглянуть на него спереди, то можно убедиться в том, что Германия никогда не поднимется» (ТВЦ, Постскрипtum, 07.02.2010). От своего лица этот журналист вряд ли себе позволил бы что-то подобное в эфире.

То же цитирование представляет из себя публикация интерактивных интернет-откликов зрителей относительно содержания передачи. Они проходят редакторский фильтр, но к форме выражения требования гораздо мягче: чего нельзя журналисту – можно зрителю, а экспрессия – один из критериев отбора и требование инфотейнмента.

Средства косвенной коммуникации, в частности тактика намек, когда смысл высказывания имплицуруется, но однозначно вычитывается из контекста, также делает возможным этически то, что запретно в прямой эксплицитной форме. Скажем, переходить на личности, указывать на физические недостатки, называть кого бы то ни было уничижительным прозвищем этически запрещено. Но в тактике намек запрет не действует, поскольку целеустановка при всей прозрачности и эпатажности недоказуема. Экспрессия, эпатаж, насмешка оказываются весомее этических ограничений.

Например, во время президентской предвыборной гонки, в которой участвовала и К. Собчак, «Известия» публикуют, а политические ток-шоу дружно цитируют статью под названием «Смешались в кучу кони, люди. Есть ли предвыборная программа у Ксении Собчак» (см. фото ниже). Казалось бы, при чем здесь цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино»? Скажем, она может быть понята как метафора предвыборной гонки или скопления народа на предвыборном митинге кандидата.

(<https://iz.ru/682307/timofei-sheviakov/smeshalis-v-kuchu-koni-liudi> – обращение 27.11.2019)

Но есть еще одно объяснение: за некоторые особенности внешности Ксении Анатольевне в народе дали прозвище Ксюшадь. Имеющий глаза да увидит! Имеющий уши да услышит! Экспрессия нарушения этической нормы создана: полоса с этим заголовком и фотографией кандидата притягивает внимание. Инфотейнмент работает.

4. Выводы

Следствие медиатизации культуры и цифровизации самих медиа – умножение в дискурсе не столько информации, сколько количества текстов об одних и тех же событиях, т. е. их интерпретаций, что обостряет конкуренцию на медиарынке и порождает явление инфотейнмента как прагматической медиастратегии выживания медиа в условиях борьбы за повышение медийности, т. е. рейтинги и аудиторию.

Стратегия в целом отвечает природе массмедиа – совмещению информирования/пропаганды с развлечением, но ее оборотная сторона в том, что орудием борьбы за аудиторию и медийность, т. е. коммерческий успех, нередко становится сознательное нарушение профессиональных лингво-этических норм и в концепции программы, и в редактировании конкретных текстов и выпусков с заданным уклоном в желтизну, эпатажность, сенсационность, с эксплуатацией фреймов насилия, преступления, смерти, выпячиванием социальных девиаций, подменой общественной важности общественным любопытством. Используются ресурсы и эксплицитной, и имплицитной кодировки информации; средства и прямой, и не прямой коммуникации; ресурсы структуры (заголовочный комплекс); возможности поликодовых и мультимедийных текстов.

Повторяемость одних и тех же явлений позволяет считать их запланированным качеством языка массмедиа и сознательным, просчитанным речевым поведением коммуникаторов.

Литература

1. Авраамов Д. С. Профессиональная этика журналиста. – М.: Изд-во Мос. ун-та, 2003. – 224 с.
2. Арутюнова Н. Д. Истина и правда // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 543–640.
3. Бессарабова Н. Д. Журналист и слово. – М.: Ф-т журналистики МГУ, 2015. – 261 с.
4. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 44–87.
5. Гнатышева Е. Б., Соломатов А. А. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Челябинского гос. пед. университета. – 2017. – № 8. – С. 20–24.
6. Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестник Нижегородского лингвистического университета. – 2003. – № 1. – С. 220–231.
7. Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды. Вестник Московского ун-та. Сер.10. Журналистика. – 2016. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy>.
8. Жилинская Т. С. Медиа, медиасреда, медиатизация в контексте современной культуры. – 2010. URL: <http://infinculture.blogspot.ru/2010/10/blog-post.html>.
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 284 с.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
11. Карпенко И. И., Лобановская Е. Ю., Ельникова О. Е., Горборукова Л. С. Использование метода инфотейнмента в практике современного российского телевидения // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2017. – № 28. – Т. 36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metoda-infoteynmenta-v-praktike-sovremennogo-rossiyskogo-televideniya>.
12. Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. – 2014. – № 1. – С. 66–73.
13. Колесниченко А. В. Российская журналистика между должным и реальным: взгляд руководителей и владельцев центральных российских изданий (публичные заявления) // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2016. – № 3. – С. 17–29.
14. Костиков В. Игра в жмурки. Как не заблудиться в информационном лабиринте // Аргументы и факты. – 21.08.2019. URL: https://aif.ru/politics/opinion/igra_v_zhmurki_kak_ne_zabluditsya_v_informacionnyh_labirintah.
15. Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 207 с.
16. Лазутина Г. В. Деонтология журналистики как сфера научного знания // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 8. – С. 202–219.
17. Лазутина Г. В. Деонтология в системе научных представлений о журналистике (по результатам самопознания профессии на конец 2016 года) // Современная журналистика в аспекте деонтологии. – М.: Ф-т журн. МГУ, 2017. – С. 7–32.
18. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 507 с.
19. Левинсон А. Как телевидение формирует сознание россиян. – 2016 // РБК. – 24.08.2016. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/08/25/57bd601b9a7947df992a83c1>.
20. Логический анализ языка: языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 444 с.
21. Минкин А. Под властью маньяков. – 2008. URL: <https://mediamera.ru/post/235>.
22. Муратов С. А. Нравственные принципы тележурналистики: Опыт этического кодекса. – М.: Права человека, 1997. – 55 с.

23. Наседкина Н. И. Сущность медиатизации как явления современного общества // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2018. – № 9. URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381>
24. Панкеев И. А., Лазутина Г. В. Саморегулирование в журналистике: уровни, аспекты, инструменты // *Медиаальманах*. – 2018. – № 3. – С. 14–23.
25. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. *Язык СМИ: средства речевой агрессии*. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 160 с.
26. Петровская И. Народ хочет знать, а пипл хавает. – 2007. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1046910/>.
27. Петровская И. В ТВ правды нет. – 2007. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1035750/context/>.
28. *Право и этические нормы в журналистике* / сост. проф. Е. П. Прохоров. – М.: Аспект-Пресс, 2012. – 255 с.
29. Самарцев О. Цифровая реальность. Журналистика информационной эпохи: факторы трансформации, проблемы и перспективы. – М.: Издательские решения, 2017. – 120 с.
30. Седов К. Ф. *Антология речевых жанров*. – М.: Лабиринт, 2007. – 320 с.
31. Сковородников А. П. *Экология русского языка*. – Красноярск: Сиб. фед ун-т, 2016. – 388 с.
32. Степанов Ю. С. *Константы. Словарь русской культуры*. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 990 с.
33. Солганик Г. Я. Языковая ситуация: язык СМИ – литературный язык // *Журналистика и культура русской речи*. – 2011. – № 1. – С. 8–21.
34. Сурикова Т. И. Этический аспект языка СМИ // *Язык массовой и межличностной коммуникации*. – М.: Медиамир, 2007. – С. 133–185.
35. Сурикова Т. И. Журналист, аудитория, власть: лингвоэтические аспекты взаимодействия в политическом дискурсе СМИ // *Язык СМИ и политика*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – С. 199–245.
36. Фролова Т. И. Журналистская этика: особые ситуации и особые герои // *Вестник Волжского ун-та*. – 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistskaya-etika-osobyie-situatsii-i-osobyie-geroi>.
37. Шаховский В. И. *Лингвистическая теория эмоций*. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
38. Шейгал Е. И. *Семиотика политического дискурса*. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.

Л. Т. Касперова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

ФУНКЦИИ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАРЕЧИ¹

В статье рассмотрены основные функции неологизмов в медиаречи: креативизация, интеллектуализация, воздействие, продвижение. А также особая функция интернет-коммуникации – компенсаторная как способ снятия стресса и выражения эмоции. В качестве примеров из СМИ приводятся актуальные лексические единицы 2019–2021 гг. (*твиндемия, инфодемия, удаленка, тиктокер* и др.).

Ключевые слова: интернет-коммуникация, неологизм, лексикология, медиаречь.

Larisa T. Kasperova

(Lomonosov Moscow State University)

FUNCTIONS OF NEOLOGISMS IN MODERN MEDIA SPEECH

The article considers the main functions of neologisms in the media language: creativization, intellectualization, impact, promotion. And also a special function of Internet communication – compensatory as a way to relieve stress and express emotions. Current lexical units of 2019-2021 are given as examples from the media (*tweendemia, infodemia, udalenka, tiktoker*, etc.).

Key words: internet communication, neologism, lexicology, media speech.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00077 А «Креативная функция языка в интернет-коммуникации».

Важной функцией неологизмов в СМИ является **креативная функция**, обусловленная в первую очередь рекламной направленностью заголовочных комплексов. Как утверждает известный лингвист Л. В. Рацибурская и представители ее научной школы, «стремление к неологизации является одной из характерных черт публицистического стиля. Далеко не все словообразовательные неологизмы обладают оценочностью, но экспрессивность свойственна большинству из них, поэтому журналисты часто прибегают к созданию новообразований, позволяющих емко и наглядно выразить свою мысль, экономя языковые средства. Это особенно актуально для постоянно меняющегося современного мира, когда автору не хватает существующих средств для точного описания новых явлений в обществе» (Рацибурская, Торопкина 2013: 191).

Каждый журналист, создавая окказиональное слово, должен следовать трем принципам: 1) лексическому (значение нового слова понимается быстро и точно); 2) этическому (слово не является оскорбительным); 3) стилистическому (слово соответствует общей стилистике текста). Наиболее удачные авторские неологизмы журналистов достаточно быстро перестают быть авторскими и начинают широко употребляться в СМИ и обществе (*автохулиганка, аутмусорсинг, гретинизм, инфоцыгане, коронабесие, собянинки, федунизм, хайпожор* и др.), другие остаются окказиональными.

Окказионализмы в журналистике достаточно часто создаются преимущественно способом словообразовательной контаминации (блендинга). «В лингвистической литературе языковое явление «блендинг» имеет достаточно неоднозначное определение. Лингвисты дают разные трактовки блендинга. Кроме того, нет единого термина для обозначения данного явления. По мере изучения вопроса нам встретились следующие варианты: словослияние, гибридизация, вставочное словообразование, вставочное словослияние, скорнение, телескопия, контаминация, наложение» (Ибраева 2021: 2770). Так, например, по мнению О. А. Хрущевой, описавшей различные структурные типы блендов на материале русского и английского языков,

«бленд образуется в результате взаимодействия двух или более исходных единиц, которые проходят процесс усечения и объединяются в единую лексему, либо имеют сходные фрагменты в своей структуре и объединяются путем наложения» (Хрущева 2011: 9). Единого мнения относительно выбора термина для данного способа словообразования в отечественной науке на данный момент не существует, но активность и популярность таких словообразовательных моделей отмечают все ведущие исследователи языка СМИ: «Наибольшей экспрессивностью обладают новообразования нестандартной словообразовательной структуры, созданные по неузואльным словообразовательным моделям, неузואльными способами. В медийном словотворчестве широко представлены гибридные новообразования, созданные путем контаминации (с возможными формальными видоизменениями)» (Рацибурская 2016: 194).

Так, в газете «Коммерсант» (2019–2021) ряд заголовков или заголовочных комплексов содержат именно такие производные: **Торгпредоносцы**. В Минпромторге выбрали семь торговых представительств, на которых протестируют новую систему продвижения и защиты внешнеэкономических интересов России за рубежом: торгпред + торпед/оносцы. Ориентирование на **койкоместности**. Вводить локдаун не планируется даже там, где больницы почти полны: койкомест/о + местность. **Теледебачение**. Как Владимир Зеленский вывел Петра Порошенко на себя: укр. телебачення + де/баты; **Мовомученик**. Владимиру Зеленскому придется жить по новому закону о языке: укр. мова + ново/мученик. **Средне-взбешенные цены**: средневзвешенный + взбешенный.

Данный способ словообразования создает, как правило, слова с оттенком иронии.

Вторая **функция – продвижение** в литературный язык. В качестве примера представим слово *удаленка*.

Удаленка. Разг. ‘Формат работы не в офисе; например, из дома и т. п. || для сотрудников, которые обычно работают в офисе’. *Работодатели, которые оставили сотрудников на удаленке, обеспечили их компьюте-*

рами, мебелью и виртуальным детским садом для детей (Коммерсант).

Слово актуализировалось в период пандемии 2020 г., когда многие компании были вынуждены перевести сотрудников на работу из дома, и обрело новый оттенок значения. Кроме того, в 2020 г. слово *удаленка* постепенно утрачивает принадлежность к разговорному стилю в СМИ и становится нейтральным. Его активно употребляют в информационных выпусках и официальных контекстах: «Президент поручил чиновникам уточнить регулирование удаленки с учетом «соблюдения баланса интересов работников и работодателей, минимизации расходов на организацию данного вида работы, а также недопущения ее излишнего нормативного регулирования» (Interfax.ru).

Тиктокер. Блогер, который снимает короткие видео и выкладывает их в приложении TikTok. Близнецы Кирилл и Артем Верзаковы из Екатеринбурга заняли седьмое место в рейтинге самых высокооплачиваемых тиктокеров по версии Forbes (Коммерсант). С появлением TikTok в 2019 г. слово стало употребляться в разговорной речи, а затем и в качественных СМИ как нейтральное.

Во время пандемии в литературный язык (зафиксировано активное употребление в качественной прессе) из лексики ограниченного употребления (профессионализмы и сленг) пришли некоторые названия одежды:

Лонгслив (англ. long + sleeve). 'Футболка с длинным рукавом'. *Мастро готики и драмы Рик Оуэнс представил коллаборацию с Champion, приуроченную к 100-му юбилею легендарного спортивного бренда. В нее вошли монохромные футболки и лонгсливы, имитирующие боди* (Коммерсант).

Стритвир (англ. street wear). 'Уличный стиль одежды'. *Каковы бы ни были наши дизайнерские фантазии, сегодня люди стремятся к оверсайзу, стритвиру, и вообще предпочитают удобную одежду для улицы или дома из мягких уютных тканей* (МК). Слово из молодежного жаргона (См.: <http://www.terminy.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang/stritvir>) сейчас активно употребляется в индустрии моды и из разговорной речи проникло в литературный язык.

С каждым годом процесс активного заимствования английской лексики и не менее активного внедрения этих заимствований в русскую речь посредством рекламы, PR и журналистики активно развивается. Для лингвистики это вопрос далеко не новый, и заимствования всегда являлись одним из основных источников пополнения посредством СМИ лексики того или иного языка, выполняя **функцию интеллектуализации** общества. Но основной тенденцией последних лет можно назвать преобладание **воздействующей функции** искусственно внедряемых на международном уровне слов. Так, в 2020 г. по инициативе ВОЗ появилось слово **инфодемия** (англ. infodemics: «информационная» и «пандемия», «эпидемия»). *Негат.* 'Распространение дезинформации с целью создания стрессовой ситуации посредством слухов, фейков, утрирования ситуации или ее отрицания'. **«Инфодемия»** – это появление в информационном пространстве большого количества вредных материалов. Например, конспирологических теорий, слухов, сплетен и так далее (АиФ).

Оценочное слово *ковидиот* (covidiot) тоже является плодом воздействующих технологий. Впервые оно появилось на сайте Urban Dictionary 16 марта 2020 г. и характеризовало людей, которые не верят в пандемию. В русском языке слово получило два антонимичных значения.

Ковидиот (англ. covidiot: Covid-19 + idiot). *Неодобр. Ирон.* 'Человек, который неадекватно реагирует на пандемию Covid-19, чрезмерно боится последствий эпидемии или пренебрегает мерами предосторожности'. *На самом деле ковидиотами сегодня называют две категории людей. Первые – те, кто всегда готов к концу света. У них в гардеробе лежит несколько шапочек из фольги, они уже обзавелись скафандром и запасли гречку на пять поколений вперед... А вот вторая категория ковидиотов гораздо более многочисленна и опасна. Это новые отрицатели пандемии, которые твердо уверены в том, что именно они сохраняют ясный рассудок в мировом хаосе и не дадут себя обмануть* (МК).

В сентябре 2021 г. таким «искусственным» словом стало слово *твиндемия* (англ. twins + пандемия). *Твиндемия* – это двойная эпидемия. С одной стороны – острые респираторные вирусные инфекции (ОРВИ или грипп), а с другой – коронавирус. И когда очередная волна ковида наложится на сезонный всплеск простудных заболеваний, то людей ждет двойной удар по здоровью, говорят гарвардские ученые (АиФ).

Первичную реакцию аудитории на подобные слова можно обозначить как стрессовую, а в качестве компенсаторных механизмов в интернет-коммуникации выступает креативное словообразование (функция **компенсаторная**). «Период пандемии коронавирусной инфекции отличает особое усиление игрового смехового, «карнавального» начала в языке и культуре, что является естественной реакцией человеческой природы на переживаемый коллективный стресс, шок, на страхи и опасность, и это не раз было отмечено на страницах СМИ и интернета» (Приемышева 2021: 550). «Очевидна также оценочная и эмоциональная маркированность многих новообразований СМИ, позволяющих отразить субъективное отношение автора к высказыванию в целом» (Скороходова, Щеголева 2016: 78).

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – №5/1(45). – С. 102–110.
2. Ибраева А. Ф. Блендинг как продуктивный способ словообразования в англоязычных чат-коммуникациях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Том 14. – Выпуск 9. – С. 2769–2772.
3. Кузнецова А. А., Безуглова О. А. Средства массовой информации как один из основных источников неологизмов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №3 (69). – С. 101–103.
4. Приемышева М. Н. Коронояз, карантинсмех и ковидный фольклор // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография / отв. ред. М. Н. Приемышева. – СПб.: ИЛИ РАН, 2021. – С. 550–563.
5. Рацибурская Л. В., Торопкина В. А. Словообразовательные неологизмы с негативной оценочностью в текстах СМИ // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2013. – №6(2). – С. 187–191.
6. Рацибурская Л. В. Экспрессивно-оценочные возможности современного медийного словотворчества // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): сборник научных статей / отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 191–196.

Олег Богов · 4 октября 2021

Учитывая же ещё и повальное пьянство, можно говорить уже не о твиндемии, а о тридемии. Ну и там - рукой подать до трындемии. А трындеть у нас умеют...

konstantin lakovlev

а этим тёплым летом тоже был ковид - тот который прилипает в жаре)) а следующей зимой будет тройной ковид от англ. слова triple)))

олег ЧЕПЕЛЕНОК · 4 октября 2021

В ответ на комментарий от konstantin lakovlev

Не а.....Это будет сридемия

[Источник: <https://news.mail.ru/society/48196169/comments/>. Дата обращения 4.10.2021].

Некоторые из подобных производных созданы самими коммуникаторами с целью выражения эмоций, иронии или недоверия к описываемой ситуации, а некоторые – технологами с целью формирования недоверия общества к создавшейся ситуации. В первом случае такой окказионализм будет выполнять компенсаторную функцию, а во втором – воздействующую.

Итак, неологизмы в современной медиакоммуникации выполняют следующие функции: интеллектуализации, воздействия, креативизации, продвижения, а также особую функцию разговорной интернет-коммуникации – компенсаторную.

7. Скороходова Е. Ю., Щеголева М. М. Роль и употребление неологизмов в современных СМИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – №5(3). – с. 73–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-upotreblenie-neologizmov-v-sovremennyh-smi>.
8. Хрущева О. А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2011. – 23 с.
9. Якушева А. В. Апеллятивная функция неологизмов в заголовочном комплексе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №16(345). – С. 156–158.

О. Р. Файзуллина
(Казанский федеральный университет)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В МЕДИАТЕКСТАХ Х. ТОМПСОНА

В статье анализируется роль интенции в медиатекстах американского публициста XX–XXI вв. Хантера Стоктона Томпсона, чье уникальное оригинальное творческое наследие до сих пор остается актуальным. Жанровая специфика его работ неразрывно связана с авторской интенцией. Глобальной интенции публициста необходимо уделить пристальное внимание исследователям его писательской деятельности. При этом важно учитывать тот неповторимый авторский стиль под названием «гонзо-журналистика», который создал Х. Томпсон.

Ключевые слова: интенция, авторская интенция, интенциональная стилистика, медиастилистика, гонзо-журналистика, субъективность.

Olga R. Fayzullina
(Kazan Federal University)

PECULIARITIES OF AN AUTHOR INTENTIONS' REALIZATION IN H. THOMPSON'S MEDIA TEXTS

In the article the role of intentions is analyzed in the media texts of American publicist of the XX–XXI centuries Hunter Stockton Thompson. His unique original creative oeuvre is still relevant and important. The researchers of his writing activity should pay close attention to the publicist's global intention. In addition, it's vital to take into consideration that distinctive author's style called "Gonzo Journalism" which had been created by H. Thompson.

Key words: intention, author's intention, intentional stylistics, media stylistics, Gonzo Journalism, subjectivity.

Понятие «интенция» является системообразующей доминантой, влияющей на речевую деятельность любого, кто занимается созданием текстов. В нашей статье в центре исследования фигура журналиста, чьи медиатексты привлекают внимание своей уникальной природой реализации заложенных в них авторских интенций, которые формируют взаимозависимую цепочку, представляющую собой целый комплекс разного типа интенций.

Теоретическая база исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых. Особый интерес вызвала монография Н. И. Клушиной «Медиастилистика», в частности, глава «Стилистика информационной эпохи», в которой особое место занимает детальный разбор интенционального стилистического метода, рассматриваются понятие «интенция», типы интенций в зависимости от дискурса, природа авторской интенции. Мы полностью согласны с идеей Н. И. Клушиной о комплементарности, связанной с интенциональностью. В своей работе автор указывает на значимость исследований в области современной интенциональной стилистики профессора Г. Г. Хазагерова, чья научная школа создает целый атлас интенций.

Говоря о нарративной структуре текста, важно отметить взаимосвязь и взаимозависимость конкретного автора и конкретного читателя или же, другими словами, адресанта и адресата в процессе творческой коммуникации.

Согласно определению Н. И. Клушиной, «интенция – это когнитивно-коммуникативный феномен, включающий в себя осознание / прочтение автором внешнего мира и коммуникативное стремление (намерение) донести это прочтение (интерпретацию) Другому (Другим может быть и сам субъект интенции, выступающий в акте автокоммуникации)» (Клушина 2018: 16). Из соависимости автора и читателя «рождается» сам текст, который становится независим от конкретного автора и конкретного читателя, обретая более универсальную форму доступную для более широкого круга реципиентов.

Для анализа специфики писательской деятельности Х. Томпсона, американского

публициста рубежа XX–XXI вв., необходимо обратиться к работам зарубежных исследователей в области художественной (литературной) журналистики, хотя жанровая природа текстов, созданных Х. Томсоном, оригинальна и уникальна в своем роде, можно говорить об объединяющих чертах гонзо-журналистики (основоположником которой является Х. Томпсон) и литературной журналистики. Гонзо-журналистика – индивидуальная авторская стилевая манера, которая рассматривается в качестве разновидности «новой журналистики». В словаре *Oxford Advanced American Dictionary* гонзо-журналистика определяется как «сообщение в газетах, которое больше направлено на шокирование или возбуждение интереса читателей, чем на предоставление правдивой информации» (*Gonzo journalism – reporting in newspapers that tries to shock or excite readers rather than to give true information*). В этом определении уже заложена основная интенция автора сообщения, но, на наш взгляд, оно ограничено и не раскрывает всей сути данного явления. Парадоксальную природу, которая стоит за поиском того, что скрывает граница правды и вымысла, в творческом подходе журналиста, задача автора представить многомерные образы в их пограничных состояниях.

Дж. Хартсок относит Х. Томпсона к представителям журналистики соучастия (*participatory journalism*), существует целый ряд схожих терминов, таких, как гражданская журналистика (*citizen journalism*) и тому подобное. В своей книге «История американской художественной журналистики: появление современной нарративной формы» он пишет, что, хотя работы Х. Томпсона относятся к «нарративной художественной журналистике», они «полны необузданной сатиры и грань между правдой и вымыслом стерта» (Хартсок 2000). В статье «Что такое это гонзо в гонзо-журналистике?» (*What's Gonzo about Gonzo Journalism?*) Дж. Моссер указывает на то, что «Томпсон часто поддерживал приверженность, которую он разделял с Джорджем Оруэллом, связанную с идеей о превращении политического текста в произведение искусства ... Гонзо – это даже вид журналистской этики, как Томпсон ска-

зал: «Если я собираюсь что-то выдумывать, мне нужна правдивая подоплёка. Иначе, всё, что я пишу о политике, может быть воспринято как галлюцинации» (Моссер 2012: 88). По словам самого Х. Томпсона, гонзо-журналистика – это стиль репортажа, основанный на идее Уильяма Фолкнера, что самая лучшая художественная литература правдивее, чем любой тип журналистики, – и лучшие журналисты всегда это знали.

В качестве объекта изучения выступает интенционально-стилистическая природа медиатекстов Х. С. Томпсона.

Предметом нашего исследования стали медиатексты из книг «Большая охота на акул» (*The Great Shark Hunt: Strange Tales from a Strange Time*, 1991), «Царство страха» (*Kingdom of Fear: Loathsome Secrets of a Star-Crossed Child in the Final Days of the American Century*, 2003), «Наших бьют! Кровавый спорт, американская доктрина и водоворот тупости» (*Hey Rube: Blood Sport, the Bush Doctrine, and the Downward Spiral of Dumbness. Modern History from the ESPN.com Sports Desk*, 2004). Все три книги представляют собой сборники статей журналиста, тематической доминантой в которых выступает сфера политики.

Мы полагаем, что при анализе подобных медиатекстов фокус внимания исследователя всегда должен быть направлен на авторскую интенцию. Первостепенная задача для Х. Томпсона – представить свою интерпретацию происходящего в крайне оригинальной стилистической манере, не считая критически важным следовать устоявшимся канонам. Автор создает гибридную форму в постмодернистской манере, когда повествование ведется от первого лица, а фокус повествования – на пишущем. «В центре медиатекстов журналиста-публициста – фигура самого автора, он позиционирует свою творческую интенцию с помощью весьма известных стилистических приемов, прибегая к парадоксальности, играя с адресатом. Он создает особую коммуникативную среду, основанную на противоречиях, эмоциональных всплесках, иронических и саркастических высказываниях. Постоянно поддерживается связь адресанта и адресата за счет оригинальных апелляций к читателю» (Файзуллина 2021: 470).

Тематически автор всегда демонстрирует свою независимость, делая акцент на острых политических событиях страны и проводя аналогии с общей заданной идеей. Субъективная манера подачи материала, следование национальным традициям американской контркультуры – неотъемлемые элементы творческой позиции Х. Томпсона.

Рассматривая стилистические особенности интенций данного автора, важно отметить, что существует соотношение разных *дискурсных интенций* (термин взят у Н. И. Клушиной), а также взаимозависимость дискурса и интенции, взаимосвязь дискурсов, таких, как публицистический/тенденциозный дискурс и политический дискурс (как ядерный / центральный / системообразующий). Кроме того, важно понимать, что взаимотворчество адресата и адресанта – это то, что эксплицитно выражено, имплицитно понимается читателем и зависит от его уровня подготовки (эмоциональной, интеллектуальной).

Интенция осмеяния у Х. Томпсона часто реализуется в его идеологических текстах с помощью инвектив (презрительно-саркастических слов, имеющих своей целью высмеивание и уничтожение) и аффектив (эмоционально-оценочных слов) (Минаева 2019). Гонзо-тексты публициста наполнены иронией и сарказмом: *Tragic, eh? No. In fact it couldn't have happened to a nicer guy. I believe very strongly that George Bush can and shall be beaten like a gong in next year's extremely important election, where he won't be the only jackass politician running for his life* (Thompson 2004: 235). Автор не боится быть субъективным, играет с читателем в «журналиста вне правил и закона». Для Х. Томпсона комическое – языковая игра, которую он выстраивает по своим собственным правилам. Юмор Х. Томпсона восходит к традициям национального американского юмора, которому свойствен пессимизм: «Я никогда особо не верил в удачу, и мое чувство юмора всегда пребывало на темной стороне. Мохаммед Али, один из немногих, кого я считаю героем, однажды потратил время на то, чтобы объяснить мне, что «тут не до шуток. Самая смешная шутка на свете – правда» (Томпсон 2004: 9).

Одной из основных авторских интенций журналиста является интенция информирования и тесно связанная с ней, на наш взгляд, интенция аналитики, которые призваны, по убеждению автора, транслировать правду. Сталкиваясь с проблемой сообщения правды в чистом виде, Х. Томпсон использует оппозицию «правда – ложь» или «дезинформация – настоящие новости» и ведет повествование на парадоксальной основе. Парадокс становится важным приемом, помогающим произвести нужное впечатление. «Уинстон Черчилль как-то сказал: «Первой жертвой войны всегда становится правда» (*The first casualty of War is always the Truth*). Ему же принадлежат и такие слова: «В военное время правда столь драгоценна, что ее должны охранять караулы лжи» (*In wartime, the Truth is so precious that it should always be surrounded by a bodyguard of Lies*)» (Thompson 2004: 94). «Но эта мудрость, возможно, не так уж понравится детям, родившимся за последнюю неделю. Ведь первыми новостями, с которыми они познакомятся в этом мире, будут новости, прошедшие военную цензуру. Обычное дело в военное время, так же как и масштабные кампании по распространению преднамеренной дезинформации, и это делает невыносимой жизнь тех, кто ценит настоящие новости (*That is a given, in war-time, along with massive campaigns of deliberately planted Disinformation, and it makes life difficult for people who value real news*). Вот что имел в виду Черчилль, когда говорил, что первой жертвой войны становится правда» (Томпсон 2004: 54). 17 сентября 2001 г. под войной Х. Томпсон подразумевал террористические атаки.

Правда – это красота, а красивая правда – вот все, что вам нужно знать (Томпсон 2012: 78); *Truth is beauty, beauty truth – that is all ye need to know* (Thompson 2004: 142). Аллюзия к стихотворению «Ода к греческой вазе» (*Ode on a Grecian Urn, 1820*) английского поэта Джона Китса: «*Beauty is truth, truth beauty,*» – *that is all Ye know on earth, and all ye need to know* («Красота есть правда, правда – красота», – это всё, что вы знаете на свете, и всё, что вам надо знать). Х. Томпсон не ссылается на поэта, мы видим, что он меняет слова «правда» и «красота» местами для при-

дания большего значения именно концепту «правда», который для него имеет первостепенную значимость. Для Дж. Китса реальные персонажи, настоящие и правдивые, олицетворяли собой красоту мира. Х. Томпсон усиливает эффект, для него правда всегда на первом месте, какой бы она ни была, и в этом ее красота.

Все три сборника автобиографичны и связаны между собой. Если в книге «Наших бьют!» прямой ссылки на Дж. Китса нет, то в «Большой охоте на акул» он упоминает поэта в рассуждениях касательно своих коллег и их понимания того, что хотел донести Дж. Китс, говоря о правде. Переход идеи из одного медиатекста в другой свидетельствует о значимости идеи, которую автор хотел донести до своего читателя. Для Х. Томпсона успех в журналистике заключался в том, что сам журналист должен быть в центре тех событий, которые он описывает, сам стать этой историей. На его взгляд, Том Вулф, основоположник Нового журнализма, этого сделать не смог: «Проблема Вулфа в том, что он слишком заскоружл, чтобы участвовать в собственных историях. Те, с кем ему комфортно, скучны, как выдохшееся собачье дерьмо, а те, кто привлекает его как писателя-профессионала, настолько странны, что ему с ними нервозно. В журналистике Вулфа новое и необычное только одно, он аномально хороший репортер: он обладает тонким чувством эха и по меньшей мере толикой понимания того, что имел в виду Джон Китс, когда сказал то же самое про Истину и Красоту» (Томпсон 2012: 148).

Дихотомия «добро-зло» у Х. Томпсона превращается в дихотомию «субъективность-объективность». Вопрос правды и постправды всегда был для него самым главным в его творчестве. Он стремился донести правду до своего читателя с помощью художественных средств. Было это связано не столько с особой значимостью литературы, а с реальной опасностью высказываться открыто и совершенно откровенно, но Х. Томпсону удавалось создать такой текст, который оказывался правдоподобнее самой реальности, хотя сделать это было весьма сложно, сам Х. Томпсон видел в этом проблему для писателя и всегда об этом напоминал

своему читателю, «...который несколько нарушил мой душевный покой, спокойно признав свою роль в моей Проблеме.

– Против Томпсона я ничего не имел... Я прочел все им написанное и знаю, что он за птица. Он же псих долбаный. С таким гадом надо быть очень осторожным, потому что, как бы он ни старался, он просто не может не говорить правду. Услышав такое, я обмяк на табурете бара и уставился на себя в зеркало за стойкой. Отчасти мне хотелось, чтобы суровое суждение Китинга было справедливым, но я также знал, что коварная реальность мирков, в каких я вращаюсь, давно уже заставила меня отказаться от этой пуритической позиции. Если бы последние десять лет я писал всю правду, какую знаю, – примерно о шестистах людях, включая меня самого, – то сегодня гнил бы в любой тюремной камере от Рио до Сиэтла. В контексте профессионального журнализма полная правда – редкий и опасный товар» (Томпсон 2012: 92–93). «Термин ‘медиасобытие’ указывает на то, что в постмодернистском мире мы больше не можем полагаться на стабильные отношения или четкое различие между «реальным» событием и его опосредованным представлением. Следовательно, мы больше не можем работать с мыслью о том, что «реальное» является более важным, значительным или даже «истинным», чем репрезентация. Таким образом, медиасобытие – это не просто представление того, что произошло, оно имеет собственную реальность, которая вбирает в себя реальность события, которое ему предшествовало или не предшествовало» (Fiske 1994: 2). Хантер Томпсон отлично это понимал и старался это показать и доказать своему читателю. Он создавал свою собственную реальность, которая преломлялась в гонзо-мире, автономную реальность, которая существовала по своим собственным законам (Хантера Томпсона всегда называли «Журналистом Вне Закона» (*Outlaw Journalist*): «Обратите внимание – жизнь вне закона не обязательно означает жизнь против закона...» (из интервью Дж. Плимптону 2000) (Томпсон 2012: 67).

Тимоти Феррис в предисловии к книге «Царство страха» пишет: «Заметки Хантера прежде всего безумно смешны; он способен

потягаться с любым современным американским сатириком. Подобно любому настоящему юмористу, он совершенно серьезен. Любой невероятный кураж, описанный в его работах, вполне достоверен. Хантер – репортер, щепетильный до мелочности, настоящий профессионал; и он вовсе не шутил, когда во время лекции в Стрэнде на Редондо Бич сказал аудитории: «Я – самый точный журналист, о котором вы когда-либо слышали» (Томпсон 2012: 6). «Его работы отличает одно удивительное качество: они как будто написаны в другом пространстве, откуда истинная подоплека любого события выглядит столь же ясно, как движение циклона для космонавтов на орбите. Хантер смотрит в корень и не обманывается. В таком случае у читателей возникает логичный вопрос: насколько преувеличены описания бесчисленных эскапад Хантера: быстрые машины, бешеные мотоциклы, стрельба и взрывчатка, красотки и сносящие крышу наркотики, его беспечные заигрывания с ужасающими катастрофами, благодаря которым выражение «страх и отвращение» стало идиомой, да не в одном языке?» (Томпсон 2012: 7). Парадоксально, но эффект от подобных гиперболизированных образов и крайне эмоциональных представлений событий неожиданный, подобное провоцирует читателя на поиск правды, для каждого своей, субъективной. Для побуждения читателя к действию автор создает дружескую атмосферу на страницах своих книг, структура которых непредсказуема, как сама жизнь. Резкие переходы с одной темы на другую, описания одного события прерываются воспоминаниями из прошлого журналиста или рефлексией (саморефлексией), аналитическими выкладками: «Ладно ... Это уже другая история...» (Томпсон 2012: 344).

«Эй-эй! Сдается, я встрял в некие мстительные дразги, а ведь это совсем не то, что нам сейчас надо, верно? Так что давайте оставим мудрость на потом» (Томпсон 2012: 31); «Прошу прощения, небольшой выброс творческой энергии. Не мог удержаться. Небольшая вонь, связанная с этим заголовком. Ничего, умный писатель может себе позволить позабавиться по такому поводу. И почему бы не я? Итак, вернемся к делу...» (Томпсон

2012: 169); «Оп-па! Что я тут болтаю? Лапшу вам на уши вешаю, хо-хо» (Томпсон 2012: 191).

Важно выстроить повествование таким образом, чтобы полностью вовлечь читателя в происходящее, насколько это возможно, завладеть вниманием и настроить на сотворчество. Взаимодействие с читателем происходит за счет рефлексии, постоянной апелляции к читателю с разного рода вопросами, зачастую это череда вопросов: *And so much for that, eh? Who needs public lewdness in a time of fear and depression like this? Not me, Bubba.* (Bubba – обращение, характерное на юге Америки, что-то похожее на русское «братишка» (простой часто необразованный, из сельской местности, парень) ...*Ho ho. Don't try this at home, folks... So why am I saying these things? You might ask. If pain has made me so wise, why am I trying to hurt myself again by betting on long shots? Am I fool?* (Thompson 2004).

Для поддержания неформального разговора с читателем автор часто использует сленг, восклицания, вопросы, междометия, императивы, побуждения, призывы, обращения. Применяет разговорные короткие фразы, свойственные диалогичной речи: *Yes sir* (Так точно! – Выражает полное безоговорочное согласие, из военной лексики); *Take my word for it, folks; And that's about it for now, friends. What the hell?* (Thompson, 2004: 142); *No. I am a sportswriter and a lifelong football addict – so why not?* (Thompson 2004: 143); *That is an eerie question, eh? So rest easy, folks.*

Крайняя эмоциональность, выражение сильного удивления с помощью междометий, вопросов, обращений, саркастический подтекст, противопоставления – характерные для медиатекста Х. Томпсона особенно-

сти. Он создает эффект доверительных отношений с читателем, используя оппозицию *они – мы*, где *мы* – это он и читатели: *Wow!... Hell, yes. Their brains have been fried. They are doomed* (Thompson 2004: 139); *Whoops! No more of that stressful gibberish, eh? Exactly. We don't need it. Our world is full of exciting options ... We are blessed* (Thompson 2004: 140); *You bet it is... We are doomed like rats in a maze of fear. We are slaves to mendacity and hostile disinformation... How long, O lord, how long?* (Thompson 2004: 10). Между тем идет игра с читателем, срабатывает эффект обманутого ожидания. Побуждая читателя к самостоятельному анализу, автор подчеркивает идею «приготовиться смотреть в свое **собственное** зеркало заднего вида» и помнить при этом, что искажения невозможно избежать»: *Who knows why it happened? ...But so what? If you have lemons, make lemonade. That is ancient Hawaiian Wisdom – and that is what I have tried to do here. So buckle up and prepare to look into **your own** rearview mirror and see how it happened, as seen through the innocent eyes of a sportswriter* (Thompson 2004: 21).

Глобальная авторская интенция служит тому, чтобы через диалог призвать к созданию собственной правды, реконструкции реальности, когда уход от субъективности невозможен, остаётся погружение в нее. Результаты исследования показывают, что роль интенций в медиатекстах Х. Томпсона крайне важна, от авторской интенции зависит, насколько налажена будет связь между адресантом и адресатом сообщения и как эта коммуникация будет выстроена, какие техники и стилистические инструменты при этом будут задействованы.

Литература

1. Белоусов К. И., Баранов Д. А., Зелянская Н. Л., Пономарев Н. Ф., Рябинин К. В. Когнитивно-информационное моделирование социальной реальности: концепты, события, приоритеты // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 72. – С. 5–26.
2. Клушина Н. И. Медиастилистика. – М.: Флинта, 2018. – 183 с.
3. Минаева Л. В. Речь в мире политики. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 222 с.

4. Файзуллина О. Р. Ирония в гонзо-тексте: медиастилистические особенности политической публицистики Х. Томпсона // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (9–12 ноября 2020 г.) / отв. ред. В. В. Васильева. В 3-х т. Т. 3. – СПб.: СПбГУ, 2020. – С. 131–133.
5. Файзуллина О. Р. Авторская интенция в медиатексте // Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. – М.: Фак. журн. МГУ, 2021. – С. 470–471.
6. Томпсон Х. Царство страха. – М.: Астрель, 2012. – 380 с.
7. Томпсон Х. Большая охота на акул. – М.: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2012. – 829 с.
8. Fiske J. Media matters. Everyday culture and political change. – Minneapolis: Minnesota University Press, 1994. – 305 p.
9. John C. Hartsock. A history of American literary journalism: the emergence of a modern narrative form. – Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 2000. – P. 200.
10. Mosser J. What's gonzo about gonzo journalism? // literary journalism studies. – Vol. 4. – No 1. – Spring 2012. – P. 85–91.
11. Oxford Advanced American Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/gonzo-journalism?q=gonzo+journalism
12. Thompson H. S. Hey Rube. Blood sport, the Bush doctrine, and the downward spiral of dumbness: modern history from the ESPN.com sports-desk. – NY: Simon and Schuster Paperbacks, 2004. – 272 p.

Н. С. Лопухина

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

**О РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ЖУРНАЛИСТОВ
И ДРУГИХ ПУБЛИЧНЫХ ЛЮДЕЙ В ТЕЛЕЭФИРЕ
(НОРМАТИВНЫЙ, КОММУНИКАТИВНЫЙ
И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)**

Данная статья посвящена анализу ошибок в речевом поведении журналистов и других публичных людей, выступающих в прямом эфире. При анализе ошибок учитываются все три компонента культуры речи, дается оценка ненормативному употреблению отдельных лексем и словосочетаний.

Ключевые слова: культура речи, понятие нормы, речевое поведение, этика.

Natalia S. Lopukhina

(Lomonosov Moscow State University)

**ON THE SPEECH BEHAVIOR OF JOURNALISTS
& OTHER PUBLIC PEOPLE ON TELEVISION
(NORMATIVE, COMMUNICATIVE & ETHICAL ASPECTS)**

This article is devoted to the analysis of errors in the speech behavior of journalists & other public people speaking on air. When analyzing errors, all three components of speech culture are taken into account, an assessment is given to the abnormal use of individual lexemes & phrases.

Key words: culture of speech, concept of norm, speech behavior, ethics.

«Может, раздать ведущим новостей
учебники русского языка?»
(Телепрограмма 2012 г.)

Кэпиграфу добавим от себя: и сегодня, спустя почти 10 лет, раздать учебники следовало бы также всем журналистам, комментаторам, чиновникам, актерам и, одним словом, всем, выступающим публично.

Некоторое время назад в газете «Телепрограмма» была рубрика «Вы за это ответите!» И далее предлагалось: «Телевидение вас вконец достало – сил нет больше терпеть? Значит, наша рубрика – для вас. Не держите эмоции в себе – лучше напишите нам! И вы выговоритесь, и работники экрана узнают о себе всю правду». Неравнодушные телезрители писали письма, выступая с критикой как содержания программ, так и языка (речи) ведущих. Таким образом, не только лингвисты, но и внимательные телезрители высказывали замечания в адрес публичных людей, нарушающих языковые нормы. Например, москвичка Наталия Старцева пишет: «Розенталя на ведущих нет!» И далее: «Чрезвычайно расстраиваюсь, когда слышу с экрана безграмотную речь. Самое обидное – от кого слышу? От актеров, телеведущих, комментаторов, искусствоведов, журналистов – от людей, которые априори должны нести в народ культуру, образование...» Высказывание телезрительницы сегодня актуально как никогда. Далее мы подтвердим это собственными наблюдениями.

«Культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» (Ширяев 1996: 13).

Говоря о культурных, духовных ценностях общества в целом, следует подчеркнуть, что грамотная речь, грамотное письмо также представляют собой ценность, так как это говорит о культуре нации вообще, о культуре отдельного человека в частности и особенно журналиста. О разрушительных тенденциях в области языка и речи не раз говорили и писали видные исследователи (см. работы Д. С. Лихачева, Л. И. Скворцова, Е. Н. Ширяева, Л. П. Крысина, Ю. Н. Карулова, Я. Л. Скворцова и многих других). В первую очередь культура речи требует безупречного владения литературной нормой.

В понятии нормы мы вкладываем (в том числе и в педагогической практике) определение Л. И. Скворцова: норма литературная (языковая) – это «принятые в общественно-речевой практике образованных людей правила произношения, грамматики и словоупотребления» (Скворцов 1980). Примечательно, что в определении нормы представителями Пражского лингвистического кружка акцентируется слово «образованный», а именно: «... структурные средства, регулярно употребляемые определенным (образованным) языковым коллективом» (Культура русской речи и эффективность общения 1996: 44).

В предлагаемой работе мы остановимся на наиболее частотных и достаточно грубых ошибках (и не только лингвистических в чистом виде) в электронных (в основном), печатных СМИ, а также частично в рекламе.

По-прежнему чрезвычайно живучи словосочетания с просторечным глаголом «вылАзть» с разными приставками («вылАзть из воды»). Например, доктор медицинских наук, нарколог, выступая по ТВ, призывает «немедленно слАзть с иглы» (1 канал, передача о наркозависимости), а также пример из речи такого грамотного писателя, как С. Альтов: «Они все повылАзили со своих мест» (интервью в июне 2019 г., в котором он говорит, в частности, об олигархах, празднующих корпоратив и желающих сфотографироваться с сатириком). «Все перелАзили через забор» (октябрь 2020 г., передача «Вечерний Ургант»). К. Чепенко: «Мы видим на мониторе, как они вылАзят из машины» (по поводу ожидания иностранных гостей, которые приехали в Останкино (ТВ, канал М-24). И даже такой известнейший музыкант, как Д. Крамер, употребил слово вылАзть в недавней передаче «Приют комедиантов» (ТВЦ, 05.11.2021). Подобные словоупотребления, к сожалению, очень частотны и в речи не только публичных людей. И очевидно, не без влияния телевидения... Об этом мы говорили и писали не раз. Неизбыточно также употребление словосочетания «поставить укол, прививку, вакцину», значительно участвовавшее в наше ковидное время, в том числе в речи таких серьезных, образованных публичных людей, как, например А. Гордон: «Поставьте

вы наконец себе вакцину!» (дважды произнес ведущий в передачах «Дельта плюс и другие гадости» и «Рано расслабились», июнь и октябрь 2021 г., программа «Док-ток», 1 канал ТВ), а также С. Собянин не раз рекомендовал «поставить укол» (разные каналы ТВ) и неоднократно Е. Малышева (1 канал ТВ) и др. (см., например, наши последние тезисы к предстоящей в 2022 г. научной конференции). Попутно заметим: доктор Е. Малышева произносит «йогУрт» с ударением на 2 слоге, «трАву» и «щАвель» с ударением на 1 слоге, а также «бюстгаЛтер» с твердым Л.

Весьма частотное употребление разговорно-сниженного предлога «касаемо» в речи ведущих прямой эфир журналистов, корреспондентов и даже деятелей искусства: «... касаемо самого исполнения песни...» – сказал А. Розенбаум в ТВ-передаче «Три аккорда» (1 канал, июль 2019 г.). Ведущий телеканала М-24 С. Кулик не раз употребил не только слово «касаемо», но и «вылазить», «хозяева», «по прилетУ в Сочи» (М-24, июль 2021). В русском языке есть предлог «касательно» чего-нибудь с Род. п, но он имеет помету «устаревшее» (СШ).

Кочуют по разным каналам ТВ «обезбАливающие лекарства», «облЕгчить боль» в речи самых разных людей, в том числе врачей: доктор Шаповаленко, например, в течение только одной передачи несколько раз употребила названные словосочетания, рассказывая о паллиативной медицине. Не следует относить данное употребление к профессионализмам (как, впрочем, и слово «крема» с ударением на втором слоге). Во-первых, вряд ли использованием этих слов врачи стремятся как-то обособить себя от общелитературного употребления (что мы видим в настоящих профессионализмах). Во-вторых, как пишет Г. Я. Солганик, профессионализмы часто выступают как экспрессивное средство (см. яркие примеры из речи метеорологов, приведенные в учебнике «Практическая стилистика русского языка»). В этом случае не приходится также говорить и об экспрессии. Следовательно, данное употребление является ошибочным. К тому же так говорят, увы, не только врачи, но и чиновники, и не самого низкого уровня...

Богатый материал для исследователя представляют ошибки на неправильный выбор слова и, как следствие, семантическую и стилистическую несочетаемость. Как известно, первое требование к правильному словоупотреблению – это точность значения слова. Вот несколько примеров, ошибки в которых выверены с помощью толковых словарей: «Применение травматического оружия ... может ПРИЧИНИТЬ ЛЕТАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ» (две ошибки в речи чиновника высокого уровня, «Вести», ноябрь 2012). Эффект – ‘значительное впечатление, производимое кем-л., чем-л. на кого-л.’ – *произвести эффект*. ‘А также – результат какой-л. деятельности’ – *экономический эффект*. Причинить – ‘вызвать, сделать что-л., послужить причиной чего-л.’ – *причинить вред* (МАС). Летальный – *мед.* ‘приводящий к смерти’ – *летальный исход*.

«Целая ГАММА МАШИН представлена на выставке» (репортажсвыставки, 2013). Гамма – ‘последовательный восходящий или нисходящий ряд звуков в пределах одной октавы’ – *мажорная гамма*, ‘а также *перен.* – последовательный ряд каких-л. однородных предметов, явлений, смена каких-л. явлений’ – *гамма красок* (МАС). «ГАММУ МАШИН» нельзя оправдать и попыткой создать метафорический перенос, так как здесь нет опоры на первоначальное значение слова. Рассказывая о военном конфликте между Северной и Южной Кореей, корреспондент НТВ назвал его ЗАВАРУШКОЙ. Заварушка – *прост.* ‘сумятица, беспорядок, вызванное чем-л.’ (МАС). О массовом отравлении детей в детском саду зам. директора предложила «прежде всего выявить ЭТИМОЛОГИЮ заболевания» (М-24, февраль 2018). Не следует считать это и простой оговоркой: слово «этиология» врач обязан знать наизусть и не путать с «этимологией» (см. СШ). «Прыжковый КОНТЕНТ заложен в его произвольной программе» (тренер о соревновании фигуристов, НТВ, 2021). Контент – содержательная сторона, информационное наполнение газет, книг, телепрограмм, фильмов и т. п., а также содержание музыкальных произведений или музыкальной продукции («Самый новейший толковый словарь русского языка 21 века. Слова, не имеющие аналогов в рус-

ском языке», 2011 г. Автор Е. Н. Шагалова (отметим, однако, серьезную ошибку в названии «самый новейший»). Здесь также не совсем уместное употребление англицизма. Частотно употребление слова «РАНГ» в сюжетах о пожарах. Например, «пожару присвоен 4 ранг сложности...». Это слово толкуется как «класс», категория, «уровень» (СШ), и нам представляется, что именно эти слова больше подходят к сообщению о пожарах, а слово «ранг» применительно к понятию «звание», чин». «Люди, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТЬЮ, реже болеют» (доктор Мясников в программе «О самом главном», канал Россия, май 2021). Можно быть активным, но не заниматься активностью. «Средства индивидуальной защиты (маски) в большом РАЗМЕРЕ попали в отходы» – об утилизации средств И.З. (корреспондент М-24, июль 2021) (следовало употребить «в большом количестве»). «Ребенок должен получать ГРУДНОЕ ВСКАРИЛИВАНИЕ (доктор Агапкин, «О самом главном» канал Россия, август 2020) (вместо «грудное молоко»).

Иногда значения входящих в словосочетание элементов настолько выхолащиваются, что слова «не получают взаимной семантической поддержки, балансируют на грани смысла, а иногда и полностью его утрачивают» (Бессарабова 2012: 60). Примеры: «ОАЗИС РЕКОРДОВ» – в рекламе о продаже квартир (2012), «Вода, ЧЕСТНАЯ ОТ ПРИРОДЫ» – реклама в метро (2015). «ПЛАНЕТА ПЛИТКИ» и «АКАДЕМИЯ ПЛИТКИ» – название магазинов сантехники на Нахимовском проспекте. Возникает вопрос: что бы это значило? Очевидно, преследуя коммерческие цели, рекламодатели стараются ложной пафосностью возвеличить обыденные вещи.

Имеет место также и грубое искажение слов в речи публичных людей: «Когда играешь героиню, ты ее все равно ПОЛЮБЛЯЕШЬ» (актриса О. Судзиловская); «... чтобы сыр не СКОМКИВАЛСЯ» (передача «Кулинарный поединок»); «Для роли жены Штирлица меня надо было ПОСТАРШИТЬ, так как я была во время съемок слишком молода» (из недавнего интервью с актрисой Э. Шашковой). Выступая в защиту приемной

семьи, врач-психолог сказала: «В ней (приемной семье) дети ОБЛЮБЛЕННЫЕ» (недавняя передача об изъятии детей органами опеки). Корреспонденты и телеведущие канала М-24 упорно называют набережную в районе Павелецкого вокзала «КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ», искажая исконный московский топоним и тем самым показывая незнание истории. Набережная называется Космодамианская по названиям церковей 18 века святых Косьмы и Дамиана.

Отдельно необходимо сказать о поведении в студии прямого эфира некоторых ведущих новостного канала М-24. Имидж тележурналистов во многом зависит от их поведения (в том числе, конечно, и речевого). Например, И. Базанов, М. Рыбакова нередко перебивают друг друга, смеются в полный голос, охотно употребляют сниженную, жаргонную, грубую лексику (впрочем, не только они) – словом, устраивают иногда эдакий «междусобойчик», по меткому выражению И. Карпенко. Хотя устный формат передачи предполагает, возможно, некоторую «раскованность», но и она должна иметь пределы. Примеры: «Она его УДЕЛАЛА» (М. Рыбакова о победе девушки в боксерском поединке, сентябрь 2018), «что это тебе так ПОПЕРЛО» (М. Рыбакова о востребованности актера А. Петрова, июль 2019), «Есть над чем ПОРЖАТЬ» (И. Базанов, о модных предпочтениях девушек, март 2019), «ОФИГЕТЬ, «ОФИГЕТЬ...» (реакция И. Базанова на перемещение актрисы Ю. Пересильд в модуле космического корабля (октябрь 2021). Толковый словарь русского общего жаргона О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Р. И. Розиной маркирует слово «офигеть» как очень частотное, грубое (1999). Частые импровизации и недвусмысленные, порой, комментарии телеведущих (см. также С. Кулика и К. Чипенко) создают впечатление, что они разговаривают не в прямом эфире, а у себя в кухне. Например, комментарий И. Базанова о прорыве трубы с горячей водой: «Сегодня на западе Москвы было горячо, но не потому, что там занимались любовью, а потому, что там прорвало трубу» (октябрь 2019), или по поводу прикуривших от Вечного огня подростков, которым сначала был назначен штраф, но потом по распоряжению главы СКР

А. Бастрыкина было заведено уголовное дело: «Ну и кому станет легче, если они получат срок?» (сентябрь 2021). Комментарий, по крайней мере, неуместный. В сюжете «Угадай улицу» телезрителям предлагается по фотографии определить название. К. Чипенко подсказывает: «Может быть, кто-то там живет или работает, или в соседнем доме живет чья-то бабушка или чей-то ЛЮБОВНИК» (ноябрь 2020). О водителях-дальнобойщиках, застрывших ночью в снежном плену, телеведущий С. Кулик сказал: «Наши корреспонденты провели ночь с водителями, но это не то, что вы могли бы подумать, – они принесли водителям пледы, угостили их чаем» (2021). Он же: «Сегодня в преддверии 8 марта я работаю один, так как отправляю свою соведущую Евгению Мирошниченко в отпуск, как мужик, как САМЕЦ» (март 2021). С. Кулику следовало бы заглянуть в словарь: во 2 значении это – чрезмерно чувственный, похотливый мужчина (разг., пренебрежит.) (СШ). Кстати заметим: С. Кулик нередко употребляет сниженную лексику: «Мы тут все сидим с СОПЛЯМИ под кондиционером» (май 2021). Слово маркируется как просторечное. Или о холоде: «В городе и в квартире сегодня ДУБАК» (сентябрь 2021) (Словарь русского сленга 1998). Таким образом, некоторые высказывания и комментарии граничат с пошлостью, (а пошлость – одна из категорий этики), они недопустимы в прямом эфире. Необходимо строго различать такие понятия, как «личная коммуникация» и «общественная коммуникация». Таким образом, употребляя сниженную лексику или давая очень личные комментарии, которые авторам кажутся, очевидно, остроумными, тележурналисты нарушают все три компонента культуры речи: нормативный, коммуникативный и этический.

К этике поведения в студии (не только речевого) относится также и сомнительная языковая игра, основанная на заигрывании с телезрителем, на стремлении вызвать у него недвусмысленные ассоциации. В качестве примера приведем состоявшуюся в недалеком прошлом передачу Елены Малышевой из цикла «Жить здорово», которая называлась «ТРИ БУКВЫ НА ЗАБОРЕ» (при этом в качестве реквизита использовался макет за-

бора). Как только доктор Малышева объявила название, зал заметно оживился: конечно, ведь слово «мир» на заборах не пишут. Поэтому присутствующие в студии радостно и с пониманием заулыбались. Вообще, «заборная» тема давно существует в многочисленных анекдотах... Оказалось, зрителям предлагали угадать названия заболеваний по аббревиатурам из трех букв. Например, ТБЦ – туберкулез, ТТГ – тиреотропный гормон, ССЗ – сердечно-сосудистые заболевания и т. п. Показательно, что никто из участников не угадал ни одного названия, из чего следует вывод, что и с содержательной стороны такой подход бы неверным. И действительно, зачем простому зрителю угадывать названия болезней по аббревиатурам? Об этих сокращенных названиях знают только медики. (Кто-то из моих знакомых даже спросил меня: «А о чем, собственно, шла речь в этом сюжете»?) Возможно, доктор хотела произвести «эффект обманутого ожидания»? Но в серьезной медицинской передаче не следовало использовать «заборную» тему. Таким образом, нарушены, по крайней мере, коммуникативный и этический компоненты культуры речи.

И еще об одной телевизионной передаче, о ток-шоу «Прямой эфир» Андрея Малахова под названием «55+. Что могут старики?» (июнь 2019). Сюжет рассказывает о пожилых людях, которые, воплощая в жизнь программу «Активное долголетие», занимаются балльными танцами, изучают иностранные языки и т. п. Один из так называемых экспертов в студии (мужчина, к тому же не слишком молодой) обращается к женщинам преклонного возраста, называя их БАБУШКАМИ, при этом демонстрируя этакое снисходительно-покровительственное отношение к ним. Другой участник восхищается НАШИМИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ СТАРИКАМИ. Почему некоторые из присутствующих в студии, в том числе сам ведущий, позволяют себе так обращаться к людям уважаемого возраста?! Одно из значений слова «бабушка» – старая женщина – является разговорным, и поэтому оно неуместно по отношению к незнакомым женщинам, а также к гостям ток-шоу. Здесь также налицо нарушение коммуникативного и этического компонентов культуры

речи. Подобное обращение часто встречается и в повседневной жизни по отношению к незнакомым дамам пожилого возраста, что говорит о нарушении речевого этикета (в самом деле, почему бы не назвать их «дамами»?). Ответим незадачливым участникам передачи словами одного из героев фильма «Старики-разбойники»: «Старость надо уважать как свое недалекое будущее...».

Представляется неэтичным использование устойчивых выражений, имеющих четкую, однозначную прикрепленность к определенным событиям, явлениям. Так, например, И. Полякова, рассказывая о погоде, сказала: «Церемония прощания с хорошей погодой начнется с северных областей» (НТВ, 13.09.2021). Однако этот фразеологизм связан с конкретными печальными событиями (ср. также погребальная церемония, церемония возложения венков). Не следовало употреблять его в сообщении о погоде. Или: «Прощай, оружие!» – название известного классического произведения Э. Хемингуэя, рассказывающего о любви на фоне Первой мировой войны, применять по отношению к задержанным преступникам, которые торго-

вали оружием (корреспондент 1 канала ТВ, программа «Время», март 2021).

Однако, говоря о многочисленных ошибках в речи телеведущих и других публичных людей, справедливости ради следует назвать имена грамотных телеведущих (в частности, канала М-24) таких, как Н. Гмыза, Н. Хубаев, Е. Мирошниченко, А. Гилева и мн. др., которые ведут себя в эфире скромно (к сожалению, забытое слово), достойно.

«Следует признать, что СМИ остаются достаточно авторитетным институтом современного общества. Как следствие, манера поведения, язык медийных персон (далеко не только журналистов) остается объектом постоянного внимания огромной, без преувеличения многомиллионной аудитории. А зачастую – и примером для подражания» (Скворцов 2016: 181).

Так, может быть, действительно раздать некоторым телеведущим учебники русского языка, чтобы они не тиражировали ошибки... Ведь простой обыватель, особенно «не обремененный» интеллектом, считает: если по телевизору так говорят, значит, это правильно.

Литература

1. Бессарабова Н. Д. Лингвоэтика, или еще раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы // Журналистика и культура русской речи. – 2012. – №2. – С. 54–63.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001 (БТС).
3. Горбаневский М. В., Караулов Е. Н., Шаклеин В. М. Не говори шершавым языком. – М.: Галерея, 1999. – 215 с.
4. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Толковый словарь русского общего жаргона. Слова, с которыми мы все встречались. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.
5. Максимова В. Н. Телевидение сегодня: вопросы нравственности и профессиональной этики // Журналистика в 2002 году. Материалы научно-практической конференции. – М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2003.
6. Никитина Т. Г. Словарь молодежного сленга. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 587 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996 (СОШ).
8. Русский орфографический словарь / отв. ред. В. В. Лопатин. – М.: Азбуковник, 1999.
9. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Дрофа, 1997. – 703 с.
10. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. – М.: Наука, 1980. – 352 с.
11. Скворцов Я. Л. К вопросу о культуре русской речи // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ. Сборник научных статей. – М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. – С. 178–188.

12. Словарь русского языка в 4-х томах. – М.: Русский язык, 1981–1984 (МАС).
13. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка. – М.: Academia, 2006. – 297 с.
14. Суперанская А. В. Культура и цензура // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – № 2. – С. 34–41.
15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007 (СШ).
16. Фонд защиты гласности. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. – М.: Права человека, 1997. – 127 с.
17. Ширяев Е. Н. Общее определение понятия «культура речи» // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 13.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

- ◆ Сербская языковая картина мира
- ◆ Иронический модус
- ◆ Словообразовательный и смысловой блендинг
- ◆ Коронавирусный дискурс
- ◆ Афганские пословицы и поговорки
- ◆ Сходство паремий в русском языке и в языке пушту

Горан Милашин:

«Дигитално доба, у којем смо данас, доживјело је брз успон када су се појавили лични рачунари, а нарочито када је интернет, као „мрежа свих мрежа”, како се често назива, смјештен у приватну сферу».

«Мада се и на основу једнојезичне грађе, могу изнијети важни закључци о релацији језика, ума и културе, тек би се компаративним односно контрастивним приступом могло доказати колико су метафоре и поређења чији су изворни домени интернет и нове технологије културно специфични, а колико су у питању језичке универзалије. У прилог претпоставци о њиховој универзалности ипак иде чињеница да су друштвене промјене о којима је било говора захватиле малтене цијелу нашу планету, што се морало одразити и на слику свијета у многим језицима. Задатак савремене лингвистике, самим тим и србистике, јесте да разматрају ова питања, и то из угла савремених теорија».

Ольга Игоревна Северская:

«Особый интерес представляет иронический модус, отличающий так называемые «вирусные» тексты, прежде всего гибридные интернет-мемы, и проявляющийся при их рефрейминге».

«В языковом плане коронавирусом «заражается» и словообразование, и лексика, переосмысляемая по линиям омонимии и многозначности, эмоционально-оценочными становятся в норме нейтральные компоненты – либо за счет имманентного переосмысления, либо в сочетании с эмоционально «нагруженными» лексемами, особенно ярко это проявляется при помещении терминов профессиональных дискурсов в бытовой контекст. Основными же «переносчиками» новых, иронически окрашенных смыслов становятся «вирусные» поликодовые тексты».

Мир Сахиб Джан Кочай:

«В афганском языке (пушту) и в русском языках, как и в любом другом языке, важна и интересна национально-культурная семантика, т. е. языковые значения, которые отражают, фиксируют и передают от поколения к поколению особенности природы, общественного устройства, фольклора, художественной литературы, искусства, науки, подробности быта и обычаев этих народов».

«В настоящее время в афганской (пуштунской) лингвистике наблюдаются две позиции, согласно которым определяется граница пословиц и поговорок. Одна группа считает, что «Матал» – пословица – обычно состоит из двух частей: первая часть – суждение, вторая – заключение. А «Грѣна» – поговорка – это только суждение, т. е. первая часть пословицы. Другая группа отличает понятие пословицы от поговорки не по их синтаксической или логической структуре, а по способу поэтического выражения».

Горан Милашин

(Универзитет у Бањој Луци, Република Српска / Босна и Херцеговина)

ЈЕЗИЧКА СЛИКА СВИЈЕТА У ДИГИТАЛНО ДОБА

У метафорама и поређењима, као што је примијећено у бројним истраживањима, људи користе домене који су им блиски како би описали неке апстрактније, даље домене, те се у њима може препознати одраз културе у одређеном времену. С обзиром на то да су информационе технологије и интернет данас такоређи неодвојив дио наших живота, у раду се полази од претпоставке да ове области све чешће служе као изворни домени за настанак поређења и метафора. Корпус истраживања прикупљан је од почетка 2019. до средине 2021. године, а чине га искази ексцерпирани из језика медија, затим са друштвених мрежа, преваходно Твитера и Инстаграма, те Јутјуба. Анализа је показала како су у савременом српском језику све бројнији изрази у којима се човек схвата као неки електронски уређај (рачунар, мобилни телефон и сл.), што је још једна потврда чињенице да је језик у ствари слика спољног свијета.

Кључне ријечи: дигитално доба, језичка слика свијета, српски језик, метафоре, поређења.

Горан Милашин

(Универзитет у Бани-Луке, Република Српска / Босна и Херцеговина)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭРУ

Согласно многочисленным исследованиям, люди в метафорах и сравнениях используют более близкие понятия, чтобы описать более отвлеченные, отдаленные, вследствие чего в них можно усмотреть отражение культуры определенной эпохи. Имея в виду, что информационные технологии и интернет сегодня являются практически неотъемлемой частью нашей жизни, отправная точка статьи – предположение, что данная сфера все чаще используется в качестве источника для сравнений и метафор. Исследовательский корпус создавался с начала 2019 до середины 2021 г. и состоит из выражений, извлеченных из языка СМИ и социальных сетей: прежде всего, Твитера и Инстаграма, а также Ютуба. Анализ показал, что в современном сербском языке все чаще встречаются выражения, в которых человек воспринимается как какое-то электронное устройство (компьютер, мобильный телефон и т. п.), чем подтверждается тот факт, что язык и в самом деле является картиной внешнего мира.

Ключевые слова: информационная эра, языковая картина мира, сербский язык, метафоры, сравнения.

LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN THE DIGITAL AGE

In metaphors and similes, as observed in a large number of studies, people use domains that are close to them in order to describe some more abstract, less familiar domains. From this we can conclude that metaphors and similes can be recognized as a reflection of culture at a particular time. Regarding the fact that information technologies and the Internet are almost an inseparable part of our lives today, the paper starts from the assumption that these areas increasingly serve as source domains, i.e. conceptual domains from which similes and metaphors are drawn. The corpus of research was collected from the beginning of 2019 to the middle of 2021, and it consists of utterances excerpted from the language of the media, as well as from social networks, primarily Twitter and Instagram, and YouTube. The analysis has shown that in the modern Serbian language there are more and more expressions in which a person is understood as an electronic device (computer, mobile phone, etc.), which is additional confirmation of the fact that language is actually an image of the outside world.

Key words: the digital age, linguistic picture of the world, the Serbian language, metaphors, similes.

1. Глобализација, научно-технолошки напредак и развој електронске комуникације резултирали су великим промјенама у савременом друштву. Дигитално доба, у којем смо данас, доживјело је брз успон када су се појавили лични рачунари, а нарочито када је интернет, као „мрежа свих мрежа”, како се често назива, смјештен у приватну сферу. У међувремену је информационо-комуникациона технологија далеко одмакла (на тржишту се стално појављују нови уређаји и алати који омогућавају бржу и једноставнију комуникацију), а интернет је постао саставни дио наше свакодневице, простор у коме проналазимо потребне информације, производимо садржаје, читамо новости, радимо, разговарамо, склапамо пријатељства, започињемо емотивне односе, купујемо и др.¹ Многи се људи готово никад не одвајају од својих лаптопова, паметних телефона и таблета – заокупљени су нечим на интернету чак и кад сједе у кафићу с пријатељима или код куће с породицом, те су дјелимично у стварном, физичком окружењу, а дјелимично у онлајн свијету. На тај начин реални и виртуелни простори дјеловања заправо се стапају у једну нову, комплексну стварност (о томе в. Касер 2019), која тек треба да буде освијетљена из различитих, прије свега психолошких и социолошких углова.

1.1. Нове технологије и глобална рачунарска мрежа интегрисали су се, дакле, у живот савременог човјека, утичући на скоро све његове аспекте, па тако, природно, и на језик,² који „није ништа друго до слика спољњег света” (Белић 1951: 14). Овај се утицај огледа, између осталог, у појави мета-

¹ „Svi se gotovo svakodnevno krećemo u tom polju napetosti i sami sebe sve više doživljavamo u jednom potpuno novom koordinatnom sistemu, sačinjenom od našeg sveta koji je moguće i fizički doživeti, u koji dospavamo rođenjem, i prostora virtuelnih doživljaja. Ti novi digitalni svetovi veoma su se promenili proteklih godina: pretvorili su se u prostore u kojima se odvija društveni život. [...] Ne živimo više u jednom, već u mnogim svetovima doživljaja, to jest, da tako kažemo, na različitim kolosecima opažanja i šinama svesti” (Kacer 2019: 12).

² О језику на интернету и специфичностима онлајн комуникације в. нпр. Crystal 2001 и Тошович 2015.

фора и поређења којима као изворни домени служе управо интернет и савремене информационо-комуникационе технологије (в. Милашин 2021: 86–88). С тим у вези, у раду, који представља наставак проучавања тенденција у савременом српском језику, као и особности онлајн комуникације,³ детаљније се анализирају језички изрази овог типа како би се још једном потврдила општеприхваћена теза о нераскидивој релацији између језика, умних процеса и културе. Метафоре и поређења нису случајно изабрани – они су својеврсни резервоари за најразличитије културне садржаје, па представљају важан извор за реконструкцију језичке слике свијета јер се заснивају на аналогiji, а повезују домене блиске говорницима неког језика с доменима као што су емоције, мишљење, међуљудски односи, живот и др., који су често апстрактнији, даљи, непознати, а све то у циљу бољег разумијевања.⁴ Другим ријечима, помоћу њих се могу лакше схватити мишљење и запажање говорника који пореде различите ентитете,⁵ а избор изворних домена говори нам много о њиховом непосредном окружењу и искуству.⁶

1.2. Теоријски оквир рада у првом реду чини когнитивна семантика, тачније теорија појмовних метафора, чије су поставке подробно описане у литератури (в. нпр. Lakoff, Johnson 1980; Klikovac 2004: 7–44; Croft, Cruse 2004: 193–221; Kövecses 2010; Jeffries, McIntyre 2010: 138–148, као и тамо наведену литературу). Корпус истраживања прикупљан је од почетка 2019. до средине 2021. године, а чине га искази ексцерпирани из језика медија,

³ Резултати досадашњих истраживања објављени су у: Милашин 2016а, 2016б, 2021.

⁴ Карактеристике поређења и метафора, њихове сличности и разлике, биле су занимљиве теоретичарима још од првих размишљања о језику, реторици и књижевности, а укратко су описане у Croft, Cruse 2004: 211–216. О поређењима в. и Bagić 2012: 256–259.

⁵ Поређење се сматра једном од основних когнитивних радњи. „Neprestano poređenje jednog entiteta sa drugim ili sa opštom predstavom o tipičnom predstavniku klase kojoj pripada preduslov je organizovanja iskustva” (Rasulić 2004: 74).

⁶ О уобичајеним изворним и циљним доменима в. Klikovac 2004: 17–19, као и тамо наведену литературу.

затим са друштвених мрежа, превасходно Твитера и Инстаграма, те Јутјуба. Грађа је једнојезична – примјери су на српском језику.

2. Анализа је показала да у нашем језику данас постоје заиста бројне метафоре и поређења у којима се различити циљни домени, па чак и они религијске природе, доводе у везу с интернетом, рачунаром, мобилним телефоном, софтвером, видео-игром и др.:

Praznici su mi postali kao onaj najteži nivo u igrici kad uložiš sve živote, šifre, tokene, pomoći i magična oružja da pređeš na sledeći (twitter.com);⁷ *Kad sa mnom dođeš do GAME OVER, nema više PLAY AGAIN* (instagram.com); *PIVOKOSA PREŠLA IGRICU SA NOVIM VIDEOM* (instagram.com); *PREŠLI IGRICU* (instagram.com); *PREŠAO IGRICU: Henny snimio pesmu za 24h i oduševio fanove* (idjtv.com); *Бебо је л си ти http? Јеп без тебе сам ://* (twitter.com);⁸ *Ја нијесам човек ја сам држаћ за телефон* (twitter.com);⁹ *бог је свеprisutan али у цркви је јаћи signal* (twitter.com); *Ја – Боже / Бог – Blok* (twitter.com); *Dobila sam neki prebrutalan veš, šteta što moje telo ne podržava aplikaciju kako treba* (twitter.com); *Овај танкер што је забоговао у Суецком каналу, оголио снагу светске економије* (twitter.com); *Resetovala pandurku na ležećeg policajca* (twitter.com);¹⁰ *To me je vratilo na fabrička podešavanja, resetovalo me. Došao*

⁷ Због уштеде у простору, приликом навођења примјера не упућује се на корисничко име, вријеме објављивања/преузимања нити се даје одговарајући хиперлинк, него се само у загради наводи интернет адреса друштвене мреже, портала или платформе. Примјери се преносе, колико је могуће, онако како изгледају у оригиналу, уз минималне интервенције, само да би се технички прилагодили основном тексту.

⁸ У овом примјеру онеобичавање се, осим на семантичком нивоу, препознаје и на плану граfiје.

⁹ Овом метафором сликовито је представљена зависност данашњег човека од телефона, поменута у уводном дијелу рада. О томе говоре и примјери: *Od porodičnih tradicija za praznik – svako sedi sa svojim telefonom i odgovara na poruke* (twitter.com); *Izadjem subotom uvece i super se provedem sa svojim telefonom* (twitter.com).

¹⁰ Примјер се односи на догађај са једне београдске пијаце – 12. јануара 2020. продавачица је ударила комуналну полицајку, која се потом затетурала и пала.

sam trezan, lepo sam se skockao (idjtv.com); *neko me podsetio na neke kul tvitove moraću sada da se rifrešujem* (twitter.com); *мала је ко вајфај у друштву је шерујем* (twitter.com) итд.

2.1. Посебно су заступљени примјери гдје се користи рачунарска терминологија како би се описала различита физичка и психичка стања људи, па се, самим тим, човек заправо концептуализује као неки електронски уређај. Тако он може да (за)багује, да му неко хакује мозак, да остане без меморије или да му, рецимо, падне систем:

Baguje mi srce ko da sam ga u mts-u uz MixNet tarifu uzeo (twitter.com); *Danas baguje tviter, baguje mozak, baguje srce... Samo cepajte!* (twitter.com); *Baguje mi tviter, baguje mi mozak, baguje mi pritisak, baguje mi raspoloženje... Instalirati novu verziju mene* (twitter.com); *Moj mozak je kao kompjuter, samo u njega trpam podatke i onda baguje pa zakuje* (twitter.com); *To što sam telefon uzeo naopačke i 5 sekundi nisam mogao da ukapiram šta se dešava jer sam zabagovao ću shvatiti kao znak da uzmem lijekove* (twitter.com); *zabagujem ponekad samo stojim i ponavljam znači svi misle kao da sam bolesna ili štagod* (twitter.com); *znaci xakowao mi je mozak* (twitter.com); *Treba mi nova glava ova me boli a nemam ni memorije više* (twitter.com); *ponedeljkom u mozak instaliram aplikaciju za samopouzdanje i rokam dok ne padne sistem negde oko srede ako nije seksi* (twitter.com); *Па свако има мозак, нисмо кишне глисте. Сад, мање или више успешан... Негде треба софтвер надоградити, нао систем* (twitter.com); *каже ми мајка „ćuti i deri se” pao mi je sistem u mozgu bukvalno* (twitter.com) и др.

2.1.1. Глаголи *ресетовати (се)* и *рестартовати (се)*, односно именице *ресет* и *рестарт*, те изрази *вратити (се)* на фабричка подешавања и *напунити батерије*, који такође припадају лексичком фонду из области информационо-комуникационих технологија, веома су чести у метафорама и поређењима гдје се експресивно и сликовито представљају неке човјекове емоције и стања, углавном потреба да се одмори, опорави, крене из почетка и сл.:

STEVANE IZ BORA VIDIM JA DOBRO ODAVDE DA NE PAZIS NA CHASU NEMOJ DA DODJEM KROZ TELEVIZOR DA TE RESETUJEM!!! (instagram.com); *Muzika mi*

potaze da se resetujem (twitter.com); Meni poslije svake nocne treba neki dan od 48h, da ga prespravam, da se resetujem (twitter.com); Да ми је да сазнам од чега Лена сваки дан одмара и од чега се ресетује па да могу на миру да умрем (twitter.com); Потребан је лични ресет мозга и прихватање чињенице да је лаж готово све што су нас икад учили и да се ниједној вести са медија не може веровати односно да је свака пласирана са неким разлогом и циљем а не због пуког информисања (twitter.com); Pa mozda smo se srel i ja juse bila tamo da restartujem mozak (twitter.com); Ide mi se negde daleko od svih, da se restartujem (twitter.com); tačno sam znala da mi je potreban izlazak u klub da se restartujem (twitter.com); Bože, restartuj me! (twitter.com); Restartujte svoju kožu (restartformula.rs); KAD KRENEM DA TE RESTARTUJEM KO RUTER (instagram.com); Svakom treba restart da bi se unormalio (twitter.com); Vratio ga kako lako na fabricka podešavanja tvog idola baku praseta (youtube.com); moja želja je samo da sretnem uživo još neke ljude odavde pa da vas dovedem u red kao što sam i ostale, 5 sekundi samo 5 i vratili bi se na fabrička podešavanja (twitter.com); Sad ću da te vratim majci na fabrička podešavanja (idjtv.com); Na odmor, da. Koliko da napunim baterije. I ni dana više (twitter.com); Zamislite sada da ste mobilni telefon... Ako se baterije telefona ne napune dovoljno, on ne funkcioniše pravilno. Ekran mu postaje tamniji, funkcije sporije, a aplikacije ne rade. Isto se događa i sa vama kada je „baterija skoro prazna”. Stoga, kao što punitе телефон сваке ноћи, јако је важно да сваке ноћи напуните и своје „батерије” да бисте правилно функционисали и били здрави. Spavanje je zapravo „punjač”! (blic.rs) и др.

Обиље примјера указује на то да ове метафоре постају конвенционалне, првенствено у разговорном језику, а све више и у језику медија. Томе је свакако допринијела чињеница да је значење у њима употријебљених ријечи и израза из домена рачунарства и технологије познато великом броју модерних, урбанизованих људи, поготово младих, будући да се с њима свакодневно срећу (уп. Јањић 2014: 157–158).

2.1.2. Статус окошталих, устаљених израза могли би добити и метафоре и поређења у којима су такође употријебљени мање-више

општепознати глаголи из области интернета и нових технологија – *ажурирати (се), апроједовати (се), андејтовати (се), бекаповати (се); деинсталирати (се), инсталирати (се), реинсталирати (се); конектовати (се), дисконектовати (се)* итд.:

Aj te ažuriram čas (twitter.com); мама твоја треба да се ажурира (twitter.com); Treba mi giros da se ažuriram (twitter.com); Ne mogu sad, azuriram se (twitter.com); Još nisam apgrejđovao Nikolu u verziju koja će biti naspravana (twitter.com); Pripremam se da se apgrejđujem sa vrtičke na školsku kevu (twitter.com); Ja se ne napijam, ja se apgrejđujem alkoholom (twitter.com); Večeras ću da se apgrejđujem k'o drajver za matičnu! (twitter.com); apgrejđovao mi se zivot levl hard (twitter.com); Posle 8 sati zatupljivanja, dođem na tviter da apdejtujem mozak (twitter.com); Ja se ne menjam, samo se povremeno apdejtujem (twitter.com); Nadam se da je neko Miću Megatrenda bekapovao pre nego što su ga vratili na fabrička podešavanja (twitter.com); Ti si se vec dva puta bekapovao, tako da moram da trazim dalje, duso (twitter.com); Srce je nju prvo instaliralo a mozak kasnije deinstalirao (twitter.com); ja da se zovem Zaharije ja bi se deinstalirao iz života (twitter.com); instaliram UpDate za Mozak... potrajace... jos sam na w98... (twitter.com); Baguje mi mozak, idem da se instaliram u krevet (twitter.com); Moram da konektujem mozak (twitter.com); Sada će mi trebati da se ponovo psihički konektujem na staru realnost (slobodnaevropa.org); Konektuj se na mreži, ne diskonektuj se iz realnosti (megafon.co); Lepo da uzmem pušku i da sebi diskonektujem mozak (twitter.com); Dosla sam u prirodu da se diskonektujem i isklucim iz realnosti (twitter.com); dodje mi jul da provedem nedje na planinu, bez telefona, interneta, TVa malo mozak da reinstaliram (twitter.com); odoh da se reinstaliram! (twitter.com) и др.

2.1.3. На основу досад наведених примјера може се закључити како се међу циљним доменима налазе најразличитији сегменти онога што припада области примарног интересовања савременог човјека, али и да се најчешће људски мозак концептуализује као компјутер, а то, наравно, није случајно.¹¹ Уосталом, и у

¹¹ Уп. и примјер: *Људски мозак као најбржи суперрачунар (politika.rs)*.

психологији, првенствено у истраживањима из области вјештачке интелигенције, одавно је, у покушајима симулације когнитивних процеса, коришћена рачунарска метафора, по којој се функционисање когнитивног система схвата као аналогно начину на који функционише рачунар (о томе в. нпр. Костић 2014: 37–39).

Управо у вези с вјештачком интелигенцијом и људским интелектуалним способностима јесу и малобројна (бар кад је ријеч о грађи за ово истраживање) али занимљива поређења и метафоре гдје се као изворни домен узима *Сири*, интелигентни лични асистент који се користи у уређајима компаније „Епл” (Apple). Функција се служи природним корисничким интерфејсом језика да одговара на питања, даје препоруке и делегира захтјеве на скупу веб-сервиса. Сири се у језичким изразима узима као оличење мудрости, нешто што је раније, када је човјек више био окренут природи, била сова (уп. *мудар као сова*), што на неки начин свједочи о значајној промјени погледа на свијет.¹² Као илустрација може послужити сљедећи примјер из корпуса: *Размишљајам, оснујеш адвокатско друштво које пружа све врсте правне помоћи и назовеш га Сири, јер све зна!* (twitter.com).¹³

¹² О овим промјенама у друштву говоре и сљедећи шаљиви примјери, дати у виду савремених клетви: *Ко лажује ово дабогда ти пао систем на фону и никада ти се не digo* (twitter.com); *dabogda poslao skrinšot osobi koju si skrinšotovao* (twitter.com); *Nekada, dok nije bilo društvenih mreža, jedna od najgorih đačkih kletvi bila je: „Dabogda ti keva prdnula na roditeljskom!” A danas, kada su svi đaci on-line, jedna od najgorih kletvi glasi: „Dabogda ti keva greškom poslala eksplicitnu poruku na roditeljsku Viber grupu!”* (twitter.com).

¹³ Овом се примјеру може додати и сљедећи стих из једне популарне пјесме: *Kô Siri sve zna* (Jala Brat, *Vad*, youtube.com). Осим Сири, и претраживач Гугл се врло често схвата као свезналица, што потврђује и назив представе „Ко нема у вугла, гугла”, чија је премијера одржана у Књажевско-српском театру у Крагујевцу 2018. године. Занимљив је, у вези с тим, и текст уз фотографију чувене књиге „1000 зашто 1000 зато”: *Ovo je nekada bio naš Google, nije bagovao* (twitter.com). Овдје се, заправо, види како неки представници старије генерације доживљавају интернет и могућности које он нуди.

2.1.4. Забиљежена је још једна конструкција која указује на повезивање човјека и савремене технологије – када се жели указати на то да неко вријеђа друге људе, каже се да је *укључио/упалио вр(и) еђалицу*, као да говорник, у складу са својом намјером, притисне неко дугме на уређају или кликне на одговарајуће мјесто на екрану, па се онда активирају одговарајући говорни чиновци:

Ovaj put sam bio blag i nisam uključio vredičalicu, jer ne želim da započnem dramu (idjtv.com); *upalila vredičalicu* (instagram.com); *укључих ли ја ово вријеђалицу* (twitter.com); *Уууу вређалица из он* (twitter.com); *Daka upalio vredičalicu rešava komite* (twitter.com); *Šef upalio vredičalicu* (twitter.com); *čujem roditelje kako me ogovaraju + ženski roditelj uključio vredičalicu* (twitter.com); *Deki uključio vredičalicu* (twitter.com); *Vidi ga što je uključio vredičalicu hahaha* (twitter.com); *džimi uključio vredičalicu na maks* (twitter.com) и др.

2.2. Осим човјека, и живот се врло често концептуализује као уређај, исто тако и вријеме, тачније временски периоди, па се говори о бекаповању живота, рестартовању живота, рестартовању године, дана и сл. Уз то, вирус који је изазвао актуелну пандемију упоређује се с рачунарским вирусом, што је посебно занимљиво, будући да долази до укрштања изворних и циљних домена: изворни домен за именовање рачунарског програма или кода што прави проблеме у домену технологије био је вирус, који изазива обољења код живих бића, а сада се дешава обрнути процес (или, боље речено, наставак започетог процеса метафоризације). Све то показују примјери:

Dodje mi ponekad da bekarujem ceo svoj zivot na jedan externi hard, popnem se na Beogradjanku i sa zadovoljstvom ga „slucajno” ispustim (twitter.com); *Kako bi bilo lepo da reinstaliram живот и очистим се од свих вируса (људи) који ми нападају мозак* (twitter.com); *ko još ima snage da restartuje život* (twitter.com); *Daj nek neko restartuje ovaj dan* (twitter.com); *Ustao sam i juče i danas u 10:00h i sad hoću da neko restartuje na petak odmah jer ja vikendom spravam do 14h* (twitter.com); *Neka neko reinstalira 2020, zakacili smo virus* (twitter.com); *jel možemo da ponovo instaliramo oву*

2020, ova verzija ima virus (twitter.com); Treba neko, ko zna, reinstalirati 2020 godinu. Trenutna verzija ima nekakav virus (twitter.com) итд.

2.3. Свим размотреним метафорама и поређењима заједничка је општа жаргонска обојеност. Углавном су у широкој употреби и разумљиви су свима који се служе интернетом и модерном технологијом, а настали су као резултат жеље да се даље опише ближим, апстрактније конкретнијим, а да се притом пронађе нов израз, те тако избјегне монотонија устањених језичких средстава. Из разговорног стила ове и сличне конструкције уведене су у језик новинарства, иначе склон употреби колоквијализама, али и у текстове популарних пјесама, што потврђују примјери:

Требао је тај ресет на души, заблуде све о теби да ми сруши (Тijана Дарчевић, *Reset*, youtube.com); *Кò један грам да ме врати на ресет* (Николџа, *Sve bih*, youtube.com); *То што радиш настави и никада немој престат, и када озноје се тијела, опет то будеш хтјела, ти само притисни рестарт* (Јала Брат, *Restart*, youtube.com) и др.¹⁴

2.3.1. У једној од новијих пјесама употријебљене су ријечи из домена савремене музичке продукције, односно уређаја за репродукцију звука (*replay*, *loop*, *off*, *mute*), како би се, између осталог, описала жеља да љубавни однос траје бесконачно:

Сањам replay и додир на loop, да сетим се, смејем се, дрхтим кò прут. Сви иду на off, све приче на mute, све жене у мени живе кад си ту... Replay укруг, укруг... (Senidah, *Replay*, youtube.com).

2.3.2. Пошто истраживањем нису били обухваћени књижевни текстови, не може се ни понудити реална слика о томе да ли су и колико у њима заступљени метафоре и поређења чији су изворни домени интернет и нове технологије. Међутим, с обзиром на њихову велику фреквентност у разговорном стилу, готово је сигурно да ће се све чешће појављивати у дјелима савремених књижевника, који, попут новинара, врло често посежу за колоквијалним језичким јединицама ради постизања експресивности. У прилог овој претпоставци иде сегмент из једне кратке приче Ивана Токина, примјер у

коме се људски мозак концептуализује као рачунар:

Мoj мозак је одмах почео да се прилагођава новонасталој ситуацији, за разлику од срца. Срце је панично туговало, а мозак је прешао на режим рада за ванредне ситуације. Пре svakог померања израчунавао је шта све може да се уради у том једном померању, није пуштао тело да улудо троши кораке као иначе, јер су кораци постали драгоцени. Примio је од тела једноставну информацију и без емоција је убацио у једначину постојања. До сада је било онако, а сада је овако, и он је тражио најбоља решења. Нисам могао да не uživам у лепоти његовог приступа. Кад ме је сместио у фотелју, са свим неопходностима, на дохват руку, послао ме је на интернет (Токин 2018: 75–76).

3. На основу анализе може се закључити како говорницима српског језика данас интернет и модерна информационо-комуникациона технологија служе као богати извори мотива за метафоричка пресликавања, што није неочекивано, јер су они готово неизоставни у свакодневном животу и дјеловању савременог човјека. Издвојене метафоре и поређења, погодни за реконструкцију језичке слике свијета у дигитално доба, тако потврђују тезу о органској вези између језика, мишљења и културе. Наиме, језичке промјене, као што је познато, углавном су у релацији с човјеком као бићем које живи у некој културној и друштвеној средини.

Пословице и изреке (нпр. *Подмукло псе-то најприје ће ујести; Боље врабац у руци него голуб на грани; Кад мачке нема, мишеви коло воде*), фразеолошке јединице (*поуздан као врбов клин; радити као коњ; загледати се [у некога или нешто] као теле у шарена врата и сл.*), али и сликовне метафоре у разговорном стилу српског језика (*кртица – 'шпијун'; паук – 'дизалица за одвачење возила'; шљива – 'модрица на оку или од пољупца' и сл.*)¹⁵ – показују како су изворни домени у процесу метафоризације често биљке и животиње, јер је наш човјек одувјек био усмјерен ка природи. Иако се не може тврдити да то и данас није случај, метафоре и поређења описани у овом истраживању указују на својеврсну промјену погледа на свијет, тј. промјену самог свијета – говорници бирају баш мотиве

¹⁴ В. и стих наведен у фусноти 9.

¹⁵ Више примјера може се наћи у Bugarski 2005 и Мршевић Радовић 2008.

из области интернета и технологије како би постигли конкретност, сликовитост и боље разумијевање онога о чему је ријеч,¹⁶ а то не може бити случајно. Посебно су значајни примјери у којима се човјек (његово тијело, дијелови тијела, превасходно мозак и срце, душа итд.) схвата као неки уређај. То говори о великој блискости човјека и технологије, тако рећи поистовјећивању.

Дигитално доба и његове тековине утицали су, дакле, на језик као спону између човјековог унутрашњег и спољашњег свијета. Како би се могао стећи бољи увид у механизам ових промјена, било би пожељно, у неким будућим истраживањима, проширити корпус укључивањем текстова из свих функционалних стилова српског језика. Тако би се утврдиле заступљеност и функција језичких израза овог типа у, рецимо, научном или књижевноумјетничком стилу.

Мада се и на основу једнојезичне грађе, како се показало у овом истраживању, могу изнијети важни закључци о релацији језика, ума и културе, тек би се компаративним односно контрастивним приступом могло доказати колико су метафоре и поређења чији су изворни домени интернет и нове технологије културно специфични, а колико су у питању језичке универзалије. У прилог претпоставци о њиховој универзалности ипак иде чињеница да су друштвене промјене о којима је било говора захватиле малтене цијелу нашу планету, што се морало одразити и на слику свијета у многим језицима. Задатак савремене лингвистике, самим тим и србистике, јесте да разматрају ова питања, и то из угла савремених теорија.

Литература

18. Белић А. Око нашег књижевног језика. – Београд: Српска књижевна задруга, 1951. – 348 с.
19. Јањић М. Језички конфликт у *Свету компјутера* // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 2014. – 43/1. – С. 149–162.
20. Костић А. Когнитивна психологија. – Београд: Завод за уџбенике, 2014. – 566 с.
21. Милашин Г. Језик Твитера из стилистичког угла // *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil* / Hg. В. Тошовић, А. Wonisch. – Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität – Kommission für Stilistik beim Internationalen Slawistenkomitee, 2016a. – С. 163–193.
22. Милашин Г. О језику Твитера са дериватолошког становишта // *Wortbildung und Internet / Словообразование и интернет / Tvorba riječi i internet* / Hg. В. Тошовић, А. Wonisch. – Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität – Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, 2016b. – С. 225–253.
23. Милашин Г. Језик између јутјубера и бумера: О неким тенденцијама, новим ријечима и изразима у српском језику // *Philologia Serbica*. Породица и породични односи у српском језику, књижевности и култури. Зборник научних радова, I/1 / ур. С. Шмуља. – Бања Лука: Универзитет у Бањој Луци, Филолошки факултет, 2021. – С. 60–94.
24. Мршевић Радовић Д. Фразеологија и национална култура. – Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2008. – 248 с.
25. Тошовић Б. Интернет-стилистика. – Москва: ФЛИНТА – Наука, 2015. – 238 с.
26. Багић К. *Rječnik stilskih figura*. – Zagreb: Školska knjiga, 2012. – 358 с.
27. Bugarski R. *Slikovne metafore u razgovornom jeziku* // *Jezik i kultura*. – Beograd: Biblioteka XX vek – Knjižara Krug, 2005. – S. 179–208.
28. Croft W.; Cruse D. A. *Cognitive Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 с.

¹⁶ О конкретности и сликовитости у разговорном стилу в. Katnić Bakaršić 2001: 94.

29. Crystal D. *Language and the Internet*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 272 s.
30. Jeffries L., McIntyre D. *Stylistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 226 s.
31. Kacer K. *Sajberpsihologija: Život na mreži: k@ko nas internet menja* (prev. D. Milojković). – Beograd: Laguna, 2019. – 416 s.
32. Katnić Bakaršić M. *Stilistika*. – Sarajevo: Ljiljan / Naučna i univerzitetska knjiga, 2001. – 390 s.
33. Klikovac D. *Metafore u mišljenju i jeziku*. – Beograd: Biblioteka XX vek – Knjižara Krug, 2004. – 318 s.
34. Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction (Second Edition)*. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 375 s.
35. Lakoff G.; Johnson M. *Metaphors we live by*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 s.
36. Rasulić K. *Jezik i prostorno iskustvo: Konceptualizacija vertikalne dimenzije u engleskom i srpskohrvatskom jeziku*. – Beograd: Filološki fakultet, 2004. – 358 s.
37. Tokin I. *M2 Multiverzum*. – Beograd: Samizdat, 2018. – 196 s.

О. И. Северская

(Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН)

ИРОНИЯ ПРОТИВ КОРОНАПАНИКИ: ИРОНИЧЕСКИЙ МОДУС В КОРОНАВИРУСНОМ СЛОВАРЕ И ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается ирония как способ «говорения», позволяющего преодолеть страх перед чрезвычайной кризисной ситуацией. Автор анализирует такие способы выражения иронии, как словообразовательный блендинг, окказиональная лексическая многозначность, интердискурсивность, интертекстуальность, в том числе и поликодовая, присутствующая в так называемых вирусных текстах.

Ключевые слова: ирония, иронический модус, словообразовательный и смысловой блендинг, интертекстуальность, интердискурсивность, корона-вирусный дискурс.

Olga I. Severskaya

(Russian Language Institute, RAS)

IRONY VERSUS CORONA PANIC: IRONIC MODUS IN CORONAVIRUS VOCABULARY AND DISCOURSE

The article examines irony as a way of “speaking” that allows one to overcome the fear of an emergency crisis situation. The author analyzes such ways of expressing irony as word-formation blending, occasional lexical polysemy, interdiscursiveness, intertextuality, including polycode, which is present in the so-called viral texts.

Key words: irony, ironic mode, word-formation and semantic blending, intertextuality, interdiscursiveness, coronavirus discourse.

Любой сложной, драматичной ситуации нам обычно советуют *не терять чувства юмора*. Закреплена эта мудрость и в литературе: «*Чувство юмора предполагает наличие некоего минимального оптимизма и печали одновременно*», – писал Г. Бёлль; «*Мы шутим не потому, что нам свойственно чувство юмора, нет, мы стараемся не терять чувства юмора, потому что без него мы пропадем*», – объяснял природу шутки Э. М. Ремарк (цит. по: Высказывания великих... 2012). Действительно, в социологии юмора обычно отмечают его функции освобождения от напряжения, выявления несообразностей, контроля над ситуацией путем формирования говорящими позиции превосходства (Мельников 2015: 214–215). И поэтому не случайно, что в коронавирусном дискурсе, отражающем пугающую, всеохватную ситуацию пандемии, так много слов и выражений, употребляемых в ироническом модусе.

Прежде чем обратиться к анализу конкретных примеров, определим основные дискурсивные, когнитивные и структурные параметры иронии.

При анализе иронического дискурса важно, как замечает К. М. Шилихина, что «говорящий создает особые отношения между собой, адресатом высказывания и объектом иронии», а «адресат должен не только распознать ироническую интенцию говорящего, но и решить, какова цель, которую преследует говорящий, выбирая иронию как способ коммуникации» (Шилихина 2008а: 12), – для этого «адресату приходится выходить за рамки текста и пользоваться ключами, содержащимися во внешнем контексте: в непосредственной ситуации или с опорой на знания о том, “как должно быть”» (Там же: 14). Иными словами, определить дискурс как иронический помогает контекст, в границах которого актуализируются и непосредственно наблюдаемые события, и социокультурные нормы и традиции, и интертекстуальные связи: «Интертекст, создающий иронию, меняет оценочную перспективу: ожидаемое серьезное отношение превращается в насмешку, герои текущей ситуации оказываются “в карнавальных костюмах”» (Шилихина 2008б: 157).

В когнитивном плане понимание иронии обеспечивают соотносимые между собой ментальные пространства, соответствующие концептуализации непосредственно данной реальности, осознанию прошлого и будущего в развитии той или иной ситуации, а также вымышленные и гипотетические ситуации, почерпнутые из книг, фильмов, картин и других носителей культурной памяти. Замечая, что ирония, «динамически создавая значение, объединяет структуры исходных ментальных пространств в новом, сконструированном ментальном пространстве», Ю. Н. Мухина называет этот процесс смыслообразования «концептуальным блендингом» (Мухина 2012: 22), подчеркивая особую роль опорного, психологически значимого для осмысления дискурсивной ситуации знания (Там же: 24–25).

На вербальном уровне ирония воплощается, прежде всего, в словообразовательных блендах – своего рода «свертках» дискурсивных фрагментов с яркой эмоциональной составляющей, усиливающей воздействие говорящего на адресата. При этом «производность отражает признак двойной референции, а именно к языку и к реальной действительности, рефлексирова отношения не только производящей основы и производного, но и их денотатов» (Абросимова 2012: 22), и это касается не только слов-блендов, но и контаминированных фразеологизмов (Григорьева 2019: 489). Маркерами иронии ученые называют также словесную полисемию и имплицитность, контрастность, многоплановость, многомерность и лаконичность формы (Шкицкая 2019: 47).

В коронавирусном дискурсе довольно много единиц, сопрягающих два плана в одном знаке. С одной стороны, неологизмы быстро развивают многозначность. Так, существительное *ковид*, первоначально употреблявшееся лишь как терминологическое обозначение нового вируса Covid-19, сегодня уже относится и к носителю вируса, и к ребенку, рожденному в условиях пандемии, отражая метонимический перенос. Развивает свой семантический потенциал и прилагательное *ковидный*: наряду с *ковидными больными, больницей/отделением, симптомами* существует и *ковидное* ‘депрессивное’ на-

строение. Полисемия граничит с омонимией в разговорном названии вируса *корона* и его производных *короновать(ся)* ‘заразить(ся) коронавирусом’, *коронованный* ‘носитель коронавируса’; на отождествлении вируса и *короны* как символа власти строится множество игровых номинаций (в частности, образ *вируса-короля*, который *надел корону* и правит миром, и переосмысления идиом *надеть корону* ‘подцепить звездную болезнь, зазнаться → инфицироваться’; *корона не жмет* ‘слишком вознестись → ослабить карантинные меры / отказаться от самоизоляции’). С другой стороны, переосмысливаются – через актуализацию внутренней формы и буквализацию значения – устойчивые выражения вроде *у него не все дома*: в контексте пандемии оно превращается в констатацию нарушения режима самоизоляции, но одновременно сохраняется и стоящий за идиомой образ человека странного, глуповатого, придурковатого, который привносит оценочный смысл в и без того двусмысленное выражение. Семантическая многоплановость становится одним из способов придания дискурсу иронической модальности. При этом говорящий обманывает ожидания адресата, как в случае игрового переосмысления сирконстанта *до н. э.* ‘до нашей эры, до Рождества Христова → до начала эпидемии’ (ср. англ. *b. C.* ‘before Christ → before Covid-19’). Рождает иронию и двойная актуализация идиом – в общезыковом поле и в референтной соотнесенности с ситуациями, характерными для пандемии, как в случае использования выражений *чувство локтя*, *похлопать по плечу*, *велели кланяться* для обозначения различных «коронавирусных» приветствий.

Словообразовательный блендинг, который может быть результатом как простого соположения грамматически соотносимых слов, так и слияния, обуславливающего сложные семантические отношения (Хрущева 2009: 96), к формированию иронического модуса приводит не всегда. Так, в коронавирусном дискурсе достаточно нейтральных номинаций, образованных словосложением: *коронакризис*, *коронапаника*, *коронастресс*, *маскомода*, *маскомат* и т. п. и словослиянием: *инфодемия* ‘информационная эпидемия, избыточность информации,

публикуемой во время эпидемий или пандемий’, *ковидарность* ‘взаимовыручка, солидарность в эпоху ковида’, *корониалы* ‘поколение детей, зачатых в период пандемии коронавируса’ и т. д. Некоторые же оказываются эмоционально окрашенными, как, например, *коронапокалипсис* ‘пандемия как конец света, событие, грозящее если не гибелью всего живого, то большими жертвами и разрушениями’, *ковидиот* ‘тот, кто либо излишне беспечен, либо поддается панике в гипертрофированной форме из-за коронавируса’ и *ковидол* ‘образцовый гражданин, соблюдающий масочно-перчаточный режим и социальное дистанцирование, покупающий разумное количество туалетной бумаги, антисептических средств и продуктов длительного хранения’. Однако и здесь можно говорить лишь о погружении эмоционально-оценочных номинаций *апокалипсис* (о высокой степени проявления угрозы), *идиот* (бран.) и *идол* (бран.) в коронавирусный контекст: слова звучат «смешно», но собственно иронического переосмысления, основанного на смысловом противоречии, все же не возникает.

Более сложный в семантическом отношении случай представляют собой (на первый взгляд, ничем не отличающиеся от *ковидиота*) номинации *ковидоскептик*, *ковидодиссидент* и *ковидопофигист / ковирист*: второй план, ментальное пространство, обуславливающее распознавание иронии, здесь формируют ассоциации, устойчиво связанные в языковом сознании с опорными лексемами.

В своих словарных значениях *скептик* ‘человек сомневающийся, относящийся ко всему критически’ и *диссидент* ‘инакомыслящий’ (ср.: *диссидент – это человек, который отрицает то, в чём уверено большинство*, <https://proslo.ru/dissident-kto-jeto/>) имеют нейтральную стилистическую окраску, однако в дискурсе могут получать как положительную, так и отрицательную эмоциональную оценочность. Определить связанные с этими словами устойчивые ассоциации помогает Национальный корпус русского языка (НКРЯ 2020).

У *скептика* немало положительных характеристик: *просвещенный*, *ученый*, *мыс-*

лящий, любознательный, осторожный и др. Но негативных ассоциаций в три раза больше, в их числе наиболее частотны *закоренелый, закоснелый, отъявленный, прожженный, неизлечимый, неисправимый, желчный, самодовольный, беспощадный, злокозненный, унылый, малодушный* и т. п.; встречаются и *присяжный* и *номенклатурный скептики* и даже *скептик с окровавленными руками*.

Диссидент, напротив, имеет «героический» семантический ореол, представляя как *героический, отважный, неустрашимый, стойкий, вольномыслящий* и одновременно *гонимый*; положительные ассоциации преобладают, но встречаются и отрицательные коннотации вроде *кухонный, мелкотравчатый, нахальный, малопонятный, безумный*.

Как можно заметить, «скептицизм» и «диссидентство» диаметрально противоположно оцениваются в дискурсах, которые можно условно определить как «либерально-демократический» и «консервативный», это делает номинации *ковидоскептик* и *ковидодиссидент* потенциально энантиосемичными, актуализирующими заложенные в них семы «добра» и «зла» в зависимости от точки зрения говорящего и адресата, считающего одобрение или порицание.

Лексема *пофигист* ‘человек безразличный, равнодушный, безучастный к чему-то’ в словаре имеет помету «разг.-сниж.» и характеризуется имплицитной отрицательной оценочностью. Такую же оценку отражают и сетевые определения, мемы, анекдоты, ср.: *Пофигист – это человек, равнодушный ко всеобщим чаяниям, не интересующийся проблемами, не связанными с ним лично. Пофигизм в жизни проявляется как бездействием, апатией, так и равнодушием к окружающим при активном преследовании собственных целей; Пофигизм – это равнодушное, наплевательское отношение человека к происходящим событиям и другим людям; Пофигизм – это безмятежная лёгкость бытия. Наплевательство и разгильдяйство. В НКРЯ пофигисты – это эпикурейцы, оболтусы и разгильдяи, к которым в обществе относятся, скорее, снисходительно, но такое качество, как меркантильность, у них тоже отмечается.*

В этом случае ироническое прочтение опирается на стилистический оценочный компонент, формирующийся за счет словесных ассоциаций: ироническая оценка актуализируется в ассоциативном поле «скептицизма», «диссидентства» и «пофигизма», поддерживаясь в первом случае несоответствием «высоких» философских и идеологических материй нормам безопасности в эпоху пандемии, а во втором – ассоциируясь с *вольницей* как синонимом вседозволенности и, например, с хитом «Вольный ветер» группы «Чайф», своего рода декларацией «пофигизма» вне запретов (в приводимой далее цитате в подтексте угадывается *кирпич* ‘запрещающий знак’): *А мы вдыхаем вольный ветер – наши мысли так легки, И пока мы не в Шанхае, нам всё это не с руки. А мне все пофиг, я с покоса – уберите кирпичи...*

Неологизм *карантикулы* (народное название нерабочих дней, которые объявляли в России из-за неблагоприятной эпидемиологической ситуации) звучит иронично в силу диаметрально противоположных ассоциаций, связанных с компонентами бленда (*карантин* ассоциируется с несвободой и целым комплексом ограничений, *каникулы* – со свободой от обязательств). Когнитивный диссонанс отмечался в первых осмыслениях неологизма: *Многие решили, что раз ходить в школу, университет и на работу не нужно, значит можно отдыхать и ездить на пикники, совсем как на каникулах. Позднее стало ясно, что нерабочие недели подразумевали особый рабочий режим* (Коммерсантъ. 25.06.20). Сам неологизм представляет собой, таким образом, «свертку» высказывания: *Карантин – это не каникулы, иронический модус которого формируется различным денотативным осмыслением одной референтной ситуации, проявляющим контраст конситуативного «добра» и «зла», опираясь на социокультурные стереотипы.*

Ироническую окраску имеет и неологизм *наруженосец* ‘тот, кто носит маску, но оставляет нос снаружи’: за ним стоит образ *оруженосца, воина с открытым забралом*, т. е. в норме действующего открыто, не скрывая своих намерений, и в целом положительно оцениваемого (ср. преобладающие в НКРЯ сочетания *верный / преданный /*

отважный оруженосец), однако в контексте пандемии его действия ассоциируются с полумерами, маскировкой и лукавством, а *наруженосец* тем самым превращается в *оруженосца вируса*. Ироническую нотку вносит и контраст «высокого» образа из рыцарского романа и «низкой», непривлекательной реальности, опять же с отсылкой к мотивирующему тексту: «Наружа» – даже по слову видно, противное такое слово – так вот «наружа» – это насилие, болезни, политика, грязь, вирусы, хамство, воровство (Масяня. Эпизод 142. Изоляция. 31.03.20).

Как можно заметить, в осмыслении коронавирусных неологизмов как иронических зачастую учитываются и ассоциации с «шлягерными» текстами. «Ситуации, которые актуализирует интертекст, представляют собой две возможных точки зрения, которые, собственно, и сравниваются. Двойная референция приводит к тому, что вторичный, скрытый за аллюзией референт становится своеобразной шкалой, мериллом для первичного референта», – отмечает К. М. Шилихина (Шилихина 2008б: 157). Это похоже на игру слов, которая также является способом выражения критической оценки.

Для возникшего в период самоизоляции неологизма *расхламинго* ‘популярное домашнее занятие, связанное с уборкой в доме во время вынужденного карантинного безделья’, означающего «расхламление» как процесс (на что указывает его «инговая» форма), релевантными оказываются, прежде всего, соотношения с интернет-публикациями, содержащими номинацию *захламинго*, возникшую гораздо раньше и обозначающую как процесс создания запасов, так и состояние захламленности, хлам как таковой и производителей беспорядка. Но интереснее всего ассоциация с мифонимом *птица Феникс*, символом восстания из небытия, возрождения из ничего: *Мне стенка ее понравилась, скоро захламинго там сохнет воронье гнездо. Лилька не может жить по-другому, в любом доме устроит кальвиссонию. Лилька птица-захламинго* (forum.baginya.org. 01.11.2018). Таким образом, *Захламинго-Феникс* выступает как антагонист *Расхламинго*, также предстающего в образе

птицы, похожей (на что указывают звуковые соответствия) на *Розового фламинго* из одноименной песни Алёны Свиридовой, которая и формирует подтекст за счет ассоциации с *розовой мечтой, жизнью в розовом свете* и постоянно повторяемым припевом *Думай о хорошем! Я могу исполнить!* Важны и интертекстуальные связи с египетскими и китайскими мифами, в которых *фламинго* символизирует красоту, выносливость и жертвенность, стойкость и возрождение, надежды и исполнение желаний. Кроме того, *Розовый фламинго* дальний «родственник» *Феникса* (на латыни это *Phoenicopterus* ‘пурпурное крыло’), интертекстуальная референция верифицируется этимологией. «Смешное» слово тем самым вбирает целый спектр иронической оценочности, которую, по замечанию К. М. Шилихиной (Шилихина 2008б: 153), формируют интертекстуальные, гипертекстуальные и метатекстуальные связи.

Как представляется, средством создания иронии может быть не только интертекст, но и интердискурс. В коронавирусном дискурсе довольно много примеров безоценочного дискурсивного рефрейминга: карантинная *самоизоляция* – это переосмысление известного с 1940-х годов психологического термина, в начале 1960-х переходящего и в политический дискурс, *новая нормальность* – появившийся в результате всемирного кризиса 2008 г. экономический термин, за которым стоит слабость экономики и политики в межкризисном промежутке. Но есть и примеры интердискурсивных новообразований, иронически оценивающих реальность. Переосмыслению политической ситуации в сетевом юморе способствует фрейм карантина общемирового масштаба: *Из-за коронавируса Путину запретили покидать президентское кресло* (интернет-мем), а «обнуление» президентских сроков порождает номинацию *нулевой президент* – по аналогии с принадлежащим медицинскому дискурсу *нулевым пациентом* (К. Туркова. Коронавирус и поправки к российской Конституции. Голос Америки. 16.03.20). Элементы экономического дискурса присутствуют в игровых *фьючерсах на гречку, курсе лимона и имбиря, взлетах и обвалах на ли-*

монно-имбирных биржах, лимонах по цене имбиря и прочих неологизмах, связанных с гонкой за кризисным дефицитом (ср.: *На рынке ценных бумаг лидирует туалетная*) и с публикациями о «народных средствах» борьбы с ковидом.

Особый интерес представляет иронический модус, отличающий так называемые «вирусные» тексты, прежде всего гибридные интернет-мемы, и проявляющийся при их рефрейминге.

Так, популярный мем «Наташины коты», впервые появившийся в сети «ВКонтакте» в декабре 2019 года, получил несколько иронических переосмыслений в эпоху коронавируса.

Первоначальный вариант отражал реальную ситуацию (вредные коты будят хозяйку) в ирреальном ключе (коты говорят при этом по-человечески): *Наташ, ты спишь? – Уже 6 часов утра, Наташ. – Вставай, мы там всё уронили. – Мы уронили вообще всё, Наташ, честно!* – этот текст и стал «рамочным» в последующих вариациях:

1) *Наташ, ты спишь? – Уже 6 часов утра, Наташ. – Нефть по 32\$. \$ по 72 Р. – Вставай, мы там всё уронили. – € по 82 Р. – Мы уронили вообще всё, Наташ, честно!* (ироническая двуплановость создается при взаимодействии буквального и переносного значений лексемы *уронить* ‘нечаянно задев, вызвать падение чего-то на пол, на землю’ и ‘привести в упадок, расстроить дела, хозяйство и т. п.’ с коллокацией экономического дискурса *уронить* (обвалить, обрушить) курс валюты / ценных бумаг);

2) *Наташ, ты спишь? – Полежи еще, Наташ. – Не вставай. – Сиди дома, мы там всё закрыли. – Вообще всё закрыли, Наташ, честно! не выходи* (здесь налицо конверсия исходной ситуации: хозяйку оставляют под одеялом, глагол *уронить* меняется на другой многозначный глагол *закрыть* ‘запереть, замкнуть’ / ‘оставить кого-л. в помещении, заперев двери’ / ‘сделать что-л. недоступным для проникновения’ / ‘прекратить деятельность чего-л.’, семантические компоненты значения которого актуализируются в контексте самоизоляции и локдауна).

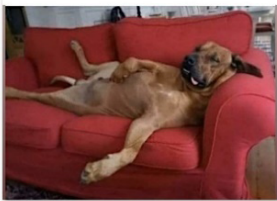
В других вариациях мема коты продолжают говорить с хозяйкой, но контент меняется. Вначале коты следят за соблюдением санитарных норм: *Наташ, руки вымыла? – Обувь почистила? – Сумки обработала антисептиком? – Корм принесла? – Хороший?* (сохраняется лишь коммуникативная рамка: *Наташа и коты*, а также сюжет с «кормлением зверей», ср.: *Кто рано встает, тот кушоц дает, Наташ и Корм принесла?*). Затем меняются с хозяйкой ролями, наблюдая за ее «дистанцами», удивляются ее «дикости» и «шкодливости»: *Наташ, ты чего творишь? – Наташ, прекрати! – Это чево хоть такое-то, а? – Ну разбудили немножко, чё психовать-то, Наташ, ну?!* (в кадре Наташа и «разбросанные» по комнате коты). Наконец, появляется мем с той же визуальной «рамкой» (кошачьи морды, склонившиеся над спящей хозяйкой), но с другим текстом: *Наташ, как бы тебе сказать... – Когда ты уже наконец уйдешь на работу? – Карантин, понимаем. – Но это наш дом, а ты нарушаешь наше личное пространство. – Забей на коронавирус, Наташ, честно!* (коты осваивают не только человеческую речь, но и сталкиваются с человеческими проблемами).

В целом же мем «Наташ, мы там все уронили» служит описанию паники и истерии вокруг той или иной темы. Беспокойные коты, которые будят хозяина, символизируют в нем внезапно появившуюся проблему.

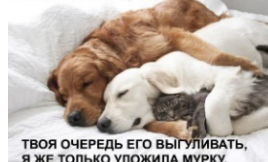
Меняются ролями не только коты с хозяйкой Наташей, но и собаки со своими владельцами (ситуация «выгул собаки» трансформировалась в «выгул хозяина» с введением ограничений на передвижение): ирония возникает при конверсии стереотипных представлений о поведении и ролях домашних животных и их хозяев в нетипичной, специфически коронавирусной референтной ситуации.

Таким образом, в языковом плане коронавирусом «заражается» и словообразование, и лексика, переосмысляемая по линиям омонимии и многозначности, эмоционально-оценочными становятся в норме нейтральные компоненты – либо за счет имманентного переосмысления, либо в сочетании с эмоционально «нагруженными» лексемами, особенно ярко это проявляется при помещении терминов профессиональных дискурсов в бытовой контекст. Основными же «переносчиками» новых, иронически окрашенных смыслов становятся «вирусные» поликодовые тексты.

Знакомьтесь, это Арчи.
Арчи единственная собака
в многоэтажке. Арчи сегодня
гулял 50 раз, потому что весь
дом на карантине

ХОЗЯИН ОПЯТЬ ПРОСИТСЯ НА УЛИЦУ

ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ ЕГО ВЫГУЛИВАТЬ,
Я ЖЕ ТОЛЬКО УЛОЖИЛА МУРКУ.

Литература

1. Абросимова Л. С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. – 2012. – № 1. – С. 18–22.
2. Высказывания великих и успешных людей о чувстве юмора // Конструктор успеха. 22.12.2012. URL: <https://constructor.ru/aforizmy/aforizmy-o-chuvstve-yumora.html>.
3. Григорьева В. П. Блендинг как тип неузуального словообразования: к уточнению понятия // Мир науки, культуры и образования. – 2019. – № 3(76). – С. 488–490.
4. Мельников С. С. Социология юмора: к критике трех фундаментальных теорий смешного // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. Социология. – С. 213–217.
5. Мухина Ю. Н. Моделирование когнитивных контекстов вербальной иронии (на материале русского и английского языков) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. – 2012. – № 4. – С. 21–25.
6. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>.
7. Шилихина К. М. Роль контекста в интерпретации иронии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008а. – № 2. – С. 10–15.
8. Шилихина К. М. Интертекст как средство создания иронии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008б. – № 3. – С. 152–157.
9. Шкицкая И. Ю. Феномен иронии и ее функции в манипулятивном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 440. – С. 45–52.

Мир Сахиб Джан Кочай
(Кабульский университет, Афганистан)

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В АФГАНСКОМ ЯЗЫКЕ ПУШТУ И В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается роль и место основных элементов паремии (пословиц и поговорок) в афганском языке пушту и в русском языке, различия и близость афганских пословиц и поговорок и русских пословиц и поговорок.

Приоритет в статье отдается афганским пословицам и поговоркам как менее изученным. Также рассматривается значение пословиц и поговорок в обоих языках.

Ключевые слова: паремиология, афоризм, пословица, поговорка, опыт, духовное богатство, предложение, суждение.

Mir Sahib Jan Kochai
(Kabul University, Afghanistan)

PROVERBS AND SAYINGS IN THE AFGHAN PASHTO LANGUAGE AND IN RUSSIAN

The article examines the role and place of the main elements of the paremia (proverbs and sayings in the Afghan Pashto language and in Russian, the differences and closeness of Afghan proverbs and sayings and Russian proverbs and sayings.

The priority in the article is given to Afghan proverbs and sayings as less studied. It also examines what proverbs and sayings in both languages express.

Key words: paremiology, aphorism, proverb, saying, experience, spiritual wealth, proposal, judgment.

Язык, как известно, аккумулирует многовековой опыт его создателей и, выполняя репрезентативную функцию, фиксирует благодаря своему богатому инструментарию состояние как социума в целом, так и отдельной личности. Наиболее яркими единицами, в которых запечатлен опыт народа, его социально-эстетические, морально-этические, художественные и духовные идеалы, особенности мировоззрения и мировосприятия, являются паремии.

Интерес к паремиологическому фонду языков в целом и пословице как самому употребляемому классу паремий возрос в последние годы, что связано с прагматическим фактором. Вместе с тем до настоящего времени не выработан метаязык паремиологии, поэтому следует обратиться к теоретическим вопросам, связанным с природой паремии, определениям пословицы, рассмотреть сопредельные понятия.

Язык является важнейшим средством человеческого общения, орудием передачи мыслей. Одновременно язык выступает в качестве зеркала национальной культуры и ее хранителя.

На современном этапе развития человеческого общества все больше внимание уделяется вопросам взаимодействия языка и культуры народа. Язык, выступая средством общения, играет важную роль в формировании национального характера народа. Язык хранит культуру и передает ее из поколения в поколение, язык – кладовая знаний о социальных, духовных, культурных достижениях и богатствах различных народов. Интерес к изучению взаимосвязи языка и культуры связан и с расширением межкультурного общения, с диалогом различных культур. Как справедливо отмечается ведущими российскими лингвистами, в частности С. Г. Тер-Минасовой: «Все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры со своей родной, привычной» (Тер-Минасова 2000: 34).

«Языковые афоризмы, восходящие к фольклору, называются пословицами и поговорками» (Буслаев 1954: 61). В фольклоре,

при всем разнообразии, богатстве его поэтических видов и форм, трудно найти более любопытный жанр, чем пословица. «Под пословицами в широком смысле понимаются краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение. Так, пословица «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало» отличается двойным планом – буквальным и иносказательным. Напротив, пословица «Горбатого могила исправит» имеет только образный план» (Аникин 1957: 11).

По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, поговорками называются языковые афоризмы, отличающиеся особой краткостью и имеющие, как правило, только буквальный план. Пословицы бытуют в виде устойчивых, завершенных фраз, а поговорки допускают варьирование своего состава и не всегда выражают законченное суждение. Поговорки – это мост, переход от фразеологизмов к пословицам (Верещагин 1983: 163). Например: *В тесноте, да не в обиде; Поживем – увидим; Коса – девичья краса.*

Несколько позже появляется более четкое и детальное определение паремии в связи с разработкой теоретических вопросов паремиологии и лексикографической практикой. В. П. Жуков, автор-составитель словаря пословиц, считал необходимым объяснить различие между отдельными категориями включаемых в словарь единиц. Руководствуясь семантическим и синтаксическим критериями, он отграничивает, с одной стороны, фразеологизмы – единицы с открытой структурой (незамкнутые структуры), в основе которых лежат понятия, типа *глаза на лоб лезут (у кого-либо), медведь на ухо наступил (кому-либо)* – от пословиц и поговорок, имеющих замкнутую структуру, смысловую и интонационную завершенность, синтаксическую членимость (если пословица употреблена в буквальном смысле), категории предикативности и модальности, т. е. признаки предложения (Жуков 2000: 9).

Вместе с тем пословицы и поговорки, в основе которых лежат суждения, включают довольно разноплановые единицы, черты которых позволяют В. П. Жукову говорить

об отдельных их разрядах. Так, пословицами он считает устойчивые народные изречения, имеющие только переносный смысл или буквальный и переносный смысл (*Горбатого могила исправит; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*), а поговорками – краткие изречения, имеющие только буквальный план (*Деньги – дело наживное; Коса – девичья краса*). Между ними находятся переходные единицы – пословично-поговорочные выражения, в которых часть слов использована в прямом смысле, а часть имеет фигуральное значение (*Пьяному море по колено; На сердитых воду возят*) (Там же: 11–12).

В отличие от В. П. Жукова, Т. А. Наймушина считает, что «наличие / отсутствие переносного значения не является достаточным аргументом в пользу признания-непризнания обобщенного характера выражения». При определении обобщенности значения пословицы она исходит, прежде всего, из самого характера переносного смысла (Наймушина 1984: 14–15). Так, пословицы *Век живи – век учись; И будь без хвоста, да не кажись кургуз* являются по своей сути советами, возникшими на основе обобщения жизненного опыта; адресат обоих советов не обозначен – это любой человек, любой член общества. Обобщение в этих высказываниях вылилось в форму жизненного правила. Оно «реализуется общим характером высказывания, т. е. его неприкрепленностью к одной отдельной ситуации, благодаря которому пословица применима во многих ситуациях» (Там же: 15).

Признание разных по происхождению видов обобщенности пословицы и поговорки восходит к теории С. Г. Гаврина, считавшего, что поговорка, не обладая обобщенностью изначально, обретает ее в употреблении. Это обобщенность употребления, а не пословичная обобщенность смысла. «Поговорка обобщает постольку, поскольку она приложима ко многим случаям; поговорка является средством обобщения по функции, но не по содержанию» (Гаврин 1958: 32).

Итак, разграничение пословицы и поговорки проходит по линии: выражение формулирует жизненную закономерность или правило или же не выражает жизненной закономерности или правила (Там же: 46).

Л. Б. Савенкова деление пословиц и поговорок проводит по семантическому критерию: если пословица или хотя бы часть ее элементов наделена переносным значением, то поговорка не испытывает семантического сдвига по сравнению с деривационной базой и отличается от нее только уровнем обобщения информации (Савенкова 2007: 86–87).

Большим вопросом для исследователей остается то «непередаваемое качество» пословиц, которое В. Мидер называет *proverbiality* (пословичность), сетуя на отсутствие безошибочного метода ее определения (Mieder 2004).

Финская исследовательница О. Лаухакангас отмечает: «Сила пословиц – в их общеизвестности, в первую очередь это касается структуры. Употребление пословичного клише вызывает чувство «общего языка» у говорящего и его аудитории. В то же время незнакомая ранее пословица подталкивает слушателя или читателя к принятию соответствующего утверждения» (Лаухакангас 2015: 101–102).

М. Ю. Котова определяет употребительную пословицу как особую языковую единицу, которую отличают от других языковых единиц ее универсальные признаки: «общезнаемость», дидактичность, афористичность, замкнутая синтаксическая структура, обозначение ситуации, а не понятия (Котова, Боева 2019).

В афганском языке (пушту) и в русском языках, как и в любом другом языке, важна и интересна национально-культурная семантика, т. е. языковые значения, которые отражают, фиксируют и передают от поколения к поколению особенности природы, общественного устройства, фольклора, художественной литературы, искусства, науки, подробности быта и обычаев этих народов.

Национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях языка: и в грамматике, и в синтаксисе, не исключая фонетики. Однако наиболее ярко она проявляется в строевых единицах языка. К числу строевых единиц языка относятся слова, фразеологизмы и языковые афоризмы (пословицы, поговорки и крылатые выражения) (Буслаев 1954: 3)

Поистине национально-культурная семантика языка – это продукт истории, и чем

богаче история народа, тем ярче и содержательнее строевые единицы языка. Ряд ученых-лингвистов считают, что основными компонентами афоризма являются пословицы, поговорки, крылатые слова, призывы, девизы, лозунги, общественно-научные формулы и естественно-научные формулировки. Другие ученые считают, что афоризм – это изречение, законченная мысль одного определенного автора.

В данной статье я буду рассматривать строевую единицу языка – языковой афоризм, точнее, ее компоненты – пословицы и поговорки. Сравнительное изучение лексико-семантических пластов пословиц и поговорок раскрывает национально-культурную специфику реалий и образную систему языка народа, дает возможность выявить общие и частные закономерности двух языков.

Хочется отметить, что пословицы и поговорки в афганском языке пушту имеют глубокие корни своего существования. Однако в языке пушту они мало изучены и даже не дана оценка каждому из них. Пословицы языка пушту еще не собраны и разбросаны по горам и степям пуштунов как в Пакистане, так и в Афганистане.

Впервые сборник пословиц языка пушту был составлен в 1939 г. Второй сборник относится к 1948 г. Думаю, что тщательное изучение элементов фольклора афганского языка пушту требует долгого времени и серьезных исследований. Афганский паремический фонд очень интересен и способен выражать культурное, историческое и духовное богатство пуштунов. Хочу отметить, что любая пословица пуштунов имеет определенный смысл. Например: *къ Гар джиг дэ нъ саре лар шта* – Если гора высокая, то на ней есть дорога. Это значит, что самые сложные вопросы можно решать.

Пословицы показывают уровень знаний, опыта и интеллектуального мастерства каждой нации, потому что пословицы – это зрелые слова, которые происходят из разного опыта и называются учителями образа жизни (Жвак 2003: 3, 6). Пословицы являются лучшими, самыми ценными и яркими словами наших предков, которые через поколения дошли до нас (Там же: 7). Пословицы – это хранилище человеческого опыта, выражен-

ное в кратком и номинированном предложении (Хварикаш 2017: 3). Пословицы добавляют речи сладости и силы и делают фразу красивой.

Х. Хаятуллах впервые заговорил о строении пословиц и поговорок у пуштунов. Он считал, что полная пословица неизменно состоит из двух частей. В первой части дается описание событий или общее рассуждение; во второй обычно делается вывод (Хаятуллах 2019: 4–5). Это можно видеть на примере пословицы *Сто ударов ювелира и один удар кузнеца* – букв.: *Сто ударов игольщика – один кузнеца* или *Ког бар тар мазала но расегит* – букв.: *Криво положенный груз до места не дойдет*.

Пословицы и поговорки – интересная часть устного народного творчества пушту, состоящая из забавных коротких предложений, чистых и святых слов, мыслей и чувств. Словами и мудростью различные аспекты пуштунской и – шире – человеческой жизни прекрасно и всесторонне объяснены на языке простых людей.

В настоящее время в афганской (пуштунской) лингвистике наблюдаются две позиции, согласно которым определяется граница пословиц и поговорок. Одна группа считает, что «Матал» – пословица – обычно состоит из двух частей: первая часть – суждение, вторая – заключение. А «Гръна» – поговорка – это только суждение, т. е. первая часть пословицы. Другая группа отличает понятие пословицы от поговорки не по их синтаксической или логической структуре, а по способу поэтического выражения. Они считают, что значение слова «пословица» зависит от смысла его второй части: *масал* – подобие, пример, иносказание. Главная особенность пословицы – в иносказании. Особенность поговорки – в прямом выражении мысли, обычно без иносказания (Шлолай 2017: 7). Например: *торка ндъ бизу кар нъ дэ – Плотницкие дела – это не дело обезьяны* (означает: каждому свое дело); *мар хва рлэ дъ нъ р,и нъ дареги* – *Укушенный змеей боится веревки* (смысл: если один раз человек ошибся, потом он становится внимательным).

Таким образом, в основе целостного смыслового содержания пословицы лежит не понятие, а суждение. Пословица в обоб-

щенном виде показывает свойства людей или явлений (вот как бывает), дает им оценку (то хорошо, а это плохо) или предписывает образ действий (следует или не следует поступать так-то). Например: *дъ баду ба дав дъ щиз щъ ав дъ баду бадл – От злого – беда, от доброго – слава.*

При систематизации совпадающих по смыслу мудрых изречений афганского народа (пуштунов) и русского народов расширяется и углубляется их содержание и осмысление. Рассмотрение пословиц и поговорок пуштунов и русского народов в сравнительном плане представляет большой научный интерес и имеет немалое практическое значение.

Следует сказать, что близкие не только по идее и содержанию, но и по структуре, лексическому составу пословицы имеются у разных, даже территориально далеких и исторически слабо связанных народов. Например, такая пословица, как *Собака лает, а караван идет*, широко распространенная у пуштунов, у русских и у многих других народов.

Пословицы и поговорки живо и правдиво обрисовывают облик народа, его стремле-

ния и надежды, поражают тонкостью художественной отделки. На примере пословиц и поговорок можно проследить, какие темы, стороны жизни волновали людей в разные эпохи, чем отличались национальные типы мысли. Если для одних краткая форма мысли была частью воспитания или культуры, то для других – лишь квинтэссенцией размышлений, итоговой формулой, наиболее удачно выражающей отношение к тому или иному жизненному явлению. Например:

дъ пратъ змари саха гарзанда Ги д р,а щ дъ – Подвижная лисица лучше лежащего льва (всем нужно стараться и не быть ленивыми);

Жранда къ дъ плар дъ хам пъ вар дъ – Если мельница отцовская, то очередь надо соблюдать (везде нужно соблюдать правила и очередность);

дъ ла тъ Ёваши врутэ ца щ касаб дэ» – Последний хозяин ленивого быка – мясник (где бы ты ни работал, надо работать в соответствии со своими возможностями);

тол Гамуна тъ ятим та рази – На бедного сироту все камни летят;

пъ явъ зин два нъ фи кинасълай – На одном седле двое не усядутся.

Таблица пословиц пушту и русского языка, демонстрирующая близость пословиц двух языков

Пословицы языка пушту	Толкование	Пословицы русского языка	Толкование	Сходство/различие
<i>Че сар ви хвалы Дере</i>	Смысл пословицы в следующем: не стоит переживать из-за отсутствия (потери, пропажи) любой вещи, материального блага, так как самое важное и ценное для человека (в данном случае – голова) осталось в сохранности. Благодаря этому, а вернее, возможностям, которые дает ум, сообразительный человек всегда найдет способ заработать себе не только на шапку.	<i>Была бы голова, а шапка найдется</i>	Одинаковый смысл	Сходство
<i>Пъ яв лас ке два ма не нъ нивал кеги</i>	Невозможно достичь двух целей одновременно.	<i>В одну руку два арбуза не возьмешь</i>	Одинаковый смысл	Сходство

<i>Че цѣ каре на Г бѣ ребе</i>	Совершенное добро или зло со временем возвращается.	<i>Что посеешь, то и пожнешь</i>	Одинаковый смысл	Сходство
<i>Синд вар, на цѣ та лас ачави</i>	Человек, попавший в беду, готов на все ради спасения, даже если это не даст особых результатов.	<i>Утопающий и за соломинку хватается</i>	Одинаковый смысл	Сходство
<i>Пѣ явѣ гол нѣ псарлѣ кеги</i>	Если одному в обществе хорошо, это не значит, что всем хорошо.	<i>Одна ласточка не делает весны</i>	Одинаковый смысл	Сходство
<i>Че хуга вѣ нѣ хоре дѣ холе де буй нѣ зи</i>	На любой случай есть веская причина, например, нет сплетен без основания.	<i>Нет дыма без огня</i>	Одинаковый смысл	Сходство
<i>Цакан нѣ ца ке Дѣ</i>	Если человек снаружи может казаться плохим, это не значит, что его поступки такие же.	<i>Черная корова, да белое молочко</i>	Одинаковый смысл	Сходство
<i>Пордѣ Гам дѣ вавро сор, ви</i>	Человек не поймёт чужую беду или неловкое положение, пока сам не столкнётся с такой же бедой.	<i>Чужое горе холоднее снега</i>	Одинаковый смысл	Сходство
<i>Мар хварѣлай дѣ пѣри нѣ дареги</i>	Совершив ошибку раз, в дальнейшем становишься более осторожным, предусмотрительным.	<i>Укушенный змеей боится веревки</i>	Одинаковый смысл	Сходство
<i>Цакан нѣ ца ке</i>	Человек, делающий плохое другим, страдает и сам, нарвавшись на последствия своих же действий.	<i>Не рой яму другому – сам в неё попадёшь</i>	Одинаковый смысл	Сходство

Хочу отметить, что несмотря на то, что у каждого народа судьба складывается по-своему, есть вещи, которые можно видеть в одинаковом значении и понимании даже у самых удаленных друг от друга народов. Мы знаем, что русский язык относится к вос-

точной группе славянских языков, а пушту к иранской группе, которая в конечном счете относится к языкам арийской ветви индоевропейской семьи. Но тем не менее между пословицами и поговорками этих языков очень мало расхождений.

Литература

1. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
2. Архангельская Т. А. Добрая и злая жена в мире русской пословицы // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 55–57.
3. Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. – М.: Русский язык, 1954. – 176 с.
4. Верещагин Е. Н, Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
5. Гаврин С. Г. К вопросу об отличии пословицы от поговорки в современном русском литературном языке // Учен. записки Перм. гос. пед. ин-та. – 1958. – Вып. XVII. – С. 23–46.
6. Жвак М. Пословицы языка пушту. – Пешавар, 2003. – С. 3, 6, 8.

7. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
8. Котова М. Ю., Боева Н. Е. Тетради паремнографа. Вып. 5: Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремнологического минимума: учебно-методическое пособие для студентов / под ред. М. Ю. Котовой. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2019. – 304 с.
9. Лаухакангас О. Пословицы в дискуссионных интернет-форумах // Паремнология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремнологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – С. 101–119.
10. Наймушина Т. А. Пословицы и поговорки в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984. – 210 с.
11. Савенкова Л. Б. Взаимосвязь фразеологического и паремнологического уровней языковой системы: деривационный и функциональный аспекты // Мир русского слова и русское слово в мире: матер. XI Конгресса МАПРЯЛ. Т. 2: Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития / под ред. Ст. Георгиевой. – София: Heron Press, 2007. – С. 86–87.
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 262 с.
13. Хаятуллах Х. Пословицы пушту. – Кандагар, 2019. – С. 12, 13.
14. Хварикаш М. С. Пословицы всего мира. – Кабул, 2017. – С. 1, 3, 6.
15. Шлолай А. Пословицы и сказки пушту. – Кабул, 2017. – С. 7, 17.
16. Mieder W. Proverbs: A Handbook. – Westport: Greenwood Press, CT, 2004. – 305 p.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТИЛИСТИКЕ

- ◆ Научный дискурс
- ◆ Наукометрия
- ◆ Научные парадигмы
- ◆ Интернет-стилистическая компетенция
- ◆ Научно-дидактический интернет-ресурс
- ◆ Деловая коммуникация
- ◆ Жанры административно-управленческого подстиля
- ◆ Стилистические качества текста

Лара Николаевна Синельникова:

«Цифровизация повлияла едва ли не на все дискурсивные показатели научной коммуникации: расширились возможности обратной связи, что способствовало развитию форм интерактивности; при поддержке новейших digital-технологий утвердилось понимание текста как комплекса вербальных и невербальных семиотических средств; повысилась значимость личного фактора (имиджа) ученого в условиях интернет-опосредованного общения. Увеличение форм диалогичности, разнообразие диалоговых связей есть все основания считать главным дискурсивным «приростом» как в устном, так и в письменном научном общении, осуществляемым в условиях Цифры».

Валерий Иванович Ковалёв:

«В издании (Клушина, Николаева 2020) по сравнению с (Клушина, Николаева 2019) основательно расширена тематика. Добавлены разделы, посвященные мультимедиальной стилистике (поликодовый текст, эмодзи, смайлик, гифка, хэштег и т. п.), генераторской стилистике (различные аспекты креативности искусственного интеллекта) и стилистике социальных сетей; переработан алгоритм лингвистического анализа интернет-текста».

«Успешный современный языковладелец – это не просто квалифицированный потребитель, а часто еще автор, даже автор-исполнитель текстов (в различных жанрах, форматах, каналах; к примеру, при видеоблогинге). А навигатором креативного языковладения (то есть изучения языковой системы и ее выразительных возможностей как для интерпретации чужих речевых произведений, так для создания и прагматичного применения своих) послужит стилистика, в том числе интернет-стилистика как актуальнейшая ее часть».

Наталья Ивановна Клушина:

«Книга «Лингвистические основы деловой коммуникации» Т. И. Суриковой и В. И. Конькова представляет новое поколение учебников. Его концепция подразумевает сочетание практически необходимых сведений из области коммуникации, делового дискурса и официально-делового стиля как языковой системы, обслуживающей деловое общение с анализом основных лингвистических и экстралингвистических констант и тенденций развития языка бизнес-коммуникации, в том числе и противоречивых».

«Традиционные стилистические качества делового языка: точность, лаконизм, выдвигание главной информации вперед – представлены как языковая реализация этического принципа вежливости и взаимоуважения коммуникантов».

Л. Н. Синельникова
(Гуманитарно-педагогическая академия, Ялта)

ПРОЕКТ «СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ДИСКУРС. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И (ИЛИ) СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ»

Проект «Современный научный дискурс. Новые вызовы и (или) старые проблемы» нацелен на обсуждение таких актуальных проблем современной науки, как смена научных парадигм, новые условия производства и распространения научного знания, влияние наукометрической системы на оценку научной деятельности и качество научных исследований. Формат проекта – открытая дискуссия в электронном научном журнале «Мир лингвистики и коммуникации».

Ключевые слова: научный дискурс, наукометрия, научные парадигмы, цифровизация.

Lara N. Sinelnikova
(Academy of the Humanities and Pedagogics, Yalta)

PROJECT “MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE. NEW CHALLENGES AND / OR OLD PROBLEMS “

The project “Modern scientific discourse. New Challenges and (or) Old Problems ”is aimed at discussing such urgent problems of modern science as the change of scientific paradigms, new conditions for the production and dissemination of scientific knowledge, the influence of the scientometric system on the assessment of scientific activity and the quality of scientific research. The format of the project is an open discussion in the electronic scientific journal “The World of Linguistics and Communication”.

Key words: scientific discourse, scientometrics, scientific paradigms, digitalization.

Желание организовать открытую дискуссию по проблеме современного научного дискурса возникло у участников семинара, который организовал профессор Г. Г. Хазагеров. На zoom-встречах рассматривались разные темы, но каждая из них тем или иным образом инициировала разговор о положении дел в современной науке, о смене научных парадигм и интересов, а также об условиях производства научного знания, его распространении, наукометрической измерительной системе и многом другом. Вспомнили о статье Г. Г. Хазагерова с оценочно острым названием «Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс», изданной в 2010 г. (<https://www.isras.ru/Sociologicalmagazine.02.2010.html>). Возможность сравнения обозначенных автором проблемных зон научного дискурса в 2010 г. и дискуссионных проблем в 2021 г. показалась крайне интересной: что осталось в прежнем варианте действий и что изменилось в новом десятилетии нового века. Был назван ряд проблем, остро нуждающихся в коллегиальном рассмотрении:

- Научный текст в современном дискурсивном пространстве. Фундаментальные трансформации или естественные эволюционные процессы?
- Современная наукометрия, ее влияние на оценку научной деятельности и качество научных исследований. Протокольный язык науки. Стандартная структура научной публикации и необходимость (возможность) ее индивидуализации.
- Научный «спам» (топос «история вопроса», топос «определение» – в статье Г. Г. Хазагерова 2010 г.).
- Академическая этика (некорректные заимствования, дублирование публикаций и др.).
- Особенности научной коммуникации в цифровую эпоху. Усложнение / упрощение научного нарратива. Изменение отношений между устной и письменной научной речью. «Размытость» жанровой матрицы по стилистическому критерию.
- Научная инновационность: производство нового знания и его продвижение (научный менеджизм).
- Научная школа как социальный институт. Критерии успешности в условиях парадигмальных изменений и смены поколений.
- «Молодежная наука»: поколенческий разрыв или ресурс опережающего развития?
- Уход русского языка из мировой науки. Воспроизведение отчужденного от отечественной реальности опыта и (или) необходимость вхождения в глобальное научное пространство.

Определили место проведения дискуссии – электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации» (главный редактор – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Алексей Аркадьевич Романов). Процесс обмена мнениями начался. Остановимся на содержании подготовленных к публикации статей, каждая из которых содержит «проблемные точки», которые могут быть триггерами для продолжения открытой дискуссии.

Статья Г. Г. Хазагерова «В чем смысл индивидуализации научного дискурса? Гутенберг и Цифра» является, по определению автора, репликой к проблемам, поднятым в статье «Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс». Индивидуализацию Г. Г. Хазагеров связывает с экспликацией индивидуального хода мыслей, с этосными доводами, объясняющими внимание исследователя к той или иной проблеме. В лингвоперсонологии узнаваемость по стилю (в широком смысле) связывается с концептом «элитарная языковая личность», перенесение содержания этого концепта на личность ученого позволит «рассматривать науку как сферу персоналий, а не как безличный массив информации». «При огромном совпадении общих мест научного дискурса (концепт историзма, организмическая метафора и прочее) трудно спутать стиль В. В. Виноградова и А. М. Пешковского, А. Ф. Лосева и М. М. Бахтина» – суждение вполне справедливое, но имеющее отношение, скорее, к ученым старшего поколения.

Научная «реплика» вместила ряд позиций автора, каждая из которых может стать предметом дискуссии: корреляция между стандартизацией и интеллектуальным уров-

нем научной работы; проблема поиска нового в глобальной сети (новое как случайное событие в условиях пуассоновского распределения); менеджмент как часть современного академического дискурса и др.

Содержание статьи Л. Н. Синельниковой «Научная «реплика» профессора Г. Г. Хазагрова как содержательная инициатива для развития проблемного диалога» сформировалось в соответствии с дискуссионным принципом тематического развития (в риторике – «подхват реплики»). Гутенберг и Цифра – цивилизационно важное движение по пути знания и познания, развития демократических форм коммуникации. Цифровизация повлияла едва ли не на все дискурсивные показатели научной коммуникации: расширились возможности обратной связи, что способствовало развитию форм интерактивности; при поддержке новейших digital-технологий утвердилось понимание текста как комплекса вербальных и невербальных семиотических средств; повысилась значимость личностного фактора (имиджа) ученого в условиях интернет-опосредованного общения. Увеличение форм диалогичности, разнообразие диалоговых связей есть все основания считать главным дискурсивным «приростом» как в устном, так и в письменном научном общении, осуществляемым в условиях Цифры.

Вполне закономерно внимание к цифровой дидактике – науке об организации процесса обучения в условиях цифрового общества. Сформировался (не без вариативных подходов и споров) предмет цифровой дидактики: организация деятельности обучающихся в цифровой среде и управление учебной мотивацией. Образовательный цифровой контент находится в стадии накопления идей и их апробации в разных условиях и на разных платформах, и он по определению не может не быть гетерогенным в реализации трансляционной, когнитивной, интерактивной и креативной функций.

Попадая в виртуальное цифровое пространство, научный текст начинает жить по законам ризомы – самоорганизующейся нелинейной системы, в которую читатель (он же интернет-пользователь) может внедрять свою картину мира в виде оценок, рекомендаций автору и другим пользовате-

лям. Книжный научный текст переходит в разряд гипертекста. Иначе говоря, научный текст (равно как и учебно-методический), помещенный в виртуальную среду, начинает представлять собой продукт с расширенными возможностями интерпретации.

На данном этапе ученые, имеющие мотивацию к цифровой активности, накапливают опыт организации цифрового контента. Примером освоения наиболее эффективной презентационной интернет-платформы может служить сайт профессора И. А. Стернина, который стал победителем Всероссийского конкурса «Лучший сайт педагога – 2021», проводимого «Фондом образовательной и научной деятельности XXI века» (sterninia.ru). Постепенно развивается научное блоггерство и формируется опыт популяризации науки в ТикТоке – идет формирование «цифрового лица» ученого-преподавателя. «Молодежная наука» ищет новые формы неформального диалога, к числу которых относится научный стендап (интеллектуальное шоу), митап (встреча специалистов одной сферы для обсуждения актуальных тем и проблем в неформальной обстановке), хакатон (форум, творческая площадка, на которой в режиме нон-стоп в условиях ограниченного времени рассматривается та или иная проблема).

Наметился поколенческий «разрыв» в оценке и принятии новшеств. Многие представители старшего поколения стоят на позиции критического отношения к любым инновациям, видя в них отход от академических традиций в организации образовательного процесса. Не признать этого нельзя. Но нельзя не признать и того, что молодое поколение погружено в мир digital, который для многих представляет мир повседневности. С позиций поколенческой проблематики рассматривается новый вид взаимодействия или даже слияния реальной действительности и цифровой, названный phygital-взаимодействием. Phygital-взаимодействие есть основание отнести к качественно значимым возможностям взаимодействия традиционных и онлайн форм и средств привлечения к научной деятельности в условиях гибридного обучения.

Глубокие размышления о проблемах «обесмысливания» научного дискурса пред-

ставлены в статье С. В. Ивановой «Черный квадрат научной коммуникации: актуальность, цель, методы, единица анализа». Заголовок относится к «сильной» позиции научного текста, определяет главную когнитивную установку автора и транслирует информацию об исследователе как языковой (шире – дискурсивной) личности. В данном случае важна отсылка к семиотике «черного квадрата» с его пространственной и цветовой организацией, создающей динамическую и подвижную форму, смысловую объемность и перспективу. Обратим внимание на экспрессивные названия разделов статьи: *Введение: прокрустово ложе стандарта. В тисках научной конъюнктуры, или в поисках актуальности. Фиговый листок новизны, или Капитан Очевидность. Движение – все, конечная цель – ничто, или змей о семи головах. Методология – наше все. «Единица – вздор, единица – ноль», или в поисках утраченного предмета. Язык мой – враг мой? Золотой стандарт vs прокрустово ложе стандарта.*

Приведем несколько цитат из статьи о «черном квадрате научной коммуникации», оформленных в виде вопросительных структур, содержание которых прогнозирует содержание ответа и может быть импульсом для продолжения дискуссии. О качестве научных публикаций: «В результате второе десятилетие XXI века практически стало той точкой отсчета, когда начал целенаправленно складываться новый стандарт научной публикации – сначала стихийный, но в дальнейшем институциональный. Станет ли этот стандарт золотым? И что нужно, чтобы он им стал? Или что мешает ему стать таковым?». Об актуальности исследования: «Но как определить, на самом деле, эту востребованность или, тем более, необходимость, особенно если дело касается лингвистики?». О доказательстве новизны: «Что же может помочь исследователю избежать всех перечисленных рисков? Это цель, которая ведет исследователя за собой, помогает отобрать материал по известному принципу количества Г. П. Грайса: не больше и не меньше, чем требуется». О методологии: «Вопрос о том, может ли лингвист себе позволить оставаться “чистым” лингвистом и не выходить в междисциплинарные области, надо решать

не с точки зрения позволительности или непозволительности, а с точки зрения получения валидных, обоснованных результатов, гарантией чего является соответствующая методология». О стандартизации требований: «Не есть ли это тот самый золотой стандарт? Представляется, в такой постановке вопроса есть большая доля здравого смысла – таким образом вводятся формальные и содержательные маркеры научного текста».

Заключает начальный этап дискуссии о современном научном дискурсе материал, присланный И. А. Стерниным. Иосиф Абрамович назвал 5 проблем, требующих внимания: определение рейтинга ученого; критерии оценки научных проектов, заявок на грант; регламентация требований к форме и содержанию научных статей; расширительное использование понятия *заимствование*; оценка диссертационных исследований. Круг затронутых проблем, их аксиологическое измерение и разносторонняя интерпретация составляют обширное дискуссионное пространство. Каждая из названных проблем рассматривается автором в варианте «да, но»: борьба за качество научной продукции важна, но непомерные формальные требования упрощают путь в науку халтурщикам и плагиаторам; рейтинги нужны, но почему самый высокий рейтинг имеют зарубежные (по большей части платные) публикации и не учитываются многие виды научной деятельности; финансирование проектов способствует эффективности научных действий, но требования к соискателям чрезмерно жесткие и неправомерные; борьба с плагиатом закономерна, но каждая из оценочных позиций программы «Антиплагиат» (оригинальность, самоцитирование, цитирование, заимствование) нуждается в коррекции и (или) в пересмотре ее содержания.

«Вопросы заданы, ответы ищем)))» – такой записью в Фейсбуке профессор Н. И. Клушина заключила информацию о научном семинаре по проблемам современного научного дискурса. Искать ответы лучше всего в формате открытой дискуссии. Статьи для продолжения дискуссии просим присылать по электронному адресу журнала «Мир лингвистики и коммуникации»: www.tverlingua.ru.

КАКОЙ УЧЕБНИК ПО СТИЛИСТИКЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ НУЖЕН СОВРЕМЕННОМУ ЯЗЫКОВЛАДЕЛЬЦУ?

Автор рассматривает интернет-стилистику в дидактическом аспекте, а также анализирует новейшие учебники по этой дисциплине. Уточняется содержание понятий **коммуникативная стратегия** и **язык вражды**. Предлагается сделать стилистику теоретической базой креативного языковладения. Иными словами, уровни языковой системы и их выразительные возможности изучаются как для анализа и интерпретации чужих текстов, так для создания и прагматичного применения своих. Намечены актуальные перспективы: создание сайта для развития массовой интернет-стилистической компетенции и составление необходимого для успешной цифровой коммуникации минимума знаний и умений.

Ключевые слова: гиперинформатия, гиперинформатоз, гиперинформационная коммуникативная среда, коммуникативная стратегия, интернет-стилистическая компетенция, креативное языковладение, научно-дидактический интернет-ресурс, видеоблогинг, кликбейтинг, хайпинг, фейкинг.

Valeriy I. Kovalyov

(Vladimir Dal Lugansk State University)

WHAT TEXTBOOK ON THE STYLISTICS OF INTERNET COMMUNICATION IS NEEDED A MODERN LANGUAGE OWNER?

The author examines internet stylistics in a didactic aspect. He also analyzes the latest textbooks in this academic subject. Clarifies the content of the concepts of **communicative strategy** and **hate speech**. It is proposed to make stylistics the theoretical basis of creative language mastery. In other words, the levels of the language system and their expressive capabilities are studied for the analysis and interpretation of other people's texts, as well as for the creation and pragmatic use of their own. Actual prospects outlined: creating a website for the development of mass internet stylistic competence and compilation of the minimum knowledge and skills necessary for successful digital communication.

Key words: hiperinformatosis, hiperinformatics, hiperinformational communicative environment, communicative strategy, internet stylistic competence, creative language mastery, scientific and didactic internet resource, video blogging, clickbaiting, hyiping.

*Новому времени новый костюм
нужен для новых дел.*
(Генрих Гейне)

Одним из главных показателей качества научного исследования является **актуальность**, то есть немедленный поиск и анализ существенных изменений в важном объекте, а также полезные выводы из них. Иное дело – издания дидактической направленности. В них «основы научных знаний по данному учебному предмету в соответствии с программой» (Львов 1999: 223) складываются в методическую систему, которая служит навигатором интеллектуальной деятельности (аудиторной и домашней, непосредственно руководимой и самостоятельной) как для студента, так и для преподавателя (Имангожина 2015: 900). Поэтому одной из непререкаемых основ обучения любой дисциплине традиционно является научность его содержания.

Поньше большинство методистов воспринимает **принцип научности** как фильтрано-дистиллировочный аппарат: в учебное издание допускается только классическая информация, перепроверенная временем или одобренная общепризнанным авторитетом. Они исходят из того, что «объективна ситуация, при которой появление в процессе обучения того или иного раздела того или иного закона или понятия значительно отстает от их появления в науке – чего стоила бы попытка сразу в начале XX в. начать изучать в вузах теорию относительности после выхода в 1905 г. в свет первых работ Эйнштейна?!» (Попков и др. 2001: 24). И это не косность, а разумное предохранение, сродни базовой установке медицинской этики «Не навреди», которая постепенно становится ведущей для профессиональной деятельности во многих сферах, в том числе и педагогической.

Однако развитие информационно-коммуникационных технологий в направлении глобализации, цифровизации и всеобщей доступности сети Интернет постепенно привело к ситуации, которую в конце XX в. характеризовали как **информационная перегрузка** (Bertram Myron Gross), **информационная тревога** (Richard Saul Wurman), а в на-

летевшем и все еще летящем XXI столетии, по аналогии с наименованиями болезней, – **гиперинформатия, гиперинформатоз, гиперинформационная коммуникативная среда** (Ковалев 2021: 160).

При этом важно учесть, что **окружающая коммуникативная среда** стремительно преобразуется не только в количественном направлении (беспрерывно увеличиваются объемы информации, а также интенсивность ее отправления / приема авторами и адресатами самой различной социальной и возрастной принадлежности). Она меняется и качественно. К примеру, появляются новые и трансформируются бывшие новыми еще вчера каналы и формы общения, растет удобство сохранения сверхбольших массивов данных, а также доступа к ним.

А основным драйвером, девелопером, а по-русски *источником* (или *буксиром, толкачом, тягачом, проводником, ускорителем, ракетой-носителем, ледоколом, множителем*) указанных перемен выступает сеть Интернет. Она стала похожа на мегамаркет, где каждый потребитель в состоянии приобрести то, что нужно ему, здесь и сейчас. Только в ней вместо товаров – широчайший выбор возможностей для достижения коммуникативных интенций.

Более того, мировая паутина близка к тому, чтобы создать параллельную либо даже альтернативную коммуникативную среду, которая уже заменяет многие традиционные каналы общения либо успешно конкурирует с ними. Современный уровень технического прогресса позволяет транснациональным информационно-коммуникационным корпорациям не только оперативно создавать и массово внедрять новые интернет-сервисы, которые удовлетворяют существующие запросы, но еще и внушать большим группам потенциальных клиентов устойчивые потребности и привычки, о которых массовое сознание вчера и не подозревало...

Для лингвистов же особенно важно то, что специфика упомянутых каналов коммуникации, вследствие их повседневного и широкого применения, стихийно формирует новые языковые вкусы и речевые ориентиры. А они, в свою очередь, оказывают обратное влияние на традиционное обще-

ние, устное и письменное. Поэтому нельзя ждать, пока этот поток отстоится и вынесет на берег золотой песок истины. В наши дни «Не навреди» толкуется как «Не опоздай». И учебник по интернет-стилистике не просто необходим – он должен отражать те реалии использования языка, с которыми рядовой носитель сталкивается в своей повседневной практике.

А это очень и очень непросто, ведь надо разглядеть и выбрать среди множества полков упомянутого мегамаркета речевые товары действительно высокого качества и с длительным сроком функциональной годности. Далее, четко описать их, снабдить инструкцией по применению, а также встроить находки в методическую систему, которая станет компасом учебно-познавательной деятельности от начала до конца курса, – и сделать это очень быстро, чтобы у студента не возникало послевкусие «осетрины второй свежести». Наконец, весь текст должен быть привлекательным и по содержанию, и по языковой выразительности – иначе какой же это учебник стилистики?! А добиться такого особенно трудно именно в условиях высокоскоростной работы...

Вот почему с большим интересом и вниманием встречается каждая попытка решить комплекс указанных дидактических задач. Разумеется, такое пособие появляется не на пустом месте. В русистике интернет-поворот стилистики начался прежде всего благодаря трудам (Тошович 2015) и (Тошович 2018). Однако информационно-коммуникационный взрыв и расширение интернет-вселенной настоятельно требуют обновления теоретической и особенно практической части. И оно осуществляется, причем с хорошей регулярностью: в 2019 и 2020 гг. (Клушина, Николаева 2019) и (Клушина, Николаева 2020).

Рассмотрим эти, самые свежие учебники с сегодняшней позиции лингводидактики.

Их композиция вполне отражает нынешнюю интернет-коммуникацию.

Один раздел посвящен основным параметрам текста вообще и особенностям их реализации в современной коммуникативной среде. С него начинается «Стилистика интернет-текста», а во «Введении в интернет-стилистику» он имеет номер 2. Здесь лаконично

и емко представлены дефиниция и характеризующие признаки **текста** (в структурном и функционально-коммуникативном аспектах), а также основания для типизации.

Кроме того, установлен факт рождения на почве газетной, а затем и телевизионной публицистики XX в. – **медиастиля** в современной массовой коммуникации. Далее, из краткого изложения авторитетных современных концепций выводится содержание принципиально новых для традиционной стилистики понятий **медиатекст** и **интернет-текст**. Их особенности ярко и ясно проявляются в сопоставлении с классическим, линейным речевым произведением.

Также формируется научное представление о структуре и сильных позициях текста. При этом обращено внимание адресата на средства усиления, привлечения внимания, применяемые в интернет-коммуникации: гиперссылки, хештеги и другие мультимедийные знаки. В отдельной главе рассматриваются заголовки: их функции, классификация, проблема **кликабельности**.

Следующая часть в обеих книгах характеризует **стилевые доминанты** интернет-коммуникации (кликбейт, холивар, хайп, язык вражды, троллинг, фейк) и сопутствующие им менее значительные явления (флейм, кибербуллинг, эльфинг и др.). Сведения излагаются системно и взаимосвязанно, что способствует формированию научного подхода к речевым процессам. К примеру, родовое понятие выделяется сопоставлением со смежными **конструктивно-стилевой вектор** и **дискурсивная доминанта**. Отрадно, что авторы не ограничиваются описанием сложившегося состояния, но дают позитивное направление для дальнейших интеллектуальных поисков: «Стилевые доминанты интернет-коммуникации демонстрируют асимметрию публичного и межличностного интернет-общения в сторону доминирования негативных речевых стратегий. Поэтому актуальной становится выработка конструктивных стратегий ведения диалога в Интернете и осознанно корректное речевое поведение коммуникантов» (Клушина, Николаева 2020: 45).

Наконец, еще один раздел создает представление об основных **жанрах интернет-**

коммуникации. Он в наибольшей мере изменен и дополнен в учебнике 2020 г. В задачу к **новости, комментарию, блогу и мему** появился **нарратив**. Кроме того, существенно расширены и углублены жанроведческие сведения: проанализированы ведущие концепции, дефиниции, а также смежные и сходные явления (функциональный стиль, регистр, речевой акт, формат); выявлена специфика интернет-жанров. Реальность такова, что человеческая речь и ее типичные воплощения остаются сами собой в любой ситуации – с поправкой на особенности конкретного канала коммуникации. Поэтому верно отмечено: «Любой классический жанр, помещенный в коммуникативное и стилистическое пространство Интернета, начинает включать в себя его форматные «добавки» и таким образом получает статус интернет-жанра» (Клушина, Николаева 2020: 111).

Для студента любой специализации удобно, что представлено полное собрание попыток обозначить обобщающее понятие (гипероним) **интернет-жанр** наиболее выразительным термином (Клушина, Николаева 2020: 112). Чужие поиски точного именованья побуждают к собственным размышлениям. А особой похвалы заслуживает комплексное описание каждого типа сетевых текстов: лаконично и прозрачно не только излагаются интенции, композиционно-содержательные и лингвистические особенности, но еще прослеживаются основные источники и этапы эволюции жанра, даются креативные рекомендации.

Например, интернет-**новость** связывается с **информационной заметкой** и **информационным сообщением** (в профессиональной речи – *информушкой*) из газетной практики XX и даже XIX в. Подобные сближения моды с классикой создают объективное представление о едином процессе жанровых преобразований как ответов на изменения окружающей коммуникативной среды, а также откупоривают для юных талантов *блестящие вдохновения прошлого* (Клушина, Николаева 2020: 114–115).

Таким образом, о современной сетевой коммуникации студент получает необходимый объем сведений в аспекте лингвистической стилистики. К тому же каждая тема

начинается с перечня ее основных понятий, удобно выделенных для запоминания (своеобразный план главы), а завершается обобщающей рубрикой «Обращаем внимание», затем конкретными рекомендациями по применению данного модуля знаний в речевой практике читателя; заданиями и списком рекомендованной литературы. Так образуется ладная методическая система, которая способствует усвоению теории и развитию умений по ее применению в собственной интернет-коммуникации.

Такова общность обоих учебников. Далее рассмотрим наиболее важные различия.

В издании (Клушина, Николаева 2020) по сравнению с (Клушина, Николаева 2019) основательно расширена тематика. Добавлены разделы, посвященные **мультимедиальной** стилистике (полицодовый текст, эмодзи, смайлик, гифка, хэштег и т. п.), **генераторской** стилистике (различные аспекты креативности искусственного интеллекта) и стилистике **социальных сетей**; переработан алгоритм лингвистического анализа интернет-текста.

Кроме того, укреплен общетеоретический фундамент: обзорная главка «Интернет-стилистика и ее предметная область» разрослась и углубилась в более свежем учебнике до нового, системообразующего раздела «Стилистика и интернет-стилистика». С него и начинается издание 2020 г. Здесь емко представлены категориальный аппарат указанных научных дисциплин, основные направления и проблемы исследования; охарактеризованы коммуникативный и медийный повороты в филологии – и на этой широкой и многоцветной карте четко обозначена область интернет-стилистики (ее структура, подходы к изучению сети Интернет как особой формы бытования языка, влияние интралингвистических и экстралингвистических факторов, реализация креативной функции языка в виртуальной коммуникации...).

Такие добавки позволяют любому и каждому читателю не только привести в научный порядок свой многообразный опыт взаимодействия с виртуальной коммуникативной средой, а еще и воспринять стилистику как эффективно работающую

систему наподобие периодического закона Д. И. Менделеева.

Высококачественный учебник вдохновляет на развитие и улучшение предложенных в нем идей.

Так, по нашим размышлениям, может быть уточнен подход к содержанию понятия **язык вражды**. Малоосновательна его дифференциация по количественному критерию «выражения, подразумевающие отрицательную оценку всех представителей некоторой социальной группы», в то время как **речевая агрессия** проявляется к конкретному адресату (Клушина, Николаева 2020: 59–60). Ведь цель подобной коммуникации двуедина: огорчить, допечь неприятного адресата (индивидуального, группового либо массового) и / или получить утешение посредством направления собственных негативных переживаний на внешний объект.

Кроме того, рядоположение «Язык вражды – это коммуникация...» (Клушина, Николаева 2020: 59) бросает вызов давно общепризнанной традиции – различать язык (инструментарий для общения) и речь (целевые действия лингвостилистическими средствами). Ссылка на английский термин **hate speech** также не убеждает: в нем существительное переводится первоочередно именно как «речь», а еще *выступление, сказанные слова, высказывание, спич, речевая деятельность, дар речи, манера говорить, диалект, говор, звучание* – почти все лексемы обладают процессуальной семантикой. Поэтому исходное словосочетание по смыслу скорее *слова ненависти, враждебный дискурс; речь, которая ненавидит...*

К тому же классификации «языка вражды» (А. М. Верховский и М. В. Кроз / Н. А. Рапинова), которые размещены в обоих учебниках, базируются на оценках не языковых единиц, а коммуникативных действий: *призывы, оправдание, публикации и высказывания, рассуждения, цитирование, приписывание* и т. п. Причем все перечисленные авторы классификаций – не филологи! Не потому ли, создавая и употребляя наименования, они заблудились в трех соснах: языка, речи и коммуникативной компетенции?

Применительно к этим проблемам представляется продуктивной позиция Ю. В. Щер-

бининой: язык вражды – это лингвистические средства, которые оформляют агрессию, служат ее сигналом, пусковым механизмом, иногда программируют на нее (Щербинина 2012: 172). Примечательно, что в современных исследованиях понятия **язык вражды** и **речевая агрессия** иногда употребляются как синонимы (Миронова 2018).

Мы же предлагаем развить вышеприведенные идеи в следующую понятийную систему. Ее теоретический исток – горное озеро Коммуникативная Стратегия. Из него берут свои воды размеренная Кооперация (Грайс 1985), извилистая Манипуляция и бурная Агрессия. В последней из них с берега Интернет-стилистики хорошо заметны волны холивера, троллинга, кибербуллинга...

Основополагающее для данной системы понятие **коммуникативная стратегия** до сих пор не имеет общепризнанного содержания. Более того, его часто истолковывают через метафоры *общей канвы* (Кашкин 2013), *вектора, линии* речевого поведения (Сковородников 2004: 6). На наш взгляд, продолжить этот ряд могут *стрелка компаса и барометра, Полярная звезда, нить Ариадны, маршрут, карта* и т. п. Все они обозначают предметы и приспособления, которые оказывают существенное влияние на последующую деятельность, обычно сложную и важную.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем понимать коммуникативную стратегию как **обобщенную внутреннюю установку адресанта (автора речи) на адресата и внешние условия общения, которая предопределяет выбор лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических средств для достижения основной интенции**. В данном толковании логико-грамматическим центром может стать не только **установка** (Узнадзе 2001), но и **доминанта**. Перспективу применения последнего термина в характеристике психических и поведенческих процессов допускал создатель одноименной физиологической теории (Ухтомский 2019). При этом начало дефиниции примет такой вид: «Коммуникативная стратегия – это присущая автору речи доминанта в оценках адресата и внешних условий общения, которая...»

В таком подходе большинство выделенных в (Клушина, Николаева 2019) и (Клуши-

на, Николаева 2020) стилистических доминант (или, в соответствии с «мужественностью» их терминов, **доминаторов**) становятся еще и **коммуникативными тактиками**: холивар, флейм, троллинг, кибербуллинг, ироничный эльфлинг – агрессивными, а кликбейтинг, хайпинг, фейкинг – манипулятивными. Введение терминологических пар **кликбейтинг – кликбейт, хайпинг – хайп, фейкинг – фэйк** усилит четкость разграничения по линии речевая деятельность – ее результат. А нерядоположенный с ними «язык вражды» будет обозначать формальную сторону речевой агрессии, набор инструментов для соответствующих тактик, а еще усиливать оценочные суждения в научно-популярных, публицистических и судебных дискурсах.

Соотношение и взаимодействие иерархичных терминсистем «функциональный стиль – стилевая доминанта» и «коммуникативная стратегия – коммуникативная тактика» при структурировании коммуникативного пространства – заслуживает рассмотрения в отдельной публикации.

Общие для стилистики и риторики орудия и поля наблюдения, осмысления и применения богато представлены в обоих учебниках. Тем неожиданнее попытка разлучить их под предлогом, что «в отличие от риторики, стилистика является не только прикладной наукой, но и теоретической» и у нее «собственный предмет и методы исследования... и собственная точка зрения, научная перспектива» (Клушина, Николаева 2020: 5). Думается, у них, по существу, единый объект – функциональные возможности всех уровней языковой системы. И направления исследования тоже общие, их два. Теоретическое (описательное, регистрационное) акцентирует внимание на выявлении и классификации примеров необычного употребления лингвостилистических единиц в уже существующих текстах. А прикладное (прагматическое, конструктивное) ищет и формулирует закономерности их эффективного применения для собственной речевой деятельности.

Коренное отличие – только в точке зрения. Стилистика следит за рекой коммуникации из многоэтажного дома языка, глядя в

окно выразительности. Риторика же приценивается к квартирам в этом здании, плывя по течению общения на яхте «Интенция» в порт Адресат.

Итог наших размышлений представим в обобщающей научно-дидактической дефиниции. **Риторика и стилистика служат научными дисциплинами, которые интегрируют все единицы, разделы, подсистемы и уровни языка – для оптимизации любого вида речевой деятельности в различных каналах коммуникации.** При этом для стилистики в качестве предметов исследования преобладают языковые факты, средства, единицы, явления (синонимия, сочетаемость, функциональный стиль и т. д.), а для риторики – коммуникативные (ситуация и цель общения, автор речи, адресат, фигура речи, речевой жанр и др.).

Разумеется, в конкретном исследовании может возникнуть целесообразность демаркации границы между научными дисциплинами. Однако дидактический текст призван объединять их ради целостного восприятия и применения. Особенно если речь идет о подготовке не лингвистических аналитиков, но специалистов, в чьей профессиональной деятельности эффективная коммуникация является и обязательным компонентом, и условием позитивного итога (врачей, госслужащих, журналистов, педагогов, правоохранителей, психологов и т. п.). Здесь гораздо важнее не делить, а гармонично объединить в единый мегапредмет все научные данные и методы. Это обеспечит необходимую системность знаний и умений. Допускаю поэтому, что следующий учебник будет называться «Коммуникация в интернете». Впрочем, в заголовке такого пособия ключевым термином может оказаться как раз стилистика, учитывая ее интегративный и межуровневый характер и стильное наименование...

Мы уже отмечали гармонию краткости и глубины, присущую обоим учебникам. Только в типологии интернет-комментариев она дала сбой. Больше других пострадала от оптимизации в традиции эффективных менеджеров классификация по критерию интенции. К **комплиментарным** и **полемическим** следует добавить, на наш взгляд, еще **оценочные** (простое указание *нравится / не*

нравится, поддерживаю / не поддерживаю, обожаю / ненавижу), **благотворительные** (комментарий для продвижения ролика и поддержки канала), **дезориентирующие** (намеренно сбивающие с темы, уводящие в сторону, как Иван Сусанин поляков, – таких немало при обсуждении острых общественно-политических проблем), **уничжительные** (нацеленные не на содержательную дискуссию, а на унижение, подавление адресата) и **эгоцентричные** (интенция самовыражения, самолюбования, самоутверждения).

А трио в «риторической» классификации (логически аргументированные, эмоционально аргументированные, а также аргументированные и логически, и эмоционально) предлагают дополнить **фактически аргументированными** и **безаргументными**. В результате должна замкнуться цепь: доказываю логическими умозаключениями / эмоциональными средствами / фактами (цифрами, ссылками на достоверные источники) / комбинацией разнородных доводов / вовсе не доказываю – провозглашаю то, что не требует подтверждений («Невозможно, потому и верю»).

В классификации с точки зрения стилистики ансамбль «стилистически нейтральные vs стилистически экспрессивные» целесообразно пополнить **экстремальными** комментариями (то есть маргинальными, гиперэкспрессивными, с запредельной, недопустимой в культурном обществе выразительностью). Представляется, проведение границы между доброкачественной и злокачественной экспрессией очень важно в наше время смещения, смещения и смущения стилей и жанров.

Композиционная типология «поддерживающие диалог vs завершающие диалог» тоже требует еще одной подгруппы – **иницирующие поворот темы** (нередкое явление, когда яркий комментарий переключает внимание на новый аспект и вызывает массовый отклик, весьма далекий от начальной проблемы).

Также и с точки зрения семантики противопоставление «опровергающие мысль автора vs развивающие мысль автора» толерантно уладят **параллельные** комментарии (прямо не связанные с основным содержа-

нием, как кошка, которая гуляет сама по себе)...

В очной и дистанционной работе оба учебника проявились как отвечающие современным требованиям и привлекательные для студенчества. Их методическая система содержит сильные и стильные решения, которые войдут в общедидактические наследие.

Так, определяя содержание понятия **текст**, авторы вначале приводят отдельно перечни его признаков со структурной и функционально-коммуникативной позиций. Затем выявляют взаимодополняемость и взаимообогащение этих концепций посредством дидактической аналогии *две стороны одной медали*. Далее этот наглядный образ вербализуется: «Феномен текста только и можно понять через его структурную организацию и через его функционирование в человеческой коммуникации» (Клушина, Николаева 2019: 12). Наконец, студенты нацеливаются на самостоятельную проблемно-поисковую деятельность: «Прочитайте и законспектируйте определения текста, данные В. В. Одинцовым, И. Р. Гальпериным, Н. С. Валгиной, Г. Я. Солгаником. Найдите общие черты и различия в данных концепциях» (Клушина, Николаева 2019: 13). Организация учебно-познавательной работы через приобщение к живой научной дискуссии, сопоставление точек зрения, выявляющих разные стороны рассматриваемого явления, стимулирует интеллектуальную активность, диалектичность мышления, расширяет и углубляет профессиональный кругозор.

Также положительно следует оценить непосредственную связь теории с перспективной интернет-практикой адресата. К примеру, из главы о кликбейте студент узнает не только существенные признаки этого приема, но еще требования, предъявляемые к заглавиям на сетевых платформах «Фейсбук» и «Яндекс. Дзен». Причем они сопровождаются разъяснениями авторов учебника, как сохранить выразительность и не попасть под антикликбейтные санкции; а также скриншотами удачного креатива в этом направлении. Завершается же данная глава краткими и удобными выводами и рекомендациями, которые позволяют креп-

че запомнить основную информацию; а за ними сразу следуют задания, посредством которых сформированный алгоритм интеллектуальных действий проверяется на практике.

В целом содержание и построение учебников Н. И. Клушиной и А. В. Николаевой напоминает полноценный интернет-ресурс. Так, большая тема распределяется между главками-квазипостами, удобными для быстрого охвата. В роли хэштегов выступают ключевые термины, но не после, а перед основным текстом. Функцию гиперссылок выполняют цитаты из актуальных научных текстов, прерванные на самом интересном месте, – они нацеливают на дочитывание и работу по осмыслению и применению свежих сведений. В рамках данной методической системы студент знакомится с целым кругом важных публикаций. Кроме того, способствуют усвоению дидактические рисунки, в которых с юмором фиксируется наиболее существенная информация. Умный смех – в учебе успех. А многочисленные скриншоты не просто иллюстрируют изучаемые феномены, но еще создают эффект присутствия в сети. Такие «окна в мир интернета» мобилизуют и мотивируют. Вот почему эти книги увлекательно изучать, и читать, и почитать, и просматривать, и открывать снова.

Однако всегда можно и должно сделать лучше.

Важно не одно соотношение сведений, наставлений и упражнений, но также общее направление работы. Особенно если ставится задача не просто изложить научное представление об интернет-стилистике и научить анализировать этот сектор коммуникативной окружающей среды, но еще развить креативные умения и опыт. Следовательно, в каждой теме нужен круг заданий, который последовательно включает: поиск – наблюдение – анализ – классифицирование – редактирование чужого контента – собственный креатив – самоанализ – саморедактирование.

В новой версии учебника задания существенно обновлены как раз в практическом, творческом аспекте. Однако этой практичности недостает прагматичности. Вот характерный пример.

Заведите аккаунт от имени любого персонажа классической литературы в ВК, сделайте несколько публикаций (Клушина, Николаева 2020: 205).

С какой целью? Кто основной адресат? На какой промежуточный и конечный результат эта акция рассчитана? Аналогичные вопросы – к следующему заданию.

Напишите комментарий к письму Татьяны из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (Клушина, Николаева 2020: 120).

Думается, предпочтительнее вначале обрисовать более-менее реальную ситуацию, при которой первичный текст оказался бы в интернете, а затем сформулировать интенцию для будущего комментария. Кроме того, в сети достаточно действительных дискуссий на окололитературные темы – можно выбрать интересный фрагмент в качестве жанрового образца: реплику, развивающую диалог, легче придумать, чем иницирующую. К тому же задание 1 в любой главе ожидается более простым и приземленным. Например:

1. Подберите из YouTube ряд оригинальных примеров для подтверждения тезиса «В интернет-комментариях интересно используются экспрессивные ресурсы языка». Обозначьте эти средства (тропы, фигуры и т.д.) подходящими терминами и соотнесите с соответствующим уровнем языковой системы.

Таким образом осуществляются поиск, наблюдение, анализ, классифицирование. На следующем этапе – углубленный поиск, новый анализ и редактирование:

2. Найдите в собранных примерах недостатки и исправьте их так, чтобы комментарии стали более убедительными, интересными и запоминающимися.

Наконец, следует собственный креатив, а в идеале и самоанализ + саморедактирование:

3. Сочините к каждому из собранных комментариев ответ с одной из таких интенций: а) сделать автору незабываемый словесный подарок, б) доказательно, но необходимо указать ему на недостаток в его позиции либо стиле изложения, в) влить мерзкому комментатору словесную пощечину так, чтобы модератор не удалил ваш ответ, г) побудить адресата продолжить изложение своей позиции, д) вызвать у массы читателей

лей негативное эмоциональное отношение к предыдущему комментарию. Разместите свои мини-тексты на соответствующих ресурсах. Через 2 дня проверьте реакцию. Если она окажется не такой, на какую вы рассчитывали, – внесите необходимые изменения в свой комментарий.

Перспективный в этом отношении дидактический маршрут проложен в (Купина 2014).

Справочный аппарат обоих учебников вполне удовлетворяет запросы современных пользователей. Однако сетевая коммуникация бурно развивается. Поэтому уместно было бы связать его с практикой посредством такого задания: Дополните «Глоссарий» и «Краткий справочник сокращений в рунете» новыми актуальными примерами.

Дайте им комплексное толкование по образцу словарной статьи и подберите более выразительные и удобные синонимы. В каких стилях допустимо их применение?

Также нуждается в доосмыслении алгоритм анализа медиатекста с позиции стилистики. Он размещен и подробно объяснен в обеих книгах, причем в издании 2019 г. сопровождается развернутым примером из настоящей студенческой работы – такой подход достоин одобрения и умножения, ведь чем новее и комплекснее разбор, тем больше ученик нуждается в образцах. Однако главная проблема обоих рядоположенных, но не тождественных алгоритмов в другом. Зачем преподаватель заставляет студента погружаться в глубины текста, понятно: это логичный способ проверить систему знаний по стилистике на практике. Правда, он очень непросто для обеих сторон: пунктов много, они широки, как русская душа, и глубоки, как классическая литература, а еще политерминологичны, трудно формализуемы, недостаточно определены либо достаточно субъективны... А в чем смысл стилистического анализа для рядового пользователя языком (не филолога и не ученика, вынужденного готовиться к отчетно-оценочным процедурам)?

Полагаю, в том, насколько данный вид разбора помогает применять лингвистические знания для решения не учебных, а реальных, в том числе профессиональных задач. А если пользователь – журналист или, шире, работник СМИ, то для него имеет

значение прежде всего взгляд на чужой текст как объект редактирования, либо источник собственного творчества, либо жанровый образец. В этом направлении и желательны прагматичные дополнения к схеме данного анализа. К примеру, после определения жанра: *Может ли этот текст послужить для вас образцом при написании своего, со сходной интенцией? Какие фрагменты препятствуют / способствуют этому?* При рассмотрении лингвостилистических особенностей: *Выделите основные средства языковой выразительности и предложите другие интенции, для достижения которых они могут быть применены, при соответствующей адаптации. Создайте по их образцу аналогичные тропы (фигуры).* В самом конце: *Изложите основную идею текста в жанре твита.* По сути, это тоже аналитические действия, только с проективной или креативной формой отчета. Здесь еще о многом можно размыслить...

В заключение представим наш взгляд на перспективу современных учебников по интернет-стилистике. Они продолжают догонять и представлять те изменения в окружающей коммуникативной среде, на которые влияют периодически обновляющиеся виртуальные сервисы. А те, в свою очередь, будут предлагать массовому потребителю все новые возможности – так, чтобы одно портативное устройство эффективно обеспечивало любую потребность в общении. Вероятно, лингвостилистическая разница между речевыми контактами в сети и вживую станет снижаться. Зато активными участниками виртуальной коммуникации будут все. Значит, базовые знания и умения интернет-стилистики нужны и важны всем. Причем, свежайшие, и не только аналитические. Успешный современный языковладелец – это не просто квалифицированный потребитель, а часто еще автор, даже автор-исполнитель текстов (в различных жанрах, форматах, каналах; к примеру, при **видеоблогинге**). А навигатором **креативного языковладения** (то есть изучения языковой системы и ее выразительных возможностей как для интерпретации чужих речевых произведений, так для создания и прагматичного применения своих) послужит стилистика, в том числе интернет-стилистика как актуальнейшая ее часть...

Однако ежегодный выпуск новых учебников может оказаться недостаточным, чтобы оперативно отвечать на вызовы времени. Оптимальным каналом для развития массовой **интернет-стилистической компетенции** представляется специализированный сайт. Уверен: создать его можно силами активных членов Стилистической комиссии Международного комитета славистов. Именно в таком формате дидактические издания обретут естественную и максимально эффективную гипертекстуальность. Кроме того, их уместно сопровождать дополнительными аналитическими обзорами актуального состояния виртуальной коммуникации и свежими научными статьями по этой проблематике, разнообразными заданиями, дискуссиями, рекомендациями по созданию текстов нового типа либо формата, поисковыми квестами, креативными конкурсами, научно-популярными новеллами в традиции (Одинцов 2010) и (Голуб, Розенталь 2013)... Интернет позволяет общеудобно и оперативно представлять сверхбольшие объемы информации. Девиз сайта может стать таким:

*Вчера родилось в мировой сети –
Сегодня вам блог помогает вести!*

Да и в целом размещенный в мировой паутине научно-просветительский комплекс, который *острижен по последней моде, как дэнди googловский одет*, у разных групп языковладельцев, в том числе грантодателей, вызовет больше доверия и внимания, чем его бедный родственник в бумажном рубище. Многолетняя привлекательность «Тотального диктанта» свидетельствует: массовое под сознание стремится к овладению всеми богатствами языка Пушкина и Путина. Однако правописание – это лишь малая и не самая яркая его часть, что-то вроде прихожей или коридора во дворце. Диктант почти не дает выхода одному из основных инстинктов любой лич-

ности – творческому. Вот почему перспективы проекта, который устремлен к широкому распространению интернет-стилистической компетенции и креативного языковладения, кажутся более долговечными, общественно полезными и блестящими.

А основная задача – обеспечить каждого и любого пользователя материалом для индивидуального развития интернет-стилистической компетенции (на уровнях: 1) рядового адресата, 2) квалифицированного аналитика и редактора, 2) автора-исполнителя медиаконтента). Очевидно, первым этапом на этом пути призвано стать составление необходимого для успешной виртуальной коммуникации минимума стилистических знаний и умений, предназначенного различным профессиональным сообществам. Тем более что темы, посвященные языковому обеспечению цифрового общения, все шире включаются в учебный процесс уже на первом курсе, в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи».

Отец педагогики Ян Амос Коменский утверждал: «Правильно обучать юношество – это не значит вбивать в головы собранную из работ разных авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, а это значит – раскрывать способность понимать вещи, чтобы из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки знания, подобно тому как из почек деревьев вырастают листья, цветы, плоды, а на следующий год из каждой почки вырастает целая новая ветка со своими листьями, цветами, плодами» (Коменский 2019: 275). Если к этой фундаментальной мысли добавить развитие практических умений и обогащение опыта по их применению для достижения прагматических целей – получатся лучшие учебники. А оптимальной коммуникативной средой для их функционирования в ближайшие десять лет будет интернет.

Литература

1. Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Занимательная стилистика. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 207 с.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
3. Имангожина О. З. Основные направления развития теории учебника // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №12. – С. 899–901.

4. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 224 с.
5. Клушина Н. И., Николаева А. В. Введение в интернет-стилистику: учебник. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 240 с.
6. Клушина Н. И., Николаева А. В. Стилистика интернет-текста: учебник. – М.: Эдитус, 2019. – 176 с.
7. Ковалев В. И. Спутниковая риторика в системе цифрового обучения // Педагогическая риторика и речеведение в цифровую эпоху: Материалы XXIV международной научно-практической конференции (11–12 февраля 2021 г.) / отв. ред. Е. Л. Ерохина, З. И. Курцева, Ю. В. Щербинина. – М.: Языки народов мира, 2021. – С. 158–163.
8. Коменский Я. А. Великая дидактика // Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. – М.: Юрайт, 2019. – 440 с.
9. Купина Н. А. Креативная стилистика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 180 с.
10. Львов М. Р. Словарь-справочник по методике русского языка: пособие для студентов пед. вузов и колледжей. – М.: Изд. центр Академия: Высш. шк., 1999. – 271 с.
11. Миронова Н. И. Речевая агрессия и «язык вражды» как разделы современного курса «Русский язык и культура речи» в вузе // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: Сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г.: в 2 ч. Ч. 1. – Минск, Изд. центр БГУ, 2018. – С. 10–16.
12. Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы. – М.: Просвещение, 2010. – 160 с.
13. Попков В. А., Коржуев А. В., Рязанова Е. Л. Критическое мышление в контексте задач высшего профессионального образования. – М.: Изд-во МГУ, 2001.
14. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика. Лингвистика. Вып. 5: сб. статей. – Смоленск: СПГУ, 2004. – С. 5–11.
15. Тошович Б. Интернет-стилистика. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 238 с.
16. Тошович Б. Структура интернет-стилистики. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 492 с.
17. Узнадзе Д. Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
18. Ухтомский А. А. Доминанта как фактор поведения // Ухтомский А. А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2019. – С. 73–95.
19. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия: территория вражды. – М.: Форум, 2012. – 400 с.

УДК 81'22

Н. И. Клушина

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

**ОБ УЧЕБНИКЕ «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ»
Т. И. СУРИКОВОЙ И В. И. КОНЬКОВА**

Концепция учебника «Лингвистические основы деловой коммуникации» Т. И. Суриковой и В. И. Конькова сочетает фундаментальную лингвистическую основу с анализом практики и тенденций делового общения. Даны сведения о его структуре, охарактеризованы основные разделы.

Ключевые слова: деловая коммуникация и дискурс, стремление к стандарту и креативность, полевая структура, жанры административно-управленческого подстиля, стилистические качества текста как реализация принципа вежливости.

Natalia I. Klushina

(Lomonosov Moscow State University)

**ABOUT THE TEXTBOOK “LINGUISTIC FOUNDATIONS
OF BUSINESS COMMUNICATION”
BY T. I. SURIKOVA AND V. I. KONKOV**

The concept of the textbook “Linguistic foundations of business communication” by T. I. Surikova and V. I. Konkov combines a fundamental linguistic basis with an analysis of the practice and trends of business communication. The information about its structure is given, the main sections are characterized.

Key words: business communication and discourse, striving for a standard and creativity, field structure, genres of administrative and managerial substyle, stylistic qualities of the text as the implementation of the principle of politeness.

Книга «Лингвистические основы деловой коммуникации» Т. И. Суриковой и В. И. Конькова представляет новое поколение учебников. Его концепция подразумевает сочетание практически необходимых сведений из области коммуникации, делового дискурса и официально-делового стиля как языковой системы, обслуживающей деловое общение, с анализом основных лингвистических и экстралингвистических констант и тенденций развития языка бизнес-коммуникации, в том числе и противоречивых.

Для первой части «Деловая коммуникация: основы, письменные разновидности» (Т. И. Сурикова) выбрана технологичная, информативная, удобная для восприятия форма подачи сведений с активным использованием ресурсов текстографики и инфографики, которые придают тексту удобочитаемость, структурируют изложение и служат системой навигации по тексту. В изложение включено множество живых примеров из современного делового дискурса.

Язык и жанры делового общения представлены как полевая структура. В ней выделяется центр, формирующий идеал стиля и стереотипные (пародируемые с XIX в.) представления о нем, средняя область, в которой в силу экстралингвистических условий менее жестко действуют основные закономерности и мотивируют несколько другое речевое поведение. Наконец, выделяется область на периферии (фатические и этикетные жанры). Особенность ее в том, что конструктивный принцип ОДС – стремление к стандарту, предельно регулирующий речевое поведение в центре (стандартизация типовых документов), несколько ослабевающий в средней зоне авторской коммерческой переписки, допускает замену на другой принцип – стремление к креативности. Ее требуют дискурсивные условия.

Первая часть состоит из 7 глав, посвященных вопросам деловой коммуникации,

дискурса, деловой этики, стиля, терминологии и делового жаргона, структуры текста, основных форм административно-управленческого подстиля, включая деловую переписку.

Традиционные стилистические качества делового языка: точность, лаконизм, выдвигание главной информации вперед – представлены как языковая реализация этического принципа вежливости и взаимоуважения коммуникантов.

Второй раздел «Устная коммуникация» включает сведения не только из области этики и риторики устного общения, например умения слушать и умения молчать, но и техники речи. Последнее, как правило, вне зоны внимания большинства лингвистических курсов, и соответствующие навыки приобретаются на практике с трудом и несистематично и/или так и остаются недоразвитыми. В то время как навыки четкой артикуляции, выбора правильной интонации, темпа и громкости речи менеджеру не менее необходимы, чем артисту или телеведущему.

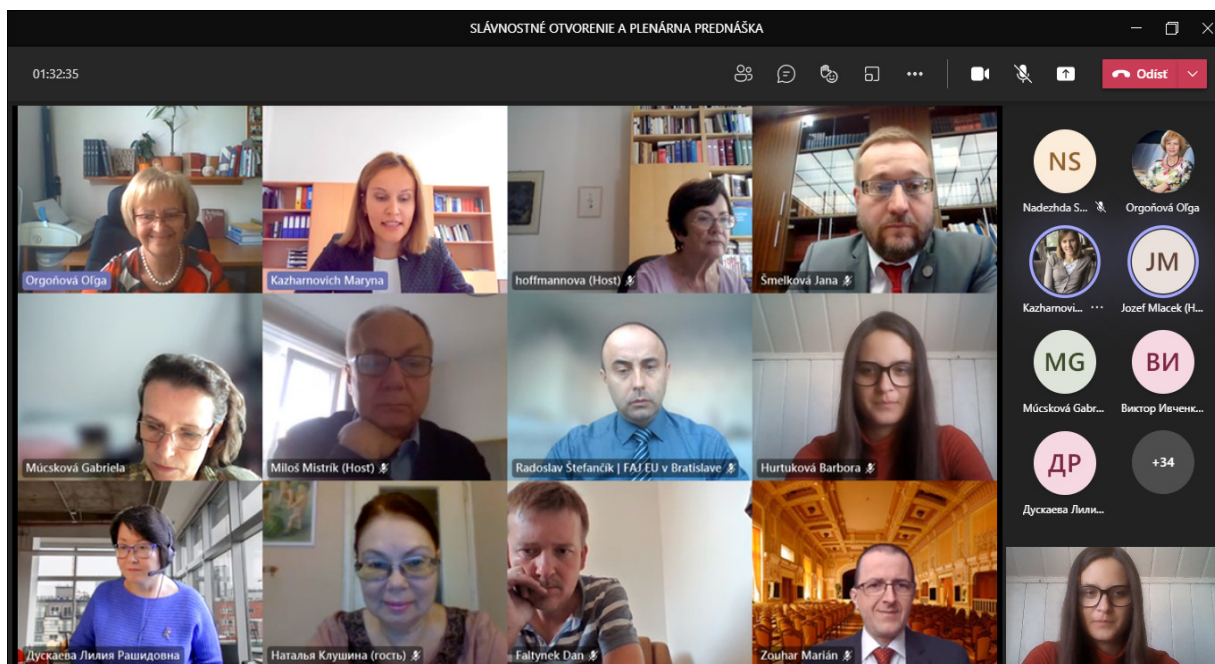
Глава «Голос как инструмент» представляет систему упражнений по развитию техники речи и будет интересна не только в деловой, но и в любой другой коммуникативной области, что значительно расширяет читательский адрес учебника.

Глава «Выступление: общие особенности и подготовка к выступлению» представляет лингвистическую информацию с необычной для учебников точки зрения речевой технологии, начиная с самоконтроля состояния оратора и методов оценки информативной и воздействующей составляющих текста и до выбора средств языка: типов предложения, глубины словосочетания, частей речи, левого или правого распространения; а также риторических и контактоустанавливающих приемов.

Обе части включают контрольные вопросы и тесты по всем разделам.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

- ◆ Международная научная конференция «Стиль – коммуникация – культура», посвященная 100-летию со дня рождения профессора Й. Мистрика (Братислава, 7 – 9 сентября 2021 г.)
- ◆ Международная научная онлайн-конференция «Язык и религия» (Екатеринбург, 15 – 17 сентября 2021 г.)
- ◆ 13-й Международный научный симпозиум на тему «Рассказ Иво Андрича» (Сокобаня, 14 – 16 октября 2021 г.)
- ◆ Всероссийская научно-практическая конференция «Язык современной науки» (Пермь, 19 – 22 октября 2021 г.)

Словакия, философский факультет Университета Коменского в Братиславе,
7 – 9 сентября 2021 г.

*Алена Богуницка
Марина Кожарнович
Юлиана Бенева*

(Университет Коменского в Братиславе, Словакия)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СТИЛЬ – КОММУНИКАЦИЯ – КУЛЬТУРА»,
ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА И. МИСТРИКА**

7 – 9 сентября 2021 г. на философском факультете Университета Коменского в Братиславе состоялась Международная научная конференция «Стиль – коммуникация – культура», посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося славянского стилиста Й. Мистрика. Участники конференции обсудили более 55 докладов в рамках двух пленарных заседаний и двух секций, разделенных на отдельные тематические блоки. В центре исследовательского внимания участников конференции были вопросы, касающиеся актуальных тенденций в развитии стилистики как научной дисциплины, динамики взаимосвязей между стилем, коммуникацией и культурой, изменений языковой культуры в условиях широкой информатизации коммуникативного пространства. В докладах, представленных на конференции, осмысливаются актуальные стилистические явления в свете научного наследия Й. Мистрика. В рамках конференции прошло заседание Стилистической комиссии Международного комитета славистов.

Ключевые слова: конференция, лингвистика, стилистика, стиль, коммуникация, культура.

*Alena Bohunická
Maryna Kazharnovich
Juliana Beňová*

(Comenius University in Bratislava, Slovakia)

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“STYLE - COMMUNICATION - CULTURE”,
DEDICATED TO THE 100TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF PROFESSOR J. MISTRÍK**

On September 7 – 9, at the Faculty of Arts of Comenius University in Bratislava, an international scientific conference “Style - Communication - Culture” was held, dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding Slavic stylist J. Mistrík. The conference participants discussed over 55 reports in two plenary sessions and two sections, divided into separate thematic blocks. In the center of the conference research attention were issues related to current trends in the development of stylistics as a scientific discipline, the dynamics of the relationship between style, communication and culture, changes in linguistic culture in the context of wide informatization of the communicative space. In the reports presented at the conference, actual stylistic phenomena are comprehended in the light of the scientific heritage of J. Mistrík. Within the framework of the conference, a meeting of the Stylistic Commission of the International Committee of Slavists was held.

Key words: conference, linguistics, stylistics, style, communication, culture.

7 – 9 сентября 2021 г. на базе кафедры словацкого языка философского факультета Университета Коменского в Братиславе в онлайн-формате прошла конференция, посвященная 100-летию со дня рождения знаменитого ученого, выдающегося представителя славянской лингвистики, известного стилиста – профессора Йозефа Мистрика. Главным организатором конференции выступила кафедра словацкого языка во главе с ее заведующей профессором Ольгой Органевой. Прошла конференция под патронажем ректора Университета Коменского в Братиславе профессора Марека Штевчика, который ее торжественно открыл. Приглашение на этот научный форум любезно приняли декан философского факультета профессор Мариан Зоухар, руководитель Института языкознания имени Людовита Штура Словацкой академии наук доцент Габриэлла Мучкова, коллега Й. Мистрика, «летописец» словацкой стилистики – профессор Й. Млацек и сын Й. Мистрика – профессор Милош Мистрик. Конференция объединила более 60 ученых из самых разных стран: России, Чехии, Польши, Беларуси, Украины, Сербии, Хорватии, Китая, Австрии, Словакии и др. В рамках конференции 7 сентября состоялось онлайн-заседание Стилистической комиссии Международного комитета славистов. На заседании присутствовали 30 членов Комиссии, в том числе все члены президиума. Большинство членов Стилистической комиссии приняли непосредственное участие и в работе конференции.

Первое пленарное заседание открыла Л. Р. Дускаева, выступив с докладом «Текст и стиль: развитие идей Й. Мистрика с позиции новой научной рациональности». В своем докладе Л. Р. Дускаева осветила значимость лингвистических идей профессора Й. Мистрика как с точки зрения развития стилистики в условиях новой научной парадигмы, так и с точки зрения формирования стилистики текста как особого исследовательского направления. Отдельное внимание было уделено вопросу анализа речевой деятельности в медиалингвистике в грамматическом, стилистическом, дискурсивном и критическом (критика медиаречи) аспектах.

Вопросам коммуникативной культуры в интернете, описанию основных коммуникативных моделей и функциональных особенностей интернет-языка был посвящен доклад Н. И. Клушиной. В докладе была поднята проблема формирования особой коммуникативной культуры в интернет-пространстве, специфика которой во многом обусловлена экстралингвистическими факторами современной эпохи глобальной информатизации. Н. И. Клушина отметила особую роль лингвоэкологического исследования коммуникативного пространства интернета как способа повышения речевой культуры, что является перспективным направлением в современной медиастилистике.

О. Органева в своем докладе обратила внимание на метаморфозы, происходящие с понятием *стиль* в словацкой лингвистике в течение последних тридцати лет. Речь идет о методологических метаморфозах: от понимания стилистики как науки о внеконтекстных языковых моделях формирования текста к осмыслению стиля в рамках социально обусловленного речевого поведения и наконец – определение стиля как конструкции, непосредственно связанной с контекстом и лингвокультурной картиной мира. Данные трансформации повлияли и на формирование нового терминологического аппарата, в рамках которого термин *функциональный стиль* все чаще заменяется понятиями *коммуникационный стиль* или *культурный стиль*.

Завершилось первое пленарное заседание докладом А. Киклевича, который был посвящен проблеме интеграции стилистики и прагматики. Особое внимание докладчик уделил вопросу отличия в функциональной направленности данных научных дисциплин и выделил три области стилистических исследований: элокутивную стилистику, контент-стилистику и прагмастилистику. В докладе более подробно А. Киклевич остановился на характеристике индикативного и аппликативного аспектов прагмастилистики, продемонстрировав перспективность данного научного направления, открывающего новые исследовательские горизонты как для стилистики, так и для прагматики.

Доклады, прозвучавшее на первом пленарном заседании, определили направление движения актуальных стилистических исследований в свете фундаментальной лингвистических идей Й. Мистрика.

Научная дискуссия, открывшаяся в рамках пленарного заседания, закономерно перетекла в работу двух секций. Первую секцию открыла Е. А. Баженова докладом, в котором были представлены близкие по содержанию и научной значимости идеи двух выдающихся представителей славянской лингвистики профессора М. Н. Кожинной и профессора Й. Мистрика, научное наследие которых не потеряло своей актуальности до настоящего времени. Подтверждением тому послужила и целая серия докладов, посвященных исследованию специфики реализации отдельных функциональных стилей в современных коммуникативных условиях. Особый интерес и живую дискуссию вызвал доклад О. И. Северской, в котором был рассмотрен вопрос стилевой конвергенции научного стиля, обусловленной популяризацией, медиатизацией, маркетизацией науки, что в свою очередь ведет к ее «беллетризации». Автор выделила черты «нового» научного стиля, проиллюстрировав их убедительными примерами и открыв дискуссию к вопросу о специфике языковой коммуникации в условиях широкой медиатизации всех сфер общественной жизни. В. Цзясин в своем докладе «Статус религиозного стиля в русском языке и некоторые проблемы его описания» осветил вопрос многомерности религиозного стиля с точки зрения его функций, форм существования и возможных подходов к его исследованию. Тема особенностей религиозной коммуникации, но уже с позиции жанрового анализа нашла свое продолжение в докладе Т. В. Ицкович, в котором была представлена композиционно-тематическая структура молитвы как жанра религиозной коммуникации.

Д. Дергач в своем докладе затронул вопрос культурно обусловленной трансформации системы медийной жанрологии в свете понимания жанра как одной из базовых коммуникативных категорий. Л. В. Селезнева в своем докладе обратилась к исследованию стратегической роли мифологизации при формировании PR-дискурса. С бесспор-

но интересным докладом, посвященным осмыслению дидактического потенциала языковой и культурной близости славян, выступил М. Пененжек, который затронул актуальные вопросы языкового образования в польских, чешских и словацких средних школах. Межъязыковому и внутриязыковому компаративному анализу лексики были посвящены доклады С. Степанова и А. Шехович. С. Степанов представил результаты исследования стилистических особенностей текстов объявлений в свете функциональной, контекстной и социолингвистической стилистики. В дискуссии к докладу прозвучали предложения о возможности расширения исследовательской методологии в коммуникативно-прагматическом ключе. Медиастиль был в центре внимания доклада А. Шехович, которая анализировала стилистические особенности текстов из молодежных журналов с точки зрения их фонетического, графического и лексико-грамматического оформления. Описанию экстраграмматических лексических синтагм современного сербского языка, характеристике их структурных, функциональных, содержательных и экспрессивных особенностей был посвящен доклад Г. Милашина.

Работа второй секции началась с доклада М. Кржистека, который представил результаты влияния фундаментальных научных трудов Й. Мистрика на развитие чешской стилистики. Изменение условий создания и стилизации письменных текстов за последние сто лет были в центре внимания доклада М. Вондрачека. Доклад Д. Фалтиника был посвящен исследованию малочастотной лексики в функции стилем. Еще один чешский лингвист Й. Земан, известный как исследователь устной речи, свой доклад посвятил вопросам характеристики синтаксических структур в повседневной речи молодежи с опорой на теорию агглютинации Й. Мистрика. В свете еще одной исследовательской области Й. Мистрика, которой является невербальная коммуникация, был представлен доклад Я. Пекаровичовой, заострившей внимание на динамике актуальных коммуникативных условий, влияющих на выбор, структуру и вариации в употреблении невербальных средств в речи.

О значении научного наследия Й. Мистрика для зарубежной и словацкой стилистики, о статусе стилистики как научной дисциплины в лингвистике, о перспективах ее развития говорил в своем докладе М. Дудок. Л. Йилкова представила результаты исследования повседневного дружеского разговора в свете дискурсивной стилистики. Доклад Р. Штефанчика был посвящен вопросам языковых особенностей политической речи. Д. Сланчова, С. Спачилова и А. Тимкова-Лазурова в коллективном докладе охарактеризовали процесс формирования стилистической терминологии на основе анализа релевантных текстов одного из старейших словацких лингвистических журналов «Словацкая речь».

Отдельным тематическим блоком («Язык в социальной интеракции») была представлена серия докладов, подготовленных сотрудниками кафедры словацкого языка философского факультета Университета Коменского в Братиславе в рамках решения гранта APVV-18-0176 «Социальная инклюзия через повышение языковой культуры». Докладчики (А. Богуницка, З. Добрик, К. Пияткова, П. Барталашова, Б. Гуртукова) интерпретировали особенности инклюзивной коммуникации в таких сферах, как криминалистика, медицина, административная коммуникация и др.

Первый день работы международной научной конференции «Стиль – коммуникация – культура» завершился вечерней программой, благодаря которой участники форума имели возможность вместе вспомнить жизненный и научный путь профессора Й. Мистрика, многогранность личности которого стала лейтмотивом вечера воспоминаний об этом известном ученом. Документальный фильм о жизни профессора режиссера А. Майерчика (Словацкое телевидение, 1994), невероятно теплые воспоминания его друзей, коллег и учеников (М. Дудока, Д. Серафиновой, Я. Пекаровичовой, В. Патраша, О. Шкварениновой) помогли раскрыть уникальность личности Й. Мистрика не только как выдающегося ученого, но и как талантливого педагога, неутомимого энтузиаста, инициативного руководителя, заботливого отца и мужа.

Второй день работы конференции открыла Я. Гоффманнова пленарным докладом о стилистических особенностях устных диалогов, сопровождающих совместную деятельность участников коммуникации. Б. Тошович представил доклад, посвященный вопросу стилевой дифференциации языка интернета и глобальной системы сетевых стилей. Тема особенностей стилистического статуса медиатекста нашла свое отражение в докладе В. И. Ивченкова, который обратил внимание на изменение стилистического облика медиатекста и способа его восприятия в условиях широкой информатизации коммуникативного пространства. П. Мареш поднял вопрос об особенностях художественного стиля, который невозможно представить лишь общим описанием его атрибутов и используемых языковых средств, поскольку они зачастую являются одновременно маркерами иных функциональных стилей. Завершилось пленарное заседание докладом В. Патраша, которым известный словацкий лингвист подтвердил целесообразность использования теории агглютинации Й. Мистрика при анализе электронных вариантов текстов печатных СМИ.

Второй день работы конференции продолжился научной дискуссией в рамках двух секций. Первый тематический блок открыла С. Ф. Барышева докладом о просодических особенностях оформления структурных частей такого медиажанра, как теленовости. Н. В. Смирнова представила характеристику нарративной специфики и креативного потенциала мультимедийной истории как нового формата медиатекста, обратив особое внимание на приемы иммерсивного повествования. Анализу оценочных коннотаций заимствований в интернет-коммуникации, определению причин и последствий такого аксиологического переосмысления данных лексем был посвящен доклад Л. Т. Касперовой. Неологизмы в интернет-коммуникации, связанной с темой коронавирусной инфекции, были предметом исследования в докладе И. Дулебовой и Н. Цингеровой. Л. В. Шулинова обратила внимание на стилистический и прагматический потенциал приема антитезы в архитектонике медиатекста.

Стилистические особенности текстов социальных сетей были в центре внимания доклада Д. Ламачковой. Проблема стилистической характеристики художественных текстов при их переводе на иностранный язык нашла свое отражение в докладах Б. Улашина и Й. Свободовой. Я. Билкова в своем докладе обратилась к вопросу стилистических особенностей ложной гипотаксии в неофициальной спонтанной речи.

Сфера медиакommunikации была в центре внимания докладов М. Горвата, М. Станковой, Л. Лацковой, О. Шкварениновой и К. Мразковой. М. Станкова аргументировала целесообразность использования методологии Й. Мистрика в медиалингвистических исследованиях. М. Горват в свете теории жанровых особенностей эссе интерпретировал в своем докладе медиатексты М. Гаврана. Трансформационные аспекты коммуникации в современную эпоху цифровых медиа, изменение семиотических и стилистических основ коммуникации в условиях широкой информатизации нашли свое отражение в докладах О. Шкварениновой (трансформация публицистического стиля) и Л. Лацковой (изменение стилистической характеристики спонтанной диалогической коммуникации). Дискуссию о стилистике новых медиа дополнила своим докладом К. Мразкова, которая анализировала коммуникацию полиции как институции в социальных сетях.

Интересный и неоднозначный вопрос затронул в своем докладе о стиле и функциях аннотации к художественным произведениям Й. Йелинек, указав на проблему определения стилистической принадлежности текстов данного жанра (речь идет о стиле автора произведения, маркетолога или журналиста? Кто является творцом текста под названием аннотация?). Художественный текст был в центре внимания и доклада С. Паунович-Родич, которая анализировала гендер-

ную нагрузку лексических стелем в избранных произведениях известного словацкого и сербского писателей. Мультилингвальности коммуникации в рамках европейских правительственных институтов был посвящен доклад С. Мойшовой. Л. Иванчова в своем докладе обратилась к вопросу целесообразности использования количественных методов в стилистике, подчеркнув, что Й. Мистрик продемонстрировал эффективность этой методологии при исследовании стилистически релевантных явлений (частотность слов, индекс повторяемости, агглютинация и т. д.).

Последний тематический блок конференции был посвящен вопросам языковых особенностей текстов печатных и электронных СМИ (Ю. Бенева), характеристике экономического дискурса во время пандемии (И. Ризекова), грамматической характеристике текстов как атрибута их стилистической принадлежности (Н. Коленчикова, К. Музикова).

Подводя итоги конференции, можно констатировать, что научные идеи профессора Й. Мистрика не теряют своей актуальности и в современной лингвистике, по-прежнему вдохновляя исследователей на новые открытия. Об этом свидетельствуют интересные доклады, представленные на международной научной конференции «Стиль – коммуникация – культура», которые войдут в сборник материалов конференции. Участники данного научного форума в совместной дискуссии рассмотрели широкий круг вопросов, касающихся динамики взаимосвязи стиля, коммуникации и культуры; актуальных тенденций в развитии стилей, обусловленных изменениями коммуникативно-культурного характера в жизни общества. В представленных докладах осмысливаются стилистические явления в актуальных коммуникативных условиях с учетом лингвокультурных особенностей языковой среды.

УДК 81'38

Т. В. Ицкович
(Уральский федеральный университет, Россия),
Веслав Пшичина
(Папский университет Иоанна Павла II в Кракове, Польша)

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ИТОГИ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ»

15–17 сентября 2019 г. в Уральском федеральном университете состоялась Международная научная онлайн-конференция «Язык и религия», поддержанная Комиссией религиозного языка Международного комитета славистов. Проблематика конференции отражает актуальное направление филологической теологии – активно развивающегося направления современного гуманитарного знания. Участники конференции обсудили более 80 докладов в рамках трех пленарных заседаний и семи секций.

Ключевые слова: конференция, язык, религия, теолингвистика, сакральные языки, религиозные ценности, лексика религий, молитва, проповедь.

Tatiana V. Itskovich
(Ural Federal University, Russia),
Wiesław Przychyna
(Pontifical University of John Paul II, Poland)

THEOLOGICAL PHILOLOGY: RESULTS OF THE WORK INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “LANGUAGE AND RELIGION”

On September 15–17, 2019, the Ural Federal University hosted the International Scientific Online Conference “Language and Religion,” supported by the Religious Language Commission of the International Committee of Slavists. The conference’s subject matter reflects the current direction of philological theology, an actively developing area of modern humanities knowledge. The participants of the conference discussed more than 80 reports in three plenary sessions and seven sections.

Key words: conference, language, religion, theolinguistics, sacred languages, religious values, vocabulary of religions, prayer, preaching.

Международная научная онлайн-конференция «Язык и религия» состоялась в Екатеринбурге, в Уральском федеральном университете, 15 – 17 сентября 2021 г. и собрала более 80 участников из России, Армении, Белоруссии, Казахстана, Китая, Польши, Сербии, Словакии и Чехии, среди которых были как известные ученые, так и начинающие исследователи из разных научных центров. Конференция была организована благодаря инициативе Комитета религиозного языка при Международном комитете славистов (при поддержке ЮНЕСКО) и проведена в рамках подготовки к международному Съезду славистов, который состоится в 2023 г. в Сорбонне (Париж, Франция). Конференция стала второй после встречи ученых в Опольском университете (Ополе, Польша) в 2019 г., где прошла первая конференция «Религия и стиль».

Состоявшиеся доклады и опубликованные тезисы¹ международной научной конференции «Язык и религия» отражают актуальную проблематику филологической теологии – активно развивающегося направления современного гуманитарного знания.

Пленарные доклады ведущих ученых были сосредоточены на крупных теоретических и методологических проблемах взаимодействия языка и религии. Проф. Н. И. Клушина (Московский государственный университет, Москва, Россия) открыла первое пленарное заседание докладом, посвященном концепции функциональных стилей в современной научной ситуации, где показала место и роль религиозного стиля. Тему изучения религиозной коммуникации продолжила проф. К. Кончаревич (Белградский университет, Белград, Сербия), выступив с докладом, посвященном сравнительному анализу сербской и русской сакральной коммуникационной культуры.

¹ Полный текст тезисов докладов международной научной конференции «Язык и религия» (15-17 сентября 2021 г.) находится здесь: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46358292>

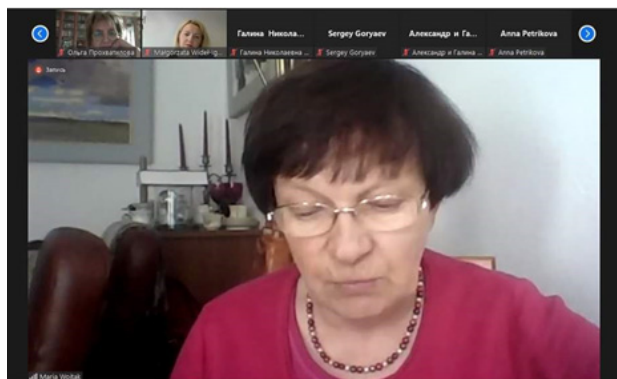
Prof. Gadomski Aleksander (Uniwersytet Opolski, Opole, Polska), основатель теолингвистики в России, выступил с фундаментальным исследованием, посвященным теоретическим и методологическим проблемам современной теолингвистики. Проблемы, поднятые Александром Казимировичем Гадомским, получили дальнейшее развитие в докладах М. О. Новак (Казанский государственный университет, Россия), которая подробно остановилась на базовых терминах теолингвистики с позиций истории языкознания, и Р. Левушкиной (Сербская академия наук, Белград, Сербия), которая показала направления теолингвистических исследований на конкретном материале, рассмотрев некоторые произведения свт. Николая Велимировича. Проф. Наталья Геннадьевна Николаева (Казань, Россия) на пленарном заседании подняла один из основных вопросов современной российской теолингвистики, посвятив свой доклад историческому аспекту выбора языка научного богословия. Prof. Jolanta Szarlej, Bielsko-Biała, Polska, поразила аудиторию детальным, глубоким, обстоятельным сравнительным анализом феминитивов в Библии на иврите и их польском переводе.

В дальнейшем на секционных заседаниях формулируются задачи теолингвистических исследований, связанные с выявлением метаязыковых свойств языка религии: символизма и универсальности (А. В. Шуталева, Екатеринбург, Россия); описываются общие подходы к анализу христианских текстов (А. Н. Смолина, Красноярск, Россия). Специальный предмет анализа образует проблема взаимодействия сакрального и народного языка, рассматриваемая в разных конфессиях (Sobczykowa Joanna, prof. Instytutu Języka Polskiego im. Ireny Bajerowej, Katowice, Polska).

Проф. Ирина Владимировна Бугаева (Москва, Россия) на пленарном докладе глубоко и последовательно раскрыла аспекты изучения имен собственных в религиозной коммуникации. Далее в секции «Языковые особенности религиозной сферы: синхронический и диахронический аспект» учеными характеризуются языковые особенности религиозной сферы. В поле зрения ученых попадают как диахронические аспекты изучения прототекстов (Владан Йованович, Белград, Сербия; А. В. Ермошин, Казань, Россия), так и синхронические исследования, касающиеся современного состояния религиозной сферы общения (Н. А. Дьячкова, ректор Миссионерского института, Екатеринбург, Россия, рассмотрела выражение благодарности в системе православного речевого этикета). Авторы изучают языковые и стилистические особенности конкретных богослужебных текстов (И. В. Шалина, Екатеринбург, Россия, обратила внимание на метафоричность индивидуального стиля мышления священника), поднимают вопросы использования религиозной терминологии в разных сферах и конфессиях (Małgorzata Rybka, Marta Wrześniewska-Pietrzak, Poznań, Polska; Michal Glevaňák, Prešov, Slovensko). Отдельная область исследования – коммуникативное поведение верующих в разных этнических группах (Е. В. Федюкина описала современное состояние лингвокультурной среды православного ареала Польши). Анализируется неоязычество, рассматривается неоязыческая антропонимика (С. О. Горяев, О. Ю. Ольшванг, Екатеринбург, Россия).

Почетный профессор Уральского федерального университета, почетный член Стилистической комиссии при Международном комитете славистов Наталия Александровна Купина показала образец тонкого теолого-филологического анализа современного литературного произведения, ее доклад был посвящен феномену юродства на примере романа Евгения Водолазкина «Лавр». Н. В. Пращерук, также профессор Уральского федерального университета, выступила с основополагающим для литературоведения докладом, посвященным соотношению святоотеческой традиции и филологии.

Дальнейшие филолого-теологические исследования были представлены в секции «Репродукция религиозной реальности в текстах художественной литературы». Прозвучали доклады, исследующие религиозную реальность как на материале русской поэзии и прозы (О. И. Северская, Москва, Россия, представила, как эксплицирован образ *веры* в современной русской поэзии, М. В. Дудорова и М. В. Слаутина, Екатеринбург, Россия, проанализировали пересекаемость денотативных парадигм в жанре рождественского рассказа на материале текста П. Засодимского «В рождественскую вьюгу», а В. Е. Андреева, Екатеринбург, Россия, отметила миссионерские мотивы в поэзии А. Дьячкова), так и зарубежной (В. И. Бортников, Екатеринбург, Россия, рассмотрел религиозные тематические компоненты в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай», О. М. Фархитдинова, Екатеринбург, Россия, – теургические мотивы в поэзии Ф. Гельдерлина). Художественное творчество предстает как акт мистического познания реальности, находящий отражение в текстах.

Теолингвистический взгляд на актуальные современные проблемы отразился в пленарном докладе проф. Maria Wojtak (Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej (Lublin, Polska), посвященном особенностям религиозного дискурса в эпоху пандемии коронавируса. Тема пандемии нашла свое отражение и в секционном выступлении Анны Петриковой (Прешовский университет, Прешов, Словакия).

Результаты фундаментального исследования представила на пленарном докладе проф. Галина Николаевна Складневская

(Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия), в котором остановилась на лексике разных религий как новом объекте исследования современной русской лексикологии и лексикографии. Отметим, что ученые из разных стран, интересующиеся данной проблематикой, представляли результаты своих исследований на отдельной секции «Лексикология и лексикография религиозной сферы». Ими была охарактеризована лексика как традиционных конфессий (А. Г. Саркисян, Ереван, Армения, описал функционирование астионимов русских библейских крылатых слов в армянской аудитории), так и сект (Е. Н. Геккина, Санкт-Петербург, Россия, остановилась на неологизмах в словаре сайентологов); проведено сопоставление восприятия религиозно ориентированных лексем в религиозной и светской среде (Agnieszka Sieradzka-Mruk, Kraków, Polska); проанализированы словари (Л. Л. Шестакова и А. Э. Цумарев, Москва, Россия, обратили внимание на вопросы грамматического описания религиозной лексики; Срджан Петрович, Белград, исследовал описание религиозной лексики в русско-сербских словарях; И. А. Крылова, Санкт-Петербург, Россия, описала идеологический компонент в религиозной лексике; О. А. Михайлова и Ю. Н. Михайлова, Екатеринбург, Россия, изучили экспликацию религиозного хронотопа в толковых словарях русского языка), данные психолингвистических экспериментов (Елена Недич, Белград), феномены массовой культуры (Joanna Kozieł, Lublin, Polska).

В секции «Теологические составляющие медиадискурса и массовой культуры» были рассмотрены проблемы отражения религиозной реальности в медиадискурсе и массовой культуре. Медиатексты отражают актуальные проблемы, например, процессы маргинализации личности священнослужителя (А. М. Плотникова, Екатеринбург, Россия); пандемию (Magdalena Jankosz, Kraków, Polska); показано, как происходит освоение сакральной реальности светскими и религиозными СМИ, особую роль в этом процессе играют метафоры (Terézia Rončáková, Ružomberok, Slovakia; С. Ф. Барышева, Москва, Россия, показали трансфор-

мацию метафоры в современных печатных СМИ).

Планерный доклад проф. Ольги Александровны Прохвятиловой (Москва, Россия; Шэньчжэнь, Китай), посвященный речевой организации современной православной проповеди, задал затем вектор рассуждений в секции «Жанры религиозной коммуникации», где происходил анализ различных жанров, функционирующих в религиозной сфере. Представлена попытка охарактеризовать религиозный дискурс в жанрово-стилистическом аспекте. Проанализированы как ядерные для религиозного стиля жанры молитвы, акафиста, жития (Т. В. Ицкович, А. И. Келер, Н. А. Рядовых, Екатеринбург, Россия), так и периферийные – песни (Aneta Załazińska, Wiesław Przyczyna, Kraków, Polska), апостольское обращение (Małgorzata Wideł-Ignaszczak, Lublin, Polska), миссионерские письма (Биляна Марич, Белград, Сербия), мистические и медитативные тексты (Е. В. Плисов, Нижний Новгород, Россия), стихотворные переложения прототекстов (С. А. Красноперова, Екатеринбург, Россия).

Пленарный доклад prof. Marzena Makuchowska (Opole, Polska), посвященный главенствующей роли позитивной оценки сакральных явлений, на смыслообразующем уровне связан с секцией «Базовые ценности религиозной картины мира в отражении языка», где были представлены исследования базовых христианских ценностей на материале языкового существования в контексте реального времени (Е. В. Иванова, Екатеринбург, Россия), а также в историческом аспекте. Слава, семья, духовность, богатство, жертва – вот только некоторые аксиологемы с религиозным компонентом, анализ которых представлен докладчиками (Наташа Вулович, Белград, Сербия; Драгана Керкез, Белград, Сербия; Dorota Pazio-Wlazłowska, Warszawa, Polska; А. И. Попович, Екатеринбург, Россия; Galyna Gadomska, Opole, Polska). Отдельно рассматриваются прототексты как носители религиозных интенций и нормативно-оценочных конструктов.

В рамках конференции прошло заседание Комиссии религиозного языка МКС во главе с председателем комиссии проф. Веславом Пшичиной. На заседании были рас-

смотрены вопросы подготовки к Съезду славистов в 2023 г., издание монографии, посвященной теолингвистике, а также время и место проведения следующей конференции.

Также во время конференции состоялось заседание бюро Стилистической комиссии МКС во главе с председателем комиссии проф. Натальей Ивановной Клушиной.

Подводя итоги конференции, отмечу, что достаточно четко выявились проблемные, ключевые области изучения религиозного языка.

Так, дискуссионным является вопрос о статусе, месте в ряду других дисциплин, объеме, предмете и методах теолингвистики. Живая дискуссия показала необходимость формирования ответов на поставленные вопросы. Является ли теолингвистика междисциплинарной наукой, областью пересечения теологии и лингвистики, или это лингвистика, изучающая религиозные тексты, или, третий вариант, это вообще не лингвистика, а шире – филология. Существуют ли собственно теолингвистические методы исследования?

Вытекающий отсюда также теоретический вопрос, что является религиозным языком, какова конфессиональная специфика употребления религиозного языка, билингвизм – это этап в развитии религиозной коммуникации или отдельный, параллельный путь для некоторых конфессий, уже – какова судьба соотношения церковнославянского и народных языков в православной коммуникации. Все эти вопросы были поставлены и вызвали оживленное обсуждение.

Стоит сказать о сформировавшихся направлениях, в рамках которых ученые успешно решают поставленные задачи: это лексикографическое и жанровое описание религиозной сферы. В обоих направлениях

используются собственно лингвистические эффективные методы, давно доказавшие свою состоятельность, что позволяет составлять словари религиозной лексики, изучать восприятие религиозных лексем при помощи психолингвистических экспериментов; описывать жанры религиозного стиля, их трансформацию под влиянием экстралингвистических факторов.

Особняком стоит вопрос, нуждающийся в теоретически обоснованном ответе, а именно: включаем ли мы в поле своего исследования религиозные направления политеистического толка, а следовательно, язычество и неоязычество, как древнее, так и современное; различные сектантские направления?

Аксиологические составляющие разных конфессий также стали предметом обсуждения на конференции. Важен с теоретической точки зрения вопрос, сформулированный на первом пленарном заседании во время научной дискуссии проф. Натальей Александровной Купиной о принципиальной возможности сопоставительного анализа ключевых аксиологом различных конфессий, что способно принести практическую пользу в снижении уровня этнорелигиозных конфликтов в современном обществе.

Продуктивно сложился разговор и в области теологического литературоведения. Прозвучали как общетеоретические доклады, посвященные роли святоотеческого предания в художественной литературе, так и исследования религиозных мотивов в творчестве поэтов и писателей разных стран.

В целом конференция «Язык и религия» представляет круг исследователей феномена взаимодействия языка и религии и состав научных проблем, связанных с теологической интерпретацией вербального материала.

Бранко Тошович
(Университет имени Карла и Франца в Граце, Австрия)

«РАССКАЗ ИВО АНДРИЧА»: 13-Й МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

14 – 16 октября 2021 г. в Сокобане (Сербия) в рамках научно-исследовательского проекта «Andrić Initiative: Иво Андрич в европейском контексте» состоялся 13-й Международный научный симпозиум на тему «Рассказ Иво Андрича». В представленных на симпозиуме докладах рассказы И. Андрича рассматривались в лингвистическом, стилистическом и литературоведческом аспектах. Научный форум прошел в онлайн-формате.

Ключевые слова: Иво Андрич, рассказ, поэтика, лингвистика, стилистика, литературоведение.

Branko Tosovic
(University of Graz, Austria)

“THE SHORT STORY OF IVO ANDRICH”: THE 13TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC SYMPOSIUM

On October 14–16, 2021, the 13th International Scientific Symposium on the topic “The History of Ivo Andrich” was held in Sokobanja (Serbia) as part of the research project “The Andrich Initiative: Ivo Andrich in the European Context”. In the reports presented at the symposium, the stories of I. Andrich were examined in linguistic, stylistic and literary aspects. The Scientific Forum was held in an online format.

Key words: Ivo Andrich, short story, poetics, linguistics, stylistics, literary criticism.

В рамках научно-исследовательского проекта **Andrić Initiative: Иво Андрич в европейском контексте** (Грац, 2007–...; <https://www-gewi.uni-graz.at/gralis/projektarium/Andric/index.html>) проведен с 14 до 16 октября 2021 года онлайн (ZOOM) 13-й Международный научный симпозиум на тему «Рассказ Иво Андрича», организованный Институтом славистики Университета имени Карла и Франца в Граце (Австрия), Муниципальным собранием Сокобани (Сербия), дирекцией гостиницы «Моравица» в Сокобани и Комиссией по стилистике Международного славянского комитета. В программу конференции было включено 54 доклада специалистов по литературе, поэтике, стилистике и языку из 12 стран и 35 городов.

Во вступительной речи руководитель проекта **Бранко Тошович** (Грац, Австрия) отметил, что в период после 12-го симпозиума в Москве (проходившего с 17 по 20 октября 2019 г.) основная деятельность была сосредоточена на подготовке 13-го симпозиума. В связи с пандемией данное мероприятие, намеченное на 15–18 октября 2020 г. в Сокобани, пришлось отложить, но и в 2021 году ситуация не улучшилась, поэтому симпозиум проводился с 14 по 17 октября 2021 года онлайн, при помощи ZOOM. Второй формой деятельности в период между двумя конференциями была подготовка сборника докладов, прочитанных на симпозиуме в Москве «Холод и зима Иво Андрича и российских лауреатов Нобелевской премии», которая была завершена в августе и сборник был напечатан в сентябре 2020 года (*Kriopoetika Iva Andrića i ruskih nobelovaca* [«Криопоэтика Иво Андрича и российских лауреатов Нобелевской премии»]). За период с 2019 по 2021 гг. были опубликованы три монографии. Подготовка библиографии произведений, изданных в рамках проекта Андрича, близится к завершению. Еще одна важная работа касалась Гралис-корпуса Андрича (https://www-gewi.uni-graz.at/gralis/korpusarium/gralis_korpus.html), особенно корректуры текстов, внесенных в этот корпус, и исправления ошибок. Когда все будет готово, можно будет искать тексты по жанрам в дополнение к существующему хронологическому порядку: 1. Романы; 2. Рассказы; 3. Поэзия; 4. Публицистика.

Мэр города Сокобани (Сербия) **Миодраг Николич** и восемь членов организационного комитета из Сокобани: **Славиша Лазански** (директор отеля «Моравица»), **Ясмينا Илич-Палевич** (директор библиотеки им. Стевана Сремаца), **Ана Миличевич** (директор средней школы им. Бранислава Нушича), **Любинко Миленкович** (директор Туристической организации Сокобани), **Небойша Станоевич** (директор фирмы «Адонис»), **Милан Миленкович** (представитель Спортивно-оздоровительного центра Подина) и представители Специальной больницы «Сокобани» и гостиницы «Солнце» очень богато, разнообразно и впечатляющее представили свой город, тесно связанный с Андричем. **Тияна Миленкович** (Вена, Австрия) говорила о сборнике докладов, прочитанных на 12-м симпозиуме в Москве в 2019 г., и отметила, что публикация содержит 42 статьи авторов из 10 стран и 23 городов. Тексты разделены на пять тематических блоков: Общая часть, Литература, Язык, Приложения и Обзоры. **Арно Вониш** (Грац, Австрия) рассказал о своей книге переводов 30 текстов Андрича: *Put kroz prostor i vrijeme: Ivo Andrić i slika Evrope s početka 20. stoljeća* [«Путь через пространство и время: Иво Андрич и картина Европы в начале XX века»], 2016, **Борис Шкворц** (Сплит, Хорватия) представил свою монографию *Andrić i Krleža: poetike i politike: O naraciji nacije/nacija i (književnim) prelaženjima granica* [«Андрич и Крлежа: Поэтика и политика: о наррации нации/наций и литературном пересечении границ»], 2021, **Перина Меич** (Мостар, Босния и Герцеговина) дала информацию о своей публикации *Andrićeva poetika: Iza kulisa ispriповijedanog* [«Поэтика Андрича: За кулисами пересказанного»], 2021.

На открытии выступила и **Н. И. Клушина** (Москва, Россия), председатель Стилистической комиссии Международного славистического комитета. Миссию Комиссии она определила как консолидацию ведущих стилистических школ, существующих в разных странах, тесное их сотрудничество и взаимодействие. Она указала на то, что в рамках комиссии были последовательно разграничены стилистика и дискурсология, что позволило стилистике дополнить свою

теорию необходимым дискурсологическим инструментарием и интегрировать методы дискурсологии в стилистические исследования. Помимо дискурсологического поворота, серьезное влияние на развитие современной стилистики оказал медийный, или медийный поворот, о котором писали С. Гайда, Б. Тошович, В. Е. Чернявская и др. Возникновение и стремительное развитие интернета как нового технологического канала, породившего особый тип коммуникации, предоставило стилистике новое поле для исследования. В 2015 г. вышла книга Б. Тошовича «Интернет-стилистика», затем в 2018 г. публикуется его монография «Структура интернет-стилистики»; по мнению Н. И. Клушиной, в них сформированы основы новой области стилистики и показаны перспективы развития в этом направлении. В 2017 г. в г. Баялуке (Республика Сербская, Босния и Герцеговина) была проведена международная конференция «Мультимедиаальная стилистика» (организаторы Д. Дойчинович и Г. Милашин), результаты которой отражены в одноименной коллективной монографии. Председатель Стилистической комиссии считает перспективной и такую область современной стилистики, которую открыл и конституировал Б. Тошович, – *генераторская стилистика* (занимающаяся текстами, порожденными генераторами, нейросетями). Медийный поворот также «спровоцировал» формулирование *медиастилистики* как самостоятельной области общей теории стилистики. Актуальные направления стилистики связаны и с изучением интеракций в коммуникации (О. Оргонева). Н. И. Клушина особенно подчеркнула значение художественного стиля для развития стилистики (она и началась с изучения языка художественной литературы) и в этом контексте симпозиумов, посвященных творчеству Иво Андрича в рамках проекта «Иво Андрич в европейском контексте», который, по ее мнению, является уникальным в славянском мире, так как он продолжается уже 14 лет (с 2007 г.), в его рамках проведены 12 симпозиумов в нескольких странах (Австрии, Боснии и Герцеговине, России, Румынии, Сербии), опубликовано 8 монографий и 12 сборников, создан электронный корпус

Иво Андрича, включающий почти все его произведения, в нем приняло участие около 500 исследователей в области литературы, поэтики, стилистики и лингвистики из различных стран. Такой масштабный проект, считает председатель Комиссии, является бесспорным достижением славистики. В 2023 г. на Конгрессе славистов в Париже Комиссия представит научный проект – коллективную монографию «Стилистика славянских стран на рубеже двух веков (XX–XXI)», работа над которой сегодня активно ведется. В публикации будет проанализировано развитие славянской стилистики за последние 50 лет. Монография будет состоять из 3 разделов: западнославянская стилистика (руководитель С. Гайда), южнославянская стилистика (Б. Тошович), восточнославянская стилистика (Н. И. Клушина).

Взяв на себя модерацию второй части утреннего заседания, **Санин Кодрич** (Сараево, Босния и Герцеговина) сказал, что впечатляет то, что Проект Андрича, являющийся одним из крупнейших и наиболее важных проектов, когда-либо организованных в связи с Андричем и его литературной деятельностью, осуществляется и разрабатывается с 2007 г. И по содержанию, и по характеру это, по его мнению, уникальный проект.

С вступительным докладом выступил **Бранко Тошович** (Грац, Австрия). В нем особое внимание он уделит вопросу: (а) можно ли точно сказать, сколько рассказов написал Андрич, (б) можно ли легко разграничить в его произведениях такие жанры, как роман, повесть, рассказ, новелла и стихи в прозе, (3) какие романы могут быть кандидатами в сборники рассказов, а какие рассказы (сборники рассказов) – кандидатами в романы. Самая большая дилемма – что понимать под большой, средней и малой прозаической формой. Докладчик указал на то, что эти вопросы в первую очередь требуют теоретического ответа на то, что считать романом и рассказом, а затем практического ответа: надо ли традиционное и общепринятое разделение на четырех завершенных романа – *Travnička hronika* [«Травницкая хроника»], *Na Drini ćuprija* [«Мост на Дрине»], *Prokleta avlija* [«Проклятый двор»] и *Gospođica* [«Барышня»]) и два незаконченных – **Omerpaša*

Latas [* «Омер-паша Латас»] и **Na sunčanoj strani* [*«На солнечной стороне»] расширить на другие тексты. Автор указал и на то, что каноническое количество знаков в рассказах Андрича находится в диапазоне от 5 000 до 10 000, потому что 50 из 130 (38%) рассказов имеют такие показатели. Иными словами, Андрич в основном пишет повествовательную прозу объемом от 5 000 до 10 000 знаков. Наименьшее количество рассказов (три) содержит больше всего знаков: 92 000 – 167 000 (2,26%). Если взять среднее значение – общее количество знаков – 2,292 500 и разделить на 130 рассказов, то получатся 17 237 символов как средний размер рассказа Андрича.

В 36 других докладах затрагивались и рассматривались различные литературные, лингвистические и стилистические аспекты рассказов Андрича: тип повествования, принадлежность к определенному циклу, тема / мотив, поэтика времени и пространства, персонажи, пейзаж, наррация, контекст литературно-философских направлений, литературная критика, язык и стиль. В качестве предмета анализа было выбрано около пятидесяти рассказов, некоторые из которых вызвали особый интерес: *Zlostavljanje* [«Истязание»] (4 доклада), *Mara milosnica* [«Наложница Мара»] (3), *Anikina vremena* [«Времена Аники»] (2), *Bife Titanik* [«Кафе Титаник»] (2), *Jelena, žena koje nema* [«Елена, женщина которой нет»] (2), *Most na Žepi* [«Мост на Жепе»] (2), *Pismo iz 1920. godine* [«Письмо, датированное 1920 годом»] (2), *Priča o vezirovom slonu* [«Рассказ о слоне визиря»] (2), *Trup* [«Туловище»] (2), *Zeko* [«Зеко»] (2), *Zmija* [«Змея»] (2), но на разных уровнях, с точки зрения языка, стилистики и литературы.

Большая часть докладов была посвящена литературным и поэтическим аспектам рассказов Иво Андрича. **Александра Батинич** (Белград, Сербия) проанализировала пространство ранних рассказов Андрича, коснувшись, в частности, феномена лиминальности. В статье **Мирелы Бербич Имширович** (Тузла, Босния и Герцеговина) обсуждался рассказ *Smrt u Sinanovoj tekiji* [«Смерть в Синановой текии»] (1936) и проблема кодирования современной идентичности между этикой и прагматикой. Предметом

интерпретирующего чтения с особым акцентом на повествовательную эмпатию **Аницы Билич** (Осиек, Хорватия) был рассказ *Čudo u Olovu* [«Чудо в Олове»] (1926), одно из самых коротких прозаических произведений Иво Андрича. **Елена Богданович и Милена Денич** (Сокобана, Сербия) представили совместный доклад о рассказе *Zmija* [«Змея»] (1948) и пребывании Андрича в Сокобанах. Выступление **Мирьяны Боянич Чиркович** (Блаце, Сербия) было посвящено стратегии восприятия рассказа *Deca* [«Дети»] (1935) и его интерпретации с точки зрения современных теорий чтения. **Милица Божич Сунчук** (Белград, Сербия) выбрала для анализа рассказ *Crven cvet* [«Красный цветок»] (1949) и сосредоточилась на его ономастике. Предметом анализа **Бранки Брленич Вуич** (Осиек, Хорватия), единственной из присутствующих, участвовавшей в первом симпозиуме в Граце в 2008 г., была *Priča* [«Рассказ»] (1976). Выступление **Юрица Вуцо** (Осиек, Хорватия) было посвящено повествовательным фигурам в рассказах о монахе Марко Крнете. В статье **Наташи Дракулич Козич** (Кишкинда, Сербия) рассказ *Trup* [«Туловище»] (1937) рассматривался как аллегория распада. **Милош Джорджевич** (Белград, Сербия) представил доклад «Иво Андрич о рассказе и повествовании», в котором он рассмотрел некоторые аспекты существенного художественного приема Андрича – введения рассказа в рассказ – и композиционного оформления такой «матрешки». Подробный обзор публикаций произведений Андрича в мире с 2000 по 2020 г. был дан **Билиной Джордевич Мироней** (Белград, Сербия) с использованием наглядной карты мира с изображениями переводов произведений Андрича на все языки мира. **Мевлида Джувич** (Грачаница, Босния и Герцеговина) представила анализ рассказа *Zlostavljanje* [«Истязание»] (1946). Темой выступления **Валентины Генцель** (Суботица, Сербия) были мифологические элементы в рассказе *Zmija* [«Змея»] (1948). В качестве темы для анализа **Кронелие Квас** (Белград, Сербия) выбрал поэтику пространства в самом крупном рассказе Андрича – *Zeko* [«Зеко»] (1948) и рассмотрел хромотопы данного текста, а также их влияние на построение персонажей и формирование смысла

произведения. Статья **Санина Кодрича** (Сараево, Босния и Герцеговина) была посвящена одному из самых цитируемых и интригующих рассказов Андрича – *Pismo iz 1920. godine* [«Письмо, датированное 1920 годом»] (1946), в котором главный герой Макс Левелфельд подчеркивает свою центральную идею о том, что Босния – это пространство ненависти. **Марица Лиович** (Осиек, Хорватия) говорила о персонажах с ограниченными возможностями в рассказах *Anikina vremena* [«Времена Аники»] (1931) и *Čorkan u Švabica* [«Чоркан и швабочка»] (1921), а **Андрияна Николич** (Спуж / Даниловград, Черногория) указала на наличие пяти понятий, начинающихся с буквы *s*: *samoća* [одиночество], *strah* [страх], *slutnja* [догадка], *san* [сон] и *smrt* [смерть] в рассказе *Knjiga* [«Книга»] (1946), а также в других прозаических текстах Андрича. В статье **Жарко Панича** (Жабаль, Сербия) рассмотрен исторический контекст, представленный в рассказе *Rzavski bregovi* [«Рзавские берега»] (1924). Традиции и мифы в *Priča o vezirovom slonu* [«Рассказ о слоне визирия»] (1947) были предметом интерпретации **Санья Перича** (Нови-Сад, Сербия). **Вук Петрович** (Белград, Сербия) говорил о дикции в *Most na Žepi* [«Мост на Жепе»] (1925) и рассмотрел поэтическое качество слов, используемых в этом тексте, а также их участие в формировании смысла, выходящего за рамки простой повествовательной прозы. В названии доклада **Миланы Поучки** (Нови-Сад, Сербия) лежала мысль из рассказа *Most na Žepi* [«Мост на Жепе»] (1925) о том, что в *молчанин* – *мудрость*, которую она перефразировала с возможностью двойного чтения: *в молчанин* – *надежность* / *нет надежности*. **София Савич** (Банатское Караджорджево, Сербия) занималась сравнительным анализом персонажей в произведениях *Trup* [«Туловище»] (1937) и *Zlostavljanje* [«Истязание»] (1946). **Занета Самбуняк** (Задар, Хорватия) провела анализ рассказа *Ljubavi* [«Любовь»] (1976) из сборника *Kuća na osami i druge novele* [«Дом на отшибе и другие новеллы»] (1976) с точки зрения теории инаковости и чуждости. **Сильвана Симоская** (Скопье, Северная Македония) дала сравнительный анализ дипломатической среды в рассказах Иво Андрича и форм ее автобиографиче-

ского описания. **Милица Теслич** (Нови-Сад, Сербия) выбрала для анализа рассказ *Veliki raspust* [«Большие каникулы»] (1966) и сосредоточилась на феномене юношеской (не)серьезности и отношении школьников к окружающему миру, и наоборот. **Ливия Экмечич** (Страсбург, Франция) говорила о рассказе *Osatičani* [«Осатичане»] (1958) и, опираясь на *Kritičko izdanje dela Ive Andrića* [«Критическое издание работ Иво Андрича»], указала на то, как Андрич создавал этот текст.

Одна часть докладов относилась к языковым и стилистическим аспектам рассказов Андрича. В качестве объекта анализа **Тина Балек** (Нови-Сад, Сербия) выбрала физическое и абстрактное воплощение температуры в сборнике рассказов Андрича *Jelena, žena koje nema* [«Елена, женщина которой нет»] (1934), состоящем из девяти текстов. **Алина Маслова** (Саранск, Россия) проанализировала формы диалогизации повествования как способа организации коммуникативного пространства текста. В статье **Горана Милашина** (Баня Лука, Босния и Герцеговина) обсуждены стилистические и лингвистические особенности рассказа *Bife Titanik* [«Кафе Титаник»] (1950). **Тяна Миленкович** (Вена, Австрия) рассмотрела творительный падеж с предлогами *nad* [над], *pod* [под], *pred* [перед] и *za* [за, из-за] в рассказах Андрича. В докладе **Лидии Неранджич Чанды** (Сомбор, Сербия) в центре внимания были постноминальные модификаторы в рассказе *Letovanje na jugu* [«Летний отдых на юге»] (1959). В выступлении **Марины Николич** (Белград, Сербия) проведен анализ сравнения в *Priča o kmetu Simanu* [«Рассказ о кмете Симане»] (1948). Темой изложения **Милицы Стоянович** (Белград, Сербия) были лексика и лексические сочетания в *Mara milosnica* [«Наложница Мара»] (1926). Выступление **Бояны Томич** (Белград, Сербия) относилось к категории чисел в рассказе *Mustafa Madžar* [«Мустафа Маджар»] (1923). **Драгана Цвийович** (Белград, Сербия) представила доклад об именах существительных с компонентом значения ‘социальные отношения’ в рассказе *Šala u Samsarinom hanu* [«Шутка в Самсарином заездем дворе»] (1954).

Следующий 14-й симпозиум состоится в Сокобане с 20 по 23 октября 2022 г. на тему

«Поэзия Андрича». Основная причина такого выбора заключается в том, что в рамках проекта до сих пор рассматривались наиболее важные творческие периоды Андрича (первая фаза проекта – хронологическая: 2007–2011 гг.) и отдельно наиболее важные произведения (вторая фаза проекта – жанровая: 2011–...): все романы (четыре законченных и два опубликованных посмертно в качестве реконструкций, а также мысленная проза *Znakovi pored puta* [«Знаки вдоль дороги»], 1976) и все рассказы. Андрич написал 113 стихотворений, в том числе 74 лирических, 17 текстов стихотворной прозы и два комплекса поэзии в прозе: *Ex Ponto* (1918) и *Nemiri* [«Волнения»] (1919). Хотя Андрич в 20-е гг. XX в. почти полностью обратился к прозе (романам и рассказам), он возвращался к своей юношеской любви – стихам – всю оставшуюся жизнь. Последний раз это было в 1973 г., за два года до его смерти, стихотворением *Ni bogova ni molitava...* [«Ни богов, ни молитв...»]. А все началось в 1911 г. стихотворением *Blaga i dobra mesečina* [«Мягкий и добрый лунный свет»] в сараевском журнале *Bosanska vila*. В поэтическом творчестве Андрича можно выделить три тематических цикла: социальный (крик поэта из-за социальной несправедливости и особенно бедности), мыслительный (размышления о смысле существования) и любовный (женщина как большой вызов), которые соотносятся с чет-

вертым: с поэзией волнения. По способу написания можно выделить два главных типа лирики: 1. поэзия в стихах (в основном свободных, без рифмовки) – 74 текста, 2. поэзия в прозе – 39. Эти два блока должны быть в центре внимания следующего симпозиума. К ним следует добавить третий – лиризм прозы Андрича (романов и рассказов), лирическую ноту в прозе. Анализ стихотворений будет сосредоточен на следующих аспектах: 1. структура текста – а) смысл, значение, тема, мотивы, время, пространство, б) поэтическая и стилистическая ценности, в) художественные приемы, г) тропы и фигуры, 2. ритм и рифма – связанный и свободный стих, метрика и стихосложение, 3. сравнение (а) с другими стихотворениями Андрича и (б) со стихами других авторов (отечественных и зарубежных).

Чтобы внести в проект новые формы и содержания, особенно для лучшей подготовки сборников, вводится **Вебинар Андрича** и новая рубрика в Gralis-e: Webinarium (на платформе ZOOM, раз в два месяца, начиная с ноября 2021 г., продолжительностью до 60 минут с тематическим докладом не более 20 минут, который будет относиться к чему-то, связанному с Андричем и Проектом). Лучшие лекции будут опубликованы в сборнике *Andričeva pripovijetka* [«Рассказ Иво Андрича»], 2022. Первый вебинар Андрича состоялся 11 ноября 2021 г.

М. А. Васильченко

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОГО СТИЛЯ:
ИТОГИ РАБОТЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ
УЧАСТИЕМ «ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ»**

Конференция «Язык современной науки», организованная Пермским государственным университетом в рамках международного научного форума «Наука и глобальные вызовы XXI века», проходила в дистанционном формате с 19 по 22 октября 2021 г. Сборник тезисов международного научного форума опубликован в серии «Lecture Notes in Networks and Systems» издательства Springer¹.

Ключевые слова: конференция, научный стиль, функциональная стилистика, стиль, медиатизация науки, диалогизация, дискурсологический подход, стилистика текста.

Maria A. Vasilchenko

(Lomonosov Moscow State University)

**TRANSFORMATION OF SCIENTIFIC STYLE:
RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC
CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
“THE LANGUAGE OF MODERN SCIENCE”**

The conference “Language of Modern Science”, organized by Perm State University within the international scientific forum “Science and Global Challenges of the XXI Century”, was held online October 19–22, 2021. Collection of abstracts of international scientific forum was published in Springer “Lecture Notes in Networks and Systems” series.

Key words: conference, scientific style, functional stylistics, style, mediatization of science, dialogization, discursological approach, text stylistics.

¹ Innovations and Smart Technologies in Linguistics // Science and Global Challenges of the 21st Century – Science and Technology // Lecture Notes in Networks and Systems, Alvaro Rocha, Ekaterina Isaeva (ed). – Switzerland: Springer, Cham, 2021. – Pp. 435–748.

С 19 по 22 октября 2021 г. в дистанционном формате прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Язык современной науки», организованная Пермским государственным университетом в рамках международного научного форума «Наука и глобальные вызовы XXI века». Одной из главных тем научной дискуссии на конференции стали исследования научного стиля, проблема трансформации концепции функциональной стилистики и актуальные проблемы стилистики и лингвистики текста.

В частности, Е. А. Баженова в своем докладе отметила, что, несмотря на развитие и большое разнообразие современных средств трансляции информации, текст остается основным способом хранения и передачи научного знания. При этом анализ 60 научных текстов показал, что в российском научном дискурсе преобладает положительная оценка предыдущего знания и практически отсутствует полемика, что, по мнению исследователя, говорит о недостаточно критическом мышлении у ученых.

Проблема трансформации научного стиля была также затронута в выступлении Н. И. Клушиной и М. А. Васильченко, посвященном сравнению концепций научного стиля в российской и зарубежной лингвистике. Если в российской стилистической школе были решены многие вопросы, связанные с определением таких понятий, как идиостиль, функциональный стиль и др., англоязычные авторы оперируют понятием «регистр», описывающим текст с точки зрения его формальности и уместности в речевой ситуации. При этом для развития педагогики было введено понятие «академического письма» и «академического стиля», который, по мнению многих исследователей,

становится все менее формальным, а перлокутивные функции научного текста актуализируются. Это может быть связано с медиатизацией научного знания и влиянием языка медиа.

О влиянии сферы массмедиа на научный стиль говорилось и в докладе О. М. Афанасьевой, Е. Н. Басовской и Я. Е. Каневской. Исследователи отмечают, что под воздействием медиасталя, а также необходимости продвижения результатов научных исследований и организаций в медиа научному стилю стала свойственна диалогизация и неформальность.

Вопросы обучения научному стилю и академическому письму были затронуты в докладе Н. И. Колесниковой и Ю. В. Ридной. Авторы предлагают универсальную межжанровую модель, предназначенную для обучения студентов на русском и английском языках и основанную на теории речевых жанров М. М. Бахтина.

Участники форума пришли к нескольким выводам. Во-первых, о доминировании дискурсологического подхода и внимания к речевой ситуации в западных исследованиях и устойчивости славянской стилистической школы в восточной Европе и России. Во-вторых, о медиатизации научного знания в разных странах мира, что ведет к диалогизации и большей неформальности научного стиля русского и английского языка. В-третьих, о необходимости обучения студентов-носителей языка и иностранцев научной речи на родном и иностранном языках. Таким образом, все это говорит о необходимости диалога западной и восточной школ для взаимного обогащения концепций и выработки универсальных интегративных подходов.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

- ◆ Отчет о деятельности
Стилистической комиссии за 2021 г.

АНОНСЫ

2022

23 – 24 февраля 2022 г. кафедра медиалингвистики и редактирования факультета журналистики *Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)* приглашает вас принять участие в V Международной научно-практической конференции «Стилистика: язык, речь и текст», посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного работника образования Республики Беларусь, доктора филологических наук, профессора М. Е. Тикоцкого. Информационное письмо для участников конференции размещено на сайте Стилистической комиссии.

Осенью **2022 г.** конференция «История и стиль» состоится в *Опольском университете (Польша)*.

2023

В **2023 г.** Стилистическая комиссия представит отчет на XVII съезде славистов в *Сорбонне (Франция)*.

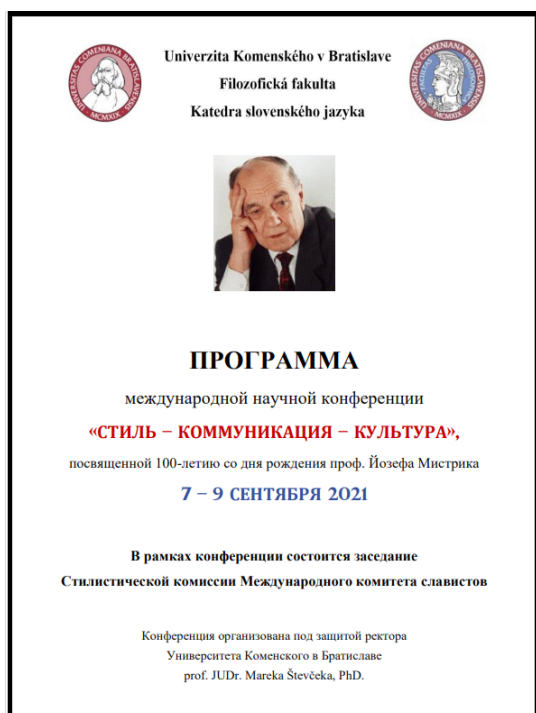
2024

В **2024 г.** гостей готовится принять *Институт польской филологии Педагогического университета им. Комиссии Национального Образования в Кракове (Польша)*.

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ ЗА 2021 г.

I. Международная научная конференция «СТИЛЬ – КОММУНИКАЦИЯ – КУЛЬТУРА», посвященная 100-летию со дня рождения проф. Йозефа Мистрика» (Братислава, Словакия)

7 – 9 сентября на кафедре словацкого языка философского факультета Университета Коменского в Братиславе состоялась конференция, посвященная 100-летию со дня рождения знаменитого ученого, выдающегося представителя славянской лингвистики, известного стилиста – профессора Йозефа Мистрика.

Благодаря патронажу господина ректора Университета Коменского в Братиславе профессора Марека Штевчека, открывшего конференцию, в нелегкое время пандемии стала возможной встреча ученых из разных стран мира. Высокий на-

учный уровень и доброжелательность – это отличительные черты Университета Коменского в Братиславе, который не так давно отметил свой вековой юбилей.

С приветственным словом выступили декан философского факультета профессор Мариан Зоухар, руководитель Института языкознания имени Людовита Штура Словацкой академии наук доцент Габриэла Мучкова и сын Й. Мистрика – профессор Милош Мистрик.

Декан философского факультета профессор Мариан Зоухар приветствует участников конференции

Вдохновителями и организаторами конференции стали член Стилистической комиссии профессор *Ольга Оргонёва* и кандидат в члены Стилистической комиссии *Марина Кожарнович*. Благодаря усилиям наших коллег конференция собрала более 60 участников из разных стран мира (Австрия, Беларусь, Босния и Герцеговина, Китай, Польша, Россия, Сербия, Словакия, Украина, Чехия).

На фото проф.

Ольга Оргонёва и Марина Кожарнович

На первом пленарном заседании профессор О. Оргонёва представила доклад, в котором продемонстрировала актуальность научных идей профессора Й. Мистрика в новую цифровую эпоху. Доклады членов Стилистической комиссии были посвящены широкому кругу научных проблем: диалогу словацкой и российской стилистических школ Й. Мистрика и М. Н. Кожиной (*Е. А. Баженова*), общим основам образования в славянских странах

(*М. Пенёнжек*), проблемам художественного текста (*П. Мареш, П. Мейч*), интеграции двух научных дисциплин: стилистики и прагматики (*А. К. Киклевич*), изучению текстов различных стилей от религиозного (*Ван Цзясин, Т. В. Ицкович*) до новых форм «семейной коммуникации» (*Т. Кузнецова*), теоретическому обоснованию современных научных понятий, таких, как медиатекст (*В. И. Ивченков*), интернет-стили (*Б. Тошович*), медийная лингвоэкология (*Н. И. Клушина*), PR-дискурс (*Л. В. Селезнева*), мультимедийная история (*Н. В. Смирнова*), коннотативным значениям новейших заимствований (*Л. Т. Касперова*), диахроническому и синхроническому аспектам изучения славянских языков (*С. Степанов, Г. Милашин*).

Наша особая благодарность за ту теплоту и трепетность, которой коллеги и ученики известного профессора Йозефа Мистрика наполнили вечернюю программу. Главный редактор и один из авторов «Лингвистической энциклопедии» («*Encyklopédia jazykovedy*», 1993), Председатель Словацкого лингвистического общества (1981–1991), автор фундаментальных работ по словацкому литературному языку и стилистике имел разносторонние научные интересы и оставил потомкам научные труды по математической лингвистике и поэтике, судебной графологии и риторике. Он учил развивать в студентах творческий потенциал, давать им свободу выбора и никогда не действовать с позиции принуждения.

Документальный фильм о профессиональной и личной жизни профессора (реж. Антон Майерчик, Словацкое телевидение, 1994 г.), и воспоминания близких коллег (проф. Мирослав Дудок, проф. Дануша Серафинова, проф. Владимир Патраш, канд. филолог. наук Ольга Шкваренинова, доц. Яна Пекаровичова) об ученом и педагоге раскрыли перед гостями уникальную личность известного ученого.

В рамках научной конференции прошло заседание Стилистической комиссии МКС, где был утвержден *план дальнейших мероприятий* (см. далее «Анонсы»).

II. Международная научная конференция «Язык и религия» (Екатеринбург, Россия)

15-17 сентября 2021 г. в Уральском гуманитарном институте Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина состоялась научная конференция «Язык и религия».

КОМИССИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЯЗЫКА МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ (ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ЮНЕСКО)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ)
Уральский гуманитарный институт
пр. Ленина, 51, г. Екатеринбург, Россия, 620083
Тел.: +7 (343) 389-94-12
urgi.urfu.ru

Программа
Международной научной конференции
«ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ»
15–17 сентября 2021 г.

Председателем организационного комитета мероприятия стала член Стилистической и Религиозной комиссий МКС профессор УрФУ **Татьяна Викторовна Ицкович**.

На фото проф. Н. А. Купина и проф. Т. В. Ицкович открывают пленарное заседание [фото Т. В. Ицкович]

Первое пленарное заседание открыла председатель Стилистической комиссии проф. **Н. И. Клушина** с докладом о концепции функциональных стилей и их определении в современной научной ситуации. В заседании с докладом выступил проф. **А. К. Гадомский**, раскрывший теоретические и методологические проблемы современной теолингвистики; проф. **М. Войтак** рассказала об актуальных особенностях религиозного дискурса в эпоху пандемии; проф. **Н. А. Купина** проанализировала взгляд писателя, мастера речевой художественной стилизации Е. Водолазкина на феномен юродства. На втором пленарном заседании проф. **М. Макуховска** доказала на разных уровнях языка, что в сакральных текстах всегда заложено положительное оценочное и эмоциональное отношение верующих людей к Богу и Святым. В работе секций приняли участие **О. И. Северская, С. Ф. Барышева** и др.

Председатель Стилистической комиссии Наталья Клушина провела бюро, итоги которого были отправлены всем членам комиссии по электронной почте.

III. Симпозиум проекта *Andrić-Initiative* «Рассказ Иво Андрича» (Сокобаня, Сербия)

Организатором традиционных научных встреч исследователей творчества Нобелевского лауреата сербского писателя Иво Андрича является член Стилистической комиссии МКС, руководитель проекта «*Andrić-Initiative*: Иво Андрич в европейском контексте» профессор **Бранко Тошович**.

На фото проф. Б. Тошович и А. Вониш

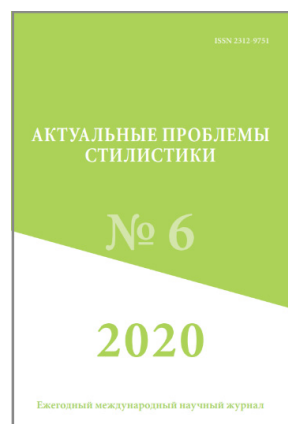
В 2021 г. научное мероприятие пройдет с 14 по 17 октября в онлайн-формате, очный формат симпозиума в Сокобане планируется провести 19–22 октября 2022 г. Место проведения симпозиума выбрано неслучайно: здесь любил проводить время сам писатель. В 1973 г. писатель Иво Андрич писал о Сокобане: «Я боюсь, это место станет знаменитым. Мир ворвется, и мне придется сбежать отсюда и попытаться найти новый сна. Но где еще я могу найти такую красоту и покой?» (<https://womanadvice.ru/sokobanya>). Иво Андрич посещал Сокобаню ежегодно, здесь он работал и над своим самым известным романом «Мост на Дрине».

В списке участников симпозиума в нынешнем году представители Австрии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии, России, Сербии, Турции, Украины, Хорватии, Черногории. Предметом обсуждения станут филологические и культурологические исследования рассказов Иво Андрича. Прекрасным подарком к открытию симпозиума стала книга члена Стилистической комиссии **Перины Мейч** «Поэтика Андрича», которая вышла в свет в 2021 г.

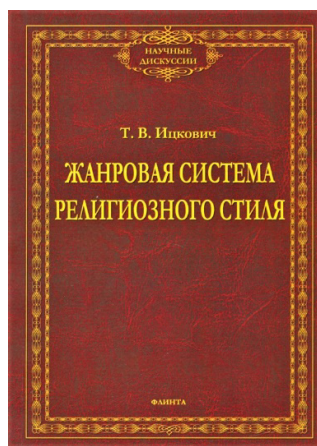
www.soko-banja.org

IV. Издательская деятельность

В 2021 г. вышел шестой номер журнала Стилистической комиссии МКС «Актуальные проблемы стилистики», где был представлен отчет за 2020 г. В журнале опубликованы научные статьи проф. **С. Гайды** о «харизматическом стиле», проф. **Я. Гоффманновой** о медиальной популяризации лингвистики, отчет **О. И. Северской** о Третьих Григорьевских чтениях (Москва, ИРЯ РАН, 12–14 марта 2020 г.) и др.

[Актуальные проблемы стилистики. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2020. – №6.]

Монография доктора филологических наук **Т. В. Ицкович** «Жанровая система религиозного стиля» посвящена систематизации жанров религиозного функционального стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях с учетом их культурно-исторического и текстуального генезиса.

[Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля. – Москва: Флинта, 2021].

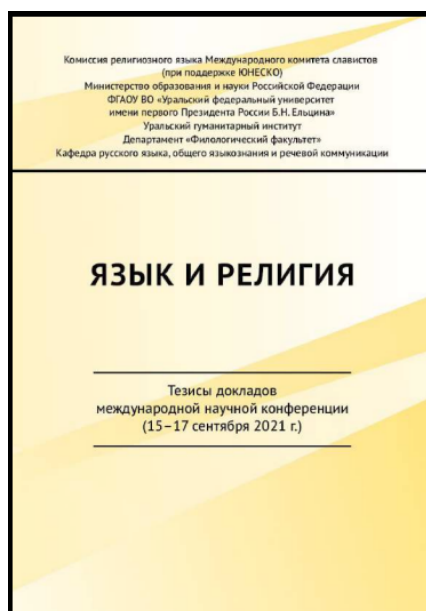
Монография проф. **П. Мейч** «Поэтика Андрича» стала результатом большого исследования художественного стиля известного писателя, лауреата Нобелевской премии Иво Андрича.

[Meić, Perina. Andrićeva poetika. Iza kulisa ispriповijedanog. Rijeka, 2021. Matica Hrvatska u Rijeci, Studio TiM].

К юбилею профессора, доктора философии **Я. Гоффманновой** вышел в свет коллективный труд ее коллег, в котором представлены разделы, посвященные общим вопросам теории стиля, основным стилистическим направлениям исследований (тексты письменные и устные, художественные и медийные), стилистическим особенностям текстов на разных уровнях языка (морфология, синтаксис, лексикология), а также в смежных дисциплинах (социолингвистика).

[Jak je důležité míti styl. Poeta Janě Hoffmannové. Praha:NLN - Nakladatelství Lidové noviny, 2021].

В сборник вошли тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции «Язык и религия» (Екатеринбург: УрФУ, 2021). Авторы научных материалов представили исследования ценностей религиозной культуры в восприятии современного человека, религиозной картины мира в художественных и медийных текстах, рассмотрели вопросы религиозной идентичности и т.п.

[Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.) / Отв. ред. Т. В. Ицкович. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2021].

В учебнике в разделе I в простой, доступной форме излагаются нормы и стандарты официально-делового стиля, жанровые шаблоны, правила подготовки документов, ос-

новы деловой этики. Освещаются аспекты деловой коммуникации, которые при всей важности не нашли отражения в пособиях аналогичной тематики. Это сведения о проблемах адекватного понимания информации, работе с деловой терминологией, дается также оценка делового жаргона. Особое внимание уделяется формам компрессии информации в деловом тексте. Теоретические положения проиллюстрированы актуальными примерами из различных областей институциональной коммуникации.

В разделе II предлагается система упражнений для работы с голосом как главным инструментом делового общения. Это выработка хорошей дикции и навыков правильного чтения, упражнения для овладения основными правилами русской орфоэпии. Даются рекомендации по подготовке к успешному устному выступлению. Рассматриваются особенности построения фразы, длина словосочетания, контактоустанавливающие средства, риторический потенциал воздействующей речи, работа со специальной лексикой и цифровой информацией.

Соответствует требованиям федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования последнего поколения.

Для студентов бакалавриата, обучающихся по специальностям, связанным с менеджментом.

[Коньков В. И., Сурикова Т. И. Лингвистические основы деловой коммуникации. – М.: ИНФРА-М, 2021].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бенева Юлиана – аспирант философского факультета Университета Коменского в Братиславе; e-mail: benova53@uniba.sk

Богунница Алена – кандидат филологических наук, доцент кафедры словацкого языка философского факультета Университета Коменского в Братиславе; e-mail: alena.bohunicka@uniba.sk

Быкова Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: e.bykova@spbu.ru

Василькова Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: n.vasilkova@mail.ru

Васильченко Мария Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: maria.a.vasilchenko@gmail.com

Вешикова Ирина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: irinavmgu@gmail.com

Гадомский Александр Казимирович – хабилитированный доктор гуманитарных наук в области языкознания, доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков Института языкознания Опольского университета (Польша); e-mail: akazsimf@mail.ru; akazsimf@wp.pl

Гайда Станислав – доктор филологических наук, профессор кафедры польской филологии Опольского университета (Польша); e-mail: stgajda@uni.opole.pl

Ицкович Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета; e-mail: taniz0702@mail.ru

Касперова Лариса Тазретовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: latael@mail.ru

Клушина Наталья Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: nklushina@mail.ru

Ковалёв Валерий Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи института философии Луганского государственного университета имени Владимира Даля; e-mail: kovalev477@gmail.com

Ковалёва Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор Российского нового университета; e-mail: kna13@yandex.ru

Кожарнович Марина – кандидат филологических наук, научный ассистент кафедры словацкого языка философского факультета Университета Коменского в Братиславе; e-mail: maryna.kazharnovich@uniba.sk

Кочай Мир Сахиб Джан – кандидат педагогических наук, профессор кафедры русского языка Кабульского университета (Афганистан); e-mail: m.kochai@mail.ru

Лопухина Наталия Сергеевна – старший преподаватель кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: lopuh05@yandex.ru

Лопухов Семен Валерьевич – магистр журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: semlor@mail.ru

Милашин Горан – магистр сербского языка и литературы, старший сотрудник кафедры сербистики филологического факультета Университета в Баня-Луке (Республика Сербская / Босния и Герцеговина); e-mail: goran.milasin@flf.unibl.org

Москвин Василий Павлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: vasmoskvin@yandex.ru

Пищичина Веслав – доктор богословских наук, профессор кафедры гомиластики и религиозной коммуникации Папского университета Иоанна Павла II в Кракове (Польша); e-mail: wieslaw.przyczyna@urjp2.edu.pl

Северская Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН; e-mail: oseverskaya@yandex.ru

Синельникова Лара Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской, украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии, филиала Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в Ялте; e-mail: Prof.sinelnikova@gmail.com

Смирнова Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: smirnovanv@yandex.ru

Сурикова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: surikova.t.i@gmail.com

Тантуровска Лидия – доктор филологических наук, профессор / научный сотрудник Института македонского языка имени Крсте Мисиркова в Скопье при Университете имени Кирилла и Мефодия (Македония); e-mail: lidijatanturovska@yahoo.com

Тошович Бранко – доктор филологических наук, почетный профессор Института славистики Университета Карла и Франца в Граце (Австрия); e-mail: branko.tosovic@uni-graz.at

Файзуллина Ольга Робертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений Казанского федерального университета; e-mail: olgafazyullina@mail.ru

Хазазеров Георгий Георгиевич – доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); e-mail: khazagerov@gmail.com

Ширинкина Мария Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: m555a@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Beňová Juliana, Graduate Student, Faculty of Arts, Comenius University in Bratislava, e-mail: benova53@uniba.sk

Bohunická Alena, Candidate of Philology, Associate Professor. Department of Slovak Language, Faculty of Arts, Comenius University in Bratislava; e-mail: alena.bohunicka@uniba.sk

Bykova Elena Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Institute “Higher School of Journalism and Mass Communication”, Saint Petersburg State University, e-mail: e.bykova@spbu.ru

Fayzullina Olga Robertovna, Candidate of Philology, Associate Professor. Kazan Federal University, Institute of International Relations, Department of Foreign Languages in the Sphere of International Relations, e-mail: olgafazyullina@mail.ru

Gadomski Aleksander, Doktor Habilitowany of Arts in Linguistics, Doctor of Philology, Professor, University of Opole (Poland), Institute of Linguistics, Department of Slavic Languages, e-mail: akazsimf@mail.ru, akazsimf@wp.pl

Gajda Stanislaw, Doctor of Philology, Professor, Opole University, Poland, e-mail: stgajda@uni.opole.pl

Itskovich Tatyana Viktorovna, Doctor of Philology, Docent, Professor, Ural Federal University, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, e-mail: taniz0702@mail.ru

Kasperova Larisa Tazretovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: latael@mail.ru

Kazharnovich Maryna, Candidate of Philology, Scholarly assistant. Department of Slovak Language, Faculty of Arts, Comenius University in Bratislava, e-mail: maryna.kazharnovich@uniba.sk

Khazagerov Georgii Georgievich, Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: khazagerov@gmail.com

Klushina Natalia Ivanovna, Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: nklushina@mail.ru

Kochai Mir Sahib Jan, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Kabul University (Afghanistan), Department of Russian Language, e-mail: m.kochai@mail.ru

Kovalyov Valeriy Ivanovich, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Vladimir Dal Lugansk State University, Institute of Philosophy, Department of Russian Language and Culture of Speech. e-mail: kovalev477@gmail.com

Kovalyova Natalia Anatolievna, Doctor of Philology, associate professor, Professor of Russian New University, e-mail: kna13@yandex.ru

Lopukhina Natalia Sergeevna, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: lopuh05@yandex.ru

Information about the authors

Lopukhov Semen Valeryevich, Master of Journalism, Lomonosov Moscow State University, e-mail: semlop@mail.ru

Milašin Goran, Master of Serbian Language and Literature, Senior Teaching Assistant, University of Banja Luka, Faculty of Philology, Department of Serbian Philology (Republic of Srpska / Bosnia and Herzegovina), e-mail: goran.milasin@flf.unibl.org

Moskvin Vasily Pavlovich, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russian Language Department, e-mail: vasmoskvin@yandex.ru

Przyczyna Wiesław, Doctor of Theology, professor of the Department of Homiletics and religious communication, Pontifical University of John Paul II in Krakow (Poland), e-mail: wieslaw.przyczyna@upjp2.edu.pl

Severskaya Olga Igorevna, Candidate of Philology, Leading Researcher, Russian Language Vinogradov Institute, RAS, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, e-mail: oseverskaya@yandex.ru

Shirinkina Maria Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department, Perm State University, e-mail: m555a@yandex.ru

Sinelnikova Lara Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Academy of the Humanities and Pedagogics (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russian and Ukrainian Philology and Teaching Methods Department; e-mail: Prof. sinelnikova@gmail.com

Smirnova Nadezhda Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: smirnovanv@yandex.ru

Surikova Tatiana Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: surikova.t.i@gmail.com

Tanturovska Lidija, Doctor of Philology, Professor / Scientific Advisor, Institute of Macedonian Language "Krstе Misirkov", Ss Cyril and Methodius University, Skopje (Macedonia), e-mail: lidijatanturovska@yahoo.com

Tosovic Branko, Doctor of Philology, Professor Emeritus, University of Graz (Austria), Department of Slavic Studies, e-mail: branko.tosovic@uni-graz.at

Vasilchenko Maria Alexandrovna, Candidate of Philology, Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: maria.a.vasilchenko@gmail.com

Vasilkova Natalia Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: n.vasilkova@mail.ru

Veshchikova Irina Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: irinavmgu@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Актуальные проблемы стилистики» издается факультетом журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова при участии Стилистической комиссии Международного комитета славистов.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

Объем статьи – 20000–30000 знаков, включая пробелы. Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов), в формате Word, например: Ivanov.doc

Статьи просим высылать на адрес электронной почты журнала **apstil@yandex.ru** до **31 мая 2022 года**.

Необходимые данные

1. Обязательные сведения об авторе (авторах):

- фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке);
- полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- адрес электронной почты для каждого автора;
- корреспондентский почтовый адрес и телефон для контактов с авторами статьи.

2. Название статьи приводится на русском и английском языках.

3. Аннотация (8-10 строк) приводится на русском и английском языках.

4. Ключевые слова (не более 10) приводятся на русском и английском языках.

5. Тематическая рубрика – код УДК

Требования к оформлению статьи:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman, формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – 2 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывается;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в круглых скобках, например: (Виноградов 1947: 33);
- список литературы располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала литература на русском языке, затем на иностранном). Например:

Литература

1. Барт Р. Мифологии. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996. – 314 с.
2. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. «Свое – чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. – 1995. – № 1. – С. 93–116.
3. Кондаков И. В. От литературоцентризма – к медиацентризму. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=566.
4. Петрухин В. И. Коммуникативные стратегии и тактики российского политического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 185 с.
5. Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 230 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

Ежегодный международный научный журнал

№7, 2021

Редакторы *Н. И. Демидова, Н. А. Примаченко*
Дизайн и компьютерная верстка *Е. Н. Сиротиной*

Подписано в печать 30.11.2021 Формат 60x84/8.
Гарнитура «Minion Pro». Объем 33,25 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова